

МАНИФЕСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

МАНИФЕСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Книга четвертая

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ И РЕШЕНИЕ
НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-40

Оформление
Александр Шукин

Подписано в печать 26.10.2014.
Гарнитура «Ньютон». Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 25.
Тираж 2500 экз. Заказ № 3686.

Оджалан, Абдулла.

О-40 Кризис цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке и решение на основе принципов демократической цивилизации. Книга 4 / Абдулла Оджалан. М.: Издательство Академии социальных наук, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-905629-99-0

Вашему вниманию предлагается четвертый том пятитомного издания освещающий (анализирующий) процессы зарождения мировой цивилизации и предлагающий свой путь развития демократического общества.

ISBN 978-5-905629-99-0

© Оджалан А., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Вступление	15

Часть первая.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН	28
---	-----------

Часть вторая.

КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ В ОБЩЕСТВЕ

БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	59
--	-----------

1. Проблема женщины на Ближнем и Среднем Востоке	62
2. Проблемы племен, этносов и народностей	64
3. Проблемы религий и конфессий	66
4. Проблема города и окружающей среды	69
5. Проблема классовой иерархии, семьи, власти и государства	74
6. Проблемы нравственности, политики и демократии в обществе Ближнего и Среднего Востока ...	80
7. Экономическая и идеологическая проблема в обществе Ближнего и Среднего Востока	84
8. Проблемы революции в обществе Ближнего и Среднего Востока	90

Часть третья.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ	94
---	-----------

A. Кризис цивилизации и внутренние поиски решения	102
B. Борьба родо-племенных структур, народностей (этносов)	109
a. Борьба и наступление племен семитского происхождения	111
б. Борьба и наступление хурритов	115
в. Борьба и наступление урало-алтайских племен	124
B. Религиозное сопротивление, или классовая борьба в системе централизованных цивилизаций	135
a. Классы и религиозность	137
б. Появление авраамических религий	143
в. Христианство и классовая борьба	156
г. Борьба Зороастра: нравственность против цивилизации	164

- д. Борьба и агрессия ислама: Война среднего класса (торговцев)
  - в период феодализма 168
- е. Историческая роль авраамистических религий 195

Часть четвертая.

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА И НОВЫЕ ГЕГЕМОНИСТСКИЕ СИЛЫ
В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 201**

- А. Исторический и социальный смысл европейской революции 203
  - а. Война Венеции за гегемонию 208
  - б. Эпоха перехода от города-государства к национальному государству.
Опыт Амстердама в Голландии 210
  - в. Опыт Лондона в Британии и империя,
«над которой никогда не заходит солнце» 216
- Б. Конструктивный потенциал современной Европы 231
  - а. Капитализм 235
  - б. Национальное государство 239
    - 1. Национальное государство, границы и родина 242
    - 2. Однородное национальное общество национального государства 243
    - 3. Центры натурализации граждан национального государства 244
    - 4. Бюрократия национального государства 245
    - 5. Национальное государство и сексизм 245
    - 6. Национальное государство и национализм 247
    - 7. Национальное государство, власть и фашизм 249
    - 8. Национальное государство, нравственное и политическое (демократиче-
ское) общество 250
    - 9. Национальное государство, гражданское общество и окружающая среда . .
252
    - 10. Национальное государство, наука, искусство и истина 253
      - в. Промышленный переворот 255
        - 1. Индустриализм и разрушение сельской общины 259
        - 2. Индустриализм и отрицание города 264
        - 3. Индустриализм и национальное государство 265
        - 4. Индустриализм и фашизм 266
        - 5. Индустриализм, женщина и семья 267
        - 6. Индустриализм и экология 268

7. Индустриализм, наука и СМИ.....	269
В. Кризис современного капитализма и возможные решения.....	270
а. Соединенные Штаты Америки	272
б. Евросоюз.....	272
в. Япония.....	273
г. Китай	274
д. Индия.....	274
е. Латинская Америка	275
ж. Африка	275
з. Ближний и Средний Восток.....	276

Часть пятая.

КРИЗИС В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

А. Точная характеристика жизни в регионе	
Ближнего и Среднего Востока	279
а. Жизнь.....	280
б. Социальная жизнедеятельность	283
в. Общественная иерархия и государство	286
1. Городское общество.....	287
2. Классовое общество.....	287
3. Эксплуататорское общество.....	287
4. Воинствующее общество.....	288
г. Социальная идентичность.....	288
1. Родо-племенная идентичность.....	289
2. Народная идентичность.....	289
3. Национальная идентичность.....	289
д. Общественная святость.....	290
1. Божества.....	290
2. Пророки.....	291
3. Мудрецы, сказители.....	291
4. Священные предметы, фетиш.....	292
е. Социальная истина и ее утрата	292
1. Эпоха общественных родо-племенных кланов.....	294
2. Эпоха сельской общины.....	294
3. Эпоха городов и цивилизованного общества.....	295
ж. Социальная истина и формы ее отчуждения	296

з. Истина и отчуждение в современном капитализме	300
Б. Гегемонистское нашествие современного капитализма и кризис на Ближнем и Среднем Востоке	315
В. Модель современной демократии на Ближнем и Среднем Востоке	338
а. Экономическое общество как противовес капитализму	350
б. Экологически-экономическое общество в противовес индустриализму	363
в. Нравственное и политическое общество как противовес национальному государству	375
г. Демократия как антагонизм (противостояние) капитализму на Ближнем и Среднем Востоке.	390
Г. Некоторые актуальные проблемы общества Ближнего и Среднего Востока и возможные пути их решения	402
1. Проблемы наций, составляющих большинство и меньшинство, а также возможности их решения	404
2. Проблемы социальных классов и бюрократии	424
3. Проблема иерархии, власти, государства и революции	427
4. Проблемы упадка городов, среднего класса и сельского общества Ближнего и Среднего Востока и пути решения.	432
5. Местные, региональные проблемы и решение в концепции демократической нации.	438
6. Проблема женщин, династий, семьи и женская революция на Ближнем и Среднем Востоке.	441
7. Как жить, что делать и с чего начать?	451
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	 459

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой части своей Защитной речи я исследую культуру Ближнего и Среднего Востока. Без осознания этой культуры, постоянно игравшей роль очага в глобальной истории человечества, осознание личностью собственной сущности будет не только крайне поверхностным, но и окажется бессмысленным. Надо понять то, что даже современная гегемонистская культура Европы в основе своей является вариацией культуры Ближнего и Среднего Востока. Несмотря на то что европейская цивилизация продемонстрировала развитый научный этап, культура Ближнего и Среднего Востока и по сей день играет здесь судьбоносную, определяющую роль. Неслучайно и то, что на ум в первую очередь приходят именно эти две культуры, когда говорят о современных столкновениях и согласии между культурами и цивилизациями. Эти определения в некоторой степени означают оправдание понятия центральной цивилизации.

Во всех предыдущих разделах своего труда я старался охарактеризовать универсальность. Раздел, посвященный Ближнему и Среднему Востоку, мог найти свое выражение только в рамках универсального миропонимания. Ближний и Средний Восток в принципе является артерией этого самого универсального мироздания.

История и культура личности могут обрести смысл только в рамках этой универсальности. Говоря о личности, я подразуме-

ваю особенности, таящиеся в широкой панораме от конкретной личности до целой нации. Я приложил массу усилий для того, чтобы охарактеризовать самого себя как личность. Углубляясь в этот процесс, я все лучше и лучше осознавал то, что универсальности не избежать. Я не сомневаюсь в том, что либерализм является неким мифическим продуктом, который не может убедить личность даже на уровне древних мифов. С другой стороны, идеи самых жестких социальных коллективов, стремящихся, напротив, поглотить личность, тоже являются мифическими. Здесь я должен повторить свое старое мнение: личность постоянно обладает потенциалом, помогающим ей разобраться в истории. Личность является продуктом истории, конкретным состоянием истории и ее сегодняшним днем. Конечно же, я упоминаю об истории в общественно-историческом смысле.

Первый и наиболее значительный вывод, сделанный мной из истории, которую я пытаюсь охарактеризовать, заключается в том, что невозможно обрести облик человека, не осознав общество и не разобравшись в обществе, членом которого являешься, пусть это даже общество находится на уровне клана. Отрицание и насильственная ассимиляция постоянно присутствуют в обществе. Это и является тем самым фундаментом, источником, на котором происходит процесс потери смысла. Личности и общества, прошедшие через этот процесс, можно назвать по меньшей мере негативными личностями и обществами. На мой взгляд, тяжело их назвать людьми.

Мое убеждение по поводу того, что реальность носит общественный характер, постоянно растет. Только придавая смысл общественному источнику реальности, человек может достичь наивысшего предела познаний, поэтому избегать общества означает избегать смысла и мудрости. Настойчивое стремление либерализма избежать социума связано как с поверхностным подходом к действительности, так и с реалиями, скрытыми в природе капитализма, а также тем, что либерализм является идеологическим выражением капитализма. Последовательно растущая потребность капитализма и находящегося под его гегемонией

общества в рекламе и лжи опять же подчеркивает эту сторону действительности.

Как мое теоретическое развитие, так и моя роль в практической реализации политического развития все больше и больше подчеркивают проясняющую роль Защиты. Очень хорошо известно то, насколько трудными являются условия моего заточения, и насколько нелегко проходит мое пребывание в тюрьме. Ответ, который я мог бы дать на вопрос о том, как я собираюсь пережить эти условия, опять же будет в форме следующего выражения: я просто переживаю процесс заключения в застенки моей социальной действительности. Я полностью осознаю то, что даже при всем моем желании и даже если передо мной зацветут райские кущи, я не смогу свободно жить в условиях этой действительности. Те, кто утверждают, что нормально живут, должны быть уверены в том, что, мягко говоря, занимаются самообманом. Естественно, исторические и актуальные причины несвободы общества требуют длительного диалектического разъяснения. Очень важно познать этот смысл. Только после такого познания мы можем перейти к освободительному походу во времени и пространстве. Этот поход насколько внутренний, настолько же внешний, насколько личный, настолько же и общественный.

Задаваясь частыми вопросами о собственной жизни, я постарался осмыслить ее в ракурсе сопротивления, бегства или наблюдения в процессе принятия этой жизни. Ясно, что моя Защитная речь — это ничто иное, как повествование об этой жизни. Я уверен в том, что моя жизнь очень интересна и поучительна. Но гораздо важнее то, что на практике моя жизнь развивается вместе с моим обществом. Я уверен в том, что невозможна какая-либо иная форма освободительной борьбы, а если и возможна, то это будет разновидностью освободительной борьбы.

На уровне личности и общества мы обрели свое существование в колыбели Ближнего и Среднего Востока — Месопотамии, являющейся ядром централизованной цивилизации. Этот поток цивилизации, похожий на воды Евфрата, постоян-

но усиливая мой интерес, буквально приковывает к себе. И это мне не надоедает. Ясно, что источником всех реалий являются человек и общество, которые чрезвычайно слились воедино с собственной геологией, растительным и животным миром. При помощи этих реалий я собираюсь искать смысл не только для самого себя, благодаря этому я осознаю всех людей, все человечество в наиболее совершенной позиции и во времени. Данная часть моей Защитной речи больше прослужит именно этой стороне действительности. Думаю, не менее значительным и волнующим является осознание внутренней связи с Моисеем, Иисусом, Мухаммедом, которые бежали от фараонов и нимродов, возвращались и боролись; это — осознание сути их посланий.

По сей день я нахожусь под наблюдением и под арестом у этой самой централизованной цивилизации. Я и избегаю ее, и борюсь с ней. Очень важно актуализировать повествование о сопротивлении моего земляка Авраама Немроду. Это — вызывающая уважение особенность религии. Другой стороной действительности являются геноцид и война, порожденные европейской цивилизацией. Национальное государство, индустриализм и капитализм путем эксплуатации подвели природу и общество Ближнего и Среднего Востока едва ли не к пропасти полного самоуничтожения. Моя Защитная речь должна раскрыть и эти реалии. Если суть действительности такова, то фактические, политические и личностные обстоятельства могут стать только литературно украшенной стороной дела.

У меня всегда вызывала сомнение возможность изложения моей Защитной речи на почве феномена тюркизма. Очень важно было осознать то, что мерила истины национальных факторов Ближнего и Среднего Востока, как единое целое, предельно бедны и построены в отрыве от исторического фундамента. Региональные формы национального государства — это не просто продукт капиталистической гегемонии (Европы), но и острое искажение общественной истории, следовательно, они по своему смыслу обеспечивают процесс отрицания большей части истины.

Процесс моего заточения в Имрали с начала и до конца срежиссирован и проходит под контролем США-ЕС (современные официальные представители европейской цивилизации). Роль, отводимая феноменам тюркизма, может иметь смысл только в том случае, если ей будет дана оценка именно в этом ракурсе. Я стараюсь сделать именно так. Вынося решение о повторном суде, ЕСПЧ частично признает ту действительность, которую я пытаюсь охарактеризовать. Не осмелившись приступить к повторному суду, турецкий судебный феномен вернул дело Совету министров ЕС, фактически продемонстрировал аналогичную позицию (частичное признание действительности). Совет министров снова вернул мое дело ЕСПЧ. Следовательно, мое дело попало в порочный круг или попросту никого не интересует. Около десяти лет я не могу дождаться честного и правильного суда ни в Римском уголовном или кассационном суде, как это изначально представлялось, ни в Страсбургском суде ЕСПЧ. Но гораздо более ужасающим является то, что на фоне прото-гуантанамского развития событий, начавшихся, когда правительство Греции (Симитис), поправ все национальные права и право ЕС, организовало мой отъезд в африканскую Кению, Афинский суд не предпринял совершенно никаких шагов, продолжая придерживаться своих позиций. Афинский кассационный суд решил, что пересечение мной границы Греции не является преступлением, поскольку я использовал свое право беженца. В соответствии с этим решением я все еще пребываю в пределах территории и в правовом поле Греции. Что же касается реальности, то продолжает иметь место жесточайшее преследование со стороны натовской организации «Гладио», и меня продолжают держать в клетке прото-гуантанамской тюрьмы на одного человека на острове Имрали. Ко мне применяется режим, выходящий за рамки всех инструкций, законов и Конституции страны, применяемых в отношении всех осужденных и арестованных Турции.

Именно по этой причине я должен осветить социально-политические, следовательно, исторические и экономические реалии, стоящие за этим противоправным чудовищем века. Еще

раз станет ясно, что в моем лице осуждается не только один народ, но и всемирная история. Европейская официальная цивилизация, являющаяся двигателем всемирной истории, должна набраться смелости и начать в своем суде расследование по моему делу, основываясь на всех реалиях. ЕСПЧ обязан выполнить свои функции и больше не затягивать решение по моему делу.

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы знаем, что Карл Маркс хотел развить свой «Капитал» в качестве произведения-примера для того, чтобы поставить философию Гегеля с головы на ноги. Для этого он двояко пользовался мышлением своего времени. В первую очередь, он хотел на почве эволюционной теории Дарвина развить теорию прямолинейного прогрессивного общественного развития. Это и есть первая артерия той опоры, на которой зиждется материалистическое крыло позитивистской философии. Под понятием «познание» он взял от Гегеля диалектику, способствовавшую созданию цельной и самой совершенной государственной теории «сильного и хитрого человека». Маркс посчитал, что, переложив роль господина в дилемме «господин-раб» на раба (работника), распространит на них свою философию. Таким образом, он совершенно искренне поверил в то, что при помощи левого гегельянства под названием «диалектического материализма» встал на путь истины, создал «социальную науку», по меньшей мере серьезное начало для этого. Что касается его обращения к французскому утопическому социализму и английской политэкономии, то все это было на втором плане. То, что французский социализм является максимальным светским республиканством, а английская политэкономия — это капиталистический либеральный индивидуализм, стало ясно в результате диалектического развития.

Философия Гегеля очень важна и не потеряла своей актуальности и по сей день. Являясь философией капиталистического накопления и силовой формы, она действительно находится на высоте. Это последнее слово системы. Что касается более позд-

них инсинуаций от имени правой и левой философий, то это не больше, чем программа и пропаганда детальной работы. Сюда же входят различного рода идеологии марксизма, либерализма и консерватизма. Философия Ф. Ницше — это отдельная школа. По моему личному убеждению, по отношению к мракобесию капиталистической системы Ницше действительно стал первопроходцем тропы мятежа. В качестве системы свободы его философия далека от законченности. После Второй мировой войны французская философская школа опробовала эти функции, но успехи ее имели ограниченный характер.

По сегодняшний день актуальной и фундаментальной идеологической задачей является сведение счетов с гегельянством на почве осознания Гегеля. Наряду с пользой, извлекаемой из философии Ницше и французской школы, существует необходимость в более творческих философских разработках. Гегель старается осмыслить национально-государственную форму, которую получила власть в лице Наполеона, как конец политической истории. Эзоповым языком он пытается пояснить, что в образе Наполеона на землю спустилось национально-государственное божество, которое тем самым приняло человеческий облик или состоит из человека, и умерло (приняв человеческий облик). Эти тезисы представляют собой значительные идеи. Они должны быть раскрыты вновь и с особой значимостью.

Первостепенная роль Гегеля заключается в том, что он собрал все материальные и нравственные выражения культуры, сказания (религия, искусство, наука и философия) предшествовавшего ему периода и синтезировал их. Поскольку работа, проведенная в 1800-е годы, стала краеугольным камнем философии национального государства, она отразила завершение массовости. Эта история вместе с тем является историей утверждения гегемонии Запада. Феномен, называемый промышленным переворотом, тоже несет на себе отпечаток этого периода. С тех пор прошло около двухсот лет. Гегемония европейской цивилизации готовится к тому, чтобы посредством глубокого мирового кризиса оставить позади финансовую эпоху, ставшую третьей масштабной волной глобализации. Капиталистическая гегемония, называемая тор-

говым капитализмом и колониализмом (XV–XVIII вв.), развитым индустриальным капитализмом и империализмом (XIX в.), финансовым капитализмом и глобализмом (XX в.) и внутренне поделенная на стадии, уже должна быть превзойдена в сферах выражения материальной и моральной культуры Гегеля (религия, искусство, философия и наука). Последние финансовые кризисы (2000-е годы) стали структурным банкротством капитализма. Для того чтобы это было так, не хватает антигегелевской философии и практической политической борьбы.

Я ни в коем случае не преуменьшаю критики и акций, выдвинутых историей последних двух столетий против материальной и духовной культуры пятидесяти вековой центральной цивилизации. Сюда же входят социализм, анархизм и различного рода культурная борьба. Последние экологические и феминистские течения заслуживают особого внимания, но если невиданный в истории грабительский режим, поддерживаемый на бумаге и ставший угрозой для растительного и животного мира, даже для всей атмосферы, до сих пор продолжает свое существование в виде самоуверенного мракобесия. Даная ситуация только подтверждает существование серьезных недостатков и ошибок в противоположном стане. Ни один из периодов истории человечества не был столь уязвим перед жестокостью и эксплуатацией.

Культура Ближнего и Среднего Востока, испытывавшая гегемонию европейской цивилизации, постоянно развивающейся на протяжении последних двух столетий, находится на пути к самоубийству, что гораздо хуже полного разложения. Это отнюдь не преувеличение. Ежедневное самоубийство этой культуры, наблюдаемое во всех сферах ее влияния от Индии, Китая и Афганистана до берегов Атлантического океана, стало реальностью. Объяснить все происходящее может не скудость или обилие действий, а анализ культуры, лежащей в их основе. Традиционные культурные пояснения (монотеистические авраамические религии) и ориенталистские тенденции западной цивилизации не обладают той силой, которая могла бы объяснить кризис или самоубийство ближневосточной культуры, хотя они сами явля-

ются и причиной, и следствием, и фрагментом этого кризиса и самоубийства.

Этот мир, называемый со времен имама Газали (умер в 1111 году) исламом, а, на мой взгляд, являющийся пропагандистским заявлением, оставил вышеупомянутую философию. Вместо этого появились бесчисленные феномены в форме узурпации, убийств и управления обществами посредством войн, имеющих целью экспроприацию принадлежащей обществу прибавочной стоимости, что и по сей день сконцентрировано в рамках деспотического государства.

Развивая философию государства, Гегель берет за основу авторитарно-политическое мышление и образования, имевшие место на всем протяжении от греческих городов-государств до наполеоновского национального государства. С точки зрения методики правильнее было бы развивать на Ближнем и Среднем Востоке философию государства, имея в виду не греческие города-государства, а город-государство Урук. Даже очень ограниченного восприятия было достаточно для того, чтобы поддаться волшебству легенд о богине города-государства Урук Инанне и царе Гильгамеше. Философских учений Сократа и Аристотеля, направленных на спасение города-государства Афины, явно недостаточно для объяснения феноменов власти и иерархии. Несмотря на магическую суть, философия Гегеля смогла оправдать только существование национального государства. Эта недостаточность подтверждается тем, что капиталисты, являющиеся и собственным детищем, и хозяином национального государства (по меньшей мере его классической формации), стали воспринимать его как препятствие, которое необходимо устранить, а также направленной на это их практикой.

Распознавание недостатков в марксистском толковании философии права и государства Гегеля (государственное право), несомненно, очень важно и положительно. Но по-настоящему заставляет задуматься и извлечь уроки тот факт, что ответ на эту философию был дан в форме «недостатка недостатков». Ответ подразумевает не преодоление влияния гегельянства, а продолжение его учения. Превращение раба в господина и освобож-

дение от господина в диалектике взаимоотношений *хозяин—раб* оценивается как социализм и коммунизм. На первый взгляд, этот вариант решения предполагает общество без классов, соответственно, без эксплуатации, но когда заходит речь о том, при помощи каких средств происходит это отчуждение, ответом становится ничто иное, как более плановый, рациональный государственный капитализм. Но это же коллективный капитализм, более отсталый и загнивающий, чем социализм фараонов! Как защитники, так и критики марксизма, несмотря на крупные эрудированные прослойки в их рядах, и по сей день продолжают нести этот самонадеянный бред.

Получение подобных результатов становится понятным по следующим двум значительным причинам, находящим свое практическое подтверждение, куда, в первую очередь, входят советский и китайский опыты строительства социализма. Первая причина заключается в позитивистском построении теории труда и стоимости. Она принимается за основу для измерения реальной стоимости труда, потраченного работником в течение одного рабочего дня. Нет исторической и общественной ипостаси такого работника. Феномен под названием «работник» — это нереализованный человек. Точнее, он не реализовался так, как это сказано (определение капитала). Нет такой реализации человека-личности. Если личность есть явление общественное, то работник ни в коем случае не сформируется так, как это показано в «Капитале». Для того чтобы марксистская теория труда и стоимости могла выразить реальность, прежде всего необходимо, чтобы личность перестала быть социальной. Все социологические исследования, проводившиеся по сегодняшний день, подтверждают то, что личность не может реализоваться без социума, и даже более того.

Повторяя эту простую истину, я испытываю сильный гнев. Если личность социальна и в силу своего социального характера еще и исторична, тогда применение замеров к труду и стоимости (зарплата, прибыль, рента, проценты и т. п.) невозможно, потому что невозможно измерить, когда и при помощи аккумуляции чьих трудов был создан социум. Именно поэто-

му становятся невозможными качественные и количественные характеристики конструктивных трудов, включенных в рамки общества, точнее, их измерение. Несомненно, формируясь путем постоянной социализации личных усилий, количественные и качественные параметры которых не поддаются измерению, общество, давая любой своей личности, например, работнику, часть этого концентрированного и структурированного труда, фактически очеловечивает эту самую личность. Взять, к примеру, институт семьи. Даже всей письменной истории будет недостаточно для того, чтобы установить цену не только вынашиванию матерью своего ребенка и его воспитания. Если мы хотим найти справедливое мерило данного труда, для этого потребуется дать оценку всем общественным приключениям рода человеческого.

Вот что меня поражает: как же получилось, что столько философов, утверждающих о том, что являются сторонниками труда, так и не сделали эту простую истину предметом своих размышлений, а если порой и размышляли об этом, то так и не смогли сделать основательные справедливые выводы? Можно констатировать то, что обычный материнский труд гораздо дороже сорокалетнего труда работника. Как же мы сможем рассчитать и оплатить деятельность истории, философии, религии, искусства, науки, которые породили личность, коей является работник? Во всяком случае, невозможно будет ускользнуть, мотивируя тем, что хозяев уже нет в живых. То, что люди, вкладывающие труд, бессмертны, является, во всяком случае, одной из фундаментальных идей социализма. В таком случае проблема работника и оплаты его труда даже в свете этих кратких определений не пойдет дальше мифического утверждения.

Именно поэтому ближе всего к истине стало бы толкование позитивистской философии в ее наиболее грубом позитивистском материалистическом состоянии не иначе, как пустой метафизики. В этой категории необходимо развернуть глубокую критику и самокритику в отношении марксистской позитивистской «социологии». В данном ракурсе перед нами раскрывается фундаментальная роль социальной нравственности. Нравственность

всегда представляла собой весы правосудия для общественного труда, никак не соизмеряющегося с хорошими и плохими социальными нормами. И это правильнее всего. Ограниченность марксистской теории нравственности тесно связана с пониманием труда, а также ценности и оплаты труда. Именно поэтому становится более понятным и является одним из значительных элементов критики то, что скудость нравственного фундамента сыграла определяющую роль в столь легком распаде социалистической системы. Очень важно установить, что путь к освобождению общества от капитализма пролегает не через профсоюзы и государственные партии, а через нравственное и политическое общество.

Вторая серьезная ошибка «Капитала» как книги и определения капитализма как системы тесно связана с неправильным определением диалектической взаимосвязи между властью, иерархией и, следовательно, силой и прибавочной стоимостью. Все замечания, касающиеся исторического общества, свидетельствуют, что сила сыграла определяющую роль в накоплении всех излишков в обществе, за исключением предметов первой необходимости. Нет ни одного социального излишка, накопления, которые не включали бы в себя силовой фактор. В основе всех аргументаций власти и иерархии лежит аннексия социальных накоплений. Все формы строительства власти прямо или косвенно связаны с накоплением. Если еще больше абстрагироваться, то можно сказать, что подавляющее большинство власти и иерархии — это сконцентрированный социальный труд. Абстрагировать власть от сконцентрированного, структурированного социального труда невозможно. В отрыве от власти не может развиваться никакая ценность, будь то социальные усилия клановых сообществ, на которые еще со времен охоты и собирательства положил глаз «сильный и хитрый человек», или аннексированные значительные общественные излишки, основанные на национально-государственной формации, являющейся капиталистической силовой организацией. Сам по себе пятидесяти вековой процесс существования централизованной цивилизации являлся и является концентрированным и структурированным накоплением.

Это социальные накопления, в подавляющем большинстве своем управляемые при помощи войн, доходящих до варварства, а также силовых структур и государств.

Выражения некоторых академических социалистов о самых ранних способах производства, развивавшихся на почве добровольного союза между хозяином и рабочим на базе рынка, за исключением государственной структуры, которую они причислили к столпам капитализма, является пропагандой чудовищной лжи. Такого способа производства не существует. Напротив, в истории капитализм чаще всего выступает в виде способа получения прибавочной стоимости и накопления, основанных на наиболее развитой и структурированной силе. Если всю историю разложить по полочкам, то станет ясно, что, начиная от ранних общественных излишков, бывших результатом земледелия шумеров и египтян, и до социальных ценностей торгового и промышленного происхождения постоянно имели место жесткий контроль и исполнительное управление власти и иерархии. Очень легко понять, что в условиях отсутствия силовых механизмов не может реализоваться принцип получения прибыли в виде процентов, то есть получения денег из денег. В этом смысле история может считаться непрерывным процессом накопления, крепкой цепью, связанной с каждой из социальных сфер. Несмотря на то что история капитализма выражает наиболее известную в этом смысле истину, идеи, выраженные в «Капитале», в подавляющем большинстве представляют собой мифические сказания и пропаганду, сотканые из умышленных искажений.

Не может быть сомнений в благих намерениях Карла Маркса и марксистов, однако их учение о власти-государстве и труде-стоимости, как государственный капитализм, сослужило системе большую службу, нежели либеральный капитализм. Для подтверждения этой истины достаточно лишь китайского и советского опытов. Если правый гегелизм способствовал рождению европейских и, в частности, немецкого национальных государств, то левый гегелизм способствовал рождению таких государств, как Советский Союз и Китай. Если в итоге оба крыла

слились с национально-государственной моделью капитализма, то нельзя отрицать их связи с гегельянской философией. И по сегодняшний день, несмотря на многие потрясения, крайне актуальна гегелевская философия государства.

Очень важно выступить против этой системы, характеризующейся как современный капитализм, в первую очередь, с анархистской, а также с феминистской и экологической критикой. Но ясно и то, что эти критические позиции еще не вышли за рамки критики в адрес городского среднего класса, находящегося в состоянии кризиса.

Говоря о кризисе государства и обществ на Ближнем и Среднем Востоке, я особенно стараюсь не повторить ошибок в критике и повстанческом мировоззрении, в целом имевших место на протяжении последних пяти тысячелетий и, в частности, на протяжении последних пяти и двух столетий. Мы просто должны проявлять эту щепетильность. В данном смысле я придаю большое значение не столько фактору будущего, сколько жизни во имя традиций прошлого. История — это наука и философия, необходимая более всего именно для этого. История говорит об ушедших, но делает это для того, чтобы люди жили по-человечески. Следовало бы хорошо усвоить то, что социальная жизнь и деятельность тех, кто лишен исторического сознания, не может иметь никакого смысла. Не следует забывать и того, что чем сильнее историческое сознание, тем выше способность к осмысленной социальной жизни и деятельности. И не только. Если история совместит в себе и смысл, и материальные ценности, и культуру, то общественная жизнь и деятельность смогут проявить свою ценность.

Безусловно, очень трудно разобраться в культуре Ближнего и Среднего Востока, в его современном государственном и общественном кризисе, выйдя за рамки Гегеля и Маркса. Против последнего двухвекового эксперимента капиталистической гегемонии над регионом мы можем отметить большую волну критики и сопротивления как изнутри, так и извне. Отсутствие победы стало общей чертой этих повстанческих движений. Различные силы — радикальные и умеренные исламисты, коммунисты и

националисты, либералы и консерваторы — так и не смогли разобраться ни в истории, ни в сегодняшнем дне региона, и их усилия по строительству системы так и не увенчались успехом. Тем самым, ни ориенталистские разработки, перенесенные с почвы европейской цивилизации, ни исторические параллели для каждого социального слоя и сообщества так и не смогли обеспечить ни философского синтеза, ни успешного свободного политического развития и теории.

Развитие систематики демократической цивилизации в рамках сущности этой критики и повстанческой мысли становится наиболее верным путем к социальной истине. Я уверен в том, что предыдущие три тома моей Защитной речи указали верное направление. В этом томе я постараюсь больше сконцентрироваться на ближне-средневосточной действительности, в частности, уделить преимущественное место аспектам исторического анализа. Именно поэтому я почувствовал необходимость углубиться на том, как история вынуждена быть глобальной. Глобальный анализ неизбежен для осознания сути происходящего в регионе. То, что всемирная история взращалась неолитической эпохой на протяжении десяти тысяч лет, оказавшейся не менее важной, чем пятитысячелетняя история центральной цивилизации, делает еще более захватывающим и интересным значение и положение региона. Ближний и Средний Восток не менее, чем Европа, обладает преимущественной ролью в решении мировых проблем и синтезе цивилизации. Достаточно очевидным становится то, что «Проект Ближнего и Среднего Востока», ускоренный гегемонией США в 2000-е годы, не может стать дееспособным в одностороннем порядке. Восточная и Юго-Восточная Азия, а также Латинская Америка, возможно, могут соединиться с системой воедино. Но не стоит ожидать того, чтобы регион, сыгравший историческую роль центральной цивилизации, смог так легко соединиться с системой. Это не означает, что имеет место полный отрыв от системы. Впрочем, все возможности полного отрыва или слияния с системой, свойственные цивилизации, имеют ограниченный характер. Усилия, направленные на реконструкцию цивилиза-

ции, окажутся не более успешными, чем создание цивилизации на острове Гренландия.

Демократическая цивилизация — это именно тот вариант, который в качестве исторической традиции в условиях углубления современного кризиса постепенно обнаружит свое значение. Кризис реконструкции в рамках национального государства имеет постоянно углубляющийся характер. Культурные реалии региона пребывают в состоянии диалектических противоречий с национальным государством и в материальной, и в нравственной сферах, и сами по себе являются активизацией этого углубляющегося противоречия. Это едва ли не активизирующиеся вулканы. Ни капиталистические компании, ни мелкие национальные государства не способны сыграть такую конструктивную роль, как даже уездные княжества, тысячами и тысячелетиями существовавшие в истории. Оставим в стороне то, что они не могут стать ответом на социальные проблемы; дело в том, что своими идеологическими и практическими мерами они и увеличивают проблемы, и усугубляют их. Любая система, у которой появятся конструктивные шансы на Ближнем и Среднем Востоке, должна идти вперед, сначала кардинально рассчитавшись в идеологическом отношении с национализмом, сексизмом, религиозностью и позитивистской научностью. На арене практической политики она должна предоставить возможность широкой демократической общественной деятельности, не имеющей ничего общего с государственной машиной. Я не имею в виду пустое гражданское общество. Необходимо приветствовать и развивать реальную местную культуру, испытывая в ней потребность, такую, как в хлебе, воде и воздухе. Освобождение от личности, которую как магнитом тянет к власти и государству, — это первейшая задача, которую надо успешно решить. Тысячелетиями данная традиция была наиболее серьезным препятствием на пути демократической культуры. Нашим основополагающим лозунгом должен стать следующий: «Ни одна общественная работа не может быть столь желанной и ценной, как демократическая социальная деятельность».

Во II части, следующей за Вступлением к данному тому моей Защитной речи, идет сравнение всей истории Ближнего и Среднего Востока. Геологические, биологические и социальные реалии региона рассматриваются в тесной взаимосвязи. Схематически раскрывается смысл всемирной истории и ее развитие в регионе. Я постарался осмыслить связь неолитической эпохи с переходом к цивилизации, а также гегемонистскую роль центральной цивилизации в регионе. Мной дана характеристика войн, которые не могла не породить цивилизация, а также определена природа власти, и в этой связи дана оценка государственных формаций. Представлен сравнительный анализ центральной и других цивилизаций.

В III части исследуются источники проблемы общества на Ближнем и Среднем Востоке и развитие этого общества. Воинствующие идеологии и акции, обретающие постоянный характер и возвышающиеся на почве общественных излишков, рассмотрены мной в качестве основных причин социальных проблем. В этой части также нашли свое отражение все разрушения и постоянно углубляющийся кризис, которым способствовали упомянутые идеологии. Здесь также дана оценка результатов действия пояса уже теряющей свою действенность гегемонистской власти, основы которой уже размыты.

В IV части идут рассуждения об идеологиях решения проблемы и освобождения, а также о роли, которую играют силы сопротивления. Происходит оценка родо-племенных систем и монотеистических религий. Я также призываю к ответственности ассимиляционные способности систем цивилизации. Причины поражения освободительных идеологий и сил сопротивления стали основным предметом всех оценок, дискуссий и призыва к ответственности. В этой связи представлены формы становления религиозности и формирование родо-племенных структур. В качестве другой важной темы я постарался раскрыть распад под внешним ударом, который испытывает система, не способная найти решение на базе собственных ресурсов, и формирование новых сфер гегемонии.

В V части исследуется историческая роль, которую сыграло победившее капиталистическое накопление в качестве новой

гегемонистской силы на западных берегах Европы. Я рассуждаю об отсталости цивилизации Ближнего и Среднего Востока, о том, что общественные проблемы постоянно находятся в рамках кризиса. Гегемонистское возвышение Европы возымело шоковое действие на те прослойки общества, которые называют себя «исламским обществом». Связь новых исламских движений с современным капитализмом также составляет предмет важной дискуссии. Тесной взаимосвязи государственных и общественных кризисов в регионе способствует то, что капитализм, сам по себе являющийся системой глубокого и обретающего постоянство кризиса, вместо того чтобы стать источником конструктивного решения, превратился в источник проблемы. Идеологические и практические самоубийства оценены мной в этом ракурсе.

В VI части исследуется историческая и современная роль демократической цивилизации, являющаяся вариантом решения проблемы. Историческое культурное наследие и демократические достижения европейской цивилизации получают в этой части свою оценку в ракурсе идеологической и практической реконструкции демократической цивилизации. Демократический конфедерализм, нравственное и политическое общество, экономическая система, ориентированная на экологию и роль женщины, представлены в виде важных институтов решения проблемы.

Итоговая часть должна восприниматься как переход от краткого экскурса к последующим предметам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

Общим мнением всех наук является то, что история играет действенную роль не только для человеческого общества, но и для всех мировых образований. Время формирует. То, что созидательную роль, приписываемую богам, играет именно время, является едва ли тайной. Скорость формирования называется «время». Без формирования время тоже сходит на «нет». Тайна отражается на сознании человека именно так. Связывая старение с убийственным эффектом времени, мы не приходим к верному определению. Поскольку время не имеет убивающих свойств, не имеет смысла и такое определение. Стало быть, нет и смерти. Смерть — это социологически созданная память человека. Это искусственное чувство, но очень ценная память для жизни. Точнее, оно обладает упреждающим эффектом. У меня нет потребности в поисках духа, как это делал Гегель, но это дает мне понять то, что хотел сделать Гегель. Как бы ни стремились нарисовать историю, отмерив при помощи теории «большого взрыва» какой-то определенный возраст эволюции (примерно 13,8 миллиардов лет), с большой долей вероятности можно предположить, что это ничто иное, как новое мифологическое объяснение западной цивилизации. Несмотря на всю научность, играет социальную роль, похожую на излагаемые в священных книгах повествования о создании жизни. Но говоря, что это так, мы отнюдь не отрицаем роли времени. Просто утверждается сохранение таинственных свойств. Лично я считаю большим шансом

возможность частично исследовать это на примере человеческого общества.

В высшей степени важна роль социальной истории в формировании человека. Если и будет раскрыта тайна времени, то это можно исследовать только на примере этих коротких процессах формирования. Возможности человеческого общества в плане формирования личности осмыслены гораздо меньше, чем должно быть. Только долгие размышления помогут понять глубину смысла. Ни в одном ином феномене мы не найдем силы времени. Именно поэтому науку об обществе я считаю царицей и богиней всех наук. Должен еще раз подчеркнуть свои сомнения по поводу тех наук, которые не основаны на науке об обществе. Правильная дорога, ведущая ко всем другим наукам, пролегает через реализацию нами науки об обществе. И внутриатомные частички материи, и эволюцию космоса, которая, как утверждают, расширяется и по сей день, можно познать только соразмерно развитию науки об обществе.

Очень важным доказательством является то, что не только Гегель, но и Святое Писание связывает начало создания Господом жизни с желанием «понять», то есть познанием разумом самого себя. Разум, стремящийся познать самого себя, преподносит суть истины. Это именно та ситуация, факты реализации которой за пределами человеческого общества нам пока неизвестны. Начало познания человеком самого себя является основой всей созидательности. Стоит задаться впечатляющим вопросом: есть ли разум в такой космической Вселенной, как атом? Я должен сказать, что не осмеливаюсь считать, что микро и макро вселенные будто бы развиваются без разума. Уже выявлено то, что столь привычное для нас понятие, как «неодушевленная материя», является очень глупым социологическим понятием. Но это не должно привести к мысли о том, что я занимаюсь гегельянством. Утверждают, что мышление связано с волнами, существующими в мозгу человека; в общем-то уже доказано, что это нечто, похожее на энергию. Вся проблема заключается в том, насколько у нас хватит смелости проецировать на природу эту доказанную истину.

Хочу высказать следующее: мы совершенно не обязаны нести «мертвую землю», которую бросает нам в лицо негативная общественность. Позитивная общественность, иными словами, постоянно ищущее свободы общество — это единственная почва для нашей истины. Самое примитивное определение всемирной истории — это социальное развитие, являющееся почвой для истины. Человеческое общество в данном смысле — не просто история человечества, в реальном смысле это история Вселенной. Это история Вселенной, включая тот срок, который просто так называют «13,8 миллиардов лет». Для этого надо очень сильно понять человека, его общество и историю.

А. Констатация того, что последний ледниковый период завершился примерно двадцать тысяч лет назад, имеет фундаментальное значение для развития общественной истории. На протяжении всей истории Ближнего и Среднего Востока, начавшейся именно в этот период, в частности, в начале этого исторического пути, подножия Тавро-Загросской горной системы вместе с соседними пустынными зонами чрезвычайно облегчили проживание человека благодаря обилию пищи, надежности и благоприятных репродуктивных условий. Объединение этих трех факторов для живых существ считается чрезвычайным жизненным шансом. В исторических приключениях рода человеческого, исходящего из Восточной Африки и насчитывающего примерно семь миллионов лет эволюции, природная линия распространения обозначилась по рифу (шель, образовавшаяся между двумя континентальными массами), протянувшемуся от Красного моря, омывающего всю Восточную Африку, до Тавра через все подножия Восточного Средиземноморья. На протяжении не менее чем миллиона лет, насколько это возможно установить, в направлении Азии и Европы по этому пути постоянно проходили людские потоки, что подтверждается историческими данными. Тавро-Загросское плато в этом плане постоянно играло роль основной станции на этом пути. Тем самым мы еще лучше осознаем значение геологии. Достаточно плодородные по тем временам соседние степные зоны сыграли как минимум столь же значительную роль, как эти горные подножия. Окон-

чание последнего ледникового периода, способствовавшего возникновению условий, позволяющих людям утвердиться на этих станциях, привело буквально к взрыву в истории человечества. Сегодня это географическое пространство называется Ближним и Средним Востоком. Регион черпает свое геологическое, биологическое и социальное значение именно из этой недалекой исторической действительности. Ближний и Средний Восток уже не является частью какого-то географического региона, он стал тем регионом, на сцене которого свою роль сыграла всемирная история.

Существует общепринятое научное мнение о том, что человек до конца последнего ледникового периода так и не смог выйти за пределы клановой организации, количественно насчитывавшей 25—30 человек. Приращение роли кланового сообщества до уровня примитивных социальных единиц является признаком развившегося впоследствии «цивилизованного шовинизма». Человечество прожило 98% своей жизни именно в границах такого типа общества. Клан сыграл роль основной клетки в формировании общественного организма. Точно так же, как в формировании человеческой особи посредством развития основной клетки на протяжении миллионов лет стал возможным переход к формированию растительных и животных типов, так и жизненные обстоятельства кланового сообщества на протяжении миллионов лет сделали возможным переход к гетерогенному обществу. «Революция многочисленных обществ» является одним из основных этапов всемирной истории. В основном это было достигнуто в результате предпочтения языка символов языку жестов. Язык символов, на котором говорил человек, обладает большим потенциалом развития в силу строения тела и гортани человека. Именно язык символов и сделал возможным революцию в мышлении.

Если история повествует о том, что язык символов, вероятно, сформировался в африканской геологической структуре до начала последнего ледникового периода, то есть в районе 100 000 лет до н. э., то она в общем-то едина по поводу того, что свой взрывной скачок истинный язык символов совершил именно в

ближнее — и средневосточной геологической структуре после последнего ледникового периода, а именно в районе 20 000 лет до н. э. Имеются более конкретные исторические наблюдения, этнические и антропологические сведения по поводу того, что от Сахары, которая примерно шесть тысяч лет назад обладала богатой растительностью, до Аравийской пустыни и иранских степей сообщества, называемые семитскими, создали вокруг своей семитской корневой основы мощную «систему племен». Переход от очень богатых африканских языков — жестов к племенам, говорящим на семитических языках символов, является одним из основных этапов истории. Эта культурно-языковая группа сыграет большую роль как в земледельческой и скотоводческой революции эпохи неолита, так и в городской революции (культуры и цивилизации).

Формирование второй крупной революции в языке символов на основе геобиологической структуры Тавро-Загросской горной системы и сформированной в виде групп арийской родо-племенной системы, называемой еще индоевропейской группой, еще больше подтверждается историческими наблюдениями, этнологическими и антропологическими исследованиями. То, что данная группа сыграла успешную роль в земледельческой и городской революциях, является важной особенностью доказанной истины. Эту роль она сыграла в основном в связи с геобиологической структурой ареала своего размещения.

Третья большая группа языков-символов сформировалась в родо-племенных системах, называемых также урало-алтайскими и проживавшими в сибирских лесах и южнее них. Если эти группы, которые после ледникового периода распространились вплоть до современных Китая, Монголии, Туркестана и Финляндии и не внесли в развитие всемирной истории такого вклада, как первые две, то они сыграли важную роль и в эпоху неолитической революции, и в эпоху городских революций.

Что касается роли кавказских, американских и более изолированных групп, то она, несмотря ни на что, носила несколько маргинальный характер, но все же имела значение в развитии

языков-символов и в земледельческих, и городских революциях, о чем свидетельствуют как исторические наблюдения, так и этнические и антропологические данные.

То, что сельская земледельческая революция осуществлялась в основном в тесной связи с геобиологической структурой и видами на внутренних подножиях Тавро-Загросской горной системы, именуемой в истории также «Плодородным Полумесяцем», доказано множеством лингвистических, этнологических, антропологических, археологических и геологических исследований. Во всемирной истории человечества этот революционный этап имеет основное значение. Должен еще раз подчеркнуть, что, говоря о революционности, я подразумеваю развитие качественных преобразований. Значение этой революции многогранно. Во-первых, общество перешло с длительной клановой стадии (схожих друг с другом мелких однородных групп) на стадию гетерогенных «родо-племенных систем» (отличающиеся друг от друга множества). Родо-племенные системы, основанные на общих языковых корнях, проживающие в полукочевой и полуседлой форме, обменивающиеся между собой дарами, создавшие общие святилища и кладбища, представляют собой длительные социальные образования. Каменные плиты с изображениями, предположительно датируемые 10 000 гг. до н. э., обнаруженные в ходе археологических раскопок в Гёбеклитепе поблизости Урфы и расцениваемые как некая супернаходка с точки зрения истории человечества, явно свидетельствуют о том, что родо-племенные системы эпохи, предшествовавшей земледельческой революции, отнюдь не были первобытными, как это принято до сих пор считать, а представляли собой достаточно развитые социальные образования. Упомянутые каменные плиты, установленные в форме кругов, открыто свидетельствуют о наличии у их основателей целого мира мышлений и чувств. Необходимо особенно подчеркнуть то, что геобиологическая структура Урфы (в более широком смысле — Верхней Месопотамии) представляла собой идеальное место для развития этих родо-племенных систем. Не может вызывать никаких сомнений то, что анализ этой родо-племенной системы и культуры,

требующих обязательной концентрации исторических исследований, способствует более конкретному освещению всемирной истории.

Во-вторых, сельские общины до сих пор оценивались в связи с земледельческой революцией. То, что в рамках полукочевых племен был осуществлен переход к сельским общинам, является еще одной значительной социальной истиной, подтвержденной раскопками в храме Урфы Гёбеклитепе.

Ранее я связывал факт зарождения города и государства с шумерскими жреческими храмами. Таким же образом должен особо подчеркнуть, что управление селами и общинами, то есть первая, первобытная демократия (в оригинальном смысле) сформировалась вокруг святилищ, созданных племенами. Любое священное место, общее для всего племени, представляет собой фундамент для революционных перемен в сторону оседлости, примитивной торговли, общих чувств и мышления (искусства).

В таком случае, в качестве третьего обстоятельства можно отметить, что обмен подарками, как примитивная, оригинальная форма торговли, развивался во время встреч в общих святилищах. Четвертое: источник религии и культуры (эти две категории изначально были едины и представляли собой основные факторы духовной культуры) также кроется в посещении общих для племен святилищ. Храмовые рисунки, достаточно близко подошедшие к письму (Гёбеклитепе), подтверждают развитость их мира мыслей и чувств. Речь идет об искусстве, едва ли не предвосхитившем зарождение шумерской и египетской письменности. Можно и далее перечислять аналогичные признаки.

Еще одно важное обстоятельство, которое необходимо отметить, заключается в том, что упомянутая культура в силу своего полукочевых характера была очень гибкой и быстро расширялась. Указание на то, что в период между 15 000–10 000 гг. до н. э. она распространилась в мировом масштабе в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке, сыграло бы просветительскую роль в развитии научных пояснений. Мое личное мнение сводится к тому, что в плане культурного распространения эта

культура завоевала всю Азию, Африку, Европу, Америку и даже Австралию.

Б. Как история, так и сама жизнь свидетельствуют о том, что земледельческая революция развивалась на базе полуседлых племен, что имеет колоссальное значение. Очень близкой к истине оценкой было бы то, что широкий геобиологический ареал Урфы, являющийся регионом «Плодородного Полумесяца», длительное время оставался центральной сферой земледельческой революции (примерно период 10 000—5 000 гг. до н. э.). Эти области близки к идеальным с точки зрения результативности и разнообразия, причем как для культивирования растений в земледелии, так и одомашнивания овец, коз, буйволов. Ландшафт, плодородие почвы, климатические условия, обилие растений и животных (флора и фауна) способствовали превращению региона в идеальнейший для своего времени район. Здесь были возможности естественного орошения. Более того, в акватории Тигра, Евфрата и их рукавов постоянно существовали широкие территориальные возможности поливного земледелия. Проводимые здесь исследования территории каждый день все настойчивее раскрывают эту роль региона.

Аналогичные признаки можно указать применительно и к этому периоду, являющемуся одним из фундаментальных этапов всемирной истории. Во-первых, в храмовых и сельских общинах этого периода отмечались количественные и качественные изменения. Такие центры, как Бисмил-Кортиктпе, Чеме Халлан, Эргани-Чайоню, Сиверек-Невала Чори демонстрируют способности культуры Урфа-Гёбеклитепе к распространению и укреплению. В период 10 000—7000 гг. до н. э. имело место развитие всех этих признаков, установленных на данной стадии, рассматриваемой как время отсутствия гончарного производства. Необходимо отметить, что данный период тоже был очень полезен для характера распространения в первую очередь на географическом пространстве Ближнего и Среднего Востока.

Второе важное обстоятельство заключается в том, что начавшаяся после 7000 гг. до н. э. эпоха неолита с глиняными изделиями, оказавшись более высокой стадией, способствовала

прогрессу вплоть до зарождения городов. Все археологические раскопки подтверждают эту истину. Можно сказать, что постоянно расширяющаяся культурная волна, более всего распространявшаяся из ареала с тем же центром, начиная с 5000 г. до н. э. усиливала прогресс вплоть до зарождения протогородов на широком геобиологическом пространстве в первую очередь в Египте; в Нижней Месопотамии это Шумер, границы современного Пенджаба (Пенджаб), до долины рек Амударья и Сырдарья в Туркестане. Таким образом, своего рода система *центр-периферия* того времени впервые формирует явную глобальную систему. Констатация того, что в период 4000–2000 г. до н. э. особенно усилилось это расширение второй волны, сыгравшее важную роль на всем пространстве от Китая до Европы, то есть между двумя океанами, имеет очень большое значение с точки зрения всемирной истории. Глобализм не является феноменом, переживаемым только современной историей. Возможно, наиболее значительная и не обладающая эксплуататорским, угнетательским характером глобализация (исключения не нарушают правила) имела место именно в те времена. Именно это следует понять из всеобщей истории. Общее, и в материальном, и в духовном смысле, культурное формирование и распространение по всему миру является фундаментом для дальнейшего развития истории. Исследуя всеобщую историю, необходимо осознать существование субъектно-объектных звеньев, о которых размышляют и которые практикуют все общества, все микро-исторические повествования. В первую очередь речь идет о национальных историях, что так и останется на уровне рассказов и повествований, если не найдет своего места во всемирной истории.

На самом деле, такого понятия, как «микро история», нет. Оно возникло как пропагандистская потребность капиталистических монополий. Осознание этого обстоятельства очень важно для понимания истории. Человечество развивается не само по себе, оно олицетворяет историю всей Вселенной. В человеке вновь структурируется целостность фаз материально-энергетических потоков. Во Вселенной нет ни одной частицы, материальной

и энергетической цельности, которые не обрели бы структуру, чувственный и интеллектуальный характер, объединившись в человеке. Первое: говоря об истории Вселенной, мы имеем в виду именно эту истину. Ее пытались понять и сторонники пантеизма. Второе понятие, которое следует осознать, когда речь идет об истории Вселенной, — это материальное и культурное развитие общественной природы, называемой еще «второй природой». Эту историю можно считать совокупностью основных потоков всех обществ, берущих свое начало еще в недрах кланового общества, являющегося своего рода материнской клеткой всего общества. В этом изложении истории очень важно понятие «основного потока». Подобно тому, как для изложения истории Вселенной, не охватывающей человечество, не нужны все материально-энергетические образования, а достаточно разъяснений только механизмов фазовых переходов (у Гегеля это логика и моменты) и их основных звеньев (физика, химия, биология), так и для общества, являющегося «второй природой», необходимы аналогичные разъяснения. Несомненно, под историей общества подразумевается социология. Разделение истории и социологии тоже является потребностью идеологической гегемонии капиталистического монополизма, постоянно стремящегося раздробить единство смысла.

В таком случае история Вселенной является единым целым и в том, и в другом смысле. Безусловно, в границах этого понятия нельзя рассматривать историю в отрыве от личности, фактов и явлений, тем более что личность, факты и явления обретают свою роль только внутри этого глобального аспекта. Микроистория может найти свое место только в диалектической связке с макроисторией (вселенской). Сами по себе микроистория, литература и социология лишены философского смысла, что в конечном счете приведет к самым грубым позитивистским инситуациям.

Все серьезные историки едины во мнении о том, что в регионе «Плодородного Полумесяца» в период 6000–4000 гг. до н. э. были сформированы все элементы материальной и духовной культуры, необходимые для перехода к цивилизации. Имеются

многочисленные наблюдения, этнические и археологические исследования, поддерживающие эти доказательства. Средства материальной и духовной культур, в первую очередь одежда, пища и жилище, постоянно развивались и были доведены до производственного уровня. Прибавочный продукт накапливался обществом для использования во время засухи и различных стихийных бедствий. Была заложена почва для торговли. На основе традиций дарения осуществлялся обмен товарами, позволяющий взаимно удовлетворять потребности. Созданы многие элементы духовной культуры. Достигнут значительный прогресс в оригинальных состояниях религии, искусства, науки и техники. Употребление полезных ископаемых позволило осуществить переход к технике. Человек использовал в своих целях различные виды энергии, а также колесо. Не вызывает сомнений то, что достижений было гораздо больше, нежели принято считать. Что особенно важно, речь идет о жизненном укладе, находившемся под управлением женщины и не противоречащем окружающей среде. Одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы в сравнении с современной жизнью утверждать о превосходстве общества того времени. Общество, которое, подобно современному, несмотря на массовую пропаганду, столь жестоко эксплуатирует и подавляет окружающую среду и женщину, ни в коем случае не может считаться превосходящим и развитым. Если и говорить о здоровье и превосходстве какого-либо общества, то в основу должны быть положены экологические и феминистские критерии (не в буржуазном смысле). В этом смысле современные общества можно считать больными.

В. Переход к городскому образу жизни и основанной на нем цивилизации произошел благодаря качественному скачку в материальной и духовной культуре, накопившейся в недрах тысячелетних социальных традиций «Плодородного Полумесяца». По мере того, как в аллювиальных регионах, формирующихся в первую очередь в дельтах рек Тигр, Евфрат, Нил и Пенджаб (Beşsu), осуществлялся синтез существующих культурных элементов, неминуемо произошло рождение города. Этот синтез

означал резкий рост продукции. Надо хорошо осознавать и то, что на вышеупомянутых аллювиальных пространствах сотни тысяч лет имели место человеческие потоки, но они никогда при помощи собственной динамики не только не могли способствовать зарождению урбанизации, но даже сформировать клановое общество. Для того чтобы в этих регионах осуществился переход к городской цивилизации, необходимым и первостепенным условием является развитое неолитическое общество, с которым должна существовать диалектическая взаимосвязь. На этой диалектической базе сформируется похожее образование и в Китае. Историки едины во мнении о том, что первым городом был Урук, построенный на аллювиальной территории в районе впадения Тигра и Евфрата в море. Урукский период (3500—3000 гг. до н. э.) очень важен для всемирной истории как предводитель начала создания цивилизации.

Первое, что можно сказать об отражающих культуру Урука, сложенных в честь богини города Инанны и первого героя Гильгамеша легендах — это то, что они являются краткими повествованиями о своем времени. Эти оригинальные мифы, дошедшие в письменном виде до наших дней, не только отражают жизнь предков в комплексе их мыслей, верований и мечтаний, но и дают нам почувствовать их тоску по бессмертию, как некую память. Это и есть всемирная история. В легенде об Инанне повествуется о почти 104 социальных институтах и учреждениях, технических достижениях, созданных благодаря созидательному труду женщины на протяжении тысячелетий. В легенде говорится о том, как хитрые и сильные божества, обретавшие мужской облик, прибегают к всевозможным хитростям, уловкам и насилию, чтобы отнять эти достижения женщины. Легенда о Гильгамеше повествует о событиях, началом которых стала смерть Энкиду, помощника Гильгамеша, который осознал, что в связи с этим может лишиться царской жизни, и начал поиски травы бессмертия.

Первым крупным диалектическим противоречием стало постепенно углубляющееся порабощение женщины с одной стороны, и авторитарные выпады бога-царя, постепенно обретающие

характер болезни. На этом фундаментальном противоречии возникнет конфликт между рабом и господином.

И это явление углубится и распространится вплоть до состояния современных работников, безработных и представителей всех слоев общества, превращаемых в рабов в результате доведения до нищенского состояния. Очень важно дать определение и охарактеризовать в ракурсе основных моментов цивилизационную стадию всеобщей истории. Города, активно использующие потребность села в торговле и построенные на принципах и технических составляющих соответствия этой потребности с помощью эффективного производства, изначально не могут играть отрицательную роль. Напротив, своим сотрудничеством и гармонией с сельской местностью они ускоряют социальный прогресс. Но борьба и войны, развернутые за появляющийся в обществе прибавочный продукт, требующий накопления, а также этапы образования классов и государств, основанные на городском образе жизни, постепенно становятся опасностью для сельских и городских трудящихся и всей родо-племенной системы. По выражению Гегеля, общество подвержено глобальным взаимоотношениям и противоречиям между рабом и господином. На стадии цивилизации, наступившей в мировой истории, постоянно будут разворачиваться войны из-за этих противоречий, а вместе с этими войнами возникнут новые государственные образования. История в этом плане оказывается «человеческой бойней».

Другим обстоятельством, имеющим большое значение для правильного объяснения истории, является точный анализ процесса создания иерархией институтов власти и государства в цивилизованных обществах. Процесс существования власти в обществе качественно отличается от процессов, происходивших в предыдущих общественных формациях. Особенность института власти или правителя заключается в том, что на протяжении всей истории цивилизации он постоянно развивался, концентрировался и распространялся в обществе. Будучи едва ли не раковой опухолью, он не мог существовать без распространения и концентрации. Институт власти напоминает болезненное

стремление капиталистических монополий к накопительству и выколачиванию прибыли. Их сущность одинакова — оба они живут на почве концентрирующей прибавочного продукта общественного производства. Такое явление, как классовое расслоение, может развиваться только параллельно накоплению излишков общественного производства. Когда они прекращаются или уменьшаются, неизбежным становится кризис общества этатического государства. Вывод таков: идет поиск новых, постоянно воспроизводящихся войн или новых государств, стремление превратиться в частицу власти. Властные элиты и институты подобны охотникам, устремившимся за своей добычей. Государства же можно назвать узаконенными формами этой деятельности.

Безусловно, в процессе узаконения государств общие управленческие потребности обществ полностью используются в качестве маски. На протяжении всей истории все правители государств стремились восприниматься именно под этой маской. Некоторые социальные институты управления могут оказаться законными как необходимая потребность. Это безопасность, масштабное орошение земель и индустриальные шаги, а также вопросы, связанные с правосудием. Но все эти виды социальной деятельности в рамках авторитарного государственного управления оказываются на втором плане и используются ими только в стремлении узаконить собственное существование.

Авторитарные общества — это общества, для которых характерно превосходство мужчины. В отношении подвластных слоев характерно отношение, которое упоминается в священных книгах как выражение «пастырь и паства». Развитие этих взаимоотношений в наше время обретает характер повсеместного превращения окружающей среды и трудящихся слоев в объекты бесправной эксплуатации, что обеспечивается благодаря мужской природе власти. Если в неолитическом обществе власть женщины в основном была направлена на удовлетворение таких потребностей, как производство, безопасность и воспроизводство, то в обществах эпохи цивилизации институт власти преследуют цель внутренней и внешней колонизации. Именно это

уделяет первоочередное внимание технологиям войны и власти. Более того, представляется как сфера колонизации, которая последовательно завоевывает всю окружающую среду.

Эти абстракции в авторитарной культуре Ближнего и Среднего Востока не только возможно встретить в конкретных проявлениях власти в самых разнообразных ее видах, это правило и требование нормы. Рассмотрение системы цивилизации в ракурсе ее центра и целостности является неперенным условием ее правильного осознания. Прерывание целостности и раздробленные пустоты невозможны на протяжении длительного периода. С этой точки зрения правильно высказывание о том, что власть не потерпит вакуума.

Г. Исследование центральной цивилизации, являющейся стержнем всемирной истории и зародившейся в Месопотамии, а также непрерывно развивающейся на протяжении более чем пяти тысячелетий, в качестве фундаментальной исторической единицы, имеет фундаментальное методологическое значение. В этом смысле узкие экономические классовые подходы, правовая и национальная оси государства, методы, основанные на системе производства, не способны продемонстрировать целостность истории. В частности, позитивистские микроисторические методы вообще с головой окунулись в процесс полного уничтожения смысла. Рассуждения и превращение истории в некий ряд повествований на базе таких единичных элементов, как отдельные личности, факты, династии, нация, государство, класс и экономика, принижающих ее роль, неминуемо приводят к уничтожению истины посредством ее раздробления. Эти мифические понятия, развиваемые под идеологической гегемонией капиталистических монополий, в подавляющем большинстве случаев играют чисто пропагандистскую роль. Безусловно, единичные понятия необходимы и важны, но без слияния с потоками всемирной истории они не могут служить целостному изложению действительности. Сегодня изложение истории является очень проблематичным вопросом. Правильное изложение требует значительной силы и серьезных усилий — я имею в виду усилия в мышлении и силу действий. Не осознав того, что власть является

капиталом, постоянно стремящимся к прибыли, нельзя провести анализ цивилизованных обществ. В сущности, не поняв, что власть является наиболее утонченным, организованным капиталом, невозможно ее полностью осознать. Неправильно считать власть ни полностью экономическим явлением (таковой она является для марксистов и либералов), ни полностью политическим (национально-государственный подход). Наиболее близким к истине было бы понимание того, что эти две особенности власти, подобно сиаемским близнецам, дополняя друг друга, не могут существовать одна без другой.

Систему центральной цивилизации можно в границах этих характеристик считать общественно-исторической системой, насчитывающей более пяти тысяч лет. Мы можем раскрыть это в форме трех основных версий и множества подвидов. Первое — это оригинальный шумерский исход. То, что урукский пример воспроизвел множество себе подобных, привело к появлению городских образований, растущих подобно снежному кому. Центральной областью является Нижняя Месопотамия. Гегемонистской силой — город-государство Урук. На протяжении пяти столетий он создавал полупериферии и колонии везде, где это было возможно. Можно сказать, что он организовал весь регион «Плодородного Полумесяца» в качестве единой системы центра и периферий. В результате конъюнктурного кризиса системы примерно в 3000 г. до н. э. гегемонистская мощь полностью переместилась в комплекс городов Ур. Период 3000—2000 г. до н. э. можно считать эпохой Ур, которая с перерывами на различные кризисные периоды просуществовала примерно тысячу лет. Она приняла на себя все те роли, которые играл Урук в центре и на периферии. Он стал еще шире, количество городов возросло. Процесс урбанизации в центре и на периферии развивался гораздо более активными темпами, чем в период Урука. Известны дюжины городских поселений. В обществе возросла организованность, причем как по горизонтали, так и по вертикали. Развивалась письменность. Создавались институты науки и образования. Ниппур был своего рода университетским городом. По соседству на востоке, в ре-

гионе Элама, был построен город Сус, на западе — Алеппо и Эбла, на севере — Мари и Казаз. На берегу Евфрата возникло множество колоний.

Урбанизацию в долинах Нила в Египте и Пенджаба можно считать скоплениями, отошедшими от более удаленной среды. Долины Нила и Пенджаба похожи не столько на автономные города, сколько на колонии. Цивилизация Египта напоминает общину рабов, механически образовавшуюся от фараоновской триады *дворец-гробница-храм*. Древние египтяне не смогли добиться свободной, конкурентоспособной урбанизации, каковая была в Шумере. Древний Египет напоминал большое коллективизированное село, именно потому и упоминается как «фараоновский социализм». Еще больше напоминают колонии поселения Хараппа и Мохенджо-Даро в долине Пенджаба. Вполне вероятно, что они были колониями Шумера. Китайская цивилизация, возникшая несколько позже (1500 гг. до н. э.), очень похожа на второй Египет, развивающийся в дельтах Хуанхэ.

Процессы урбанизации в Северной Месопотамии протекали несколько по-иному. Известно, что сообщества, проживавшие в этом регионе, начиная с 3000 гг. до н. э., перешли на стадию урбанизации благодаря собственной динамике и в период существования Урука, Ура (в период 4500 гг. до н. э. против культурной экспансии Эль-Убейда) смогли уберечься от колонизации, за короткий срок буквально растворив в своей среде все колонизаторские силы. Это позволили сделать существовавшая в регионе очень сильная родо-племенная система и земледельческая структура села. Здесь можно провести параллельные позиции Европы в отношении США — ведь она не только не напоминает подчиненную структуру, но даже скорее играет роль второго центра.

Такие гегемонистские системы, как Урук и Ур, к концу 2000 гг. до н. э. уже утратили свою мощь вследствие внутренней конкуренции (в первую очередь это Вавилон и Ниневия), а также войн и нападений, осуществлявшихся извне, а именно — аморитами семитского происхождения и арийскими племенами с северо-востока (в основном это гуттии и аккады). Новыми гегемонами

региона стали Вавилон и Ассирия. Вавилон в ранние периоды своей истории, в 2950—1600 гг. до н. э., продемонстрировал выдающееся восхождение. Символом этого периода стал знаменитый Хаммурапи. Второй период Вавилона 1600—1300 гг. до н. э. ознаменован совместными действиями с северными и восточными племенами: союз хеттов и хурритов является выражением этого сосуществования. Последним периодом Вавилона стал период 600—450 гг. до н. э., последовавший за гегемонией Ассирии, которую они разбили в результате коалиции с мидийцами. Этот исторический период символизирует Навуходоносор, первым сославший иудеев. Вавилон был центром гегемонии во все времена своей истории. Он напоминает Лондон и Нью-Йорк, олицетворяющие капиталистическую гегемонию. Вавилон был центром промышленности, торговли, религии и науки, и этим был знаменит. Выражение «семьдесят два народа» идет от Вавилона. Казалось, не существовало ни одного рода или племени, на которые он бы не повлиял. Для древних греков это был и Париж, и Лондон. Первые древнегреческие философы обучались в вавилонских школах. Короче, Вавилон был гегемонистским мегаполисом своей эпохи.

Ассирийскую гегемонию также можно разделить на три периода. Это период торговых колоний 2000—1600 гг. до н. э., зависимых от Вавилона, период 1300—1000 гг. до н. э. — полная гегемония. И последний период, охватывающий 900—600 гг. до н. э. Ассирия смогла стать крупной гегемонистской силой на обширном географическом пространстве от Загроса до Средиземного моря, от внутренних областей Анатолии до Египта и Омана. Ассирия добилась прогресса в сфере торговли и промышленности. Она завозила в свои метрополии сырье, продавала готовую продукцию. Многие особенности капитализма получили в этой стране первичное развитие (бухгалтерия, весы, мера, кредит, деньги и т. п.). В последний период своей истории ассирийцы смогли продемонстрировать себя серьезным соперником Урарту с центром в Ване, но не сумели сохранить эти достижения. Но очень важно, что последним удалось стать единственной силой, устоявшей против натиска Ассирии. Ассирийцы сумели во все

периоды своей гегемонии создать сильные колонии, и такие понятия, как «прибыль», «доходное место» исходят от термина Карум (агентство). Им удалось удержать под своим контролем и превратить в свои колонии земли мидийцев и персов на Востоке, Египет, Израиль и финикийцев на Западе, а также множество удельных княжеств, вплоть до внутренних областей Анатолии.

Опять же хурритские и хеттские силы, образованные из арийских племен, как и в период Урука, Ура и Вавилона, повторили свое успешное противодействие теперь уже против Ассирийской гегемонии. Известно, что хеттский царь Муршил I в союзе с хурритами в 1596 году до н. э. полностью захватил центр гегемонии, включая Вавилон. Митаннийская ветвь хурритов в период 1500—1250 гг. до н. э. смогла сформировать схожую с империей мощь на широком пространстве от Керкука до Средиземного моря. Урарты и мидийцы, происходившие из тех же корней, в результате многолетнего сопротивления в 612 г. до н. э. способствовали стратегическому поражению Ассирии. Но связывать поражение Ассирии только лишь с одной внешней битвой было бы недостаточно. Основная причина заключалась в том, что войны перестали быть прибыльным делом. Точно так же, как тенденция к уменьшению прибыли, характерная для капитала, становится фактором депрессий и кризисов, так и закон уменьшающейся прибыли, характерный для войн, завершается кризисами и поражениями.

Новой гегемонистской силой Ближнего и Среднего Востока после Ассирии стала Персидская империя, основанная на персо-мидийском союзе. Персидская империя, игравшая в период 550—330 гг. до н. э. роль мирового гегемона, смогла создать самую широкую мировую систему. Сферы ее влияния простирались от Эгейского побережья до Пенджаба, и она смогла объединить под собственной гегемонией все сферы цивилизации того времени, за исключением Китая. Определяющей в этом успехе была роль зороастризма как духовной силы персов. Система была раздроблена вследствие постоянных восстаний Египта, бывшего более древней силой, и Эгейской ионической цивилизации, которая находилась на новой стадии развития прогресса. Часто восставал

и Вавилон, развивавший наследие древней Месопотамии. Наибольшим потрясением для системы были оборонительные и наступательные действия скифских племен, которые, как своего рода партизаны той эпохи, постоянно действовали с севера. Идеологическое и тактическое превосходство Александра, ученика Аристотеля, ставшего молодым царем Македонии — страны, которая была относительно молодой, но усиленно развивалась под влиянием древнегреческой культуры, привело к финалу персидской гегемонии. Таким образом, новая греческая цивилизация успешно подтвердила свое существование.

Д. Новая гегемонистская сила ускользает, подтвердив свое превосходство, в руки эллинистической цивилизации, в частности к представляющим ее греко-римским силам. Это было первым серьезным сползанием силы с востока на запад. Греко-римская цивилизация, основанная на Ионической городской культуре Эгейского побережья (600 г. до н. э. — 500 г. н. э.), способствовала второй в мировой истории крупной волне урбанизации. Основными источниками силы этой городской цивилизации, возможно, были достижения египетской, вавилонской, хеттской, критской, мидийско-персидской материальной и духовной культур, которые она сотни лет перенимала и осваивала. Нет ни одного знаменитого ионического мудреца, который не посещал бы дворцы Египта, Вавилона и Персии, не подверг бы их культуры глубокому изучению (Солон, Фалес, Пифагор). Безусловно, греко-римский вклад в цивилизацию был очень высок. Важно то, что цивилизации оказывают взаимное влияние друга на друга по принципу цепной реакции. Войны за власть и возникновение соответствующих институтов, в фундаменте которых кроется стремление к аннексии излишков общественного производства, постоянно передаются друг другу как традиционное наследие. Тот, кто больше всего преумножает власть, тот и считает себя более успешным. Это связано с ростом прибавочной стоимости и ее аннексией.

То, что европейская цивилизация в IX—XIII вв. осуществляла поиски материальной и духовной культур на почве цивилизации Востока, греко-римская цивилизация произвела задолго

до этого, а точнее, еще до XVII в. до н. э., на примере микено-хелласской культуры на греческом полуострове, и в XI в. до н. э. — на примере этрусков на Апеннинском полуострове. На период 7000—4000 гг. до н. э. вся неолитическая культура уже была перенесена в современность. Перенос культурных достижений всемирной истории не был односторонним, он всегда осуществлялся на почве взаимной связи. Распространение в форме насаждения культуры в периоды цивилизации имели гораздо более ограниченный характер, нежели принято считать. Нельзя все происходящее назвать историей, во всяком случае, пропаганду официальной историографии мы не станем воспринимать как историю. Распространение цивилизаций, базирующихся на авторитарности, представляет собой ограниченную часть всеобщей истории. Истинную роль играет социальная история, сотканная из прошлого родов, племен и народов. Историю власти даже трудно назвать историей. Отслеживание истинной истории в ее связи с обществом покажет суть всемирной истории. Должен еще раз отметить, что проблемы эти остро обсуждаются и в настоящее время.

Урбанизация, развивавшаяся (в 700—500 гг. до н. э.) на обоих проливах Эгейского моря, а также основанное на этом развитие культуры и цивилизации, с точки зрения всемирной истории представляют собой новый момент и синтез. И то и другое можно считать оригинальным скачком в формировании западноевропейской цивилизации, это рассматривается как начало со всех точек зрения на мир. В этом смысле европоцентристская цивилизация, несмотря на все свои научные и даже философские идеи, в большинстве своем демонстрирует мифологический подход, при этом прибегает к серьезным искажениям всеобщей истории.

Из предыдущих пояснений очень хорошо известно, что культура, развивающаяся на Эгейском побережье, является очень важным синтезом, сформировавшимся вследствие переноса на протяжении столетий, даже тысячелетий, множества культур ближне- и средневосточного происхождения. Нет смысла обращаться к ее далеким предшественникам. Только синтез, сформи-

рованный на базе взаимоотношений между персами и эллинами, является свидетелем падения Западной Римской империи, начиная с VII века до н. э. (если включить сюда и мидийцев), то есть последствий тех взаимоотношений, которые продолжались вплоть до VI века н. э. (если включить сюда Сасанидов), и подтверждает эту истину. Для осознания вышеупомянутой истины достаточно просто взглянуть на пантеон богов, сохранившийся на горе Немрут в губернии Адьяман.

Урбанизация греков — это плодотворный синтез и превосходная стадия. На открытом ими культурном пространстве древние греки раскрыли религиозные идеологии с преимущественно мифологическими корнями и внесли очень серьезный вклад в утверждение философии и науки. Этот вклад сыграл определяющую роль в процессе обретения науки и философии фундаментального положения. Тем самым они дали серьезный толчок эволюции всеобщей истории. Получили развитие физика, химия и биология, фундамент истории и социальной философии был доведен до научного уровня. В искусстве, в частности городской архитектуре, скульптуре, театре и эпических повествованиях древними греками были продемонстрированы выдающиеся примеры. За великими победами Александра Македонского, несомненно, стоит это культурное преимущество. Именно оно породило военно-политическую гегемонию Рима. Четко виден перенос древнегреческой культуры на военную и политическую арены Рима, причем как на республиканской, так и на имперской стадиях его развития. Гегемонистские устремления Рима на протяжении почти тысячелетия (508 г. до н. э. — 495 г. н. э.) — это и подтверждение, и осуществление всех намерений Афин. Таким образом, нельзя считать древнеримскую культуру особым синтезом или оригинальным явлением. Безусловно, в количественном отношении древнеримская культура продемонстрировала серьезный рост, и в качественном отношении (в сфере военной и политической гегемонии) она стремилась приблизиться к высочайшему уровню. Эти примеры Древний Рим продемонстрировал в сферах права, архитектуры и риторики.

Гегемония Рима оказала серьезное влияние на весь мир и ход мировой истории, и в этом отношении его вклад очень важен. Но не следует забывать того, что особенно сыграл эту роль в культурной сфере Большого и Среднего Востока.

Пример Восточного Рима (Византийской империи) открыто подтверждает эту истину. Византия приложила много усилий, чтобы встать на западный путь развития, добраться до европейской цивилизации. Но в этих своих усилиях Византия всего лишь построила ряд дорог, крепостей и оборонительных стен для походов против готов (германских племен), большего она не добилась. Однозначно можно утверждать, что Византия пережила глобальный период с преимущественными восточными признаками (Евфрат и Тигр долгое время формировали ее восточные границы). Византия оказалась более восточной, нежели ее греческие прототипы. Таковой она была в сфере материальной и духовной культуры, явившись выражением такого же синтеза в качественном и количественном отношениях. Несомненно, Византия стала предварительным опытом и исторической стадией в формировании европейской цивилизации.

В период римской гегемонии (примерно 250 г. до н. э. — 650 г. н. э.) представителями культуры Востока стремились стать парфянские и Сасанидские династии, занявшие место персов (династии Ахеменидов). Говоря о представительстве, я имею в виду военно-политические артерии авторитарной культуры. Подобно тому, как в этом процессе мир эллинистической культуры, наступивший вслед за периодом греко-римской гегемонии, следовавшим в свою очередь за правлением Александра Македонского, сыграл свою определяющую роль, так и преимущественно в персо-мидийской гегемонии кроется определяющее влияние зороастрийской культуры, сформировавшейся вокруг капищ огнепоклонников в предгорьях Загроса. Параллельно войнам, которые на протяжении почти тысячи лет вели друг с другом две гегемонистские силы за военное и политическое превосходство, между двумя культурами тоже протекала схожая идеологическая война. Роль этого противостояния оказалась определяющей для синтеза западной культуры.

Должен особо подчеркнуть то обстоятельство, что культура, возникшая в предгорьях Тавра и Загроса, никогда не теряла своеобразия. Она не уступала ни военно-политическим, ни даже религиозно-жреческим гегемонам, выходявшим из ее собственных рядов, оставаясь историей общества. На протяжении всей истории эта культура смогла сохранить и продолжить свое социальное существование в противостоянии с волнами агрессии, накатывавшими на нее с четырех сторон. Определяющая роль в этом принадлежит родо-племенной системе, а также хозяйственному укладу, основанному на земледелии и скотоводстве, которые (с середины 2-го тысячелетия до н. э. и вплоть до наших дней) пустили очень глубокие корни. В этой культуре существовали едва ли не два мира. Первый, — это социальный мир племен и народов, глубоко уходящий корнями в землю и историю. Второй мир — это мир распрей, войн за гегемонию и власть, принадлежащий бесчисленным агрессорам, эксплуататорам и силам, приносящим с собой смерть. Я стараюсь пояснить, что на протяжении всеобщей истории до настоящего времени между этими двумя мирами красной нитью проходит полоса диалектического развития. Культура региона никогда не принимала роль периферии по меньшей мере в субъективном плане, она даже думать об этом не хотела, и если в ее центральной роли порой были комические случаи, она все же настойчиво оставалась центром. Посмотрев на нашу микроисторию с этой глобальной точки зрения, нетрудно увидеть и понять тысячи примеров достоинства и низости, боли и страсти, комедии и трагедии. На примере всего этого мы еще лучше осознаем свою сущность (физическую, химическую и биологическую природу, являющиеся ее неразрывными частями), еще больше стремимся к воле и практике победы над негативом.

Е. Последний глобальный шаг центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока реализовался в моменте и синтезе исламской цивилизации. Под названием «ислам» кроется не рафинированная религиозная идеология, как это принято считать, а некий синтез всех идеологических вариаций, существовавших на тот момент. Ислам не является оригинальной цивилизаци-

ей, а является неким периодом, моментом течения Ближнего и Среднего Востока в мировом потоке культуры и цивилизации. Вместе с тем он представляет собой очень сложный идеологический синтез. Несчастье заключается в том, что когда Западная Европа, вновь обратившись к синтезу христианства, способствовала глобальному историческому развитию науки и философии, научный анализ философии, начатый в исламском синтезе, был в это время полностью похоронен, так и не достигнув итога, что и стало одной из значительных причин постепенного сползания центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока в сторону Европы.

Исламская цивилизация, несмотря на все освободительные лозунги, декларированные изначально, в течение очень короткого срока (во времена династии Омейядов в 650–750 г.г.) превратилась в гегемонистскую цивилизацию. Ислам, по сути, позиционировался как выход из длившихся столетиями кризиса и неразберих, сложившихся в результате столкновений между Византией и Сасанидскими правителями, что приводило к деградации, совершенно не позволяло получить прибавочный продукт и буквально разрывало на части и народы, и социальную ткань региона. Как видно из названия, ислам является религией мира. Но, как и бывает обычно, с приходом к власти династии Омейядов произошла эскалация цивилизационных войн на Ближнем и Среднем Востоке (Мединское соглашение Мухаммеда действовало с 620 по 650 г.г., и в результате столкновения между Муавией и Али среди всех курейшитов наиболее успешными оказались Омейяды). Византия и Сасаниды неоднократно терпели поражение, Константинополь был окружен, все города Сасанидов полностью захвачены. Омейядов смогли остановить только на границе с Китаем (середина VIII века). Они расположились на всем пространстве от Индии до Иберийского полуострова и на подходе к Африке. Исламизация тюркских племен привела к их распространению на всем северном полушарии от центральной Европы до всей Южной Сибири и Средней Азии. В сферах власть-государство-цивилизация произошло серьезное расширение.

В период правления династии Аббасидов (750–1250 гг.) гегемония была доведена до апогея. Частенько озвучивалось понятие «Мировой империи». При помощи активных переводов греческой, индийской и даже китайской культур они хотели создать культурное превосходство ислама. Торговый капитализм был поднят на самую развитую в истории ступень. Ислам был настолько силен, что при желании мог бы установить контроль над Европой, даже аннексировать ее, что, по сути, и было сделано позднее, когда под его натиском европейская гегемония потерпела поражение. Ислам довольствовался частичным завоеванием Европы, поскольку не видел в этом прибыли. В противовес бытующему мнению, завоевание Европы остановилось не как следствие ее сопротивления, а точно так же, как и во времена аннексии Рима, было оставлено незавершенным ввиду совершенной нерентабельности. И гунны, и Чингисхан тоже оставили свои завоевательные походы незавершенными. Европе в какой-то степени повезло в том, что до XV века она не стала столь лакомым куском, чтобы возбудить аппетит крупных сил (ближне- и средневосточного происхождения). Когда же Европа достигла достаточного уровня (начиная с XIX века), она нашла силы отстоять свою гегемонию и сохранить свою целостность благодаря мощному противодействию.

При рассмотрении упадка гегемонии ислама как цивилизации обычно приводятся такие причины, как нашествие извне монгольского правителя Чингисхана и внутренние межконфессиональные распри. Но это крайне недостаточное объяснение. Как уже было сказано, основная причина заключалась в том, что ислам не смог осуществить культурный Ренессанс. Аббасиды являются очевидцами этой истины. Они четко осознавали, что, позиционируя себя как воплощение свободы и мира, ислам не сможет одними лишь религиозными функциями сохранить мощь империи. В период 800–1200 гг. было приложено множество усилий, действительно приближающих исламский Ренессанс. В науке и философии достигнуты серьезные успехи. В таких сферах, как медицина, биология, математика, физика,

химия, история и социология ислам был впереди Европы. Можно говорить о серьезных достижениях в философии, познании, мистике, логике, теологии и юстиции. Но в итоге превосходство религиозного догматизма привело к торможению этих трудов и усилий, более того, они были преданы проклятию и признаны незаконными.

Что касается Европы, то в этот период она, напротив, с одной стороны, стараясь напрямую достичь греко-римских источников, с другой стороны, стремилась перенести на свою почву все источники культуры, которые были достигнуты в исламских странах и могли показаться Европе полезными. Ренессанс, прерванный на Ближнем и Среднем Востоке, ускорил свой темп в Европе. XIV — XV столетия являются периодом европейского Возрождения. Успех европейцев заключается в том, что в противовес христианскому догматизму они смогли продолжить культуру Ренессанса и распространить ее по всей Европе. Реформация, имевшая место в XVI, XVII и XVIII веках (коренные реформы в религии), добившись просвещения благодаря философской и научной революции, смогла успешно завершить процесс. В итоге к началу XIX века победа культурной (интеллектуальной) революции была неоспоримой. Именно эта победа культурной революции и сыграла определяющую роль в том, что исламская цивилизация утратила гегемонию, которая перешла к Европе.

В данном процессе сползанию гегемонии в сторону Европы фактором, который следует считать второстепенным, является то, что торговый капитализм в аналогичной форме успешно был перемещен в Европу. Произошел потрясающий торговый скачок, который, начиная с XI века, вместе с крестовыми походами, совершили итальянские города, в первую очередь Венеция, Генуя и Флоренция, их целью было не только извлечения прибыли. Европа смогла вместе с прибылью перенести на свою почву все процессы капиталистического развития, имевшие место на протяжении тысячелетий на Ближнем и Среднем Востоке (земледелие, финансы, торговля, ремесло). Вместе с произведенными товарами европейцы перенесли к себе также

методику и технику, при помощи которых осуществлялось их изготовление. Сюда же следует включить и перенос достижений китайской цивилизации (бумага, порох, типографский станок, пушечное ядро и др. технические новшества). В частности, можно говорить о третьей линии переноса в Европу военного и политического мышления и техники через т. н. «монгольский путь». Европа сама по себе не создавала ни техники власти и государства, ни стоящего за этим мышления; в большей степени она получила все это как наследие. Свой вклад Европа стала вносить, только начиная с XVI века. В качестве четвертой линии следует отметить перенос на европейскую почву всех достижений искусства и литературы. В этом смысле успешную роль сыграли итальянские города-государства, исламское государство Андалусия.

В итоге можно сказать, что и христианство стало основным средством духовных и моральных поисков Европы. После падения Рима именно христианство сумело морально удержать Европу на достигнутом уровне. Но гораздо важнее то, что новая волна урбанизации в Европе в большинстве своем происходила вокруг христианских монастырей. Новые процессы урбанизации, набравшие, начиная с XI века, обороты в Италии и на берегах Западной Европы, стали, с точки зрения всемирной истории, третьей по величине волной после шумерской и ионической урбанизаций. Несмотря на различия в стоящих за ними культурах и формах образования, у них были и схожие стороны, и потому эти исторические шаги в урбанизации имеют, несомненно, множество структурных институтов.

Повесть о пяти тысячах лет цивилизации одновременно является повествованием о развитии урбанистических вариаций. Будучи наиболее крепкими связующими звеньями материальной и духовной культур, города играли в истории постоянную и значимую роль. Вопрос о том, чем завершится европейский этап урбанизации в силу пережитых тяжелых депрессий и разрастания болезней, подобно раковой опухоли, и сегодня остается предметом серьезных дискуссий и поисков новых путей решения. Христианство в этом смысле сыграло роль страте-

гического и тактического лидера в переносе элементов материальной и духовной культур. Принимая во внимание ближневосточные корни христианства, можно лучше осознать, как родилась Европа, перешедшая на почву новой цивилизации, начиная с XVI века. Половинчатая европейская цивилизация, оставшаяся от греко-римской культуры, на почве этих новых поисков сама возродилась, достигла сильного культурного синтеза и смогла установить собственную гегемонию, добившись радикальных преобразований в сфере производства и накопления.

В процессе создания гегемонии на втором плане остаются такие явления, как западноевропейские города-государства, повторные завоевательные попытки испанских монархий дворов и опыт строительства ими империй, возвышение Голландии и Англии, соперничество с ними Франции и Германии. Следует особенно подчеркнуть, что материальные и духовные факторы иудейской культуры имели в гегемонистском возвышении Европы стратегическое значение по меньшей мере такое же, что и христианство. Ясно, что иудеи сыграли лидирующую роль в переносе всех культурных элементов исламского мира на европейскую почву. Плодотворной была их роль в обучении Европы таким понятиям, как торговля и финансы. Иудеи оставили неизгладимый след во всех областях, будь то мышление, наука или философия. Они постоянно давали ощущать свое присутствие, осуществляя теоретическое и практическое руководство всеми революциями. Нельзя отрицать того, что иудеи стали кровью и мозгом новых цивилизаций, по меньшей мере внесли весомый вклад в их развитие.

В итоге ясно, что всемирная история, которую Гегель хотел создать, начиная с греческих городов-государств и заканчивая национальным государством Наполеона, отнюдь не была такой, как об этом говорилось. Либеральные философы, противостоящие Гегелю, с распадом Советского Союза также сделали аналогичный вывод о том, что это «конец истории». Здесь было определенное «завершение», но это вовсе не было концом всеобщей истории, а являлось завершением истории центральной цивили-

зации, ее форм власти и государственности. Проникнув во все скрытые закоулки общества, национальное государство в такой форме одновременно положило конец проблематичным взаимоотношениям власти и государства. Следовательно, если критически рассматривать философию Гегеля (но не так, как сделал Маркс), то это приведет к гораздо более поучительным итогам. Я постоянно задаю себе вопрос, понимали ли США, что, казнив Саддама во время своей операции на Ближнем и Среднем Востоке в начале 2000-х годов, они объявили об окончании эпохи национального государства. Ответ на этот вопрос не столь важен, важна сама истина. Я приводил и такое сравнение: насколько важна была казнь Луи XVI во время Французской революции во имя создания национального государства, настолько же важной стала казнь Саддама для завершения эпохи национального государства как минимум на Ближнем и Среднем Востоке. Те, кто умеет правильно и серьезно относиться к всеобщей истории, смогут найти множество свидетельств, касающихся разрыва звеньев в цепи национальных государств на всем протяжении от Афганистана до Марокко, и завершения формации национального государства.

Но завершение таких феноменов, как власть-государство-цивилизация, о которых говорил Гегель, совсем не означает завершения всемирной истории; скорее всего, это начало новой парадигмы. Социальная история, которая является одной из глубоко запрятаных, но постоянно пульсирующих артерий всемирной истории, после длительных перерывов вновь восстает и готовится к исполнению своей созидательной роли. В тезисах демократической цивилизации нет особых идей в отношении строительства государств или их распада. Демократическая цивилизация старается конкретизировать стратегические и тактические линии, существующие между ней и иерархически-элитарной цивилизацией. Эти две цивилизации во всемирной истории постоянно существовали и существуют сейчас. Наша задача заключается в том, чтобы утвердить все идеологические и политические программы, а также стратегические и тактические принципы и средства нашей

демократической цивилизации. Но не так, как это сделал К. Маркс путем сползания на почву левого гегельянства, а методом критического подхода ко всей его философии, выходя за ее рамки и утверждая свою философию демократической цивилизации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Общественный кризис напоминает о тех периодах, когда система оказывается в состоянии, не позволяющем ей продолжить свою жизнедеятельность. В сравнении с этим проблема получает еще более общий смысл. Если кризисы имеют более волнообразный характер, то проблема ощущается в ракурсе фактов, явлений, взаимоотношений и структур. Если считать кризисы, происходящие внутри системы, «конъюнктурными», то кризис, имеющий отношение непосредственно к системе, можно назвать «структурным». Социальные кризисы вызываются многосторонними причинами. Наряду с кризисами, охватывающими сферы политики, экономики и демографии, имеют место и кризисы геобиологического характера. Общества с неразвитой иерархией и государственностью (в целом авторитарные структуры) чаще всего имеют геобиологический характер. Такие природные бедствия, как землетрясение или засуха, могут вызывать глубокий общественный кризис. Неожиданные нарушения баланса окружающей среды способны также привести к аналогичным последствиям. Кризис могут породить и такие факторы, как неспособность прокормить собственное население или сильное снижение его численности.

Кризисы, порожденные властью, происходят вследствие постоянного снижения уровня прибыли и провоцируются при помощи военной техники или финансовых, торговых и индустриальных средств. По мере того, как себестоимость войны оказывается выше приносимой ею прибыли, кризис становится

неизбежным, если его предотвращение иными способами невозможно. Постоянное снижение уровня прибыли финансовых, торговых и промышленных монополий, довлеющих над рынком, и невозможность поддержания уровня прибыли путем новых войн делают неизбежными кризисы внутри системы. Если кризисы, возникающие из-за конъюнктуры (обычно 5–100 лет в капиталистических системах), длятся долго, они приобретают систематический характер. Тогда под системой понимается невозможность продолжения жизнедеятельности общества. Разрушающаяся структура системы создает хаотическую атмосферу, способствующую возникновению новых системных образований.

Те социальные силы, которые более развиты и подготовлены в идеологическом и структурном отношении, обретают шанс или осуществляют миссию более успешного строителя новой системы.

Проблема распада любой системы и строительства новой способствует появлению искажений позитивистского мировоззрения. В частности, все усилия позитивистов, для которых характерна теория прямолинейно развивающейся истории, направленные на определение общественных формаций при помощи нового фаталистического понимания, привели к весьма негативным последствиям. Желание создать инженерную проекцию такой сложной природы, как общество, не только становилось на протяжении истории причиной возникновения кризисов, но и усугубляло эти кризисы. Все подходы, как метафизические (исламские, христианские, буддистские и т. п.), так и позитивистские (национальные, экономические, правовые и т. п.), неизменно «наступали на одни и те же грабли»; даже позитивистские методы не просто появились на волне фашизма, но и способствовали возникновению таких последствий, как социальные геноциды, что гораздо хуже кризисов. Можно сказать, что научные и философские перевороты, имевшие место после Второй мировой войны, привели к тому, что дискуссии о социальной природе приобрели более глубокий характер. Такие понятия, как «экология», «феминизм», «культура», «демократия»,

имеют более убедительный характер и, точно определяя возможности решения, способствуют их усилению.

Даже несмотря на то, что марксистская теория капиталистических кризисов придает этому явлению официальный характер, в течение прошлых периодов они не только не приближали решение в границах социализма или коммунизма, но и все больше отдаляли его. Такая ситуация связана с недостаточным и неправильным признанием природы общества, а предлагаемые модели решения, имея утопический характер, не выражают никакого иного смысла. Но ужаснее всего то, что предлагаемые методы и средства действия, даже не желая того, служат процессу усиления капитализма. История в этом смысле полна бесконечных выдуманных решений и безнадежных заблуждений. Наиболее важным последствием реалий, имевших место на протяжении всей истории относительно социальных кризисов и средств их преодоления, является дальнейшее углубление процесса познания, ощущение потребности в этом знании. В этом смысле наука и философия, даже религия и искусство, развивались в тесней связи с потребностью стать ответом на тяжелые социальные кризисы.

Социальные проблемы имеют совершенно иной характер. Безусловно, у них есть общие черты в том смысле, что они исходят от власти и эксплуатации, но налицо и совершенно разные стороны, проявляющиеся чаще, почти ежедневно. Более того, если что-то является проблемой для некоторых личностей и групп, то для других личностей и групп это же является решением. Данное обстоятельство имеет более общий характер для кризисов. Негативное влияние кризисов испытывают все социальные слои. Только некоторые маргинальные враги общества способны использовать кризисный период для получения выгоды. Социальные проблемы, не имеющие внешнего происхождения, могут возникать в основном на базе гнета и эксплуатации со стороны институтов власти. Все общество испытывает негативное воздействие механизмов гнета и эксплуатации монополий власти. Для женщины негативным моментом является институт и иерархия власти мужчины, для раба это господин,

для крестьянина — феодал, для чиновника — начальник, для рабочего — работодатель. Все они испытывают ущерб, подвергаются гнету, пыткам и в итоге все переживают одну социальную проблему. Монополии власти и эксплуатации предлагают в качестве решения более ужесточенные формы власти и методы эксплуатации. Именно по этой причине постоянно развиваются формы государства и эксплуатации. Ответом становятся постоянное сопротивление и мятежи, оборонительные войны. Итогом частого попадания в русло логики власти и соблазна эксплуатации становится самая недостойная форма жизни под давлением проблем, что является едва ли не злым роком. История этетической цивилизации — это в определенном смысле история развития философии и практики свободы и равенства тех, кто противостоит сторонникам обновления и развития методов гнета и эксплуатации.

Общества Ближнего и Среднего Востока всегда были той частью человечества, которая на протяжении всей истории больше всех испытывала на себе влияние кризисов и вытекающих из них проблем.

Несомненно, основной причиной этого явилось вынужденное испытание постоянного гнета и эксплуатации центральной цивилизации на протяжении более чем пяти тысяч лет. Ни в каком ином регионе мира не наблюдался столь длительный процесс жесткого гнета и эксплуатации.

1. ПРОБЛЕМА ЖЕНЩИНЫ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Изучая социум, необходимо прежде всего дать социально-историческую оценку тем проблемам, которые непосредственно связаны с женщиной. Женский вопрос лежит в основе всех остальных проблем. Мы видим, что еще задолго до перехода к классовому государству по отношению к женщине была установ-

лена жесткая патриархальная иерархия (с господствующей ролью мужчины). Для мотивировки мужского господства прибегали к множеству мифических сказаний и легенд. Отражением этого процесса является легенда об Инанне, богине Урука. В этой легенде чувствуется огромная тоска по древней священной матери-богине и природе. Ощущаются страдания, вызванные хитростью, коварством и насилием господства мужчин в системе патриархальной иерархии и государства, в которых буквально задыхалась женщина. Эти реалии еще более откровенно и поразительно отражены в вавилонских легендах (конфликты между могущественным богом Вавилона Мардуком и богиней Тиамат). В шумерской мифологии говорится о том, что женщина сотворена из ребра мужчины. Это символическое выражение, находящее развитие в монотеистических религиях. Женщина, входящая в шумерские зиккураты в образе богини, выходит оттуда храмовой проституткой. Первые публичные дома открываются в городах Шумера. Женщину, бывшую храмовой проституткой, вынуждают исполнять роль дворцовой наложницы. Она становится незаменимым товаром — рабыней на всех рынках. В греко-римской цивилизации женщина являлась всего лишь рабыней в домашнем хозяйстве — в политике ей не было места. В европейской цивилизации женщина становится объектом половых отношений, обусловленных договором с женщиной. При капитализме женщина уже превращена в проститутку, принадлежащую всему миру. Господство мужчин привело к тому, что история полностью обрела структуру и смысл сексизма, развиваясь уже в образе властвующего мужчины.

Превращение женщины в объект сексуальных притязаний (что в смысловом отношении соответствовало ее порабощению) постепенно отражается и на той части мужчин, которых общество превращает в объект угнетения и эксплуатации. По мере того, как высшая клика общества в лице политиков, военных и жрецов наделяется статусом господствующего пола, управляемые низшие слои постепенно закабаляются, как это некогда произошло с женщинами. В греко-римском обществе мужчина с молодости воспитывается в условиях усиленного полового критерия.

На протяжении всех этапов цивилизации половые извращения повсеместно становились следствием сексистского отношения к женщине. Чем сильнее закабалялась женщина, тем больше закрепощался и унижался мужчина-раб.

По мере того, как к этим вопросам, имеющим историческое происхождение, добавлялись существовавшие в обществе Ближнего и Среднего Востока проблемы, порожденные механизмами капиталистического гнета и эксплуатации, неизбежным становилось поистине невыносимое для женщины существование. Быть женщиной — это, возможно, то же самое, что быть человеком, испытывающим жесточайшее насилие. Наиболее страшная форма грубого давления и эксплуатации, переживаемая обществом, реализуется в отношении тела и труда женщины. Лишь недавно был осознан тот факт, что женщина тоже является человеком. Жесткий и недостойный сексистский подход уступил свое место такому отношению, когда женщина может связать свою жизнь с другом, товарищем, в котором испытывает потребность — по этому поводу хотя бы ведутся дискуссии. Необходимо знать о том, что пока не будет реализована модель верных взаимоотношений с женщиной в обществе, жизнь не будет иметь смысла вообще. Мы должны развивать свои мысли и дела, осознавая то, что самая осмысленная и красивая жизнь может быть только со свободной женщиной, глубоко осознающей свое достоинство.

2. ПРОБЛЕМЫ ПЛЕМЕН, ЭТНОСОВ И НАРОДНОСТЕЙ

Проблемами, особенно часто возникающими на Ближнем и Среднем Востоке, с исторических времен и по сей день являются проблемы племен (родов), этносов и наций. Такого рода проблемы распространялись и концентрировались по мере того, как развивалась этактическая цивилизация. До развития цивилизации в родо-племенной структуре царилла такая же естественная

свободная жизнь, которая была характерна и для женщин. На очень высоком уровне находилась родо-племенная этика. Человек мог пойти на любой самоотверженный шаг во имя своего племени, так же как и племя для каждого из своих членов. Тогда были действительные личности и истинные сообщества. По мере того как институты цивилизации посягнули на родо-племенную структуру и захотели ее подчинить, начался период самой широкой и активной борьбы в истории. Главным противоречием стало взаимоотношение между племенем, сопротивляющимся порабощению, и государством. Горы и пустыни были ареалами этого конфликта, ставшего незаменимым условием обороны, питания и воспроизводства. Надо ясно отдавать себе отчет в том, что вторым после порабощения женщины чудовищным деянием истории стал захват рабов из родо-племенных структур. Родовые общины превращались в племена, развивали волну своей борьбы и стремились к освобождению от этой проблемы. Но вооружение и организованность сил цивилизации всегда были на более высоком уровне развития.

В средние века родо-племенные союзы имели организационную структуру, доходящую вплоть до уровня народности. Так был сделан еще один шаг в направлении до национальной консолидации. Родо-племенная идеология и союз были обогащены идеологией и организационной структурой, характерными для народности. Монотеистические религии Китая, Индии и Ближнего и Среднего Востока обрели смысл верований той или иной народности. Тесно переплетались между собой религиозные войны и конфликты между теми или иными народностями. Греки, армяне, ассирийцы, арабы, персы и курды избирали веру, исходя из своих этнических интересов. Кто-то принимал христианство, кто-то мусульманство. Иудейский род, впрочем, изначально позиционировался как синтез веры и народа. Но ни родо-племенные идеологии, ни религии, характерные для той или иной народности, были не в состоянии решить все существовавшие проблемы. Иудаизм был проблемой, существовавшей изначально. Ассирийцы, армяне и эллинистические народы, первыми перешедшие от идолопоклонничества

к христианству, так и не смогли в полной мере претворить в жизнь идеи мира, братства и единства, которые они искали в христианстве. Такая ситуация способствовала возникновению негативных процессов, столетиями происходивших во имя христианства.

Если ислам, набравший высоту на почве противостояния идолопоклонничеству, принес арабским родо-племенным структурам мир, единство и превосходство, то тем не менее в короткие сроки выкристаллизовался в столкновениях с иудеями и христианами. Если религия и пыталась стать решением части вопросов, она все же принесла с собой целый клубок других проблем. В частности, армяне, эллины, ассирийцы и евреи, нашедшие приют в Анатолии, в какой-то степени став жертвами своего раннего развития, оказались в крайне тяжелом положении в связи с противостоянием арабам, тюркам, персам и курдам, вошедшим в лоно ислама. Когда к существующим вопросам прибавились и нескончаемые конфессиональные войны между этими народами, проблемы постепенно стали способствовать их полному исчезновению. Процессы ликвидации, которым подверглись мусульмане на Иберийском (Пиренейском) полуострове, почти в то же время пережили и христиане Анатолии, причем методы были очень схожи.

3. ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИЙ И КОНФЕССИЙ

К религиозным проблемам, которые переживали народы, прибавились еще и конфессиональные, возникавшие между ними в собственной среде. Религиозные заветы о братстве, единстве и мире в ракурсе материальных интересов имели крайне ограниченное влияние. Развивавшееся в обществе классовое расслоение превратило один и тот же народ в клубок проблем и споров. В таком маленьком и очень дружном племени, как иудейское, эта проблема еще во времена Моисея способствовала

возникновению крайне жестких столкновений между самыми близкими к нему людьми. Весьма показательны конфликты Моисея с братом Аароном и сестрой Мириамой. Иисус в первую очередь обращался к еврейской бедноте. Муавия еще при жизни Мухаммеда начал династическую войну за право повелевать потомками пророка. В исламе хариджиты, желая освободить свой «двуглавый», даже «трехглавый» халифат от Али, Муавии и Амр ибн аль-Аса, выносили смертные приговоры. Язид, сын Муавии, зарезал, как баранов, самых известных юношей из числа прямых потомков пророка, в пустыне Кербела. Каждый народ, принявший ислам, приносил с собой новые проблемы, разрастающиеся, как снежный ком, как среди самой народности, так и в ее взаимоотношениях с другими народами. Фундаментальная цивилизация Ирана захотела ответить на поражение от исламских арабов, создав конфессию шиитов. Родо-племенная знать тюрок-сельджуков и османов избрала ареной своих интересов суннитскую конфессию, олицетворявшую главенствующую традицию ислама. Неимущие слои, коими являлись туркмены, избрали шиизм и алевизм. Аналогичное расслоение пережили и курды. Если находившиеся у власти князья принадлежали к суннитской ветви и сотрудничали с арабскими и тюркскими султанами, то неимущая часть курдов исповедовала алевизм и зороастризм.

Первые три столетия христианства изобиловали конфессиональным расслоением. Классы и народности продолжали осуществлять свои интересы под покровом конфессий. У каждого народа появлялась своя конфессия. Латиняне стали католиками, греки и славяне — православными, армяне ушли в григорианство, ассирийцы поддерживали несторианство. Таким образом, в поисках свободы народы устремились к этой многообразной палитре конфессий. Более того, этносы переживали серьезные проблемы раздробления, касающиеся того, будет ли религия носить имперский характер или нет. Иудаизм не ограничился тем, что из его лоно вышли такие религии, как христианство и мусульманство: в собственной структуре он распался до родовых общин. Не ограничившись разделени-

ем на Иудею и Израиль, он пережил расхождение на сторонников персов и греков. Позднее имело место разделение на восточных и западных евреев (ашкеназы и сефарды). В эпоху капиталистической цивилизации в недрах иудаизма на волне последователей светского образа жизни появилась секуляристская интеллигенция.

В этот период христианство пережило величайшую Реформацию. Возникло протестантство, сформировались национальные церкви. В дальневосточных цивилизациях, в первую очередь в Индии и Китае, широко распространились аналогичные религиозные и конфессиональные деления, что породило новые проблемы. Исследуя материальные базы всех этих конфессиональных и религиозных проблем, нетрудно будет увидеть, что основную роль сыграли распространившиеся и сконцентрированные механизмы гнета и эксплуатации. Имели место войны, развернутые против общества тесно переплетенными между собой материальными и идеологическими монополиями ради эскалации гнета и эксплуатации. Эти проблемы сформировались еще со времен жреческих государств Шумера и Египта, а войны еще больше углубили конфликты. Результатом обретенного Буддой огромного опыта стали слова о том, что «нельзя погасить огонь при помощи огня». Так была высказана великая истина. Власть — это война, а война — это эксплуатация. Следовательно, власть воюет только с властью, потому что сладкая прибыль не знает иного.

Таким образом, если с одной стороны история цивилизации, насчитывающая более пяти тысячелетий, является историей, порождающей ежедневные конфликты, то с другой стороны мнимые решения, выдаваемые за конструктивные орудия, попросту способствовали расширению и дальнейшему углублению проблем. Ни великая мифология, созданная шумерскими жрецами, ни боги и пророки монотеистических религий, имеющих аналогичное происхождение, ни деление на конфессии не способны были стать средством против усиливающегося рабовладения. Виртуальные решения не могли обрести материальный характер. Монополии власти и эксплуатации не довольствовались тем,

что проникли в недра всех народностей и просочились в самые основные клетки общества на почве национального государства, а сложившаяся в результате картина означала распространение проблем по всему обществу. Поскольку в обществе больше не осталось никаких углов, куда монополии жестокости и эксплуатации, насчитывающие пять тысячелетий, могли бы пропихнуть проблемы, следовательно, увеличить свою прибыль, значит, действительно или вероятно, наступил их конец. Говоря, что наступил конец истории, мы, возможно, в этом смысле оказываемся близки к истине, как никогда раньше.

4. ПРОБЛЕМА ГОРОДА И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В обществе Ближнего и Среднего Востока с самого начала цивилизации ощущались проблемы городов и окружающей среды. Окинув взглядом повествования о первых структурах внутри шумерских городов и между ними, можно понять, в какой обстановке они развивались. Это была обстановка, полная всевозможных проблем, порожденных рабовладельческим строем. Урбанизация несет в себе порабощение, стало быть, огосударствление общества. Создание рынка влечет за собой экономические проблемы. Кто принимал решение о соотношениях обмена, то есть о ценообразовании? Нелегко было добиться компромисса. Бытовая сторона жизнедеятельности города и оборона сами по себе уже являлись серьезной проблемой. Между формирующимися авторитарными кликами (жреческой, управляющей и военной знати) постоянно имели место стычки, что способствовало возникновению проблем революции и контрреволюции. Более того, у городов имелись проблемы расширения и роста.

Городская администрация и государственный аппарат, развивавшиеся вместе с ростом городов, стали незаменимым фе-

номеном всех эпох цивилизации. Городское государство является самой древней и самой распространенной формой власти. Империи и национальные государства появились гораздо позже. Преимущественной формой города в истории были администрации, ограниченные городами и их ближайшим окружением. Острое соперничество между городами способствовало постоянным конфликтам, истощавшим все возможности городов. Выходом оказалось появление гегемона и городской метрополии. Урук, Ур, Вавилон, Ассирия, Персополис, Афины и Рим — такого рода города-гегемоны, позднее игравшие роль имперских центров.

Первым в истории императором считают Саргона, основавшего аккадскую династию. Не ограничившись завоеванием шумерских городов, попавших под гегемонию Агады и его собственную, Саргон распространил это явление на все сферы цивилизации своего времени. В таком виде империя означает установление городом-гегемоном (метрополией) контроля над другими городами и периферией и излечение своей доли из излишков общественного производства. Торговля, земледелие и промышленное производство, осуществляемые с привлечением более широкого рынка и материальных возможностей, приносили гораздо больше прибыли. Следовательно, широкая организация власти имперского типа была очень прибыльной. На примере империй Саргона, Вавилона и Ассирии можно ясно проследить эти тенденции. В частности, Ассирийская империя добилась высокого профессионального уровня в торговле сырьем и изделий. Она сознательно стремилась сохранить источник прибыли, не брезговала демонстрацией самых жестоких сцен во имя собственной власти. Ассирийские правители с гордостью говорили о том, как выстраивали крепостные стены из человеческих черепов.

Персы старались здесь добиться результатов более гибкими и нравственными методами и в этом направлении достигли успеха. Мегаполисом того периода был Вавилон, где смешались семьдесят две народности — величественный город со своими проблемами и их решением. Города Персии равнялись на Вавилон.

Греко-римская волна урбанизации была одновременно и более передовой, и имела множество схожих с другими городами вопросов; в первую очередь это управление, быт, оборона. Эллинистический синтез на Ближнем и Среднем Востоке стал передовым этапом в области городской архитектуры, о чем свидетельствуют выдающиеся строения. Но нетрудно также понять и то, что один-единственный город или храм могут способствовать возникновению в обществе многоплановых проблем. Гораздо более поразительным было бы осознание того, как единственная пирамида египетского фараона истощила все общество. Афины и Рим, будучи городами-метрополиями, тоже по горло были сыты социальными проблемами.

Даже если в исламский период города Ближнего и Среднего Востока достаточно разрослись, в архитектурном отношении они тем не менее сильно отставали от эллинистического периода. С каждым днем они теряли своеобразие, превращаясь в источники проблем как внутри самих городов, так и для окружающей среды. Невозможность приобщения к промышленному перевороту только усугубляла имеющиеся проблемы.

Урбанизационная волна западноевропейской цивилизации привела к возникновению городов, развивающихся на почве торговли и рынка. С самого начала она несла на себе отпечаток капитала. Имело место постоянное стремление установить гегемонию над прослойкой ремесленников в сельской местности и внутри города. Данная ситуация обернулась жестокой классовой борьбой. Если соперничество внутри городов и между ними стимулировало тенденции к возникновению империй и царств, то вместе с промышленным переворотом они вынуждены были капитулировать перед национальным государством. Немецкие и итальянские города смогли продемонстрировать определенную историческую стойкость, до конца сохраняя свое городское самоуправление, и последними сдались на милость национального государства (до XIX века). Промышленный переворот, на мой взгляд, является не решением, а началом конца и гибели городов. Индустриализм и бюрократия с наступлением XIX столетия способствовали тому, что города росли как снежный

ком, и такой бессмысленный рост, подобный раковой опухоли, завершился огромным бедствием для окружающей среды. Город уничтожает не только сам себя, но и окружающую среду, следовательно, истощает и умерщвляет все сельское общество (исторические реалии протяженностью в пятнадцать тысячелетий, производительную мощь истории, источник материальной и духовной культуры). Итогом становится то, что общество задыхается в Молохе гигантских проблем, превращаясь в центр производства глобальной безработицы и нищеты. Ближневосточный город, утративший собственную гегемонию, — это деурбанизация, вымирание и превращение в центр умерщвления одного из самых значительных орудий урбанизации, следовательно, всего общества.

История цивилизации Ближнего и Среднего Востока — это история разрушения и отрицания окружающей среды. Поскольку достижения цивилизации, как материальная и духовная культура, сформировались путем отрицания ценностей неолитической культуры (ухудшение в диалектическом смысле), история пошла именно по данному привычному пути. Но ведь с точки зрения обеих культур неолитическое общество имеет экологический характер! В его духовном мире, религии природа наделена священными чертами живой и самой высокой ценности. Возможности пропитания, развивавшиеся вокруг личности женщины, заложили начало экономики. Природа и женщина находились в состоянии гармоничного единства. Вера в живую природу отождествлялась с матерью-богиней. Большая часть средств материального производства является изобретением женщины. Традиции, связанные с питанием и одеждой, также несут на себе отпечаток женского влияния. Все эти достижения с приходом цивилизации будут преданы забвению и превращены в орудие угнетения и извлечения прибыли под гегемонией мужчины. Земля-мать станет для мужчины презренной. Даже Святое Писание (Священные книги) дает мужчинам такое право: «Женщина — это твое поле, обрабатывай его, как сам того пожелаешь». Но гораздо страшнее то, что шумерские города, постоянно используя землю в корыстных целях и пред-

видя процесс естественного опустынивания, применяли метод искусственного опустынивания, что способствовало осолонению земель. В опустынивании Месопотамии крайне негативной оказалась роль цивилизации.

В духовном мире цивилизации такие понятия, как «природа», «окружающая среда», «земля», всегда казались низшими. По сути, данный подход имеет чисто идеологический характер. Делается это для того, чтобы унижить земледельческое общество, в противовес которому развилась сама цивилизация, и легко управлять им. Цивилизация в идеологическом смысле создала такой образ мира, как если бы мир — это враг человечества и существует для того, чтобы сводить с ним счеты. Священные книги (Святое Писание) опять же гласят: «Это — лишь место вашего испытания». С другой стороны, сторонники государственности, создавая в этом мире рай для самих себя, совершенно не верили в изобретенные ими религии, потому что хорошо знали то, что сами изобрели. Что касается общественного развития, формирующегося в тесной взаимосвязи с геобиологической средой, то по мере прогресса истории цивилизации (по сути, должно быть, ее постоянного регресса) оно станет подвергаться постоянному отрицанию, при помощи мнимых, абстрактных иных миров превращаясь в ее полный антагонизм.

Суть экологической проблемы кроется именно в этих реалиях. Стало быть, мы с ужасом осознаем, что эта проблема носит сугубо общественный характер. Невозможно длительное существование общества, чья сущность подвергается такому злобному отрицанию. Логика монополий власти и эксплуатации, направленная на излечение прибыли, идеологическая и военная борьба, развернутые ими в этих целях, носят антиэкологический, антибиологический и антиобщественный характер. Кризис, охвативший капиталистическую гегемонию сегодня, на стадии финансового капитала, вдавливает все эти реалии едва ли не в сознание и мировоззрение всего человечества. Он открыто показывает всем, как дошел до состояния, эквивалентного бумажным ассигнациям созданного ими лживого мира. Ни на каком этапе истории человечество не было

столь отчуждено от природы, жизни и общества. От того, что Ближний и Средний Восток долгое время испытывал на себе убийственную, грабительскую ношу центральной цивилизации, и в силу естественных и искусственных причин своего геобиологического положения, но он находится в первых рядах тех регионов, которые ближе всего к опустыниванию. Дело в том, что ближневосточное общество не хочет такой жизни, где решение своих проблем оно находит в самоубийстве. Точнее, принуждается к отказу от жизни.

5. ПРОБЛЕМА КЛАССОВОЙ ИЕРАРХИИ, СЕМЬИ, ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА

Общество Ближнего и Среднего Востока в ходе всемирной истории очень рано познало проблемы классов, иерархии и власти. Известно, что еще до начала цивилизации применительно к молодежи и женщинам были установлены первые системы иерархии. Два союза — коварного мужчины и жреца с одной стороны, и жрец с опытными пожилыми люди с другой стороны, стали прототипами всех иерархий и всех последующих властей и государств. Это и есть лоно, в котором зарождались все социальные проблемы. Мы знаем, что до городской гегемонии Урука в Нижней Месопотамии был иерархический период Эль-Убейда (5000—3500 гг. до н. э.). Речь идет об иерархии, распространившейся по всей Месопотамии. Данная система была соткана вокруг большого дома и семьи, что стало началом династической системы. Тогда сформировались и образ, и практика мира, в котором женщина, молодежь и все те, кто не входил в высший иерархический слой, подвергались нещадному порабощению, следовательно, тогда впервые был заложен фундамент социальной проблемы. Месопотамия, помимо того, стала всемирным лидером этой системы, а еще — корнем идеологии династии и семьи. Именно этими историческими причинами обусловлен

тот факт, что и сегодня два вышеназванных института еще очень сильны на Ближнем и Среднем Востоке. Эти два самых древних социальных института, руководимых мужчинами, на протяжении всей истории демонстрировали свой постоянный рост. Если династия постепенно превращалась в основной очаг власти и форму государственности, то семья стала официальным материнским лоном для зарождения всех обществ. Нет числа войнам за власть, которые на протяжении истории велись во имя создания и крушения династий и семей. Общество в результате этих войн не просто превращается в источник проблем, но попросту истощается изнутри.

Династическую систему надо воспринимать как нечто целое, где тесно переплетаются идеология и строительство системы. Она не только развивается в недрах родо-племенной системы, но и формируется как отрицание этой системы и семейный костяк высших слоев и правящей знати. Имеет место очень жесткая иерархия. Это прототип господствующего класса, прототип власти и государства. Он основан на культе мужчины и сына. Для его власти очень важно влияние над большим числом мужчин. Данное обстоятельство способствовало появлению многоженства, системы гарема и наложниц. То, что некоторые мужчины имели десятки жен и сотни детей, связано с династической идеологией. Власть и государство сначала создаются в рамках династии. Важнее всего то, что династия — это тот институт, который приобщает все родо-племенные системы, прежде всего свою собственную, а также все окружающие системы к классовому расслоению и рабству. В цивилизации Ближнего и Среднего Востока почти невозможно встретить власть и государство, не основанные на династии. Так происходит, потому что династия способствует формированию корня действительности и становится школой подготовки власти-государства.

Превращение династии в официальную идеологию оставило свой отпечаток на структуре семьи, способствовало формированию субстратной идеологии в форме «семейственности». Между семьями существует разница. На протяжении всей истории и

в доисторические времена существовали различные формы союза между мужчинами и женщинами. В частности, очень распространенным был клановый тип семьи с преобладающей ролью женщины. В границах данного типа не особо признавался мужчина-муж. Гораздо важнее была роль дяди по материнской линии и роль детей. Другой тип — гармоничный союз между мужчиной и женщиной. Несмотря на существующее противоположное мнение, этот тип семьи тоже был очень распространен в истории. Система, при которой мужчина является главой семьи, гораздо позднее развилась по следам тройственного союза *династия-власть-государство*. Основной целью стало воспитание женщин и детей в угоду династическим, авторитарным и государственным интересам высших слоев, что создавало зависимые, привязанные к нему личности. Несмотря на то, что особой нужды в этом не было и приводило к возникновению крайне тяжелых социальных проблем, в основе семьи, где у мужчины было много жен и детей, лежат именно эти авторитарные и государственные интересы. Каждый глава семьи, как и династии, следуя этой традиции, считал семью с множеством жен и детей своего рода гарантией силы и жизнеспособности. Мировоззрение, близкое к авторитарному, постоянно стимулирует данную сторону, хотя вместо формирования решения это способствует зарождению всех социальных проблем. Для осознания социальных проблем важно знать то, что названная ситуация была продиктована официальной идеологией и укреплялась при поддержке религии. Династические и семейные традиции, и по сей день сильные в ближневосточном обществе, являются одним из основных источников проблем, поскольку постоянно способствуют чрезмерному демографическому росту населения, власти и государства. Унижение женщины, неравенство полов, отсутствие воспитания у детей, семейные конфликты, так называемые «проблемы чести» — все это связано с традициями семьи. Мини-макет проблем, существующих в сферах власти и государства, создавался едва ли не в недрах семьи. Анализ семьи является условием анализа таких аспектов, как *власть-государство-класс* и общество.

Если семья и династия построены по принципу центральной власти, то ясно, почему идеология и практика авторитаризма и этатизма являются самыми важными темами в обществе. Постоянное наличие на Ближнем и Среднем Востоке проблем власти и государства объясняется тем, что общество, на основе которого выросли эти проблемы, полностью охвачено традициями семьи и династии. Эти проблемы взаимно подпитывают друг друга. В этом смысле очень важно осознать идеологическую сторону проблем. И по сей день в мировоззрении Ближнего и Среднего Востока не укладывается тот факт, что сила власти и государства, которая считается орудием решения проблемы, создает проблемы противоположные, порождая бессильную, рабскую жизнь, совершенно лишенную творчества. Очень важно, что именно по этой причине мы трактуем данный клубок взаимоотношений как основной источник проблем. Именно из-за этой ситуации, которую я познал очень рано, я проявил большой интерес к демократической идеологии и организациям, дискуссиям и практическим акциям. С каждым днем жизнь все больше демонстрировала мне то, что путь решения социальных проблем проходит именно здесь.

Несмотря на устоявшееся мнение, класс не порождает власть и государство. Напротив, авторитарные и государственные образования, построенные на принципах династии и семьи (иерархических структурах), сами способствуют классовому расслоению. Преимущество принадлежит иерархической этатической идеологии и практике. Можно установить то, что в истории цивилизации Ближнего и Среднего Востока этот процесс имел очень широкое распространение. Гораздо сильнее были тенденции к классовому расслоению сверху вниз, а не снизу вверх. Но еще важнее то, что гораздо больше взаимоотношений между государством и классами, не связанными друг с другом, имеют место взаимоотношения между идеологически и практически связанными друг с другом классом-властью с одной стороны и феноменом государства с другой стороны. Это процесс, протекающий предельно скрыто — настолько, что из-за родо-племенных, семейных, династических и государственных

ных идеологических символов класс едва ли не обезличили. Таким образом, предпринимается попытка предотвращения развития классового сознания. Осуществляя анализ классов, очень важно рассматривать это конкретно: подходить к этому именно так, как на протяжении истории происходило формирование класса. По мере классового расслоения общества на Ближнем и Среднем Востоке в тесном переплетении проходили такие процессы, как формирование семьи, династии, власти и государства. Рабовладение утверждается не просто по отношению к материальному труду. Прежде всего, происходит порабощение мыслей, чувств и физического тела. Без развития идеологического порабощения не может найти своего развития порабощение материального труда. Для того чтобы увидеть проблемы, порожденные широко распространенными классовыми особенностями, очень полезно было бы продемонстрировать такого рода объединяющий подход.

Гораздо ближе к истине был бы взгляд на процесс создания власти и государства в обществе Ближнего и Среднего Востока как на извлечение политических дивидендов (когда сила создает прибыль).

Социальные ценности создаются чаще в форме их экспроприации органами власти и государства, нежели путем взаимоотношений между господином и рабом. Власть является гораздо более распространенным явлением, нежели государство. Власть может активно существовать и без государства. Таким образом, институты власти можно считать своего рода монополиями капитала. Без прибыли нет смысла власти. Основной целью всех процессов формирования власти является прибыль. Считая власть структурой, отличной от прибыли, мы сильно заблуждаемся. Именно по этому вопросу западная социология избегает просветительских функций. Монополии строятся не только капиталистической системой и не только как форма прибыли — в подавляющем большинстве исторически создаются именно монополии и группы власти. Без власти просто невозможно даже думать о прибыли. Это относится и к европейской цивилизации, и, считая монополии власти более рафинированными, классическими орудия-

ми извлечения прибыли, мы сможем гораздо точнее трактовать историю.

Государство — это явление, отличающееся от власти. Оно тоже основано на власти, но представляет собой иную форму. Прежде всего, несколько институтов власти, увидев, что, объединившись, можно извлечь гораздо больше прибыли, самым яростным образом рвутся к созданию государственности. Государство постоянно создавалось как общая организация прибыли для различных институтов власти. Таким образом, в структуре государства из-за долей прибыли постоянно присутствуют конфликты и ссоры, даже внутренние войны. В частности, поскольку государство обладает более рафинированной и узаконенной традицией, все монополии прибыли постоянно занимают сторону государства, являющегося выражением их корыстных интересов. Но когда государство превращается в источник ущерба для интересов монополий, на повестке дня возникают такие вопросы, как раздробление существующего и создание нового государства либо и разделение власти. Цивилизация Ближнего и Среднего Востока на протяжении своей истории была свидетельницей бесчисленных экспериментов такого рода.

Анализ власти и государства может быть осуществлен более реалистично на примере центральной цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий. Европейская цивилизация, насчитывающая пятьсот лет с точки зрения времени и места является недостаточным объектом для анализа власти и государства. Именно поэтому не удастся сформулировать точные решения, связанные с государством и властью. Если марксизм в этом смысле продемонстрировал образец полнейшего невежества, то либерализм использует более утонченные методы введения в заблуждение. Консервативные силы гораздо лучше знакомы с истиной, но ее выражение не входит в их интересы. Отдавая предпочтение идеологически-мифическому языку, они углубляют это мировоззрение, вводящее в заблуждение. То, что в обществе чаще всего проблемы власти и государства остаются за рамками истины, связано с уровнем прибыли, кроющейся в

их сути. Если понятия религии и бога, развивающиеся на протяжении всей истории цивилизации, подвергнуть реальному социологическому толкованию, станет ясно, что это — схема государства, идеологическое возвышение практики, связанной с моделью бога-царя. По сути, нет разницы между тем, истолковывать современное национальное государство как божество, низошедшее с небес, или же считать его той же организацией, лишенной божественного начала и утверждающей светский образ жизни. Гегель в этом отношении прочитал историю гораздо глубже Маркса.

Социальные проблемы Ближнего и Среднего Востока — это проблемы семьи, династии, класса, власти и государства, сегодня ощущающиеся гораздо шире и острее, чем когда либо.

6. ПРОБЛЕМЫ НАВРСТВЕННОСТИ, ПОЛИТИКИ И ДЕМОКРАТИИ В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Очень поучительным было бы развертывание анализа пятитысячной центральной цивилизации на основе таких понятий, как «нравственность», «политика» и «демократия». Вопрос развития общественной природы как комплекса нравственных и политических явлений я разрабатывал в предыдущих разделах. Должен вкратце повторить, что без нравственности и политики не может быть общества. Если и будет, то не больше, чем некая аморфная (бесформенная) толпа. Если и есть такие общества, то они могут служить только материалом для других обществ.

Нравственность можно охарактеризовать как единство позиций, появившихся в обществе на первых стадиях его строительства. Это — единство мер, сделанных дел и поведение первобытного общества в целях добычи пропитания, воспроизводства и защиты. Нравственность считается сформировавшейся по мере превращения этого комплекса мер в традиции. Поскольку счи-

тается, что общество без воспроизводства, защиты и питания не может продолжить свое существование, то я скажу, что не может быть общества без нравственности. Будучи несколько иным понятием, политика тем не менее тесно связана с нравственностью. Отличие политики от нравственности заключается в том, что она является актуальной акцией. Если нравственность традиционно функционирует и выполняет свою роль в рамках традиционных клише, то политика означает единство решений, принимаемых в отношении проблем, ежедневно возникающих перед обществом. По мере того, как этот комплекс мер принимает характер традиций, происходит объединение с нравственными традициями, и они становятся непосредственно нравственными правилами. Речь идет о том, что оба они взаимно подпитывают друг друга. Если нравственность традиционно предоставляет свои границы для политики, то политика своими конструктивными решениями постоянно расширяет и углубляет их. В таком случае невозможно полностью отделить друг от друга эти два понятия и явления.

Демократия как третье важное явление и понятие присоединяется к первым двум. В этом смысле невозможно представить себе общество без демократии; если и представить, то это будет ничего из себя не представляющий социальный материал. Такому обществу не избежать участи орудия, находящегося в руках других обществ. Следовательно, функция демократии выражается в том, что пока осуществляется политика и принимаются решения, она принимает участие в процессе в качестве силы выражения и организации всех заинтересованных обществ. По своей сути политика является в этом смысле демократией. Настоящая политика— это демократическая политика. Политика, не являющаяся демократической, — это односторонние административные решения иерархической власти и государства, получивших развитие несколько позднее. «Административные решения» этих сил нельзя назвать политикой, это, скорее, нормы управления.

Настоящая политика — это та, которая реализуется при обязательном участии и дискуссии демоса (единство всех органов

рода, семьи, племени, народа, национального общества). Политика — отнюдь не то явление и понятие, которое могло бы сформироваться без участия народа и общества. Следовательно, поскольку политика должна быть демократической, она должна быть и нравственной. Общество, в котором нет демократии, не может быть политическим, а общество, в котором нет политики, не может быть нравственным. Эти три связанных и характерных выражения изначально обуславливают взаимную необходимость.

Центральная цивилизация Ближнего и Среднего Востока развивалась в состоянии противоречия и противостояния с этими тремя фундаментальными явлениями и категориальными выражениями общества. Между ними существует основополагающая диалектическая связь. Чем больше развивается общество цивилизации (*город-класс-власть*), тем большее отставание переживают нравственность, политика и демократия. Одновременно между ними имеют место напряженность и борьба. Данный процесс можно проследить на примере шумерских эпических произведений, в частности, в сказаниях о женщине, земледельце и пастухе. Упомянутые напряженность и борьба подчеркивают действительность происходящего. В более поздних легендах и религиозных текстах уже не особенно слышен голос этой триады (основных столпов общества). Выходит, они проиграли борьбу. Родо-племенной эпос оказался очень ярким и дошел до наших дней. Стало быть, они еще не полностью утратили традиции нравственности, политики и демократии. Монотеистические религии гораздо больше повествуют о фараонах и немродах, что является высшей абстракцией. Значит, опять же, они, по меньшей мере, изначально проделывали такие шаги, которые вписывались в нравственные, политические и демократические нормы. Представления о нравственности, политике и демократии, основанные на европейской цивилизации, — крайне неполны, беспочвенны и носят буржуазный характер. Не представляется возможным осознать в полном объеме историческое развитие, следовательно, сегодняшние реалии нравственных, политических и демократических про-

цессов и их категориальных выражений с позиций самого эгоистического класса, коим является буржуазия. Такого рода научные попытки Запада нужно воспринимать с серьезной долей критики.

Надо полагаться на то, что во всех сообществах, не входящих в рамки системы центральной цивилизации, гораздо сильнее понятия нравственности, политики и демократии, имеющие для них категориальное значение. Было бы более реалистично считать близкими к духу свободы и равенства все полукочевые и находящиеся на грани нищеты сообщества, такие, как родо-племенные союзы и секты, не смирившиеся, восставшие и ушедшие в горы и пустыни, а также крестьяне и пастухи сельской местности. Элементы, испытавшие глубокое порабощение, занимают второй ряд и объективно могут рассматриваться в этом проекте. Для свободы, равенства, следовательно, для решения проблем нравственности, политики, демократии, важнее не объективно существующее рабство, а то, сколько человек не сдалось, сколько восстает, сколько покинули дома для борьбы и сколько развернуло борьбу за свои убеждения.

В обществе Ближнего и Среднего Востока, конечно же, имеются серьезные проблемы с нравственностью, политикой и демократией. В связи с процессом развития цивилизации эти проблемы оказались очень глубоки, но крайне важно знать и то, что нравственность, политика и демократия европейской цивилизации в большинстве своем носят буржуазный характер, не представляют вопросы нравственности, политики и демократии всемирной истории и не являются их отражением. Буржуазия стремится не к демократии, а управлению государством. Если даже не обобщать все то, что сделано со словом «демократия» на устах, все равно весьма существенно, что все эти меры, призванные скрыть суть управления государством, играют роль фигового листочка. Эти критерии действительны и для прав человека. В частности, действительность такова, что право полностью заняло место морали. Но являясь сводом законов, связанных с государством и властью, право никогда не сможет по достоинству занять место живой морали. Надо понять и то,

что деятельность, которая осуществляется для руководства государством во внутренней и внешней сферах, все решения и меры нельзя называть политикой. Вероятно, это можно назвать государственной политикой, но социальной политикой ее называть недопустимо. Все, что делается со словом «демократия» на устах, — ничто иное, как сцены представлений, находящиеся за пределами общества.

На основании этой краткой критики можно спокойно осознать то, что в обществе Ближнего и Среднего Востока сохраняется значение нравственный, политический и демократический потенциал. Наличие серьезных нравственных, политический и демократических проблем свидетельствует о силе этого потенциала. То, что и по сей день, сильны тенденции к этатизму и авторитаризму, наводит на мысль о том, что на обратной стороне находятся серьезные нравственные, политические и демократические проблемы и потребность в этих категориях. В силу существующего между ними диалектического противоречия реальность может быть выражена только в этой форме.

7. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Я постарался обсудить все существующие проблемы и пояснения, имея в виду идеологические и экономические аспекты. Для того чтобы сделать более заметными проблемы, которые в узком смысле являются элементами материальной и духовной культуры, я посчитал более удобным продолжить избранную нами схему. Остановлюсь на наиболее важных заголовках.

Западная политэкономия предпочитает использовать применительно к обществу все лженаучные искажения действительности и лжепророчества, развитые в других сферах — испытывает потребность в этом. Речь идет о новой, но более развитой форме

накопления капитала и пределах прибыли. Политэкономия способствует уходу от необходимости прояснения этих реалий. Ее можно охарактеризовать как современную версию мифического мировоззрения.

Экономическая проблема начинается, в основном, с изгнания женщины из сферы экономики.

Что касается самой экономики, то она включает в себя все, что связано с пищей. По мнению политэкономии (включая «Капитал» К. Маркса), фундаментальными предметами экономики являются прибыль, дивиденды, проценты и зарплата, образовавшиеся на всех рынках благодаря производству. Но ведь это не наука, а дисциплина, приведенная в соответствие с жизнью буржуазии, построенной на процессе извлечения прибыли! Экономическая жизнь, организуемая на основе прибыли, превращается в фундаментальную проблему общества. Привязывание человеческой жизни к прибыли соответствует самой дикой власти. Данную ситуацию может некоторым образом выразить понятие биологической власти. На протяжении истории все общества с подозрением воспринимали материальные накопления ради богатства, выходящие за пределы того, что необходимо для удовлетворения потребностей человека, не останавливаясь перед тем, чтобы при первой же возможности распределить эти накопления между всеми нуждающимися. Неслучайно и то, что процесс накопления, осуществляемый не для противостояния бедствиям, а для обогащения некоторых групп и отдельных лиц, постоянно получали отрицательную оценку с нравственной точки зрения. Самой вопиющей безнравственностью считалось то, что такое священное достояние, как человеческая жизнь, которую надо буквально боготворить, передали «в ипотеку» разного рода накопителям. Этот факт современный западный капитализм пытается узаконить при помощи тысячи правовых и силовых механизмов. Левиафан, упоминаемый в Святом Писании, по сути, является знаком этого явления. Он символизируется в образе чудовища, выступающего против общества. Некий сборник фактов, совершенно неэкономических, напротив, стремящихся уничтожить экономику, считается наукой, именуемой

«политэкономия». Немалые усилия Маркса по рационализации английской политэкономии носят не экономический, а анти-экономический характер. Называть это экономикой было бы неэтично не только в социалистическом, но и в любом другом обществе. Пытаясь поставить Гегеля с головы на ноги, он сам оказался вниз головой. Вкратце, осуществляемые на рынке операции по накоплению капитала и прибыли заложили фундамент невиданных в истории проблем.

Должен еще раз подчеркнуть то, что нет никакой последовательности в критике рынка, как средства фетишизации товара, когда он служит удовлетворению самых насущных потребностей человечества в питании, одежде, перевозках и жилье. В этом смысле рынок является необходимым и очень хорошим экономическим инструментом. Надо выступать не против этого, а против системы чрезмерной прибыли, формирующейся путем игры на рынке с одной стороны, и с другой стороны с ценами на дальних расстояниях, то есть надо выступать против капитализма. Быть противником капитализма означает бороться против этой системы и, естественно, против всего того, что удерживает эту систему на плаву. Реалии рынка находятся вне этих рамок. Но монополии капитала путем постоянных игр с ценами и тем самым постоянного стремления к собственному обогащению, препятствуют формированию здоровых и справедливых перемен на рынке. Значит, капитализм имеет не просто антиэкономический, но и антирыночный характер. Если бы это было не так, мог бы капитализм своими постоянными депрессиями и финансовыми играми переворачивать с ног на голову социальную жизнь? Разве был бы, несмотря на развитие науки и техники, рост проблем, угрожающих человечеству, в первую очередь демографических проблем, безработицы, обнищания, таким, каким он оказался сегодня?

Роль женщины как центра экономики вполне понятна, потому, что она рождает и выкармливает детей. Кто же, если не женщина, может понимать в экономике?! Именно поэтому, когда в целом за всю историю цивилизации, и, в частности, в период современного капитализма женщина постоянно изгонялась за

пределы экономики, то эта самая экономика, с которой больше всего заигрывают «сильные мужчины», превратилась в клубок проблем. Эта не имеющая никакой органической связи с экономикой игра, в которую начинают играть в целях установления тотального контроля над всеми экономическими силами, тем более над женщиной, способствуя в итоге тому, что всякого рода иерархия и государственные силы разрастаются в обществе подобно опухоли, перешла на такую стадию, которая далее продолжаться не может. Играть так впредь невозможно.

Вслед за женщиной механизмы монополий власти и капитала стали изгонять за пределы экономики всех тех, кто имеет реальное отношение к экономике, а именно, крестьян, пастухов, ремесленников и мелких торговцев. Тогда полностью сформировалось захваченное пространство. Мы оказались лицом к лицу с вопросом, более всего требующим разъяснения: как могли быть узаконены и донесены до сегодняшних времен действия цивилизации, в определенном смысле являющиеся грабежом экономических сфер и объектов? Силы, уничтожающие экономику, представлены как основные экономические факторы. Не ошибемся, если скажем, что созданные в шумерской культуре божества были более реалистичными в сравнении с этим. Несмотря на всю критику, К. Маркс был в курсе всей дикости и бедствий, представленных под видом экономики, но правильнее было бы сказать, что в период наивысшего господства гегемонии современного капитализма его конструктивные и революционные тенденции оказались незначительными.

Существенная отличительная особенность общества Среднего и Ближнего Востока заключается в том, что все экономические излишки проходят через руки государства. По сути, если задуматься над тем, что в Европе прибыль без власти государства — просто мечта, то государство в конечном итоге становится единственным законным владельцем всех общественных излишков. В принципе, достаточной причиной для этого является то, что государство считает самого себя владельцем всего имущества. Говорить о какой-либо прибыли, в которой не участвует государство, — ничто иное, как самообман. В итоге

можно сказать, что история цивилизации — это сплошь антиэкономическая история. Все экономические проблемы являются следствием данного противоречия. Чем дальше от экономики окажутся господствующие классы, город и государство, иными словами, уменьшат сферу своего влияния, и уступят экономику тем, кто действительно несет за нее ответственность, тем быстрее все экономические проблемы обретут пути своего решения. Это определение, верное для мировой экономики, тем более верно для экономической жизни Ближнего и Среднего Востока.

Общество не может существовать без идеологии, являющейся ее духовной культурой. Идеология, хоть и тесно связана с мышлением, но является совершенно иным понятием. Можно говорить о мышлении животных, даже растений и атомов, но идеология свойственна только человеческому обществу. Ее основная функция заключается в придании жизни смысла и внесении определенных правил. Без этого смысла и правил общество не может долго существовать и попадает в страшную ситуацию. Именно потому идеология является достаточно интересной проблемой. По смыслу это слово означает «логика мыслей». Человеческое общество, имея очень гибкую природу, способно сформироваться и обрести свободу на основе логики мыслей, но, обладая этими особенностями, может очень легко оказаться поработанным. То, что оно способно решать проблемы и вместе с тем само является их источником, связано с его структурой.

В цивилизациях Ближнего и Среднего Востока идеологии всегда играли серьезную роль. Цивилизация как таковая сама по себе многим обязана мифологическому творчеству шумерских жрецов. Созданный ими пантеон богов повлиял на все религии. В тесной связи с материальной культурой создавалась и духовная культура. Царства, династии, находящиеся на подъеме, сделали главной функцией своей идеологии постоянное возвеличивание их монархической силы, вплоть до символического именованя себя богом. Отражение царя на земле в виде божественных символов отражалось на небе. С тех пор философия, наука, искус-

ство и религии постоянно искали этих богов. То, что им удалось найти, с одной стороны было миром реальностей, а с другой стороны — виртуальным миром искаженных истин.

Очень важным для идеологического мира Ближнего и Среднего Востока является прослеживание путей превращения мифологической идеологии в религиозную, а также религиозной идеологии в философскую и, наконец, в научные теории. Очень важно найти и показать, миру каких материальных проблем соответствуют эти превращения. Проблемы экономической и социальной жизни обязательно находят свое отражение в идеологии, как в реальном, так им в искаженном виде. Институты власти, государства и династий в очень типичной форме насаждают свои божественные образы в идеологическом мировоззрении. Если будет проводиться идеологический анализ в этом ракурсе, то можно будет прийти до истинных знаний и просвещения в сфере познания общества. Мир религий и богов Древнего мира и Средних веков несет на себе узаконенные отпечатки и отражение мира возвышающихся иерархий и династий, власти, государства и владельцев капитала. Проблемы и споры между ними в точности отражаются и в их отпечатках. Насколько идеологическая сфера необходима для точного осознания материальных проблем, настолько же необходимо и противоположное. Следует не только отделять друг от друга обе стороны проблемы, но также искать и находить существующие между ними связи.

Созидательные силы на всех моментах цивилизации полностью осознавали символический (виртуальный) характер идеологии. Представляя миру рабов этот виртуальный мир как вполне реальный, они и сдерживали мечты рабов, и убеждали их найти утешение в иных, воображаемых мирах. Тем самым крайне проблематичный идеологический мир превращался в некую традицию. Именно с этим связано то, что история цивилизаций постоянно представляется в тени религий и богов.

И сегодня тяжелые социальные проблемы превращаются в такого же рода идеологические. Возможно, это происходит из-за иллюзий, что таким образом гораздо легче решать проблемы.

Оживление исламской идеологии отражает рост социальных проблем. То, что современные идеологии не могут стать решением проблем, исходит от их неумения установить реальную связь с социальными проблемами. Неудачи традиционных идеологий (религиозных) и современных идеологий (либерализм, национализм, социализм и т. п.) связаны с тем, что они не отражают правильно все социальные проблемы. Решение социальной проблемы требует истины в словах и делах, эволюционной и революционной деятельности.

8. ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Разумеется, все социальные проблемы, которые мы схематически постарались изложить, в целом завязаны на проблеме революции. Я постараюсь дать несколько иное определение революции. Историю Ближнего и Среднего Востока мы можем в этом смысле считать историей контрреволюции. Но контрреволюция против чего? Это контрреволюция в отношении всех социальных элементов, изгнанных за пределы системы цивилизации. Это контрреволюционные выступления против женщин, молодежи, сельских-крестьянских общин, кочевых племен, тайных сект и верующих, поработанных людей. Если для, сил, находящихся в сфере ее интересов, цивилизация является новой системой или революцией, то для всех противостоящих сил это разрушение и контрреволюция. В моем понимании смысл революции заключается в том, чтобы нравственное, политическое и демократическое общество, сфера которой постоянно сужается действиями цивилизации, вновь и в более развитой форме обрело все свои качества. Для марксиста-социалиста революция — это «социалистическое общество», для исламского революционера — «исламское общество», для буржуазии — «либеральное общество».

По сути же, таких обществ не бывает. Это всего лишь названия, как в Средневековье. Прицепив каждому обществу одну-единственную идеологическую этикетку, качество не изменить. Например, после распада Советского Союза стало достаточно очевидным то, что нет коренных различий между советским социалистом и либеральным европейцем. Религиозные различия между христианами и мусульманами оказывают на жизнь второстепенное влияние. Если и делать качественные различия между обществами, то это может иметь место только на основе характеристики социума по принципу нравственности, политики и демократии, что мы стараемся осветить. Коренные различия можно более реально выделить на основании этих понятий и отражаемых ими явлений. Несомненно, общества, обладающие более высокой нравственностью, политикой и демократией, обладают большими возможностями для обретения свободы и равенства. Желаящие могут назвать такое общество и социалистическим.

Объективный анализ общества Ближнего и Среднего Востока не будет затруднен подтверждением нравственных, политических и демократических качеств необходимой революции. То, что все испробованные традиционные и современные идеологии еще больше усугубили ситуацию, сделав ее более проблематичной, можно понять из происходящих процессов. Эти последствия подтверждают необходимость политической и нравственной демократии. Основная проблема общества, не имеющего демократической политики, следовательно, лишённого нравственности, заключается в том, чтобы обрести эти качества. Если поставить проблему революции в таком ракурсе, то в соответствии с этим можно будет определить политическую программу, стратегические и тактические позиции, правильные практические шаги. Такое понимание революции отличается от исламского, социалистического, националистического подходов, в условиях современного капитализма, в конечном счете завершающихся созданием национального государства. Что касается современного капитализма, то это не способ решения проблемы, а орудие роста и распространения проблем на все общество.

Напротив, когда революция набирает обороты в нравственной, политической и демократической сферах, она начинает отдаляться от современного капитализма и конкретизируются черты последовательно развивающейся современной демократии. Очень важно подчеркнуть еще одно жизненное и практическое различие, касающееся проблемы революции. Насколько ошибочными являются прямолинейные методы, настолько же чрезмерное раскрытие различий между теорией и практикой приводит к ошибочным последствиям. Надо очень хорошо осознавать, что нет различных форм жизни до революции и после нее, в частности, для революционера. Становление человека дела происходит на базе его теоретического багажа. Невозможно назвать революционером того, кто не выражает свои нравственные, политические и демократические качества в повседневной жизни, и в словах, и в делах. Такие люди не могут жить жизнью борцов революции. Один лишь повстанческий дух не сделает общество способным на самооборону. До тех пор, пока оборонительная борьба, повстанчество любого рода не сольются воедино с деятельностью по строительству нравственного, политического и демократического общества, шансов на успех не будет. Подобно тому, как проблемы общества представляют собой совокупность вопросов, так и у революции и революционера все слова и дела должны составлять единое целое с политической программой, стратегическим и тактическим планированием. Течение жизни — это единое целое. Мы не должны считать, что сможем прожить жизнь с перерывами. Если прибегнуть к некоторым историческим примерам, то в высшей степени поучительными могут оказаться примеры Зороастра, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда. Эти примеры за тысячи лет вперед предупредили нас о том, насколько целостными, принципиальными и практически активными должны быть революции и революционеры Ближнего и Среднего Востока, и какие высокие темпы развития у них должны быть. Революции Ближнего и Среднего Востока должны происходить не по шаблонам современного капитализма, а в полном соответствии с собственным историческим достоя-

нием. И только соединение с современной наукой может стать залогом успеха.

В итоге, можно вкратце рассматривать кризис и проблемы в обществе Ближнего и Среднего Востока как три этапа. Первый этап — это возвышение в середине четвертое тысячелетия до н. э. системы центральной цивилизации вокруг таких отчетливо проявляющихся явлений, как династия, иерархия, город, власть, государство и класс. Эта система стала источником социальных проблем. На этот процесс пытались дать ответ как родо-племенные системы извне, так и религиозные системы Авраама и Зороастра, находившиеся в самом обществе. На втором этапе система центральной цивилизации, сделавшая свой последний шаг на примере исламской культуры, не смогла успешно осуществить свое собственное возрождение на фоне проблем, накопившихся к XIII веку, и отдала предпочтение городским цивилизациям Апеннинского полуострова. Это усугубило процесс кризиса и углубления проблем.

Третий этап, под названием «Проблема Востока» протекающий вплоть до сегодняшнего дня, начал формироваться с XIX века, когда система цивилизации с центром в Европе установила свою гегемонию и стала ориентироваться на регион Ближнего и Среднего Востока. Традиционные и современные пути решения, развивающиеся на почве современного капитализма, завершились дальнейшим усугублением проблем, способствуя таким негативным явлениям, как кризисы, геноцид и самоуничтожение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖ- НЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Развитие социальных наук в условиях европейской цивилизации на базе принятой ими за оригинал греко-римской культуры, серьезным образом исказило процессы написания и прочтения всемирной истории. Социальные науки сами находятся под глубоким влиянием такого искажения. Несомненно, каждая идеализируемая эпоха или цивилизация загружена тем, что считает себя центральной и самой оригинальной. Цивилизация с центром в Европе все же смогла изначально проявить такое благородство, как самокритичный подход к себе. Развитие потока самокритики способствует более реалистическому (близкому к истине) написанию и прочтению всемирной истории. Исследования социальной науки в этом направлении обрели определенную глубину. Но, как и во всех науках, в социальной науке тоже возобладало превращение в жесткую дисциплину, что способствовало угрозе разрушения целостного характера действительности. Суждение Гегеля о том, что «истина — все», у Адорно превращается в то, что «истина не все», что и вкратце описывает ситуацию. Ясно, что на волне реакции, испытываемой по отношению к всемирной макро-истории, чрезмерное склонение к микро-историям, в первую очередь, «национальным историям», нарушило целостный характер истины и усугубило все негативные стороны. В итоге реальной оказалась роль чрезмерно пренебрежительного отношения к таким явлениям, как микро-случай, факт и взаимосвязи, очень характерные для целостного подхода.

Правильным, но трудным взглядом является комплексный анализ целого и частей (макро — и — микро) именно так, как они развиваются в действительности, и достижение результатов методом синтеза. В своих усилиях, связанных с прочтением, написанием и представлением истории я особенно тщательно слеую этому подходу.

Гегелевская философия всемирной истории по определению носит прогрессивный характер. То, что Гегель основывает свое историческое учение на греко-римской цивилизации и чрезмерно метафизический характер его истории способствовало появлению тяжелой волны критики. В частности, поучительной является критика Гегеля со стороны Ф. Ницше. Против абстрактных идей Гегеля (*Geist*) он со всей силой и откровенностью выдвигает принцип конкретной жизни. Он хочет сказать «истина конкретна». Но делая это, он отнюдь не игнорирует всемирную историю и долю абстракции. Он выходит за рамки преклонения перед греко-римской цивилизацией. Его взгляд развивается до Зороастры. Вместо монотеистической религиозной метафизики он пытается исследовать философию нравственности, желая развить философию боли, восторженности.

Мы частично коснулись лево-гегельянских взглядов К. Маркса. Каким бы материалистом ни представлялся Маркс, нельзя сказать, что он смог преодолеть свою привязанность к позитивной метафизике. Французская социология (фундамент микро-национальной истории) полностью исповедует микро-историю. В этом большую роль сыграла Французская революция и чрезмерное республиканство. Что касается английской школы историографии, развивающейся на почве английской политэкономии, то она в высшей степени прагматична. Все ее цели сводятся к тому, чтобы найти историческую поддержку и создать идеологическую базу возвышающейся британской империи, ее гегемонистским устремлениям. В силу своей тесной связи с практикой она оказалась гораздо успешнее немецких и французских попыток. У успешной системы философия тоже бывает успешной, но это вовсе не означает, что она истинна. Подобно тому, как не всякий успех является истиной, не каждое пораже-

ние является ошибкой. Не зная этого, мы не сможем совершить свое движение к истине.

Развитие центральной системы цивилизации с шумерскими корнями, насчитывающее пять тысячелетий, является важнейшим в числе наиболее значительных аргументов в пользу всемирной истории. То, что Гегель не использует этот аргумент, связано не с его недостаточностью или слепотой, а с тем, что исследования Шумера еще не были начаты. Существовало ограниченное количество материалов об источниках исхода авраамистических религий. Значение родо-племенной системы тоже не особенно осознавалось, или не была по достоинству оценена всемирная роль, которую сыграла эта система вместе с неолитом. Обстановка (период Французской революции и после нее) полностью благоприятствовала развитию национализма (новый религиозный аргумент) и историческим исследованиям национального государства. Каждый интеллигент, историк занимался своей национальной историей. Ясно, что в силу характера переживаемой революции (гегемония буржуазии) все эти историографии были полны тяжелых классовых взглядов. В то время, как буржуазная интеллигенция играла главную роль в национально-государственной историографии, консерваторы заново искали историческую почву для феодальной аристократии, а демократы и социалисты подвизались изучать историю трудящихся и всех народов. Природа общества сложна настолько, что ее невозможно истолковать на уровне теории классов, она гибка и, следовательно, целостна, но в то же время требует констатации значения всех частиц. В начале XX века последователь исторического течения Анналы (Франкфуртская школа), вооружившись критической теорией, более глубоко стали изучать целое с его частями. Научные перевороты во второй половине XX века, также отразившись и на социологической науке, сделали возможными более сбалансированные пояснения и исследования. Можно сказать, что сегодня мы более близки к социальной, следовательно, исторической и глобальной истине. Если немного разбираемся в диалектике, стало быть, надо хорошо знать и то, что каждый новый шаг к истине таит в себе большие ошибки.

Давая оценку личности и исторической деятельности (военным и политическим действиям) Наполеона, Гегель фактически исходил из точки, которая по своей сути верна и значима. Рассуждая о том, что Наполеон — это Бог, сошедший с небес на землю, а его система (система национального государства) — наиболее цельная и последняя идеальная форма государства, в плане выражения он выступает прогрессивно и поучительно. Любовь к истине в этом смысле не должна игнорировать Гегеля. Как личность, Наполеон олицетворял историю, дошедшую до того периода. Нетрудно будет прийти к такому заключению, если исследовать факторы породивших его материальной и духовной культур. Если комментировать вкратце, ясно, что в личности Наполеона отразилось и христианство, лежащее в основе европейской культуры, и составляющая его сущность вера в Святую Троицу «Отец, Сын, Святой Дух». По мере этатизации христианства божественность, находящаяся в его основе, тоже обретает конкретные формы государственности. Такого рода комментарии применимы также к иудаизму и мусульманству. Объединение национальных церквей с образом Бога, воплощенного в государстве, можно считать «национально-государственным» божеством. Именно это и сделал Гегель.

Это толкование можно еще более развить и широко использовать. Более того, очень важно прокомментировать понятие Бога, чтобы лучше осознать его. Е. Дюркхайм, называя Бога «выражением социальной идентичности», практически сделал хороший социологический вывод. Наиболее реалистичный социологический подход тот, который считает Бога выражением широкой идентичности общества. Единственное, что хотелось бы добавить к этому, это то, что Бог является не просто выражением, а социально-политической программой. В разделе, касающемся понимания осмысления Мухаммедом Аллаха, я постараюсь более детально осветить этот вопрос. Но гораздо важнее обстоятельство, связанное с тем, как он комментирует веру Авраама. Делать социологический анализ авраамических религий, не используя в качестве исходных данных мифические сказания

Египта и Шумера, если и будет возможно, то этого окажется крайне недостаточно.

Продолжая наш экскурс в прошлое, обнаруживаем большую поучительность комментариев к легенде об Инанне и Гильгамеше, которые являются дошедшими до нас письменными источниками цивилизации Шумера. Если даже это и не единственный аргумент для всемирной истории, но все же нельзя забывать о том, что это один из значительных методов. Можно сказать, что историю нельзя написать путем толкования событий на базе метафизического мировоззрения. Это очень скучная идея. Мой ответ на это прозвучит так: «Культура человечества в ее развитии по сегодняшний день в подавляющем своем большинстве метафизична». Но полностью выдворять метафизику за рамки истины не только неправильно, но и невозможно. Стало ясно, что даже позитивисты, больше всего выступавшие за эту идею, оказались самыми грубыми метафизиками. Очень яркой является оценка, данная по этому поводу Ницше: «Главное не в том, — заниматься метафизикой или нет; главное в том, чтобы заняться хорошей метафизикой». Наилучшей метафизикой является та, которая способствует уменьшению бед в жизни, повышает уровень страстности и веселья. Наиболее яркий пример плохой метафизики это то, что позитивистское мировоззрение разожгло огонь национального государства и фашизма.

Если вернуться к вопросу еще раз, то можно сказать, что, не осознав систему центральной цивилизации, невозможно в полной мере осознать всемирную историю. В то же время без понимания всемирной истории осознание раздробленных историй тех или иных обществ окажется не просто недостаточным, но и вовсе бессмысленным, поскольку не будет никакого сравнения. По данному вопросу должен добавить еще одно краткое примечание, касающееся родо-племенной системы. Возможно, и неправилен такой подход, когда род считают вторым после клана предметом микро-исторических пояснений. Как и клан, род представляет собой систематическую структуру и несет на себе особенности всемирного характера. Не приобщив к изложе-

нию всемирной истории клановую и родо-племенную системы, можно не только допустить массу ошибок при трактовке, но и сделать это повествование крайне недостаточным. Как сегодня нельзя рассказать всемирную историю в отрыве от национальной истории, так и без истории клана и рода нельзя осветить всемирную историю и раздробленные истории. Традиция начала историографии с письменности является мифологическим предпочтением. Точнее будет сказать, позитивистско-мифологическим подходом.

Эти краткие вводные, касающиеся исторических сопротивлений и поисков, важны для понимания темы. На момент начала процесса цивилизации в его оригинальном виде ему уже предшествовала во всей своей красе эпоха неолита. Между этими двумя процессами можно провести потрясающую диалектическую связь. Нет сомнений в том, что в жреческих храмах Шумера были разработаны все планы и проекты этой диалектической связи, развиты основы их применения. Как с документально-эмпирической, так и с рационально-абстрактной точки зрения, эта диалектическая связь таила в себе потенциал для серьезного развития. Все достижения материальной и духовной культуры Верхней Месопотамии и долины «Плодородного Полумесяца» (историк Гордон Чайлд считает эту культуру соответствующей культуре Европы после XVI века) воспринимаются как подсобный материал для Шумерской цивилизации (клубок город-класс-государство). Так, после соответствующей обработки и преобразования ее, будет в дальнейшем создана машина, называемая цивилизацией.

Такие выражения, как «цивилизация» и «машина», настолько важны, что требуют более детального объяснения. Поскольку цивилизация соответствует по своему смыслу господствующей системе, это выражение оказалось очень сильно пропагандированным. Само по себе выражение означает становление «городского», «гражданского» типа жизни. Цивилизация — это название культурного, современного образа жизни, для которого характерны такие эпитеты, как «джентльменство», «рационализм», «систематичность», «благородство», «красота»,

«расчетливость», «плановость», «надежность», «миролюбие» и многие другие аспекты. Характеризуя этими словами влияние современной культуры на конкретную жизнь, цивилизация оснащает свою духовную культуру пантеонами новых богов и представлениями о рае. При помощи этих понятий духовная культура представляет максимальные программы новых сил цивилизации, полные великолепия и бессмертия. Если выражения, касающиеся материальной культуры, представляют программы минимум ежедневной жизни, то высказывания в рамках духовной культуры выдают программы максимальных идей, которых можно будет достичь в будущем. Необходимо серьезно осознать смысл шумерских жреческих храмов, поскольку они развивают максимальные и минимальные программы. Дееспособность современных храмов — это не более, чем пропаганда построенной системы.

Первые храмы Шумера сыграли роль материнского лона, в котором позднее, на протяжении более чем пяти тысячелетий, развились феномены цивилизации. На начальном этапе они создали город, класс, государство со всеми институтами и идеологической надстройкой. Иными словами, они создали первичный образ машины, называемой цивилизацией. Не стоит даже сомневаться в том, что корень такого понятия, как «создание божественности» тесно связано с созданием машины цивилизации. Понятие цивилизации как машины, тоже заслуживает детального анализа. Машина — это слово, которым в качестве названия и качества характеризуются автомобили и средства, способные самостоятельно двигаться. Вопрос, который следовало бы задать, заключается в следующем: какой смысл выражает построенная социальная машина. Ясно, что историческая функция этой машины заключается в том, чтобы заставить подвластное и подконтрольное ей общество работать еще быстрее, и тем самым создать еще больше общественного продукта и экспроприировать его. Функция — это понятие. Отличное от задачи, оно связано с внутренней сутью. Задачу можно отменить, но функция не отменяется, потому что это обстоятельство, связанное с сутью, строением конкретного органа-средства. Функция исчерпыва-

ется в том случае, когда ломается инструмент. Цивилизация — это не общество, а машина, которая всеми своими тканями в виде города-класса-государства обладает такими функциями. Она приводит в действие общество, более того, ускоряет темпы его действий. Когда это не соответствует ее интересам, она приостанавливает действие общества, оставляет его без дела. Но, не ограничиваясь этим, цивилизация экспроприирует все излишки общественного производства. Для этого машина цивилизации предпринимает все идеологические, военные и прочие меры. Это Левиафан (чудовище), который тысячью хитростей, ложью и безжалостными методами возвышается над всем обществом. Цивилизация устанавливается на базе культуры, созданной обществом на протяжении миллионов лет в наиболее благоприятных геобиологических ареалах, и строит из себя божественность (созидательность). Созидая, созидает.

В таком случае надо бы задать следующий вопрос: кто же это напоминает варваров, чудовищ? Это общества, которые живут в тесном содружестве с природой, как в нежных объятиях матери, или те, кто довлеет над ними и отбирает их ценности? Ясно, что уже давно наступило время перевернуть это понятие с ног на голову. Варвары и чудовища — это силы цивилизации, а истинными людьми являются те, кто живут с природой и друг с другом в любви, подобно матери и ребенку. Это те, кто живет в обществе с преобладающей ролью женщины, те, кто живет, не разрушая и не загрязняя окружающую среду, считает чуждыми для себя понятия угнетения и эксплуатации. Эти определения могут показаться слишком простыми, однако они являются поучительными для того, чтобы предельно ясно осознать диалектическое противоречие, в которое вступила цивилизация с обществом, эти определения могут привести в чувство, преобразовать наше понимание. Давайте не забывать о том, что подавляющее большинство человечества не играет практически никакой роли, потому что оглупело в рамках цивилизации. Мы являемся тем материалом, который использует в своей работе машина цивилизации. Но, как и каждая машина, цивилизации тоже могут в ходе своей работы сломаться и пережить депрессии. Никогда не

прекращаются тяжелый кризис и проблемы этой машины. Как бы то ни было, но речь идет о сообществах живых людей, со своим мышлением и мечтами, которыми управляет машина цивилизации. Эти существа обладают гибкостью, позволяющей им не терпеть длительную ложь и трудности. Они могут сопротивляться, поднять мятеж, могут строить мечты о более глубокой, свободной жизни, равенстве и братстве. Для этого они способны организовываться, даже воевать.

Продолжим рассмотрение нашего вопроса на базе трех основных разделов.

А. КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВНУТРЕННИЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

Тот факт, что мы, говоря о цивилизации, в основном делаем предметом своих исследований центральную систему цивилизации, вовсе не означает, что все остальные нами отрицаются или игнорируются. Мы не говорим о том, что они не имеют важной значимости. Хочу подчеркнуть, что понятие основной реки в потоке цивилизации является более глубоким и стимулирует развитие мысли. Все остальные притоки впадают в эту главную реку, усиливают ее течение, но не меняют особенностей цивилизации. То, что предметом исследования становится центральная мировая система, определившая характер прошедших эпох и современности, станет определенным вкладом в изучение других притоков цивилизации. В таком случае мы можем более точно осмыслить исторические потоки, имевшие место в различных местах и в различные времена, при этом не теряя сути всемирного исторического потока. Целое может отобразить частицу, но частица не может отобразить целое. Именно по этой причине нашим выбором стала центральная система цивилизации или мировая система, насчитывающая более пяти тысячелетий.

Шумерские городские цивилизации изначально были очень эффективны. Они выполняли функции своего рода агентств во всех случаях. Шумерские города быстро разрастались. Один город строился вслед за другим. Они распространились с региона Нижней Месопотамии во все другие регионы, в первую очередь, в Верхнюю Месопотамию. Каждый новый город олицетворял собой новую прибавочную стоимость. На этой основе ожидалось превращение оседлых иерархий в династические государства. Увеличение торговли сырьем и готовой продукцией вынуждало города конкурировать между собой за гегемонию. Умение управлять торговлей повышало ее шансы. Другим фактором, стимулировавшим конкуренцию и развитие торговли, была массовая урбанизация в узких регионах. Более того, очень необходимый на начальном этапе рост численности населения в последующем превратился в серьезную проблему из-за перенаселенности. Рентабельность означает демографический рост. До тех пор, пока было много свободных земель и благоприятные условия полива, эта система могла успешно развиваться. Но, плодородные земли ограничивались междуречьем Тигра и Евфрата и прилегающими территориями. Вовлечение этих территорий в процесс урбанизации выявило объективные условия последующего кризиса.

Эпоха города Урук длилась примерно пять столетий. В результате соперничества Урук уступил место и гегемонию городищу Ур. Кризис Урука способствовал появлению Ура. Примерно в период 3000–2000 гг. до н. э. три династии Ура, в 2350–2150 гг. до н. э. — семитская аккадская династия и в 2150–2050 гг. до н. э. арийская династия Гудеа пережили серьезный кризис, что и стало завершением этого периода. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что в этот период распри между городами были очень суровыми. Нам известно, что некоторые города были уничтожены полностью. Например, из повествования «Проклятие Агаде» видно, что столица Аккада жесточайшим образом стерта с лица земли. Существует много аналогичных историй. Эта была действительность, полная кризисов и соперничества, не уступающего кризису и соперничеству нашего времени. Прибыль во все времена означает излишки продукта. Следовательно-

но, распри по этому поводу во все времена были одинаковые, и последствия будут схожими. Ясно, что тогда и развился кризис цивилизации. Падение городов и чудовищные войны лишь просто подтверждают эти реалии, которые сегодня имеют место в Ираке. Если вспомнить, что Ирак ведет свое происхождение от Урука, то гораздо лучше поймем, какие печальные парадоксы истории (является историей цивилизации) происходят на наших глазах.

Средство от кризиса — традиционное. По сей день оно не потеряло ни в скорости, ни в серьезности продолжения. Это средство заключается в стремлении разведать еще больше сфер эксплуатации и обрести еще большую мощь, власть и государственную машину, необходимые для этой эксплуатации. К концу 2000 г. до н. э. Вавилон смог выйти из кризиса, еще более усилившись и обладая еще большей мощью и возможностями для эксплуатации. Вавилон опережал всех в торговле и промышленности. С некоторыми перерывами он смог сохранить свое положение гегемона вплоть до 300 г. до н. э. Гегемоны всех времен (должно быть, слово «гегемон» является корневым для слова командир), как это видно на примере Александра Македонского, хотели воцариться в Вавилоне. Лучше всех воспользовались кризисами Вавилона ассирийские купцы и колонии, которые под боком Вавилона превратились в волков торговли. Ассирийцы были своего рода финикийцами на суше. Того, чего добились финикийцы при помощи торговли на Средиземном море, ассирийцы смогли добиться на Ближнем и Среднем Востоке. Ассирийцы, активно соперничавшие с Вавилоном (и по сей день сирийско-халдейское соперничество отражает эту традицию), в условиях гегемонии Вавилона (2000—1600 г. до н. э.) смогли удержать в своих руках только монополию на торговлю.

Из кризиса, пережитого Вавилоном после Хаммурапи, на арену вышли две исторические силы: в качестве внутренней силы это было появление Авраама (примерно между 1700—1600 г. до н. э.), а извне это был переход хурритов от обороны к наступлению. В 1596 г. до н. э. Вавилон перешел под совместное управление династиями хурритского происхождения (из известных

это хетты и касситы), что напоминает ситуацию в современном Багдаде.

Потеря Вавилоном гегемонии повлекла за собой возникновение двух новых гегемонистских сил. На территории Внутренней Анатолии (в районе современного Чорума-Богазкёя) возвышаются гегемонии хеттов с центром в Хаттушаш и митанни с центром в Вашукани (Гюзельпынар, Серекани-Джейланпынар на современной турецко-сирийской границе). Обе гегемонии относятся к 1600–1250 гг. до н. э. и связаны с правлением монархов — наследных принцев, происходящих из хурритских (протокурдских племен). Этот период, наряду с новой династией Египта, представляет собой новый яркий этап истории Ближнего и Среднего Востока. Между центрами трех цивилизаций установились очень оживленные дипломатические отношения, они вступали в браки с женщинами из соседних дворцов, и, таким образом, сложился период взаимоотношений, похожих на примитивный интернационализм. Упадок (династические распри изнутри и активность чужих племен извне) хеттской и миттаннийской гегемонии по причине традиционного кризиса (кризисы этого периода сменяли друг друга с длительными перерывами между одним и двумя столетиями) способствовал возвышению ассирийской династии, которая уже наступала на пятки. В течение двух периодов (1300–1000, 900–600 гг. до н. э.) они были самыми мощными гегемонистскими силами Ближнего и Среднего Востока.

Говорят, Ассирия была самой зловещей силой в истории. Если вникнуть в суть дела, то обретет смысл связь этой зловещности с монопольной прибылью. Ассирийский народ по своей сути ничем не отличался от других народов, но гегемония империи, опирающаяся на торговые монополии, сделала силу необходимым фактором обретения прибыли. Без применения силы не могло быть прибыли в торговых монополиях так же, как в земледельческих (шумерское землеуправление). В основе ассирийского насилия лежали именно эти реалии. Новшество, привнесенное в цивилизацию ассирийской гегемонией, это, возможно, принцип «побольше власти для увеличения прибыли, побольше насилия для увеличения власти». Ясно, что в рамках применяемого на-

силы и в очаге ее применения налицо прослеживается рост. По этой причине ассирийская модель считается матерью всех моделей решения проблем путем насилия в истории. Эта традиция, которую на Ближнем и Среднем Востоке и по сей день считают решением всех проблем, очень многим обязана ассирийской гегемонии.

Ассирийская жестокость и лежащая в ее основе жажда прибыли оставили множество ран на теле человечества (думаю, что и слово «прибыль», и слово «насилие» имеют ассирийско-арамейское происхождение). Но это привело не только к кризису, но и к тому, что Ассирия и как военно-политическая сила, и как народ и общество, оказались в таком состоянии, что были брошены на задворки истории. Ассирия делала все, чтобы упоминаться всеми народами Ближнего и Среднего Востока в ругательствах и проклятиях (в адрес монополий власти и торговли), но она же способствовала оживлению народов на пути к обретению свободы. Легенда о кузнеце Кава является плодом знаменитого трехвекового сопротивления мидян и урартов. Еще более важно, что этот период способствовал установлению эпохи, называемой в истории «эпохой мудрости» (600–300 г.г. до н. э.). В тот период, который можно назвать также эпохой знаний, родилась большая потребность в мировоззрении, необходимом для того, чтобы осознать ассирийскую трагедию. Восстания мысли и совести стали генерирующей силой этой эпохи. Эта эпоха, в центре которой активно играл свою роль Зороастр, на Востоке, в Индии и Китае, была представлена Буддой и Конфуцием (VI век до н. э.); а на Западе у древних греков, эпоху представлял Сократ. Великие кризисы, помимо серьезного насилия и унижения могут способствовать величайшему развитию мышления и совести.

Ассирийская гегемония, похороненная усилиями мидийско-вавилонского союза, сменилась кратковременным периодом процветания Мидия и Вавилона (600–550 г.г. до н. э.), уступивших затем место персидской династии (550–330 г.г. до н. э.). Говорят, методы, продемонстрированные Персидской империей, совершенно противоположны ассирийским. Это может быть верно и с

диалектической точки зрения. Положительными особенностями упомянутого метода являются такие качества, как благодушие, свободное развитие культуры всех народов без какого-либо деления между ними, справедливое правление, правдивость. В этом смысле можно сказать, что появление Персии было воспринято народами Ближнего и Среднего Востока как меньшее зло. Была создана самая широкая в истории империя, протянувшаяся от Индии до Македонии. За ее рамками остались только Китай и республиканский Рим. Как бы то ни было, это — мощь цивилизации. Фундаментальное противоречие, заложенное в недрах Персидской империи, в короткие сроки проявится, расширит ареал распространения кризиса. Жесткие междинастические распри изнутри и нападения племен извне постепенно привели к концу.

Вся основная мощь Александра Македонского зиждется на родо-племенной знати. Меч его был всего лишь поводом. Не величайшая воинственность стала залогом завоевания Александром Македонским Персии, как это принято считать, а внутреннее загнивание персидской империи послужило причиной ее поражения. Эллинистическая эпоха (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.) стала синтезом Востока и Запада, существовавшего на протяжении примерно пяти столетий. Когда эллины на Западе ответили на прогресс, достигнутый персами на Востоке, в истории человечества возник великий синтез. Греческая культура (600—300 г. до н. э.) выросла на этом процессе и сделала большой скачок благодаря эллинизму. Каким бы военным и политическим гегемоном ни являлся Рим, развитие культуры все же было представлено эллинами. Династии парфян и Сасанидов, ставшие продолжением Персии, не смогли внести культурную лепту исторического характера. Начавшаяся война с Римом за гегемонию, способствовала новой волне сопротивления и поисков в обществе Ближнего и Среднего Востока. Христианство и манихейство родились как последствия этих войн. Продолжением этого процесса стал ислам.

Период гегемонии Рима вытеснил систему цивилизации еще на один шаг. Значительная часть Европы, вплоть до Британских островов, впервые познала цивилизацию. Влияние стало

распространяться до Африки и полуострова Индостан. Аравийский полуостров был включен в круг цивилизации и Сасанидами, и Римом, и Абиссинией. Китай распространял плоды своей цивилизации и вширь, и вглубь. Ясно, что с наступлением нашей эры силы цивилизации, вовлекая человеческое общество в череду структурных кризисов, может быть, и смогли продлить свое существование, но уже не могли быть инструментами решения проблем. Известное высказывание Будды «не погасить огонь пламенем» отражает именно эти реалии. Ведь свергнуть одну власть при помощи другой, более крепкой власти, — это не решение проблем. Это подобно умышленному расширению сферы поражения огня. Падение Рима стало подтверждением нашего правила. По мере того, как активнейшее противостояние между императорами внутри империи (в последний период Рима в одни и те же промежутки времени наблюдалась быстрая смена императорской власти) объединялось с волной агрессии родоплеменных систем извне, падение империи стало просто неизбежным. В данном случае значительную роль сыграло огромное христианское движение, олицетворяющее совесть.

Аналогичные процессы происходили и у Сасанидов. Внутренние распри слились с религиозными и родо-племенными движениями, что сделало неизбежным усиление кризиса и распад империи. IV и V вв. стали периодом всемирного кризиса центральных систем цивилизации, то есть мировой системы. Панорама прошедших четырех тысячелетий показывает, как полностью была порабощена женщина, превращена в личную и публичную проститутку, в предмет частной и общей собственности. Оседлое сельское население и городские ремесленники оказались на втором, после женщины, месте по характеру порабощенности, превращения в средство порождения субъектов налогообложения и боевой силы в периоды войн. Все контрольные элементы (трудно называть их классом или слоем) официального общества, за исключением обожествленного высшего слоя, были подвергнуты тотальным условиям всеобщего порабощения. Все пути исхода цивилизации в Китай, Индию, даже на новые африканские и американские направления, находятся под более жесткой «ка-

стовой» системой. Вся борьба и поиски новых путей будут развиваться именно против этой системы.

Точно так же, как мировые кризисы капитализма, все кризисы цивилизации подтверждают три фундаментальные особенности системы. Первое: взаимоотношения между центром и периферией одновременно и изменчивы, и постоянны. Второе: между различными силами системы имеют место постоянное соперничество и стычки из-за жажды прибыли. Третье: как следствие этих двух обстоятельств, система постоянно попадает в кризис и выходит из него. Естественным итогом развития этих трех особенностей являются то, что система делает неизбежной гегемонистское управление. Цивилизации не могут существовать без гегемонии. Объединенным общим итогом всех этих особенностей является постоянное углубление и расширение глобализации. Эти четыре фундаментальные особенности изначально побуждают цивилизации к глобализации. Эта истина рождается в сущности монополий власти и финансов. Чем шире происходит распространение по горизонтали и вертикали, тем больше растут сила и прибыль, взаимно питая друг друга. Между ними существует конкретная корреляция. Если сегодня цивилизация буквально взяла в тиски всю жизнь (все социологические данные подтверждают эту истину), а кризис ставит под угрозу всю экологическую структуру, не ограничиваясь одним лишь воздействием на людей, то истинной причиной этого является код разрушения и варварства, изначально заложенный в структуре. Все происходящее вокруг — проявление данной сущности.

Б. БОРЬБА РОДО-ПЛЕМЕННЫХ СТРУКТУР, НАРОДНОСТЕЙ (ЭТНОСОВ)

Это подтверждает вся идеологическая составляющая мировой системы, но система так и не была разработана и не развивалась по пути божественных заповедей. Ясно, что божествен-

ные заповеди и система (в моем понимании, несмотря на идеологическую маскировку, смысл слов «заповедь» и «система» очень четок) представляют приказы и нормы правящих слоев (правитель+полководец+жрец), сформировавшихся на базе прибавочного продукта общественного производства. Несмотря на эту идеологическую гегемонию, которая тысячелетиями в виде продиктованной свыше необходимости, с многократными обновлениями внедрялась в умы всех людей, от правящих классов до самых рабов (подобно тому, как человек может действительно сойти с ума, если ему сорок раз подряд внушать, что он сумасшедший), так вот, несмотря на все это, система жестокости, насилия и грабежа так и не смогла полностью завуалировать свои особенности и заставить согласиться с этим. Стали вспыхивать восстания племен и народностей, оставшихся за рамками системы и постоянно становившихся объектами грабительских «походов» желающих их поработить. Со временем эти бунты обретали постоянный характер — едва не как сама система цивилизации. Система называла это движение варварством. В силу изложенных мной причин правдой является как раз — таки обратное; именно система цивилизации — это механизм варварства, тогда как общинно — родовая система не хочет отрываться от принципов человеческой жизни.

Следует особенно подчеркнуть, что подавляющее большинство не смогло с этим справиться так, как это сделали народы, сумевшие занять достойное место в истории. История, по сути, не должно было быть таким, каковым оно является в письменных памятниках. Я уверен, что истинная история — это история тех, кто не смог себя проявить и написать о себе. Труды, борьба, творчество, открытия подавляющего большинства представителей общества оказались невидимы, что получилось осознанно и само по себе. Общественные достижения были присвоены, истинные владельцы ценностей — оставлены в неизвестности, так и не сумев самостоятельно написать свою историю сами, или поручить это другим. В частности, несмотря на то, что женщины, крестьяне, пастухи и ремесленники дали миру едва ли не все открытия и изобретения, историей это совершенно никак не

представлено. Обращение богини Инанны к богам-мужчинам с вопросом: «Разве не вы похитили мои 104 Ме (имеющие социальную значимость находки, изобретения и правила)?» — с поименным перечислением всех этих достижений, стало последним устным преданием истинной истории, которое, возможно, дошло до ушей тихим и бессмысленным лепетом, ибо уши эти приучены быть равнодушными. В сказании о Думузи и Эриду (думаю, что это сказание о пастухе и земледельце) подчеркивается важность собственного труда, изобретений и открытий, и здесь история, во всяком случае, гораздо ближе к истине. Современные позитивистские национальные историографии, несмотря на все научные высказывания, представляют собой наиболее далекие и наихудшие метафизические примеры. Если подвергнуть сравнительному анализу и комментариям европоцентристскую позитивистско-научную социологию и мифологию шумерского периода, то последняя окажется гораздо ближе к социальным реалиям. Я считаю так — это подсказывает мой рациональный подход.

Перейдем к конкретным примерам борьбы в истории.

а. Борьба и наступление племен семитского происхождения

Имеются научные доказательства того, что около шести тысяч лет назад от Сахары до Аравийского полуострова простиралась зеленая зона с обильными осадками. Мы уже говорили о том, что широкая родо-племенная система, получившая название семитской, развивалась в тесной взаимосвязи с этой геобиологической обстановкой. Начиная с 4000 г. до н. э. эта система подверглась двустороннему давлению. С одной стороны, процесс естественной засухи и превращения региона в пустыню, с другой стороны, возвышение цивилизаций Египта и Шумера — вот два серьезных фактора давления. Таким образом возник великий исторический поток племен в направлении тех регионов, которые могли бы стать для них оазисом, где были бы обильные осадки и много

зелени. История документировала эти движения. Шумерские и египетские письменные памятники постоянно свидетельствуют об этой «опасности». Древние египтяне называли эти племена «апиру», то есть «людьми, покрытыми пылью» (в значении «всегда в пыли и грязи»), шумеры же называли их «аморитами», как мне кажется, вкладывая или аналогичный смысл или говоря «пришедшие с Запада», имели в виду «представляющие опасность». Значительную часть пришлых племен они поработили. И по сей день этот процесс имеет свое продолжение в безжалостном порабощении чернокожих.

Ценой каких страданий развивалась система порабощения протяженностью почти в шесть тысячелетий? Кто и как воспользовался ее итогами? В любом случае, не ответив на эти вопросы, нельзя написать реальную историю. Поскольку положение Египта способствовало обороне, он смог лучше защититься от миграции и нападений, а по сути своей, сопротивления этих племен. Шумер оказался беззащитен перед их сопротивлением и агрессией. Мы видим, что это борьба племен к середине XV столетия до н. э. дала определенные результаты. Когда была сломлена оборона Шумера, во главе системы власти встала династия, получившая в истории название аккадской. Период этого династического царства, созданного Саргоном, правившим в 2350–2150 гг. до н. э. и упоминаемого как первый в истории император, можно считать «протоассирийским режимом». Саргон олицетворяет формирование одного правила. Речь идет о правиле, раскрывающем то, как вожди племен, оказавшись в условиях цивилизации, при первой же возможности превращались в злодеев, так напоминающих прошлое. В данном случае очень важно то, что на фоне пережитых трудностей они обрели ненасытность и опьяненность привлекательностью власти.

Вторая семитическая волна привела к вавилонскому и ассирийскому периодам истории. Ассирия и Вавилон — это эпоха, прославленная своими царями-полубогами, совершенно не уступающий Саргону. Они внесли исторический вклад в развитие институтов власти и торговли. Несомненно, их роль в развитии

института рабовладения была не меньшей, нежели роль предшествующих египетских и шумерских династий. Не может вызывать сомнений тот факт, что Вавилон и Ассирия сыграли глобальную роль в классической структуризации эксплуатации и гнета. Для правильного отражения истории очень важно отметить, что их вклад был не меньше греко-римского. По мере того, как Аккад, Вавилон и Ассирия, освоив шумерский язык и культуру, отодвинули их на второй план, аккадский и арамейский языки совместно стали официальными языками того периода. В частности, арамейский, став латынью Ближнего и Среднего Востока, использовался вплоть до того, когда арабский стал официальным языком цивилизации. Это очень важно в том смысле, что напоминает власть и торговые монополии, стоящие за его спиной. Более того, арамейский был общим идеологически-религиозным (единым языком идеологии и религии) языком. Будучи официальным языком материальной культуры, он утвердился и обрел законный статус в качестве официального языка духовной культуры.

Третья крупная воинственная волна семитских племен продолжена уже арабскими племенами. Сопротивление цивилизации и агрессия, нашедшие отражение в идентичности арабов доисламского периода, в середине I тыс. до н. э., сыграет свою роль во всем мире уже с принятием ислама. Арабы смогли распространиться на огромной территории по всей Северной Африке, от Сахары и Аравийского полуострова до подножий Тавро-Загросской системы. Это было очень масштабное родоплеменное движение, уже две с половиной тысячи лет, не теряя активности, продолжающееся на том же пространстве. Процесс изменений, происходивших в арабской нации, заслуживает особого исследования. Формирование институтов шейхов, эмиров и султаната в высших слоях арабского общества очень полезно с точки зрения осознания государства и власти. Даже корни слов «шейх», «эмир», «султанат», «власть» и «государство» имеют арабское происхождение. Например, смысл слова «государство» является производной от выражения «ночь, которую предстоит провести с завоеванной женщиной». Крайне интересна

связь государства даже на уровне понятий с такими явлениями, как насилие и порабощение. Смысл всех понятий и институтов, ассоциирующихся с властью, в арабском языке достаточно прозрачен и ассоциируется с достижением и продолжением удовольствия.

В Ветхом Завете (Торе) представлены более подробные списки семитских племен. Очень подробно повествуется об иудейском племени. В данном случае можно сделать следующий вывод по теме, которую в разделе монотеистических религий мы еще будем подробно изучать. Применительно к этой главе мы видим смешанную сложную картину семитического мира. Например, хананеяне являлись одним из ответвлений семитов. Арамейцы также представляли собой другое их ответвление.

Нижний слой семитских родо-племенных структур составляли бедуины. Их можно назвать сельчанами-арабами пустыни, влачившими бедное существование. Бедуины — категория, имеющая столь же сильный классовый и социальный смысл родо-племенной. У них очень древняя история и самобытная социальная идентичность. Бедуины — это другие арабы. Они имеют такое же социально-культурное значение, как туркмены у тюрок и курманджи в курдской нации. Арабы — народ, обладающий такой родо-племенной системой, слою которой как высшие, так и низшие, занимали и занимают наибольшее место во всей мировой истории по сегодняшний день, оказав на нее влияние больше других. Преобразования и перемены в рабской среде со всей своей скоростью продолжают и по сей день. Если обратить внимание на то влияние, которое оказало на регион и весь мир противостояние между арабами и израильянами, принадлежащими к единому семитскому роду, то станет гораздо понятнее, насколько важны упомянутые реалии. Не осознав преобразований и перемен в таком явлении, как арабы, очень трудно будет понять как Мир в целом, так и регион Ближнего и Среднего востока.

Это очень проблематичный вопрос, требующий оценки того, какие движения в целом в семитском мире и, в частности, в арабском, носили антицивилизационный характер, а какие были

в русле цивилизации. Очень сложным является разделение движений этнического и религиозного характера. В других племенах тоже есть аналогичные проблемы раздела, но у арабов вопрос имеет гораздо более смешанный характер. На повестке дня всех сходных движений во всем мире всегда стоял вопрос: быть ли внутри системы или противостоять ей? Эта проблема существовала всегда в истории, существует и в наши дни. В движениях семитских и арабских племен и народностей присутствуют оба аспекта, причем оба существенны. В недрах родо-племенных структур в тесной диалектической связи и борьбе всегда существовали и существуют тенденции, как против действующей цивилизации, так и поддерживающие ее. Если этнический аспект больше находит свое выражение в своей антицивилизационной направленности, то религиозный тяготеет к цивилизации. Но можно говорить о том, что обе тенденции, как против цивилизации, так и в ходе цивилизации, в процессе движений двух типов достаточно открыты для преобразований и перемен. Современные и традиционные исследователи ввели очень противоречивое толкование этих двух тенденций. Неправильное отражение сложности и других явлений может привести к крайне ошибочным выводам. Если предвидеть тот факт, что понятие во многом несет в себе преимущественный характер действия, то станет ясно, насколько важно соответствие наших толкований сути вопроса и проблемы.

б. Борьба и наступление хурритов

Я считаю, что этимологически слова «Aḡi», «Ur», «Hurri» имеют шумерское происхождение и означают «холм», «плато», «горная группа». Возможно, шумеры в силу географического положения своих северо-восточных соседей называли их «народом гор и холмов». К курдам, проживающим в той же географической среде, и по сей день применяется много эпитетов, по смыслу означающих «горный народ». К этой же традиции относится вы-

ражение 'Kart-kurt'. Именно поэтому ясно, почему нас называют «горный народ».

Несмотря на то что с этимологической точки зрения хурриты включены в индоевропейскую родо-племенную группу, они обладают более аутентичным, то есть местным характером. Мой комментарий относится к сообществу, которое с конца четвертого ледникового периода по настоящее время проживает в том же самом регионе и сыграл важную роль в развитии неолитической революции. Все геобиологические, археологические, антропологические, этимологические и этнические исследования едины во мнении о том, что народ, по настоящее время проживающий в том же регионе, является очень древним и обладает аутентичным характером.

Наука может подтвердить, что шесть тысяч лет назад в центре «Плодородного Полумесяца» сообщества неолитического периода усовершенствовали все элементы материальной и духовной культуры, необходимые для развития цивилизации на всем пространстве от Пенджаба до Нила. Я уже цитировал Гордона Чайлда, который сравнивал этот совершенный неолитический период с Европой после XVI века. Ряд исследований приводит к аналогичным выводам.

Следы культуры Эль-Убейд в регионе встречаются в 4000 гг. до н. э. Относясь к региону Нижней Месопотамии, Эль-Убейд свидетельствует о том, что культурный обмен в данном ареале уже в те времена был достаточно активен. Еще более важным является то, что осталось множество памятников периода Урука, Ура и Ассирии. Мы встречаемся с доказательствами существования колоний, широко распространенных в то время на берегах и в междуречье Тигра и Евфрата. Археологические данные имеют очень конкретный характер. В таком случае возможно ли выяснить по историческим данным, что в течение шести тысячелетий этому региону и народу угрожает колонизация и имеют место определенные попытки к этому? Аналогичные угрозы допустимы и с других сторон, в частности, можно встретить следы постоянных нашествий через Кавказ. В связи с тем, что регионы развития неолитической революции являются самыми древними

и плодородными, можно было ожидать постоянного притока населения в эти ареалы — точь-в-точь как сегодняшние миграционные процессы в страны ЕС и США. Плодородные и богатые регионы всегда были притягательны, и в этом плане «Плодородный Полумесяц» обладает в высшей степени привлекательными особенностями.

Возможно и совершенно противоположное. В связи с ростом населения после вступления системы в пору зрелости сфера расселения могла уже быть узкой. Вполне ожидаемыми могли быть контрдействия в направлении близких и плодородных земель в первую очередь соседних территорий. Исторические памятники предоставляют данные и в этом плане. Начиная со своего зрелого этапа (7000—5000 гг. до н. э.), региональная культура обнаруживает быстрое для своего времени распространение по всему миру как в культурном плане (без перемещения людей), так и физически (с перемещением людей). Научной истиной является и то, что после этой даты с некоторым опозданием происходила экспансия культурных ценностей двумя путями — из центральных областей Европы в сторону Индии (что подтверждается наличием индоевропейской языковой семьи) и из Египта в сторону Шумера. Как могли в противном случае проникнуть в Индию и Европу неолитические выражения аутентичного народа! Более того, иначе нельзя ответить на вопросы, почему на близких к морю аллювиальных землях в бассейнах Нила и Евфрата, Тигра и Пенджаба не встречаются следы цивилизации. Для точного написания и прочтения истории человечества понятие «эпоха централизованного земледелия» столь же важно, как понятие централизованной цивилизации.

О аутентичности народа как таковом очень многое говорят результаты раскопок в храме Урфа-Гебеклитепе, насчитывающем 12.000 лет. Это очень древняя и развитая культура, основанная на родо-племенной системе региона. Взгляды археологов, лично участвовавших в раскопках, также сводятся к необходимости написания истории заново. Я должен особо подчеркнуть: я никогда не был шовинистом. Речь идет о написании верной истории всего человечества. Невозможно оспаривать, что правильная

историография необходима человечеству более всего, потому что правильно написанная история — это правильный человек, а правильный человек — это правильная жизнь.

Можно наблюдать в истории, как в силу нарастающего давления хурритские племена в период 4000—3000 гг. до н. э. эволюционировали в плане укрупнения своей родо-племенной структуры. То, что мы можем предположить, конечно же, представлено путем исторических доказательств. В этот период мы видим следы родо-племенной культуры. Шумерские письменные источники гораздо чаще сообщают о северно-восточных соседях. В предыдущих разделах, пусть и кратко, я коснулся происхождения шумеров. Мое личное убеждение относится к тому, что шумеры в результате культурной и физической экспансии из Верхней Месопотамии, включив в свою структуру некоторые семитические группы, явили собой развитый культурный синтез. Я продолжаю отстаивать это свое мнение. Превращение хурритских групп в мощные родо-племенные сообщества является свидетельством их политического развития. Племя во многом является той стадией, необходимость которой продиктована необходимостью кланов в общей обороне и управлении. Ясно, что причиной укрупнения племен стали возрастающие внутренние и особенно внешние факторы. Период 3000—2000 гг. до н. э. показывает, что племена входят в состав конфедеративного типа формирований с гибкими связями. Формирование политических элит наблюдается как на примере шумерской культуры (2150—2050 гг. до н. э., период Гути — Гудеа), так и на примере Средней Анатолии до хеттского периода (письмо, направленное князьям Неша в Кюльтепе от Ануи Харби в современном Эльбистане). Послания эти на хурритском языке.

Имеющиеся документы дают основания полагать, что хурритская элита была склонна как к оборонительной, так и наступательной тактике. Ассирийская агрессия заставляла их постоянно сопротивляться. Наличие у хурритов богатых залежей и лесных массивов побуждало ассирийских царей к постоянной агрессии. В результате этого формировалось противодействие

по двум значительным направлениям. Во Внутренней Анатолии сначала возникла конфедерация хеттских племен первоначально с центром в Неша, затем в Хаттушаш (1650–1200 гг. до н. э.), а также укрепились митанни с центром в Вашукани (1500–1250 гг. до н. э.). Можно с уверенностью говорить о том, что формированию этих союзов племен способствовали действия вавилонских и в особенности ассирийских купцов, направленные на их подавление, эксплуатацию и колонизацию. Этот вывод можно сделать из того, что в 1596г. оба составляющих конфедерацию народа совместными усилиями оккупировали Вавилон. Должен особо подчеркнуть то обстоятельство, что не следует с помощью современной национально направленной терминологии истолковывать политические и социальные формирования четырехтысячелетней давности. Если все, что можно сделать, сводится к тому, чтобы ничего не делать и не писать, то для формирования исторического впечатления надо сказать именно то, что не будет связано с серьезными ошибками. Наш взгляд на тему должен быть воспринят именно в таком ракурсе, иначе мы не сможем переломить все исторические искажения и тенденции к полному отрицанию нашей истории.

Как видим, к 2000 гг. до н. э. хурриты владели почти всеми территориями проживания современных курдов или могли управлять ими. В частности, раскопки курганов дают представления о том, как хурриты зачастую сжигали и разрушали шумерские, вавилонские и ассирийские колонии. Мы видим, что в кургане Урфа-Бозова-Тутриш, там, где есть вероятность существования примерно в 2000 гг. до н. э. колонии, имеются очевидные следы пожаров и разрушений. Должен также подчеркнуть и то, что любой, кто хоть как-то занимается этимологией, может с легкостью заметить, что хурритский язык является протокурдским. Диалекты, сохранившиеся с древности в глубинах горных ущелий в Дерсима, Бингёле и горах Загроса, только подтверждают факт близости курдского языка к хурритскому.

Очевидно то, что период 2000–1000 гг. до н. э. был временем противостояния колониализму Вавилона и Ассирии. В частности, ассирийская гегемония, набравшая обороты в 1300–1000 гг.

до н. э., в долине современного Бисмиль (называется Тасхан), создала местный центр, и хорошо известно, что тогда постоянно совершались походы на хурритских князей и родовые общины, не прекращавшие борьбу в местности Лидже-Генч. Впечатляющим подтверждением этого являются фигуры ассирийских царей, выбитые в скалах близ Лидже. Ясно, что и в предгорьях Загроса также постоянно совершались походы. В ассирийских письменных памятниках 1200 г. до н. э. сообщается о народе и союзе племен наири, обитающих на берегах Тигра и Заба. Должен особенно подчеркнуть то обстоятельство, что стычки между царями и элитарными кругами имели место в связи с излишками общественного продукта. В противовес этому простые народные массы ассирийцев и хурритов могли уживаться мирно. Для какого-либо систематического конфликта на уровне народных масс и родовых общин причин не было.

Поскольку название «хурри» имеет шумерское происхождение, то по мере ослабления языкового влияния шумеров и усиления аккадского и арамейского языков, являвшихся языками влияния Вавилона и Ассирии, хурритским племенам стали присваивать самые различные наименования. В ходе изменения и мышления, и языка эпохи, несомненно, появлялись различия и в этнонимах. В те времена никто не мог сказать: «Я араб, ассириец, курд». Чаще всего в качестве самоидентификации человеком упоминался собственный род и божество, с которым он был связан. Хотели бы, чтобы их так называли. После 1000 г. до н. э. на место шумерского этнонима «хуррит» приходят ассииро-арамейские этнонимы. Наименования «мидяне» и «бианили» (народ, проживавший в бассейне современного Вана и Мидии) гораздо чаще упоминаются в ассирийской терминологии. Термин «урарту», возможно, более древний и остался от шумеров.

Эпоха 1000 г. до н. э. была эпохой железных орудий. Железо — это полезное ископаемое и, подобно современной нефти, всегда являлось предметом столкновений: в горной гряде Тавра и Загроса залежей железа так же много, как и меди. Урартская цивилизация (900–600 г. до н. э.) была единственной силой,

которая, обладая железом, смогла устоять перед ассирийскими царями. Несмотря на постоянную борьбу мидийских княжеств, только в 612 г. до н. э. они смогли победить Ассирийское государство или цивилизацию. Большое значение имело длившееся около трех столетий сопротивление мидян на восточном крыле урартов. Мидяне сражались вплоть до 550 г. до н. э., когда перешли под власть Персии. Последующий период был уже другим. Мидийская аристократия продолжила свое существование, согласившись на второстепенные позиции в союзе с персами. Это коренной этап в традиционном курдском коллаборационизме. Геродот в своей «Истории» сообщает следующее: «Последний мидийский царь Астиаг, обращаясь к предателю, полководцу Гарпагосу, говорит ему: «Ну, ты брат подлец, ладно ты сверг меня! Но почему ты сам не сел на трон или не посадил туда другого мидянина, а предпочел быть слугой персидских вельмож?». Эта проблема и сегодня остается в высшей степени актуальной.

Борьба и искания родо-племенных сообществ Тавро-Загросской системы в период персидского владычества Сасанидов продолжались, развиваясь в двух направлениях. С одной стороны, они старались сконцентрироваться в узких рамках своих родовых общин, чтобы противостоять как собственным соглашениям, так и персо-сасанидской аристократии, сохраняя тем самым свои позиции. С другой стороны — стремились к сохранению своего социального существования как общества, ведущего оседлый и полuosедлый образ жизни на основе земледелия и животноводства. Для них был типичен почти такой же стиль жизни, как у бедуинов в арабском мире, полностью изолированных и находящихся вне цивилизации. У них нет какой-либо значимой функции, кроме сохранения своего лидерства на уровне племен, существования под управлением сил цивилизации и решения проблем, возникающих между племенами. Нет каких-либо особых стремлений к власти, за исключением усилий, направленных на создание мелких княжеств. При слове «государство» им на ум приходит сотрудничество и соглашение с Ираном, эллинами и римлянами и рас-

творение в их среде. В древнюю эпоху они долго жили самостоятельно, и в данной среде практически угасло стремление к власти.

С другой стороны, вторая развивающаяся тенденция сводится к идеологической направленности с преимущественной религиозной стороной. Даже у отсталых племен всегда была своя идеология. То, о чем было упомянуто, являлось движением не в недрах племени, а над ним. В частности, митраизм, христианство, иудаизм и манихейство всячески стремились к влиянию. Зороастризм-Езидизм, ставший продолжением зороастризма, являлся другим ответвлением. Эти движения постоянно вели борьбу. Гораздо больший эффект они имели среди неимущих слоев.

В период распространения ислама народные волнения хуррито-мидийского происхождения впервые возникают на исторической арене под этнонимом «Курд». Сопrotивление родо-племенных структур остается на втором плане, на фоне религиозных движений. Прекращение сасанидской государственности в 650 г. н. э. и отступление Восточного Рима (Византии) за горную систему Тавра стало новым периодом сопротивления курдов. Традиционная соглашательская прослойка продолжает сотрудничество со всеми династиями ислама (Омейядами, Аббасидами, сельджуками, Османами и пр.), преследуя лишь одну цель — добиться статуса мелких князей. Усилия, связанные с организацией в качестве государственности, как у Мерванидов, продлились недолго. Салахаддина Эйюби уместно будет рассматривать как курда, основавшего династию, которая правила арабами. Я это говорю не в плане уменьшения его заслуг — иначе он поступить бы и не мог. Он боролся не столько во имя семьи, сколько во имя ислама — в этом его сила. В этот период беднейшие слои курдов, прозванные курманджами, чаще всего остаются за пределами цивилизации. Курманджи, отколовшись от своих родо-племенных структур и цивилизации, мелкими семействами расселившиеся в городах и селах, большей частью вели полукочевой образ жизни, занимались тяжким трудом и батрачеством, стремясь таким образом выжить.

То, что и по сей день в курдской среде на идеологическом уровне очень сильны семейственность и родо-племенные традиции, становится понятным в ходе этого пояснения. Можно осознать мировоззрение курдов, которые стали последними представителями групп, постоянно принимавших наследие наиболее древних в истории аутентичных племен. Курды столь долго были оторваны от цивилизации и политики, что не особенно хорошо принимают и понимают такого рода понятия и явления. Точнее, им не предоставляется возможности осознать суть идеологических гегемоний. Положение соглашательской курдской знати совершенно иное. Они признают цивилизацию и политику. На практике они становятся на сторону тех слоев, которые не ущемляют их интересов. У них нет никаких принципов. За исключением силы и корыстного интереса. У курдских соглашателей едва ли не исторически сформировалась особенность, встречающаяся в редких обществах — добываться гарантии собственной безопасности путем сочетания интересов и силы, не гнушаясь при этом предательством всех ценностей, касающихся нравственного и политического общества.

Если считать хурритов западным ответвлением арийцев, то персидские племена можно рассматривать как восточных арийцев. Между ними есть социально-историческая близость. В принципе, в мидийско-персидской организации эти реалии были ярко выражены. В силу этого я не вижу необходимости проводить отдельный анализ персов — современных иранцев. Допустимо предположение, что арийские группы в Белуджистане, Пакистане и Афганистане распределили между собой аналогичные роли в истории. Конкретизируя все, что сказано о хурритах, можно отнести это ко всем арийским родам. Если взглянуть на современную картину, существующих в данном регионе народов, то можно сказать, что она сформировалась в результате постоянного развития имеющихся между ними различий. То, что по сей день родо-племенная и религиозная борьба продолжает оставаться актуальной (как в Афганистане и Пакистане), свидетельствует о том, насколько древними и сильными являются исторические предпосылки.

в. Борьба и наступление урало-алтайских племен

Последнее звено в цепи урало-алтайской культуры можно наблюдать на примере родо-племенных структур между горными системами Урала и Алтая. Несмотря на какое-то весьма отдаленное родство с китайцами, в результате культурного развития и в силу противоречий в развитии цивилизации урало-алтайские племена превратились в совершенно другую группу. Со времени своего формирования они находились в состоянии противоречий с цивилизацией Китая. Имело место столкновение между родо-племенной структурой и цивилизацией, аналогичное противостоянию хурритов Шумеру. Эти группы, в центре которых свое место занимали гунны, являющиеся прототюрками, и монголы, начиная с первого тысячелетия до н. э., постоянно находились в движении, пределы которого очерчивались цивилизацией Китая, Рима и на юге Персией. Как и на Аравийском полуострове, в регионе, называемом Средней Азией, мятежный характер жизни стал обязательным в силу объективного процесса опустынивания, а также давления, исходящего от сил цивилизации.

В китайских источниках уже в III веке до н. э. обращается внимание на опасность, исходящую от гуннов. Речь идет о некоем хане, которого на тюркский лад именуют Мете-ханом. Упомянуты нападения гуннских племен в 209 г. до н. э. под предводительством Мете-хана. Было бы точнее отнести этот процесс предположительно к первому тысячелетию до н. э. Цивилизация Китая относится где-то к середине второго тысячелетия до н. э. Поскольку противоречия между родо-племенным строем и цивилизацией имели место постоянно, это можно отнести к началу китайской цивилизации. Впрочем, Великая китайская стена также отражает эту истину.

Мы знаем, что эти сообщества постепенно спускались с горных районов Южной Сибири. Существует гипотеза, что около 7000 гг. до н. э. одно из ответвлений через Берингов пролив ушло в Америку—это подтверждается этимологическими и антропологическими изысканиями. Знакомство с неолитическим

обществом состоялось примерно в 4000 гг. до н. э. Видимо, и влияние китайской цивилизации, и засуха способствовали коренным изменениям ситуации. Данное мнение подтверждается тем, что в силу этих причин, подобно семитским группам, они вступили в высшей степени динамичный процесс. Не добившись серьезных результатов в борьбе и противостоянии китайской цивилизации, они, как видим, начиная с III столетия н. э. направляли свои взоры в сторону Запада. Мы знаем, что в иранских информационных источниках эти группы еще издавна именовались «туранцы». Поскольку Иран был их юго-западным соседом, то не исключено, что между ними существовали тесные контакты. Характер взаимоотношений проявляется достаточно четко, когда мы задумываемся о том, как Кир, царь Персии, был убит в столкновении с одной из ветвей группы, называемой скифами, на территории современного Казахстана (Masagete). Если вспомнить, что скифы в период между VIII—VI вв. до н. э. создали мощный союз племен в регионах, охватывающих территорию от северной части бассейна реки Туна до Средней Азии, то представить масштабы конфликтов можно будет гораздо лучше.

Кавказское или среднеазиатское происхождение скифов не меняет ситуации. Это весьма значительная сила, направленная против цивилизации. Не так легко разобраться и отделить друг от друга мотивы их динамизма. Активную деятельность вызвало то ли давление на них, то ли стремление самих скифов овладеть богатствами региона. Имеет место в высшей степени гибкое пограничное положение между двумя проблемами. Цивилизации постоянно стремятся к расширению, в результате получается давление. Что касается мятежей, то их предназначение или в полном разрушении цивилизации, или в отрыве какой-либо ее части, поскольку во имя успеха используются как военно-политические методы, так и средства самой цивилизации, как минимум, элиты племен придерживаются такой позиции. В обоих случаях мятежи способствуют распространению системы цивилизации — точно так, как было у аккадов. Вожди племен, являвшихся свежей силой, были приучены к благам цивилизации

(пусть и в ограниченной форме, но вождь племени имеет доступ к большому комфорту в быту, речь может идти даже о предцивилизационной форме жизни). В связи с этим они останавливали свой выбор или на полном растворении в горнилах той самой цивилизации, с которой они воевали, или на построении новой ее системы.

В знаменитом эпосе «Шахнаме» подробно повествуется о конфликте между Ираном и Тураном. Можно сказать, что слово «Туран» подразумевает не только прототюркок, но подходит для отображения всех групп региона. Известно, что туранские племена время от времени доходили даже до Индии. Известно, что в регионы Ирана, Афганистана и Пакистана они проникали гораздо чаще, создавали там временные союзы племен. Союз племен, созданный гуннами в V столетии н. э. на территории современной Венгрии, был настолько силен, что под предводительством Атиллы смог дойти до ворот Рима (453 г. н. э.). Если бы не мольбы Папы, то не исключено, что гунны могли разрушить Рим задолго до готов (германских племен). Они также дошли буквально до ворот Восточного Рима. Авары, принадлежащие к той же группе, взяли под свое влияние всю территорию сегодняшней Южной России. Имело место аналогичное движение еще нескольких групп. Киммерийцы и скифы в VI веке до н. э. полностью перевернули все от ворот царства Урарту до границ Лидии (царство, основанное в VII–VI вв. до н. э. в Западной Анатолии). Впечатляющей реальностью является то, что эти группы восставали и нападали на устои персидско-римской цивилизации так же, как некогда семитские группы поступали с цивилизацией Шумера. Злобу, затаенную родо-племенными структурами в отношении цивилизаций, надо объяснять не случайными обвинениями в «варварстве», а толковать более научными способами.

Мы видим, что к середине VI столетия н. э. в пределах современной Монголии было основано княжество под названием Гёктюрк (именно здесь впервые встречается тюркское слово). Это княжество напоминало союз племен, и в силу внутренних противоречий оно просуществовало недолго. Уйгуры представ-

ляют собой другую протоцивилизационную попытку доисламского периода. В этом союзе, возникшем в середине VIII в. н. э., влиятельными были буддизм и манихейство. Но эта цивилизация не была способна конкурировать с Китаем. До проникновения в регион ислама здесь господствовали родо-племенные движения, направленные против цивилизации. Этот оседло-кочевой образ жизни подвергнется коренным изменениям с приходом в данный регион ислама.

Появление ислама способствовало коренному повороту в плане приближения конца ранних цивилизаций и перехода к Средневековью. То, что ислам, изначально имевший антицивилизационный характер, в краткие сроки превратился в фундамент цивилизации, является изменением, требующим глубокого анализа. Достойны изучения преобразования в родо-племенной системе Средней Азии, которым способствовал ислам. Несмотря на то, что изначально он вышел на историческую арену на основе антицивилизационных выступлений арабских бедуинов, исламу удалось стать гегемонистской силой Средневековья, воплотив в себе целый клубок внутренних противоречий. То, чего китайская цивилизация не могла добиться тысячелетиями — распространения своего влияния — ислам в кратчайшие сроки осуществил, подойдя вплотную к границам самого Китая, и это можно считать своего рода революцией цивилизации. Подобно названиям «курд» и «Курдистан», слова «тюрок» и «Туркестан» тоже вошли в обиход в период распространения ислама. Эти факты открыто свидетельствуют о роли ислама в формировании народностей. Переход от племени к народности требует названия страны и этнонима. В X веке тюркские племена в подавляющем своем большинстве приобщились к исламу. В столь скорой исламизации тюрок сыграли свою роль два важных фактора: во-первых, исламская цивилизация поработала в меньшей степени, нежели китайская, во-вторых, был открыт иранский путь после падения Персидской империи, являвшейся для них серьезным препятствием. Ясно, что наиболее значительный этап тюркской истории наступил благодаря исламской цивилизации. Ускоренная интеграция родо-племенной знати способствовала раз-

делению по типу тюрков-туркмен. Это аналогично разделению араб — бедуин, курд — курмандж. Если этноним «тюрков» характеризовал и именовал ту прослойку, которая интегрировалась в цивилизацию, то этноним «туркмен» обозначал мусульманскую прослойку общества, остававшуюся последовательно на антицивилизационных позициях и постоянно отторгавшуюся системой. Родо-племенные и классовые противоречия развивались в тесной сопряженности.

Надо хорошо понимать и то, что ислам одновременно является и классовым движением (среднего и высшего слоя). Тюрки не остановились на укреплении своих позиций в Туркестане: они сыграли роль гегемонистской силы в Сельджукской и Османской династиях в 1000—1900 гг. н. э. Повстанческая деятельность и агрессия были в основном направлены на Византийскую империю. По мере того, как Анатолия переживала процесс тюрко-исламизации, туркмены рассеялись по многим регионам Ближнего и Среднего Востока, даже Балканского полуострова (в частности, в горных местностях, благоприятных для скотоводства и кочевий). Родо-племенные традиции продолжали в основном туркмены. В процессе экспансии тюрков на Ближний и Средний Восток противоречия и стычки продолжались между тюрками, стремящимися влиться в государственную машину, и наиболее могущественными прослойками других народностей. Позиция туркмен отличалась большим миролюбием и конструктивностью. На примере тюркской цивилизации можно легко проследить и то, что война как таковая рождается в недрах силы.

После тюркских племен вторую крупную волну повстанчества и агрессии на уровне племен в регионе (Средняя Азия) продолжили близкородственные им монгольские племена. XIII век вообще стал «монгольским» столетием, но не на базе ислама, а с точки зрения всемирной истории. Монгольские силы, завоевавшие всю Евразию от Дальнего Востока до Европы, привлекают внимание своим антицивилизационным характером. Они распространились по всему Ближнему и Среднему Востоку, захватили и Китай. При желании, могли бы, полностью разрушить

новоразвивающуюся цивилизацию Европы. Но, в соответствии с тем же правилом им не удалось избежать растворения в горнилах системы цивилизации. Аналогичные выступления полумонгольских и полутюркских сил Тимура проходили на протяжении всего XIV века. Обе силы одержали верх над Сельджукской и Османской династиями (в том числе Аббасидами). Но сила, отработанная машиной цивилизации на протяжении тысячелетий, смогла продолжить существование, включив в свою структуру развитый институт вождей этой родо-племенной системы и усиливаясь посредством собственного воспроизводства.

Что касается Ближнего и Среднего Востока, то после падения в XIII в. до н. э. Трои, существовавшей на Эгейском побережье, во внутренние области Анатолии стало активно проникать фракийское родо-племенное движение. Был основан ряд царств Фракии, племена, получившие название «водных народов», разбили хеттов и подошли вплотную к Египту (предположение о том, что они — предки современных палестинцев, могло остаться именно с тех времен) — все это представляло собой серьезные проявления борьбы и агрессии племен. Племена ионийцев, элийцев и дорийцев, считавшие себя предками эллинов, в XII в. до н. э. разрушили цивилизацию Микен и спустя много лет на обоих проливах Эгейского моря стали создавать города-государства, имевшие большое историческое значение (700–500 гг. до н. э.). Они заново осуществляли колонизацию Анатолии. Эти выступления оставили заметный след в культуре и цивилизации Ближнего и Среднего Востока. Если фракийские племена растворились в региональной культуре, то эллинские племена оставили на ней свой отпечаток. Эллинизм является артерией культуры и цивилизации Среднего Востока.

Несомненно, племена кавказского происхождения также были крепко связаны с Ближневосточным регионом. Они продемонстрировали очень активное сопротивление и противодействие внедрению цивилизации в их строй. Существуют и другие, помимо скифов и киммерийцев, примеры. Возможно, грузины и армяне тоже пережили схожие процессы. Народности, проживающие на Кавказе, который является едва ли не

прародиной племен, постоянно совершали походы в регион, простирающийся по эту сторону от Шумера. Они внесли свой колорит в его культуру, сыграв значительную роль в консолидации этой цивилизации путем противостояния ей. Борьбу и агрессию этих племен можно разместить в четвертом ряду истории региона. То, что имеет место сегодня, подтверждает эти реалии.

В итоге родо-племенная система имела внесистемный и антицивилизационный характер по отношению к цивилизации в целом и, в частности, по отношению к центральной цивилизации (мировой системе), но, вместе с тем, она постоянно обогащала систему «свежей кровью», сыграв свою роль в мировой истории. В плане формирования и развития системы она изначально пребывала в состоянии диалектического противоречия, постоянно играла роль источника свежей миграционной волны, осуществив переворот в форме семейственности и династичности. Превращение родо-племенной системы в семейственно-династический институт, стоящий на стороне цивилизации, является одним из значительных преобразований, пережитых обществом и, соответственно, всей историей. Семья и династия — это институты, развивающиеся на принципе отрицания родо-племенной системы. Следует очень хорошо осознать эти ее особенности. Только на базе такого преобразования племени служили цивилизации и питались ее благами. Родо-племенная система — это институт, который по сути своей является антицивилизационным, и в нем господствуют свободные и равноправные отношения. Что касается таких институтов, как семья и династия, то они отрицают эту сущность племен, но стараются всячески сохранить ее оболочку (Омейяды, Аббасиды, Османы и пр.). Большую часть источников сил и связей, играющих ключевые роли в продолжении цивилизации, производят именно эти два института. Следовательно, без них цивилизация не могла бы так легко продолжать свое существование.

Считаю уместным обратить внимание на следующее обстоятельство: организация родо-племенного типа является обязательной особенностью социума. Изменив кланы, она включила

их в свою структуру и в связи с этим является глобальной формой организации человечества. Всеохватывающая особенность данной организации станет более очевидной, если добавить сюда еще семью, династию, а также такие видоизмененные и деградирующие формы современного капитализма, как «компания». Кроме того, мы достаточно открыто подчеркнули, что все образования типа иерархии, власти и государства не могут иметь смысла без институтов семьи и династии. Но следует существенно отделять антицивилизационный, свободный и равноправный характер родо-племенной системы от таких деградированных, извращенных форм, как «семейственность», «династичность» и «компания», которые стали источниками силы, рабства и прибыли. Во всевозможных новых социальных институтах, которые будут созданы, включая преобразование, изменение и преодоление всей системы цивилизации, в том числе капиталистической цивилизации (современный капитализм), родо-племенные системы, возможно, в развитой научной среде смогут сохранить свое существование и более свободный и равноправный характер.

Несмотря на широкую пропаганду, такие структуры, как города-государства, империи и национальные государства (по причине официальной идеологии), не являются и не могут быть поистине общественными. Это центры формирования силы и прибыли, перечисленные по нарастанию их мощи. Это — новые фундаментальные институты цивилизации, механизмы производства прибыли и насилия над обществом. Город-государство частично может внести свой вклад в развитие общества, потому что это мелкая структура и сопряжена с социальными проблемами. Следовательно, ее чувствительность к социуму и конструктивный потенциал представляются возможными, и то при условии его открытости в отношении демократии. Историческим примером является афинская демократия. Что касается имперской и национально-государственной структуры, то это вне-социальные или надсоциальные организации, которые своими элементами угнетения тесно связаны с насилием и извлечением прибыли (налоги, рента, проценты, даже зарплата). То, что боль-

шая часть исторических произведений преподносит их кровавые приключения как элемент успеха, продиктовано потребностью идеологической гегемонии. Крупный историк Фернан Бродель совершенно справедливо подчеркивал в завершении своей книги «Средиземное море в период правления Филиппа II», что не хочет становиться орудием такого рода исторического повествования, но вынужден исполнить настоятельную потребность существующей историографии. Таким образом, он ближе всех подходит к истине. Он придерживается той позиции, которая может внести вклад в верное развитие историографии. Историческая наука находится в процессе своего развития и должна совершить еще более значимый прорыв. Мы должны читать и писать историю, никогда не забывая о том, что историография цивилизации, загруженная идеологической гегемонией, не только не способна осветить социально-исторические реалии, но, напротив, притупляет восприятие.

Уверен, что исторические книги, которые будут написаны заново, смогут высоко оценить, в частности, процессы развития родо-племенных систем. С точки зрения нормального развития общественной жизнедеятельности неизбежным остается то, что наиболее удобная форма экономических, социальных, политических и идеологических разработок, включая тему семейной жизни (в том числе имеющие отношение к религии, искусству и науке), в обновленном виде будет развиваться в масштабах племени и общины. Человечество не может длительное время тащить на себе структуризацию современности по типу семейственности, династичности и прибыльных компаний. Оно не может продолжать преклоняться «зевсоподобному божеству», являющемуся самым главным институтом, противостоящим искусственной модели жизни национального государства.

Демократическое содержание борьбы и ответных атак, к которым прибегает родо-племенная система в противостоянии системе цивилизации, представляет собой серьезную проблематичность. В сущности, большое значение имеет изучение роли этой борьбы и вооруженного ответа с точки зрения как

демократической, так и государственной цивилизации. С точки зрения государственной цивилизации — ее роль достаточно раскрыта. Мы постарались весьма ярко, на многочисленных примерах показать, как вожди племен еще на стадии формирования родо-племенного строя уже превращались в силы ранней цивилизации, постоянно находясь в состоянии противоречия со свободным и равноправным стилем жизни племен. В силу этого постоянно имели место внутриплеменные противоречия, а в случаях контакта с цивилизацией они сразу же, при первом поражении, уступали силам цивилизации, сдавая вместе с тем и свои племена. В случае побед они в качестве новой династии стремились стать во главе прежней цивилизации или же своими усилиями по созданию династий развивали новую цивилизацию. Но это — еще не все повествование, не вся история.

Если постараться решить вопрос с точки зрения демократической цивилизации, мы можем увидеть и понять, что фактор успеха мировой истории имеет демократический характер. История постоянно представляла в качестве незыблемой истины сам факт государственных цивилизаций. В частности, определяющими стали пагубные действия национально-государственной и национальной историографий. Даже эта наша Защитная речь, в которой мы постарались в виде краткой схемы изложить историю, подтвердила тот факт, что иное, то есть объективное написание и прочтение истории вполне возможно. История обладает характером демократической цивилизации, причем гораздо более, нежели принято считать. Если прочесть историю, основываясь на этих позициях, то станет очевидным, что в ней есть не только обилие материала, но и идеологическая ткань, системные образования и организации величественных параметров. Нельзя забывать, что в истории или вообще ничего не написано о демосе, негосударственном социуме и социальных парадигмах, или же имеют место какие-то разрозненные фрагменты в виде черновых записей. Более того, то, что написано и то, чего пытались написать, оказывалось под запретом, очернены и в большинстве случаев публикации чинились

препятствия. В вопросах написания истории идеологическая борьба происходила гораздо чаще, чем это принято считать. Прочтение истории без четкого осознания того, что действующая историография является абсолютно официальной, прошла через идеологические фильтры систем цивилизации, не просто затруднит мышление, и, следовательно, жизнь, то есть осмысленную социальную жизнедеятельность, но и сделает ее вообще невозможной. С ошибочной историографией невозможно жить правильно. Тот, кто не может правильно написать историю своей свободы, не может и жить свободно.

Несмотря на все случаи предательства и поражения, пережитые повстанческой деятельностью племен, ясно, что они являются движущей силой истории, постоянно существуя в условиях свободных и равноправных образований демократической цивилизации. Племя само по себе является неисчерпаемым источником демократического коммунизма. Но развивая наше восприятие племени, нельзя приковывать внимание только к традиционным образованиям. Принцип сплетения родственными узами не соответствует смыслу племени: кровных связей как таковых просто недостаточно для его формирования. Племя по сути своей является социальным образованием. Это — основная ткань осмысленной жизни общества. Даже при чтении Маркса стоит учесть, что восприятие и оценка с позиции племени обеспечили бы гораздо лучшее понимание и результативность. Анархисты — это организация племенного типа. Экологические и феминистские движения гораздо ближе к этому названию. В этом отношении очень важно понять то, что особенности партий и структур гражданского общества, которые основываются на почве государства, своей антиродо-племенной направленностью просто превратились в некие оболочки организации.

Называть племя общиной можно только с некоторыми условиями: эти условия — свобода и равноправие. Демократическая цивилизация, как это было в истории, так и сегодня может обрести смысл только посредством развития преобразований на этой почве. История — это не только движение государственных цивилизаций. Гораздо более свойственен ей характер демокра-

тического социального движения. Существование родо-племенных систем на протяжении тысячелетий, их многолетняя непрекращающаяся борьба и ответные атаки в достаточной мере подтверждают эту истину. Необходимо создать теорию и осуществить реорганизацию именно такого возвышенного движения истории.

В. РЕЛИГИОЗНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ, ИЛИ КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Системы цивилизаций состоят из классов и слоев. Они являются и продуктом, и ускорителем образования классов и классового расслоения. Вместо подтверждения факта существования классов важнее было бы рассмотреть формы их образования и то, как они обрели способность действовать. В условиях классовых реалий личности никогда не могут в открытой форме заявить: «Я — это класс». В частности, при помощи марксистской классовой терминологии невозможно точно представить реалии классового общества. Позитивистские научные подходы, как и во всех социологических явлениях, фактах и взаимоотношениях, в случае с классом и классовыми взаимоотношениями также сыграли свою притупляющую и искажающую роль. Марксизм тоже не смог уйти от такого глубокого влияния современности, не сумев еще осознать, что одной из основных причин его неудач является связь с этим подходом.

Проблема социальных классов и слоев сохраняет свое значение и в концептуально-теоретическом, и политически-практическом смысле. Она требует коренных обновлений идеологического и практического плана. Само по себе изучение буржуазии и пролетариата не может представить все исторические события с классовых позиций. Практические неудачи (касающиеся со-

циалистического лагеря) связаны с историческим мировоззрением. Позитивистский результат марксистского анализа классов не только не имеет кардинальных отличий от мировых религий, рьяно критиковавшихся классиками марксизма, но еще очень далек от понимания причин такой неудачи. Советский опыт подтвердил следующее: можно построить здание в сто этажей, но нельзя предотвратить его разрушение в течение одного дня. Никто не может отрицать того, что имели место именно данные реалии. Подход этот не является таким уж научным, как часто пытаются утверждать. В ином случае не было бы упомянутого распада. Другим ярким примером того, что опыт социалистической системы оказался не успешнее религиозных теорий, является произошедшее с Коммунистической партией Афганистана. Но религиозные талибы все еще настолько сильны, что могут воевать со своими основателями США и их союзниками.

Как следует воспринимать социальную природу? По этому вопросу имеются большие проблемы, даже с точки зрения метода. Все испытанные методы не смогли ясно объяснить возникновения наиболее разрушительных в истории войн, кризисов, проблем окружающей среды, безработицы и голода. Можно спросить: в чем же виноваты те, кто применил эти методы? На этот вопрос допустимо ответить так: социальная действительность — это единое целое. Научная мысль тоже несет ответственность — не меньшую, нежели боевой фронт. Если он не испытывает этой ответственности, значит, лишен научной этики и является примитивным орудием системы. В таком случае наука не только не может говорить о классовых войнах, но даже не вправе заявлять о своей принадлежности к ученому миру. Основопологающей обязанностью науки является утверждение истины. Вполне уместно в данном случае привести в качестве примера Джордано Бруно, сожженного в XVII веке в Риме. Беспрецедентная стойкость ученого является историческим памятником научной этике. Если человек не может отстоять свою веру в истину под страхом сожжения, то речи не может быть о любви к науке, что является альфой и омегой ученого. Без любви к науке ученого быть не может.

Другим примером может быть Мансур аль-Халладж. Пока ученый, не способный дать решение жизненных проблем своего времени, не проявил нравственность и не осознал, что он, подобно воину на поле боя, должен заплатить за свою неудачу собственной жизнью или пленом, он не вправе носить титул ученого. Это высказывание действительно и для политика, для него это даже гораздо более актуально, потому что политика является главным способом решения социальных проблем, а не средством извлечения прибыли. Если тот, кто возвысился до этого, поистине является политиком (а не простым государственным управляющим), то он — Сизиф, обреченный не только на изгнание, но на нечто худшее, чем смерть. Если человечество, познавшее трагедии атомного взрыва, еще не может сделать правильного вывода, то это мертвое человечество. Те, кто настаивают на противоположном, поистине не понимают смысла жизни человеческого общества.

Те, кто недостаточно хорошо знаком даже не столько с такими явлениями, как класс, нация и, в первую очередь, социальная природа, должны осознавать, что им не дано стать ни учеными, ни политиками. Я хотел подчеркнуть, что ответственность и этика в науке и политике имеют очень важное значение. Эти строки я пишу в тяжелейших условиях карцера, находясь в одиночной камере. Считаю своим человеческим долгом упомянуть, что единственная ценность, позволяющая мне сохранить силы, — это любовь к науке, и кроме этой любви к науке нет никакого иного средства, не исключая смерти, способного успокоить тяжелейшую жизненную боль.

а. Классы и религиозность

Для того чтобы определить конкретные взаимоотношения между классом и религиозностью, я опять вернусь к их оригинальным источникам. Пример Шумера является очень ярким и поучительным как с точки зрения формирования городов и классов, так и с точки зрения генерации классов и идеологии.

Он несет в себе высшие дидактические элементы на более содержательном уровне, нежели греко-римский источник. Исследование классов и идеологии европейского капитализма, принятого за оригинальный источник, является препятствием не только для марксизма, но и для всех, кто занимается идеологией (включая науку и философию). Предельно ясно, что самая последняя производная общественной действительности не может дать результатов столь же правильных, что оригинал. Вместо слова «жрецы» я постараюсь использовать выражение «шумерские идеологи» в том плане, что они стремились к идеологии, науке и философии. Что было у шумеров в плане классов и религиозности, какие уроки из этого можно извлечь? В своих рассуждениях я отдам предпочтение методу перехода от конкретного к абстрактному.

В зиккуратах, в то же время являвшихся идеологическими штабами, где вершились дела экономического, политического и оборонительного характера, отнюдь не говорили, «это работа экономическая, это политика, а это оборона». Дела даже не разделялись. В зиккуратах каждый человек выполнял свою работу, сферы производства оборонялись. Осуществлялось планирование политики (в современном смысле экономико-политическое). Стиль был очень конкретным, все составляли единое целое. Даже в голову не могла прийти мысль о возможности существования экономики-политики-обороны без строительства зиккурата. Прежде всего, зиккурат был центром формирования идеологии. Здесь создавались концепции и верования, которые с большой долей вероятности извлекались из недр неолитического общества, тысячелетиями существовавшего в регионе Плодородного Полумесяца. Но были проблемы выхода за пределы этого общества. Таким образом, невозможно было использовать верования и каноны, связанные с концепцией, в том же виде, заимствованной у неолитического общества. Требовалось их преобразование. Были и те, кто присваивал себе львиную долю прибавочного продукта, образующегося вследствие продуктивности предыдущего общественного строительства. Но существовали и те, кто работал ради куска хлеба. Более того, требовались за-

щитники зиккурата, ведь в любую минуту могли появиться внутренние и внешние мятежники. Именно таковой являлась создаваемая ими система. Ответственность была огромной. Речь идет о строительстве общества, которое со всех точек зрения отличалось от структуры племени, в которой царили свобода и равноправие.

Личность человека и человеческое общество — это общество разума и веры. Никогда не существовало человеческого общества без разума и веры. В таком случае разум и вера являются первоочередными темами. Без прогресса в этом направлении невозможно задействовать общество. Создание идеологии успешно решает эту первостепенную задачу. Изобретения шумерских идеологов известны. Были осуществлены переходы от веры в мать-богиню к вере бога-отца (отражение общества, находящегося под властью мужчины), от земного тотема к богу на небе, от бога каждого племени к богу города, и так до общих богов земли и небес, представлявших единство городов. Источником смысла, который придается понятию «бог», являются следующие две сферы: во-первых, это образы, рождающиеся от всего, что находится за пределами человека и его общества и называется «первой природой», и во-вторых, это разум и верования, имеющие отношение к социальной природе. В авангарде идут элементы древней духовной культуры. Новые средства узаконения, то есть элементы мифологии и религии, питаясь из этих источников, выдвигают необходимость построения нового общества. Идеологическая деятельность продолжается до полного успеха. После ее установления начинаются ее структуризация, ритуализация, определяются люди, занимающие посты, приносятся жертвы, возводятся храмы. Все это совершалось для того, чтобы новое жизнеспособное общество продолжило свою деятельность. В данном случае не будем говорить об Эн, Энлиле, Энки, Нинхурсаг, Инанне, Иштар, Мардуке и прочем пантеоне богов, но ясно, что все совершалось с целью узаконения их в обществе. В данном случае важно то, что представляла и что отражала система новых богов, пришедших на смену старой, то есть пантеону прежних богов.

То, что духовная культура отражает материальную — не ошибочное определение, но важно то, как именно это происходит. Во всяком случае, речь не может идти о представлении, подобном тому, как бык видит свое отражение в воде. Духовное отражение осуществляется совершенно иначе. Это не простое отражение, а реальное созидание, делающее человека человеком. Строительство и грубое отражение — разные понятия. Я часто подвергаю анализу термин «бог», потому что это понятие, меняющее свой смысл в зависимости от места и времени. Глубинный социологический подход неизбежно признает, что бог является образом социальной идентичности. Мы не должны упрощенно воспринимать этот образ. Изучение этого образа довело буквально до частичек атома, сейчас в научных лабораториях CERN, в Швейцарии, даже пытаются выяснить, кто создал материю под названием «божественная частичка». Подробное повествование об этом может стать многотомным. Я не занимаюсь тут позитивистской социологией. И общество я воспринимаю не как примитивное (материал) сборище людей. У меня нет позитивистских воззрений. Я полностью осознаю, что позитивизм является наиболее грубым религиозным подходом. Я могу сказать, что Бог, являющийся образом социальной идентичности, вместе с тем, представляет собой синтез эволюции длиной в 13,8 миллиардов лет. Нет, его можно еще назвать «невозможным возможным». Передо мной не стоит цель заниматься сухой метафизикой — я говорю, чтобы предупредить тех, кто примитивно воспринимает тему. Подобно тому, как общество является наиболее гибким мыслительным материально-энергетическим потоком, так и понятие «бог» — это самая гибкая смысловая энергия. Каждый может понимать это как хочет. Те, для кого искусство смысла стало профессией (можно называть их философами), те, похоже, специалисты в этом деле. Пророки тоже являются мастерами в изречении смысла и создания понятий — по меньшей мере в той же степени, как философы.

Наше преимущество в отношении цивилизации Шумера заключается в том, что почти откровенно показано, что деятельность развивалась именно в этом направлении. Никто не смог

столь прямо, но, вместе с тем, величественно в своей простоте отразить процессы влияния материальной культуры на сферу духовного. Я утверждаю следующее: тот, кто не желает, отнюдь не обязан верить и знать. Я настойчиво подчеркиваю, что пантеон шумерских богов — обожествление самого себя новым, возвышающимся классом. Это очень конкретное обстоятельство — основная функция всех последующих поисков, в течение пяти тысячелетий истории централизованной цивилизации осуществлявшихся в сфере религии, философии, искусства и науки. Сам по себе зиккурат раскрывает эту истину. Наиболее высокий ярус в нем занимает пантеон богов. Средний ярус занимают жрецы, посланники богов, те, кто реализуют искусство смысла, а самый нижний ярус — все работники, слуги, рабы, то есть низы общества. Разве не эту триаду встречаем мы во всех религиях? Это — система *Бог-посланник-рабы Божьи*. Разве не такова вся классовая система? Если верхний слой — это триада *правитель + жрец + военный вождь*, то средний слой, то есть промежуточное звено, формируется следующим образом: *средний класс + бюрократия + институты легализации* (университеты, ритуальные учреждения и пресса). Самый нижний слой общества занимают те, кто остался за границами первых двух классов — это пролетарии, крестьяне, чиновники, студенты, женщины, дети, безработные и т. д.

Для того чтобы последующие создатели смысла не извергли груды лжи, шумеры организовали суть дела очень просто и доступно. Говоря просто, я не имею в виду театральную игру. Я хочу сказать, что они достигли высшей степени искусства концептуальности. Если посмотреть на такие империи, как Аккад, Вавилон и Ассирия, можно заметить, как один из богов политеистического пантеона начинает возвышаться над другими богами, начинает брать над ними верх и делает всех остальных своими помощниками. Ясно, что по мере централизации власти и силы происходит централизация пантеона. Появление царей, чьи слова становились законом, означало поиски абсолютной веры в единого бога. В неолитическом обществе каждый клан и род имел своего бога — сколько кланов и родов, столько и

богов. По мере того, как общество росло и объединялось, делилось на классы, стали появляться верховные правители; когда появились монархические правления, то количество богов тоже стало уменьшаться от множества к одному. Представительская функция осуществляется очень конкретно. Более того, по мере утраты женщиной своего влияния в обществе менялась и половая принадлежность наших богов. Возникает бог в образе мужчины, отца, деда.

То, что мы чертим сейчас, это всего лишь схема. Процесс, несомненно, был очень сложным и полным конфликтов. Когда жрецы создавали религию, близкую мифологии, они брали за основу уровень верования людей своего периода. В основе их достижений лежит именно то, что они осуществляли свое созидание в гармонии с эпохой. По мере изменения общества и личностей претерпевала изменения и религия. С другой стороны, что очень важно, появились те, кто не считал этот пантеон богов соответствующим своим интересам, личному мышлению. Как в самом обществе, так и за его пределами столкновение интересов не может происходить, не оказывая влияния на верования. Конфликтующие личности и классы находят свое отражение в столкновении религий и богов. Следует хорошо знать следующее социальное правило: без крупного конфликта, в который вступает искусство смысла, не может быть никакого серьезного классового конфликта. Голые руки и пустые сердца несовместимы с постоянными, глубокими конфликтами. Верно и противоположное: великая социальная гармония и мир обеспечиваются великой гармонией и миром между искусствами смысла.

Этот же механизм центральной цивилизации, начиная свой путь из городов Шумера, нес с собой и всех богов. Без серьезных изменений в основных чертах, в период кризиса Вавилона в I столетии до н. э., рокировка во властных структурах давала возможность поиска путей, в том числе с религиозной точки зрения. Кризис и распад — это сомнение в системе и кризис веры в систему. Сомнение в богах, находящихся в пантеоне, и кризис веры в них тоже не могли не оставить своего отражения.

б. Появление авраамистических религий

Можно предположить, что нимроды Вавилона (царь и высшие правители) столкнулись с аналогичным периодом кризиса. Реальной истории у нас нет, есть только заветы, имеющие отношение к тысячелетней давности. Но, основываясь на серьезных научных критериях современности, мы можем высказать мнения, близкие к истине. Если задуматься о том, что история как таковая вообще является искусством толкований, то несомненным станет то, что сила любого толкования должна соизмеряться ее близостью к истине.

Место, откуда вышел Авраам (совершил свой исход), — это Урфа. Историко-социальное толкование Урфы может приблизить нас к реалиям веры Авраама. Более того, если рассуждать о предполагаемом периоде и сроке его исхода в ракурсе всемирной истории, то можем еще на один шаг приблизиться к истине. Но мы не должны обманываться по поводу полного постижения исторической правды, поскольку таковой не существует.

В силу своего широкого пространства геобиология Урфы стала своеобразным раем для человеческих сообществ после четвертого ледникового периода. Здесь царил климат, способствовавший естественному орошению. Из соответствующих научных трудов становится ясно, что благодаря чрезвычайно разнообразной флоре и фауне этот регион был очень привлекательным. Возможно, что в этом регионе имел место своего рода «взрыв», когда человечество после сотен тысяч лет своего существования перешло на язык знаков. Более того, регион Урфы стал своеобразной «распределительной станцией» на пути огромных миграционных потоков человечества из Восточного рифа Африки по всему миру. Здесь были самые благоприятные условия, о которых могли мечтать люди. Можно сказать, что Урфа была идеальным пристанищем, местом для поиска пропитания, защиты и размножения для человечества того периода.

Сейчас точно известно, что обелиски, обнаруженные во время раскопок в Гёбеклитепе, были возведены по меньшей мере двенадцать тысяч лет назад, и совершенно ясно, что здесь был

именно храм. Не будет преувеличением считать, что их история восходит к XVI в. до н. э., потому что строительство такого рода храма не могло быть осуществлено без культурной базы, насчитывающей много тысячелетий. С этим научным доказательством сочетается и геобиологическое толкование. В эпоху, удаленную от нас более чем на пятнадцать тысячелетий, существовала сильная родо-племенная система, поскольку храм представляет именно эту систему. У каждого рода существовал свой концентрический храм. Предположительно, что подобные образцы есть под землей. Например, в курганах близ Харрана тоже есть подобные руины храмов в форме полукруга. Техникой строительство обелисков не владеют сегодняшние сельские и даже городские жители. В таком случае выходит, что люди той эпохи были более развитыми. Размеры храма в сорок раз превышают храм в Мекке (в период исхода ислама). Более того, храм в Мекке — это очень простое каменное сооружение. В таком случае сакральное значение Урфы и ее центральная роль могут насчитывать по меньшей мере пятнадцать тысяч лет. В тот период существовал храм не только в Мекке, но и в Иерусалиме (к концу II тысячелетия до н. э. сын Давида, пророк Соломон, заложил фундамент первого храма), и этот храм отличался колоссальными масштабами и древностью по сравнению с аналогами во всем мире. Мое личное мнение таково, что еще до начала эпохи Авраама этот регион по меньшей мере десять тысячелетий играл роль мирового центра.

Здесь очень важно понятие «центр». Представление о пяти-сотвековой центральной цивилизации дает нам возможность осознать, что взаимоотношения между центром и периферией постоянно имели место в мировой истории. Без центра не может быть и истории. В истории цивилизации было очень много изменений во взаимоотношениях между центром и периферией. Ни один регион не являлся центром на протяжении тысячелетий. С точки зрения позиций первого центра человечества и данного срока Урфа является беспрецедентным случаем. Другой особенностью региона является аутентичность проживающих там людей. Возможно, были и те, кто поселился в этом регионе,

прибыв извне, но народ, строивший эти храмы, был местным. Этот регион был основным местом проживания хурритов — первого в истории родового сообщества людей, обретшего свой этноним. Здесь же располагалась столица империи митанни, имевших хурритское происхождение (Вашукани-Сарекани-Джайлапинар), что позволяет нам осознать идентичность проживающего там народа. Более того, Урфа — это центр региона «Плодородного Полумесяца». Ясно, что культурные экспансии, исходившие от «Плодородного Полумесяца», сыграли огромную роль во всех регионах, в частности, питая культуры Шумера и Египта. Египетский исход Авраама и его взаимоотношения с Вавилоном должны быть именно теми преданиями, которые подтверждают эту истину. Известно, что гиксосы (1800 гг. до н. э.), создавшие династию в Египте, также были выходцами из этого региона. Храмы доказывают еще одну истину. Мы можем утверждать, что традиция одаривания и пиршества входили в число значительных функций храмов. Эти реалии дают нам основания полагать о зарождении в них торговли. То, что храмы были первыми центрами обмена, известно также из истории шумера. Если принять во внимание коммерческий аспект исхода Авраама, то эта истина обретет более конкретный характер. Не считаю целесообразным перечислять аргументы, имеющие отношение к периоду после Авраама, поскольку они хорошо известны.

Урфа 1600 гг. до н. э. располагалась в центре пересечения трех исторических сил: это Шумер, Вавилон и Ассирия, контролировавшие Нижнюю Месопотамию, хетты, возвышавшиеся во Внутренней Анатолии, и усиление новой династии фараонов в Египте. Урфа уже в те времена, являясь наиболее плодотворным центром геобиологии, начала превращаться в наиболее значительный геополитический центр. Заполнив этот геополитический вакуум, митанни встали на путь укрепления. Мы видим здесь начальный этап именно той истории, которую специалисты, глубоко ее изучающие, оценили как величественный период установления первых взаимоотношений и дипломатических связей между цивилизациями. Здесь развивалась поистине торговая

буря, на волне которой происходил активный культурный обмен. Речь идет о том периоде, когда торговля, как и культура, стала обретать традиционный и структурный характер. Между дворцами устанавливались активные династические браки. Религии, идеологии смешивались и преобразовывались. Хетты именовали свои владения «территорией тысячи богов». Этот регион стал центром коневодства, в котором тогда ощущалась серьезная потребность. Знаменитые конные состязания «кикули», о которых часто упоминается в эпосах, происходили здесь — именно здесь имел место пик родо-племенной системы.

Урфа знаменита не только своей религиозной святостью, но и мощной исторически культурой песнопения, сказаний, музыкальных инструментов — саза, барабана, зурны и т. д. Эти реалии также относятся к авраамическому периоду. Один ли человек совершил исход или были тысячи таких, как Авраам, в принципе, и не столь важно. Гораздо важнее наличие в тот период сильной тенденции. Обстановка была очень динамичной и превратила торговлю в прибыльное ремесло. Авраам — всего лишь индивидуальность, представитель торгового класса, достигшего структуризации. Значение имеет торговля как институт, сформировавшийся между цивилизациями. Очень оживленной была торговля скотом, поскольку регион был весьма благоприятным в этом отношении. Вот и Авраам со своими стадами вышел в путь — ясно, что торговал скотом. Природа торговли побуждала тысячи таких людей идти в сторону Египта. Развивалась и работорговля. Очень значимым является тот факт, что Иосиф был продан в качестве раба. Существовала торговля наложницами. В этом отношении, очень просвещающим является тот факт, что Авраам именно купил Агарь.

Более того, Авраам был не только представителем, но и предводителем сильного рода. Величественная храмовая культура четко дает понять, что каждый род поклонялся своему божеству. Ясно и то, что божество, покровительствовавшее роду Авраама, сталкивалось с богами Вавилона, которые стремились взять под свой контроль весь регион. Столкновение материальных интересов отражается на конфликтах между богами. С высокой до-

лей вероятности можно предполагать, что слово «Ур», лежащее в основе этнонима Урфа, этимологически восходит к шумерскому существительному «ур», то есть «холм». Слово «Урфа», вероятно, означает холмистый населенный пункт. Это верная гипотеза. Другим предметом споров является этническое происхождение Авраама. Был ли он хурритом или семитом, точно не известно. Как и сегодня, тогда это был регион сильнейшего этнического перемешивания. Казалось, в нем нет родов и культур, изолированных друг от друга. Иврит — это язык, который полон примеров, ассоциирующихся с этимологическими перемешиваниями.

Все мы наизусть помним повествование об Аврааме, ставшее достоянием Святого Писания. Это повествование включает в себя ряд фактов — предания о том, как он сталкивался с нимродом, крушил идолов, был брошен в огонь, чудом спасся, ушел в путь, переселился туда, где сейчас расположены Израиль и Палестина. Существуют сказания о том, как сын его Иосиф был продан в рабство египетскому фараону, как в результате стремления к дворцу и интриг он поднялся до уровня визиря, что сыновья его Иаков и Исаак рождены от знатной Сары, как после рождения сына Измаила от наложницы Агари (предположительно она принадлежала к одному из местных племен, близких к арабам) Авраам отправился в путь в Мекку, и многие другие факты.

Ясно, что культура, к которой принадлежал Авраам, не была ни шумерской, ни египетской цивилизацией. Это родо-племенная культура Урфы, насчитывающая тысячелетия. Но это — культура смешанная, синтезированная эпохой, в которой имели место значительные преобразования. Если изучить повествования об Аврааме, то можно прийти к некоторым значительным выводам. Нимрод, как известно, — титул вавилонского местного правителя, аналогичный губернаторскому. Он представлял в Урфе вавилонский пантеон, в котором была масса идолов. Отец Авраама состоял на службе у нимрода, но у него были с последним проблемы и стычки. Как бы то ни было, но он был местным родо-племенным аристократом. Вероятно, у него были собствен-

ные верования. Авраам стал на защиту отца, следовательно, интересов своего рода. В итоге возникло столкновение и конфликт. То, что Авраам крушил идолов и был брошен в огонь, довольно ярко раскрывает эту истину. В таком случае он возглавил борьбу за интересы не только своего рода, но и всех близких родов, что явилось местной патриотической борьбой против вавилонского колониализма. Смысловым фронтом, идеологическим штабом этой борьбы стал вавилонский пантеон, стремившийся играть роль гегемона. Идеологическим фронтом Авраама стала духовная культура рода, то есть его вера в своего бога. Поскольку он возглавил эту борьбу, божество его рода тоже стало предводителем богов других родов. Так и получилось. Но в результате борьбы двух смысловых фронтов победителем оказался вавилонский нимрод, потому что он олицетворял государство. Выходом для Авраама становится вынужденное переселение. Годы и дороги для него становятся тяжелыми, поскольку война, в которую он вступил, оказалась серьезной. Он восстал против традиции цивилизации, ведь крушение идолов означало игнорирование официальной системы цивилизации (официальную современность того периода).

Несомненно, сотни родов и отдельных личностей боролись против цивилизации. Вавилон и Ассирия «прославились» тем, что совершили своего рода геноцид той эпохи, уничтожая роды и племена. Итак, речь идет о периоде больших недовольств и столкновений. Прославленным властителем того периода был знаменитый Хаммураби (1700–1600 гг. до н. э.). Считается, что он ввел первые правовые нормы. Борьба, проводимая Авраамом, в какой-то степени похожа на борьбу за освобождения от колониальной зависимости, которая развернута сегодня против капиталистической цивилизации. Если одной из причин его устремления в Египет была торговля скотом, то, вероятно, второй серьезной причиной был поиск союзников. Этот вывод можно однозначно сделать из повествования об Иосифе, потому что соперничество между различными цивилизациями в тот период предельно развилось и усилилось. Столкновения между хеттами и египтянами, вавилоно-хурритские (хеттские) и вавилоно-еги-

петские конфликты нашли широкое отражение в письменности. Ясно, что Авраам поселился в окрестностях современного Иерусалима, который был за пределами контроля всех трех цивилизаций и своими климатическими особенностями напоминал Урфу. Авраам жил здесь в качестве переселенца. С трудом купил себе место на кладбище. Его связи с Урфой сохранялись. Сына своего, Иакова, он женил на Рахели, его близкой родственнице из Урфы.

С точки зрения предмета нашего повествования важно преобразование, которое претерпела вера Авраама. Ясно, что Авраам впал в какое-то сомнение, что подтверждается тем, что он крушил идолов нимрода. Крушение же идолов, пусть даже представляющих чужую религию, является открытым намеком на религиозные сомнения. В традициях мышления того времени значительное место занимали «голоса свыше». Голоса свыше — это путь достижения вдохновения и экстаза во время концентрации мысли. Это язык вдохновения. Голос или вдохновение (голос свыше), которое, как говорят, посетило его, Авраам истолковал так: “*Wa Hewel!*”. Есть вероятность, что это высказывание на хурритском языке. Смысл таков: «Это Он», коротко, «Он». Это — Бог нового синтеза, которого он ждал, на которого он надеялся. Постигание Господа Моисеем и Мухаммедом тоже будет таким, стало быть, традиция очень древняя. Этимологи и по сей день исследуют выражение «Он». Свое личное мнение я высказал. Что касается того, что постепенно это высказывание стало звучать как «*Yahweh*» (Яхве — имя бога в иудаизме), далее превратилось в «Еврей», мнения общие. Очень краткая история знаменитого иудейского бога такова.

Я уже говорил о том, что слово «*Ibrani*» (Иврит), ставшее производным от древнеегипетского «*Apiru*», означает «люди, пришедшие из пустыни и покрытые пылью». Род, заново созданный и возглавляемый Авраамом, можно назвать еврейским, а религию — именем Иегуда, которое он обогатил новым смыслом (напомним, что в слове «Еврей» заключено имя Бога, как и в слове «Израиль»). Я считаю, что предельно уместным является именно такое толкование новой религии в комплексе с его

историческими корнями и кратким приключением. Речь идет о вновь созданной, ощущающей себя предельно одинокой родо-племенной вере. Если родо-племенная религия и пережившее преобразование восприятие божества, — это не революция, то значительная реформа, как ислам и протестантство. Самоотверженная защита видоизмененного, вновь созданного рода и бога (обстановка, в которой господствовали хананеи-семиты), вероятно, исходила от тяжелых условий и трудностей материальной жизни. Тот факт, что евреи придают столь серьезное значение деньгам и торговле и достаточно совершенствовались в этих делах, подтверждается тем, что они еще на родо-племенной стадии уже приобщились к торговле. Выживание рода было связано с торговлей, следовательно, с деньгами.

Значительным, завершающим элементом новой религии стало то, что в момент принесения Измаила в жертву голос свыше остановил Авраама. Традиция жертвоприношения очень древняя и распространенная. Часто жертвами ее становились дети. Предположительно, эта традиция бытовала и до рассматриваемого периода. Авраам и его божественный смысл уже понимают, что данная традиция устарела; именно это стало важным пунктом реформы. Вместо человеческих жертвоприношений стала утверждаться известная традиция принесения в жертву животных. Выводы, которые можно сделать из истории об Измаиле и Агари, — это то, что новая религия в семито-арабских родо-племенных структурах воспринята без особой симпатии. Ее можно считать очень рано родившимся пробным «предисламским» опытом, не получившим широкого распространения. Уже в те времена Мекка утверждала свою значимость в стремлении быть центром. Имел место совершенно другой пантеон родо-племенных богов. Все еще было сильно язычество, поклонение богам рода и племени. Во времена Иакова и Исаака (сыновей, которые у него в преклонном возрасте родились от Сары, принадлежавшей к знати) название «Израиль» было очень интересным событием. Приставка «Эль» была получена от хананеев (семитские племена, расселенные на территории современного Ливана и Палестины), и это понятие семитского

происхождения по смыслу близко к значениям «возвышенный», «великий». В еврейском произношении оно звучит как «Элохим». В исламе оно превратилось в «Аллах». Можно считать, что это эпитет единого бога семитских племен.

‘Got’ в индоевропейских языках и ‘Gudea’ в ирано-курдском диалекте означают одно и то же. По смыслу это — общий предок или бог племен. Именно по этой причине важна шумерская гегемония гутийских племен и гудеа в 2150 г. до н. э. По смыслу это соответствует богу-царю — очень распространенный в тот период титул царя. Израиль означает «боровшийся с богом», что отчасти ассоциируется с родо-племенным шовинизмом. Они считают себя столь сильными, что могут бороться даже с богами, точнее, дерутся с ними. Это что-то вроде продолжения сокрушения Авраамом идолов. То, что евреи на протяжении всей истории часто боролись с богом, можно понять из бесчисленных идеологических шагов. Не следует забывать, что каждая идеологическая новация по смыслу соответствует «борьбе с богом». Несколько позднее я коснусь профессионализма, достигнутого еврейской интеллигенцией в искусстве постижения смысла (концепция, теория, теология).

Известно повествование о том, что предположительно в 1600—1300 гг. до н. э. племя мигрировало в Египет. Сказания об Иосифе и Моисее появились в результате этого исхода. Существует предание о длительных испытаниях в Египте, о том, как они жили в полу рабских условиях, стремились сохранить единство, пережили определенное классовое расслоение. Моисей, ставший, предположительно, вождем уцелевшей части этого племени, вступил в такое же противостояние с египетским фараоном, как Авраам с нимродом. Это происходило в период правления фараона Эхнатона, проводившего реформы «единобожие», а сам исход имел место в 1304—1280 гг., во время царствования Рамзеса II. Знаменитый исход Моисея, самоотверженная борьба с природными условиями (Синайский полуостров известен сложными климатическими условиями), а также конфликты с рядом недружественных племен были затем описаны в Торе. Борьба и исход длились сорок лет. Традиция «голоса свыше» повторяется

в этот раз на горе Тур (Синай), где Моисей получает десять заповедей.

Вероятно, в это время появилось слово «еврей». Вместо прежних имен Бога используется новое имя 'Rabbi' (Господь), что отражает определенное классовое расслоение. Характерно более жесткое отношение к идолопоклонничеству. Складывается определенный культ ковчега Завета, в котором хранились десять заповедей (традиция Святого Писания). В Торе существует своя периодизация. Выделяются три раздела: закон, пророки и писания. Нельзя забывать, что с 1600 гг. до н. э., когда жил Авраам, и до 600 гг. до н. э. не было ни одного письменного документа с упоминанием иудейской религии. Существовал ряд традиций, передаваемых в устной форме. Думаю, что письменная традиция начинается именно в эти годы, с пророка Исаяи. Во время вавилонского плена многое было заимствовано от Заратустра (Зороастр). Постепенно стало ощущаться влияние греческой мысли. Постоянно развиваясь, появилось Святое Писание, именуемое Ветхим Заветом. Создавались объемные тома и, более того, обширные комментарии. Ветхий Завет очень важен как сборник сохраненных традиций. Огромное значение имели возникшие гораздо позже религиозное, философское, литературное воздействие и вдохновение в искусстве.

Таково краткое повествование о монотеизме. Вместе с тем оно очень различно передается авраамистическими религиями. Ясно, что была поставлена задача развить данную религию как идеологическую гегемонию идентичности. Одна из основных идей имела отношение к «проекту» создания небольшого иудейского царства. Даже Спиноза дает такое истолкование. В принципе, монотеистическая религия как явление была провозглашена в Египте. Эн, Мардук и Асур в Шумере, Вавилоне и Ассирии гораздо раньше поочередно получали титул самого большого бога. Как я уже не раз подчеркивал, все эти термины символизируют царей и институт монархии, чье влияние и авторитет последовательно росли. Обожествление идолов и развитие их культа являются частью усилий по их легализации. Во всех цивилизациях были аналогичные ситуации, направленные на достижение иде-

ологической гегемонизации. В связи с тем, что религии были очень сильными орудиями узаконения, каждая цивилизация старается возвеличить и эти религии, и методы. Вполне понятно, что еврейский род, испытав влияние этих исторических традиций, стал создавать инструмент узаконения своего маленького царства. Это — часть распространенной традиции, выпавшая на долю евреев.

Планы создания собственного царства, которые постоянно присутствовали в мечтах евреев, взлелеяны их идеологией, обретают конкретное воплощение в 1020–950 гг. до н. э. Саул, Давид и Соломон вошли в историю как три великих царя. Это были цари-пророки. Сразу же видим различия по сравнению с Египтом и Шумером. Саул, Давид и Соломон стали не богами-царями, а царями-пророками. Поэтому нельзя игнорировать тот факт, что прочтение Торы рассматривается как поиск путей к созданию Иудейского царства. Естественно, ее нельзя полностью толковать как план создания царства, но опять же, значительной методологической проблемой, которую нельзя игнорировать при прочтении Святого Писания, является необходимость видеть связи, существующие между единым богом, царем и государством каждого племени. Жизненные тяготы и трудности, с которыми сталкивались евреи, уровень развития и многочисленность цивилизаций и племен, с которыми возникали конфликты, вынудили еврейский народ соблюдать особую тщательность в подробном и благоговейном отношении к собственному национальному становлению, которое они хотели сделать отличным от других. Должен еще раз повторить, что за спиной этой родо-племенной религиозности стоит влияние родо-племенной культуры, игравшей главную роль, по меньшей мере, десять тысячелетий. Значимость этой культуры в том, что она сохранила свою мощь. Долю этого влияния надо искать и в том сильном значении, которое имеет религиозная традиция на Ближнем и Среднем Востоке.

Иудаизм не имел сколько-нибудь серьезного влияния до тех пор, пока не зародилось христианство — как его ответвление. Другие звенья имели гораздо меньшее влияние. В принципе,

распространению иудаизма препятствовало именно то, что он стал религией племени, и определение «избранный народ» еще больше укрепляет его единственность. Истинное значение проявится с возникновением христианства и ислама, а также в связях, которые установятся у него с национализмом в условиях современного капитализма — преимущественно на уровне понятий, теории и теологии. Другой параллельной особенностью иудаизма является то, что он реформировал идеологические элементы и теологические структуры Египта и Шумера, являвшиеся двумя значительными ответвлениями центральной цивилизации. Без этой реформы история Ближнего и Среднего Востока развивалась бы несколько иначе. Следовательно, с точки зрения всемирной истории, раскрытие значения иудаизма состоит именно в следующем: основным принципом иудаизма является то, что человек ни в коем случае не может стать Богом. Человек может быть только пророком (посланником Бога, его представителем).

Это очень значительный шаг. Египетские и шумерские цари тысячелетиями легализовали себя в образе богов-царей. Против этой системы восстала авраамистическая традиция. Если греческая цивилизация использует против уподобления человека богу философские методы, то на Ближнем и Среднем Востоке средством противодействия стали авраамистические религии. Несомненно, за этим стоят экономические, социальные и политические процессы. Экономическое мировоззрение, представленное конкретно в личности Авраама, очень напоминает либерализм. Коллективизм фараонов и нимродов основывался на использовании рабского труда. Для чего была создана целая государственная машина. Действующее и по сей день понятие «слуга-бог» осталось от того самого периода «механизированного» рабства. Авраамистическая религия если и не разрушила эти установившиеся отношения, то предельно смягчила их, подвергла реформированию, именно здесь сыграв определяющую роль. Иудейское племя, как таковое, очень часто восставало против стремлений принудить его к таким работам при дворе нимрода в Вавилоне и фараона в Египте. Родо-племенная

традиция не приняла полного порабощения. В основе того явления, которое называется классовой борьбой, лежит многовековое сопротивление родо-племенной традиции, выступающей против порабощения. Речь идет не просто об этническом сопротивлении. Здесь действует одно обстоятельство, выделенное мной в качестве отдельного понятия. Важна не классовая борьба, а борьба за неприятие самого факта превращения в класс и образования классов. Это и часто встречается в истории, и является правильным.

Именно данное обстоятельство не было осознано Марксом и его последователями-марксистами, рассматривающих образование классов как положительное, прогрессивное, наступательное развитие истории. Эти воззрения сыграли крайне отрицательную роль и в допускаемых ошибках, и в том, что так и не удалось достичь успеха. Борьба, демонстрировавшаяся родо-племенными структурами на протяжении тысячелетий, и даже национально-освободительные войны против капитализма являются одновременно борьбой против классового расслоения. Данная особенность сильна и в авраамистических религиях. То, что позднее они были искажены и превращены в религии всемирной цивилизации, должно восприниматься как отдельное явление. Широко известна борьба против рабства, подчеркиваемая и поощряемая всеми тремя авраамистическими религиями. Это способствовало глубоким реформам и в экономике. Преследовалась цель создания структуры, основанной на равноправии. Милостыня, подаяние, фонды — это очень важные инструменты, ставящие задачу смягчения жестких экономических границ. Если в политической сфере не ставится цель создания демократии и республики, то, во всяком случае, ожидается смягчение власти богов-царей. Расширена идея «царь — это тень бога». Жизнь общины обрела смысл и применение. Ясно, что в экономической, социальной и политической сферах была совершена не революция, а реформы, но не следует принижать эти важные для своего времени шаги. Я рассматриваю их как «социал-демократическое» поведение в системе центральной цивилизации. Имели место аналогичные этим социально-экономические движения.

Я тщательно разработал раздел, посвященный духовной культуре и религии. Опять же статус человека как представителя, посланника Бога — это революция в теологии. Авраамистические религии оказали сильное влияние на развитие всемирной истории. В разделе, касающемся ислама, я постараюсь еще глубже разработать это обстоятельство.

Вместе с содержательным рассмотрением еврейской, или иудейской идеологии и национализма, следовательно, национально-государственной модели, я должен сразу же подчеркнуть, что эта связь и ее влияние имеют очень серьезное значение. Наиболее ужасающие последствия еврейский народ пережил именно во время Холокоста.

в. Христианство и классовая борьба

Значительную роль сыграло возникновение христианства как первого в истории социального движения, не основанного на этнической почве. Изначально преимущественной стороной христианства было не создание цивилизации, а обретение свободы и равенства. Эта религия развивалась как реакция на систему центральной цивилизации, развивавшейся на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении трех с половиной тысячелетий и достигшей своего апогея в Римской империи. Во времена Авраама и Моисея религиозное движение обладало не столько классовыми особенностями, сколько особенностями, характерными для родо-племенных структур. Христианство, оказавшись выше всех родо-племенных особенностей, стало религией новой социализации для всех тех бедняков и безработных, кто был выброшен за пределы системы, а также, наряду с ними, изолированных племен, сект (только возникавших в упомянутый период, например, ессеи), для тех, кто дезертировал из армии, сбежал от рабского труда и примкнул к его рядам. Христианство не ставит задачи создать род или государство. В структуре каждого рода и государства формируется социальная община единоверцев — в этом смысле оно достойно

серьезного внимания. То, что христианство не было движением, принадлежащим к родо-племенным структурам и цивилизациям, способствовало его быстрому расширению. Христианство стало препятствием на пути приобщения к власти и цивилизации, переживая аналогичную ситуацию и сегодня. Несмотря на силу его демократической социальной стороны, развитие в этом направлении осталось ограниченным. Эта его сторона, мощная вначале, оказалась вытесненной на второй план при переходе к цивилизации. В частности, пережила эволюцию в направлении национализма народности.

Изначально, при зарождении христианства, предания играли огромную роль. Предметом дискуссий является даже вопрос о том, реальной ли фигурой является Иисус. Точно так же, как наличие у Авраама последователей привело к некоторой расплывчатости данной фигуры, известные в Риме виды казни, распятие, широко примененное после восстания Спартака, и распятие на кресте, стали связываться с образом Иисуса. Сохранились предания о том, что в процессе подавления этого восстания на дорогах Рима было распято пять тысяч человек. Такие же наказания часто применялись и в провинции Иерусалим. Евангелие (Новый Завет) очень широко повествует об Иисусе. Евангелие — это своего рода роман о нем. Не исключено, что традиция написания романов возникла в европейской культуре под воздействием Евангелия. Говорят, что по рождению Иисус принадлежал к иудаизму, отрицательно воспринимал высшие слои священнослужителей, тяготел к совершенно иному типу Церкви, быстро обретал популярность в Иерусалиме, испытал влияние секты ессеев и Иоанна Крестителя. Это сказание повествует о том, что Иисус выступал против прокуратора Рима и соглашательского Иудейского царства. Повесть о двенадцати апостолах характеризует масштабы его влияния. Не было никакой попытки мятежа — была лишь своего рода группа пропагандистов. Можно провести аналогии с периодом пропагандистской деятельности Мухаммеда в Мекке. Несмотря на иную форму высказывания, здесь — своего рода толкование Ветхого Завета в пользу неимущих. После распятия Иисуса (34 г. н. э.) существовавшая вокруг него группа быстро

распадается. Повествуется о том, что он был схвачен из-за предательства Иуды Искарриота, бывшего, как говорят, тринадцатым апостолом. То, что еврейская разведка имеет очень древние исторические корни, можно понять и из этого примера. Вполне вероятно, что Иисус пользовался влиянием в кругу небольшой общины, но, как уже было сказано, определяющую роль играет генеративность социальной обстановки. Иисус стал катализатором этой обстановки.

Единственной влиятельной личностью после него был Павел, который, по преданию родился в Тарсусе, но достиг заметного положения в Дамаске. Он был тем человеком, который действительно объединил все движение. В течение первого столетия не существовало официально канонизированного текста Евангелия. Первые Евангелия будут составлены во втором и третьем столетиях. Известно множество экземпляров не являющихся каноническими. В настоящее время известны четыре канонизированных Евангелия. Тематически они очень близки друг к другу, но стиль написания различен. Тексты были составлены не как непосредственное слово Божие — описываются события, и повествование лишь местами подкрепляется словом Божиим. Авторы воспользовались также греческой мыслью того периода. Теология включает в себя повествование, использующее и греческие, и иудейские источники. Важнейшим догматом является Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух, несущая в себе следы древнейшего тройственного пантеона богов, характерного для многих исторических цивилизаций. В частности, известен римский пантеон. История религии предельно четко отражает такого рода сходство. Именно с этим историческим периодом связано активное обсуждение вопроса природы Христа: божественная или человеческая?. Если иудейская религия наложила запрет на утверждения о божественности человека, то ряд верований цивилизации продолжают использовать видоизмененные представления о боге-царе. Ясно, что христианство стремилось найти синтез, но известно и то, что вышеуказанное разделение мнений способствовало глубокому конфессиональному расколу и противостоянию. Определенная роль в

этом принадлежит социальной дифференциации, лежащей в его основе. Например, арианство, представлявшие неимущие слои, считали основной человеческую природу Христа. Те же, кто входил в колесо римской власти, больше утверждали божественную природу Христа.

В доевангелистский период христиане часто вели уединенный отшельнический образ жизни в горах и пустынях. Соблюдались посты. Именно в этот период были канонизированы знаменитые святые. Вторым шагом в христианстве стало возведение монастырей. III—IV столетия известны как эпоха строительства монастырей, распространившихся на всем Ближнем и Среднем Востоке. Целыми толпами вливались в ряды христиан те, кто устал от войн между Римом и Сасанидами, боялся их, дезертировал из армии. С IV столетия христианство стало официальной религией и Восточного Рима (Византии), и многих народов, в первую очередь, ассирийцев, армян и греков. Эти малые народности были наиболее развитыми в культурном отношении народами своего времени, уставшими от жестокости и эксплуатации Рима и Сасанидов. Сюда же необходимо включить еще коптов, — народ, сохранившийся со времен египетских фараонов. Христианское движение возглавляли отцы церквей. Новым этапом в истории христианства стало то, что император Константин (человек, в 312 г. объявил о Восточном Риме в Византии, современном Стамбуле) объявил о принятии христианства и созвал Вселенский Никейский Собор 325 года.

Склонность к цивилизации и антицивилизационные тенденции способствовали возникновению многих конфессий. Создаются Ассирийская (несторианская) и Армянская (григорианская) церкви. Так выявляются первые признаки раскола в римско-латинской экуменической идее. V—VI столетия стали временем распространения христианского движения по всей Европе. VII—X вв. это период распространения христианства в Восточной Европе. Смысл успеха христианства в Европе заключается в том, что оно отодвинуло на задний план язычество (верования местных племен), осуществило духовно-культурную революцию. Западное христианское движение, перенеся в Европу духовную

культуру Востока, формировавшуюся в течение пятнадцати тысячелетий, фактически посеяло семена последующих процессов. Любое социальное движение в истории формируется сначала в эмбриональном состоянии в качестве духовной культуры. Без такого формирования процессы, касающиеся материальной культуры, сами по себе попросту невозможны. Поиски в сфере духовной культуры, проводимые христианством, если и составляют не весь фундамент Европы, то очень значительную его часть. Сюда же следует поочередно добавить поиски духовной культуры, которые велись иудаизмом и исламом. Философские дискуссии, утерявшие в исламе свое значение к концу XII века, вместе с дискуссиями вокруг концепций номинализма и реализма, проводившимися в это время в Европе, фактически заложили основу исторического выступления философской мысли. Протестантизм и Реформация способствовали развитию периода национальных церквей. Эти движения в совокупности с Ренессансом подготовили европейское Просвещение, обеспечив его идеологическую гегемонию.

Восточное христианство прошло несколько иной путь развития. Арамейский язык, на котором, по преданию, говорил Иисус, был своего рода национальным языком ассирийцев. Величественный период расцвета миновал, и ассирийцы жили под властью персов и Сасанидов. Осуществляемые ими поиски путей были вполне естественны, но военной мощи ассирийцев не хватило бы для этого. В культурном отношении они представляли собой наследников Ближнего и Среднего Востока, в связи с чем их роль в исходе христианства оказалась очень важной. Ассирийцы изначально приняли христианство как национальную религию, внося значительный вклад в его развитие. В частности, несторианские монахи, перенесшие греческую культуру на национальную почву, сыграли определяющую роль в христианской теологии. Их знаменитым центром была Антакия (Антиохия). Урфа и Нусайбин (Турабдин) тоже поочередно играли роль их исторических центров. Существует предание о том, что Иисус был приглашен в Урфу. Халдейские монахи в силу вавилонского происхождения представляли собой значительный фактор в раз-

витии христианства. Несторианские монахи в IV–V вв. успешно распространяли христианство от Средиземного моря до Индии. Историки выдвигают идею о том, что если бы не ислам, то Иран мог бы пасть в кратчайшие сроки. Несмотря на значение в регионе митраизма и манихейства, христианство занимало более важные позиции. Таким образом, возникновение христианства можно считать своего рода ренессансом для ассирийцев и халдеев. Несмотря на серьезные конфессиональные стычки между ними, христианство стало для ассирийцев ранним Возрождением. Казалось, несторианские монахи хотели заложить фундамент цивилизации. Устав от конфликта между Византией и Сасанидами, они хотели воспользоваться этим противостоянием, стремились укрепить свои силы с помощью существовавших между сторонами противоречий. Известно, что в этом смысле они оказали влияние и на пророка Мухаммеда.

Армяне тоже восприняли христианское движение, схожее с ассирийским. Они тоже страдали от борьбы Византии и Сасанидов и хотели воспользоваться этим. Христианство предоставляло здесь плодородную идеологическую почву. Официально приняв христианство в начале IV века, армяне хотели придать ему национальные черты благодаря григорианской конфессии. Развитая историческая культура представляла для этого возможности. С принятием христианства армяне пережили раннее развитие национализма — это стало по меньшей мере объективным итогом. Началось великое развитие Армянской церкви. Христианские церкви, развивавшиеся в сфере деятельности государства, также стремились узурпировать эту роль. Везде, где жили армяне, строились замечательные храмы. Сооружение церквей заняло достойное место в архитектуре Ближнего и Среднего Востока. Ассирийцы тоже не уступали армянам в этом отношении. Отметив, что и грузины пережили схожий процесс христианизации, ограничусь этим. Это народ, привлекающий внимание своей верой и достижениями в области архитектуры.

Греки — это культура и народ, который вплотную заинтересовался христианством еще на стадии его зарождения. Используя существующее значительное культурное достояние как базу, они

стали усиленно придавать христианству определенные формы. Греческая философия, в первую очередь Стоицизм, Аристотель и Платон, — это аргументы, развивавшие христианство. Они, осуществляли синтез богословия Среднего и Ближнего Востока с греческой философией. Плотин (III в. н. э.) стал одним из основателей этого движения. Кирилл, Симеон, Афанасий — это святые, достойные внимания. Известна их борьба с Римом. Греческая церковь тоже развивалась в русле национальной идентичности, реализуя собственный Ренессанс на основе глубоко усвоенного ими христианства. Положительные и отрицательные стороны становления Византии в качестве центра империи ускорили этот шаг.

Борьба и Ренессанс, который эти три народа Ближнего и Среднего Востока в те же самые столетия продемонстрировали на основе христианства в отношении Рима и Византии, станут, как рано распутившиеся весенние цветы, трагической картиной в результате противодействия, набравшего силу и стремительность вместе с возникновением ислама. Данная ситуация станет настоящей трагедией в истории Ближнего и Среднего Востока и фактически ознаменует собой начало процесса превращения в «культурную пустыню».

Благодаря своей классовой составляющей, широте и идеологическому содержанию, борьба христианства как движения сыграла важную роль в преобразовании центральной системы цивилизации. Она внесла значительный вклад в то, что две крупные гегемонистские силы региона, коими были Византия и Сасаниды, фактически истощившись, оказались на грани распада. Христианство не стало полностью антицивилизационным движением, но в то же время нельзя назвать его базирующимся на устоях цивилизации. Если бы христианство сконцентрировалось как политическое движение неимущих, оно могло бы совершенно видоизменить весь мир. Борьба требовала становления христианства в качестве более развитой политической системы. То, что оно пришло на службу сил цивилизации, не стало положительным шагом с точки зрения самого христианства. Стремление уподобиться им способствовало отказу от своей сущности.

Нельзя преуменьшить его ответственность в развитии капитализма. Велика его роль в написании наиболее негативных страниц истории Ближнего и Среднего Востока по той причине, что в противостоянии с исламом, христианству не удалось отстоять права, частью которых само и являлось. Нельзя не заметить идеологического начала, присутствующего в христианстве, причем как в процессе развития социальных явлений, так и во время его распада. Идеологические позиции обществ сыграли роль эмбриона в определении их будущего.

Проблемы христианской ветви авраамистического движения, развившегося как один из результатов противостояния с исламом на Ближнем и Среднем Востоке, как и у иудаизма, продолжают и по сей день. Демократическая цивилизация в этом смысле отстаивает необходимость решения проблем христианства так же, как и проблем иудаизма, считая это обязательным.

Очень важно познать манихейство и митраизм, демонстрировавшие свое влияние в период становления христианства, и концептуально оценить их роли в системе цивилизации. Мани, возмужавший в регионе Среднего Тигра, был достойной уважения личностью, стремившейся с помощью синтеза на основе соединения христианства, зороастризма и эллинизма дать ответ на кризис взаимоотношений Византии и Сасанидов, найти выход из сложившегося тупика войны. Он жил в 216–276 гг. н. э. и погиб от рук реакционеров Сасанидской империи. Если бы его система прижилась, то мы увидели бы ранний Ренессанс Ближнего и Среднего Востока. Учение Мани нельзя считать чисто религиозной идеологией. Оно привлекает внимание синтезом философии и искусства и могло бы составить альтернативу религиозному догматизму — культура Ближнего и Среднего Востока очень нуждалась в этом. У Мани были соратники на всей территории от Средней Азии (он был признан в Уйгурском государстве) до внутренних регионов Европы. Дуалистический характер его учения сыграл определенную роль в развитии диалектического мышления. Мани можно оценить как один из рано увядших цветков культуры.

Митраизм может в определенной степени рассматриваться как иранский мистицизм. Официальное применение зороастризма способствовало популярности митраизма в народных массах. Распространив стадии и методы постижения истины, это учение внесло свой вклад в нравственное развитие общества. Митраизм стал одним из последних убежищ иранской культуры перед экспансией христианства. Так же, как и манихейство, митраизм стремился предотвратить столкновения между Римом и Сасанидами, став плодородной почвой иранских культур, находившихся вне рамок цивилизации, — здесь стоит вспомнить пример Маздакидов. Ислам накрыл их всех одним большим покрывалом, приведя все эти культурные достижения к своего рода ранней национально-государственной однородности.

г. Борьба Зороастра: нравственность против цивилизации

Среди идеологов, противостоящих системе цивилизации, Зороастр имеет особое место и значение. Это светлый и ясный лик, величественный голос горной системы Загроса. Он хотел ответить коварной идеологической гегемонии системы цивилизации борьбой нравственного общества. Он был истиной, противостоящей лжи. Став фундаментальной культурной частью иранской идентичности, зороастризм не сумел возродиться во взаимоотношениях с христианством и исламом.

Зороастрийское движение, начала которого относится примерно ко II тысячелетию до н. э., было не столько самостоятельным движением, сколько реформами. Можно сказать, что он возник на основе реформ традиции Ахура-Мазды, древнейших арийских верований. Ахура-Мазда может считаться одним из общих богов арийских племен. Вероятно, перед лицом ассирийской агрессии, начавшейся со II тысячелетия до н. э., возникла необходимость в реформировании верований. Идеологическая гегемония Ассирии потребовала собственной идеологии. Развитие в русле нравственного характера связано

с истиной. Принципом зороастризма была праведная жизнь. В такой ситуации, идеологические ответы должны иметь этический характер. Зороастризм имел иную идеологическую ткань. Он базировался на таких дилеммах, как свет-тьма, добро-зло, правда-ложь. В этом плане он продемонстрировал рождение раннего диалектического подхода. Отношение зороастризма к истории тоже носит диалектический характер. Все три Святых Писания испытали на себе значительное влияние этого учения. Возможно, это влияние усилилось во время вавилонского плена евреев (596–540 гг. до н. э.), когда царь Кир помиловал их и разрешил им вернуться на родину. Особо надо подчеркнуть, что зороастризм оказал влияние и на буддизм. Как бы ни говорили о жизни Зороастра в VI в. до н. э., он является обобщенным образом магов (жрецов Загроса). Возможно, сам Зороастр был одним из влиятельных магов.

Этническое происхождение Зороастра не столь важно, но вместе с тем все предположения указывают на его мидийское происхождение. Слово маг по-курдски означает скопление угля в капище в форме светящегося пламени. Мы знаем, что в условиях холодных зим в горах Загроса большая часть мидийских племен концентрировалась вокруг магов. Самые глубокие беседы и проповеди велись вокруг этих магов. Именно поэтому проповедников называли магами. Известно, что в зороастризме огонь имеет священный характер, потому что они знали из повседневной практики то, что без огня не может быть и жизни. Это убеждение было широко распространено на территории современного Северо-восточного Ирана, то есть тогдашней Мидии. У них были конкретные принципы, касающиеся социальной жизни. Большое значение они придавали нормальным супружеским отношениям. Между супругами вместо закоренелой иерархии преобладали связи, близкие к равенству и свободе. Говорить неправду считалось самой большой безнравственностью. Для них была важна социальная жизнь, далекая от рабских отношений. Самыми распространенными видами деятельности были земледелие и скотоводство. По отношению к животным они демонстрировали полностью экологический подход. Они

не ели мяса животных. Земледельческие работы были на одном уровне с ритуалом.

Можно сказать, что по мидийскому каналу зороастризм сильно повлиял на греческую культуру. В «Истории» Геродота наибольшее место занимают мидийцы. Персы как народ не особо часто упоминаются. Считается, что наибольшее влияние на греков оказала мидийская идентичность. Поскольку идентичность была связана с нравственностью, можно осознать влияние зороастризма. Нетрудно предполагать о связи смелости и правды с этой культурой. Нетрудно также видеть, что за Персо-мидийской империей стоит большая роль именно этой культуры.

Очень важно и поучительно то, как философ Ницше восхищался Зороастром. Ницше такой философ, суждения которого не могут считаться легкими. Любая тема, о которой он рассуждает, сопровождается сентенциями и афоризмами. Он считал себя учеником Зороастра. То, что эта культура не смогла обновить себя и сегодня очень тускло отражена (может быть, немного осталась у зороастритов), является потерей для всего человечества. Можно уверенно говорить о том, что иранская монархия фактически выхолостила культуру зороастримза. Возможно, ее позиция может объясняться тем, что истинными владельцами этой культуры были мидийцы.

Христианство и ислам тоже сыграли свою роль в окружении и изоляции этой культуры. Не следует исключать такого рода действия обеих религий, в которых преимущественными являются религиозный догматизм и стремление к гомогенизации. Зороастризм был значительным препятствием на их пути. Таким образом, можно говорить о том, что зороастризм был подавлен очень жесткими методами (особенно исламом). Можно предполагать, что наибольший удар был нанесен ему во время исламских завоеваний. Имеющиеся документы носят осколочный характер. Они не особенно отражают истину. Восстания и сопротивление, продемонстрированные такими знаменитыми коммуналистами, как Маздак, Хуррем и Бабек, с точки зрения места и характера, можно считать последними актами, представляющими зороастризм. Все трое стали символами героизма в своей деятель-

ности как против разлагающейся ирано-сасанидской монархии, так и против тонувших в разврате аббасидских султанов. Более того, как мы уже говорили, имеет место значительное влияние на митраизм и манизм.

К числу непреходящих принципиальных ценностей демократической цивилизации относится антицивилизационный подход на нравственной почве и личностность в социальной жизни («сверхчеловек» Ницше). Одной из артерий культуры Среднего и Ближнего Востока, которую демократическая цивилизация должна отстоять и питать, это традиция Зороастры.

Основной проблемой в связи зороастризмом является его связь с авраамистическими религиями. Насколько зороастризм может считаться самостоятельной школой пророка? В каком смысле он может быть присоединен к цепочке авраамистических пророков? Ответом на эти вопросы может быть то, что Зороастр во многом был усвоен авраамистическими религиями. Влияние зороастризма при составлении Торы, следовательно, Евангелия и Корана, однозначно и конкретно. Историки говорят о том, что иудеи во время вавилонского изгнания испытали очень серьезное влияние мышления Зороастра, игравшего роль идеологического гегемона. В принципе, в тех экземплярах Священного Писания, которые были созданы именно после упомянутого периода, это влияние очень четко подчеркнуто. Иудеи длительное время находились в сфере персо-сасанидского господства и занимали очень много важных постов. Как купцы они продемонстрировали свою эффективность. Имеют большое влияние среди курдов. Более того, в настоящее время в Израиле в качестве важного меньшинства живут курды-иудеи. Таким образом, взаимное влияние длилось довольно длительное время.

Говоря о том, почему от Зороастра не осталось особенно значительных следов, надо однозначно иметь в виду то обстоятельство, что зороастризм не исчез, он был усвоен всеми тремя авраамистическими религиями, и так он живет в них. Но что касается составителей священных книг, в том числе Моисея и Мухаммеда, то они включили в свои Священные Книги всех пророков до Авраама, начиная от Адама, Ноя, до Идриса, даже Александра

Македонского включили в этот список под именем Александр Зулкарнейн (повелителя Запада и Востока). Таких примеров много. Если именно в таком ракурсе воспринимать традиции написания священных книг, можно с уверенностью считать, что Зороастр продолжает существовать как один из пророков авраамического толка.

д. Борьба и агрессия ислама: Война среднего класса (торговцев) в период феодализма

Изучение и исследование реалий, представленных под словом «ислам», имеет по меньшей мере такое же значение, как исследование всего того, что делается под названием «капитализм». Такого рода исследования необходимы с точки зрения не только истории цивилизации Ближнего и Среднего Востока, но и для правильного прочтения и написания всемирной истории. Подобному тому, как без исламского Средневековья просто невозможно было бы появление того мира явлений, который имеется в виду под капитализмом и современностью, так и без правильного анализа этих двух явлений и эпох попросту невозможно формирование осмысленной социальной жизни в наше время.

То, что ислам и по сей день сохранил важность и актуальность, связано с этой диалектической сутью. Ислам — это своего рода вереница феноменов. Он упоминается достаточно часто, но суть его не распознана. Характеристика ислама еще не была дана никем. Возможно, это группа феноменов, которые настолько сложны и перемешаны, что попросту невозможно характеризовать, фактически даже не поддается обсуждению то, насколько и какие реалии он отражает. Во имя ислама верующие соблюдают пост-уразу, совершают молитвы, занимаются благотворительностью, объединяются в едином обществе, враждуют, но ислам как таковой превратился в глубокую тайну. Уместно задать следующие вопросы: почему же в таком случае ислам постоянно стоит на повестке дня? Какие вопросы решил

ислам на Ближнем и Среднем Востоке? Является ли ислам виртуальной системой, решающей проблемы, или порождающей их? Что можно понять под его материальной базой? государство это или община? Каково его экономическое, социальное, политическое воплощение, в чем его смысл? Чему служит завоевательная концепция ислама? Список аналогичных вопросов расширить можно и очень нужно, потому что группа феноменов, называемая «современным исламом», находится в состоянии такого банкротства, которое не позволяет ему охарактеризовать и подвергнуть анализу свою суть. Продолжение или не продолжение его существования, характеризуется тем, что общество загнивает, отмечая свое существование ежедневными актами самоубийств.

В той же степени, что духовная культура этого феномена, его материальная культура тоже напоминает расплывчатую, без каких-либо границ и содержания, загнивающую и разрушающуюся группу материалов. Правильнее было бы или вообще не использовать это название, но если таковое не представится возможным, то постараться превратить ислам в систему, с четко обозначенными пределами, в которой ясно очерчены проблемы и понятны пути их решения. Западная цивилизация, прекрасно зная, что она делает, продолжает свое глобальное наступление. Она обладает такой материальной и духовной культурной базой, которая позволяет ей пережить все кризисы, возникающие как следствие встающих перед ней проблем и обусловленные самой системой. Ясно то, что на Ближнем и Среднем Востоке западная цивилизация испытывает серьезные трудности, исходящие от группы исламских феноменов. Я имею в виду не только сложности, переживаемые США. Европейская цивилизация, как единое целое, испытывает трудности и кризис перед исламским Ближним и Средним Востоком, который на протяжении двух столетий она называет «восточной проблемой», но наибольший ущерб, упадок и нерешенность проблем вследствие этого испытывает именно мир, называемый исламским. Невозможность продолжения такой ситуации настолько ясна, что просто на виду у всего мира. Решение проблемы, несомненно, кроется в анализе

мировоззрения данного феномена, в необходимости выработки путей его реорганизации.

Слова «ислам», «Мухаммед» и «Аллах» составляют при упоминании неделимое и очень важное единство. Никакие иные номинативные пары не имели и не имеют такого жизненного выражения для народов Ближнего и Среднего Востока. С этими двумя именами на устах люди шли на страшные войны, эти имена стали объектом огромной любви. Сложно найти другую группу имен, дающую столь парадоксальный эффект сочетания в себе подобного рода противоречий. Основной вопрос, который следует задать: в чем причина такого характера этих имен? Мы живем и несем в себе эти имена, реально осознавая их? Я уверен в том, что ответ будет отрицательным. Если бы ответ был иным, то история и современность Ближнего и Среднего Востока не были бы столь безжалостными, не создали столько тупиков на пути своего развития. Единственное, что я хотел бы в данном случае сделать, это развить схему значения. Те, кто интересуется этим вопросом, могут воспользоваться данной схемой.

Мухаммед, несомненно, является феноменом в рамках авраамистических религий. Но его жизнь и слова не так расплывчаты, как у Авраама, Моисея, Иисуса и других пророков (посланников, вестников Бога). Сведения о Мухаммеде носят более конкретный характер. По меньшей мере конкретные факты и явления его жизни в значительной мере можно проследить. Но мы не должны обманываться по поводу того, что такое положение вещей достаточной мере прояснит обсуждаемый нами вопрос. Это может привести к еще большей путанице. Конкретное не всегда является однозначным настолько, насколько это принято считать. Личность Мухаммеда — это абстрактная конкретность. И противоречие, заключающееся в этой концепции, мы должны постоянно иметь в виду. Судя по всему, Мухаммед был сыном Абдуллы и Амины, и эта бедная семья относилась к роду хашими племени курейш, которое принадлежало к мекканской знати, но больше занималось торговлей. Говорят, что еще в детстве его отличала способность творить чудеса. Такого рода предания в культуре Ближнего и Среднего Востока своими корнями уходят

в древность до Саргона и характерны практически для всех личностей, совершающих значительные поступки. Возможно, это и было так. Поступив на службу к обладавшей в ту пору определенным влиянием женщине по имени Хатиджа, занимавшейся торговлей, Мухаммед несколько раз совершал поездки по маршруту Дамаск-Мекка. Во время одной из поездок в знаменитом римском городе Босра, расположенном прямо по пути (я лично видел этот город и неоднократно был на его руинах, видел и монастырский храм, находящийся в ужасающем состоянии), Мухаммед многое почерпнул из бесед с несторианским монахом Бахирой. В этот период несторианские монахи имели больше влияние, составляя наиболее значимую в идеологическом развитии группу.

Дамаск являлся важным центром торговли и культуры того времени. Это был город, имевший поучительный эффект. Географическое расположение и природные условия позволяли ему превратить вход в пустыню чуть ли не во врата рая. Мекка тоже была важным торговым городом — это один из тех городов, которые образовались благодаря торговле. Дамаск был метрополией Красного моря и побережья, городом множества религий и языческих верований. Был и ряд тех, кто под именем Сабии и Ханифы вел пропаганду монотеизма. Собственно говоря, город отличался обилием товаров, традиций, религий и богов. Большое значение имели бедность Мухаммеда и скрепление брачными узами его отношений с Хатиджой. Этот брак стал переходом на ступень следующего класса. Так Мухаммед обрел статус представителя средней буржуазии, и это имело серьезные последствия. У супругов родились дети. По мере того, как они росли и развивались, возрастали противоречия с другими ветвями племени курейш, относившимся к родо-племенной знати. Они не допускали дальнейшего продвижения Мухаммеда, ежедневно создавая на его пути новые преграды. Это была настоящая классовая война, развивавшаяся в пределах одного племени.

В таком случае нужно подчеркнуть то важное обстоятельство, что первые действия Мухаммеда были насколько родо-племен-

ными, настолько и классовыми по характеру. Мухаммед был представителем своего класса, но какого класса? Совершенно ясно, что среднего торгового класса, в котором недавно обрел свое место. Пара Мухаммед-Хатиджа однозначно претендует на позиции лидера класса торговцев, находившегося в Мекке на стадии зарождения. Какие же силы им противостояли? Традиционная родо-племенная аристократия. Она тоже получала прибыль от торговли, но основные роли были связаны с политической иерархией. Конфедерация племен, бывшая эмбрионом государства, находившегося в состоянии зарождения, вероятно, представляла собой форму управления в Мекке. Распространенность рабовладельческой системы, сильнейшее закабаление женщин, полное отсутствие моральных ценностей, выразившееся в том, что девочек могли живьем закапывать в землю, — все это открыто выявляет рабовладельческий характер родо-племенной знати. Более того, существование в пантеоне Мекки трех крупных идолов (Лат, Манат и Узза) показывает, что сформировалось мекканское ответвление божественной троицы в системе традиционной цивилизации. Это обстоятельство отражает традиционный, унаследованный от Шумера иерархический характер правителей. То, что родовая аристократия считала язычество своей официальной религией, предельно четко объясняет, почему Мухаммед стал столь ярким противником поклонения идолам.

Должен особо подчеркнуть, что классовые и прочие социальные конфликты на каждом этапе истории происходят преимущественно в мире концепций и, в частности, между официальными и неофициальными идеологиями. Материальные социальные реалии развиваются путем самовыражения в духовной культуре. Мифологические, религиозные и философские войны от Шумера до цивилизации Древней Греции постоянно использовались как формы выражения столкновений в материальной культуре. Ситуация могла развиваться только так — иначе не было бы борьбы. Материальная структура не конфликтует с другой материальной структурой, потому что это сборище неодушевленных и невыраженных материалов. Споры в части, каса-

ющейся материальной составляющей, возможны только между живыми людьми и только при помощи слов и действий. Во взаимоотношениях между этими двумя аспектами очень важно суметь точно установить, явления какой материальной культуры и с помощью каких механизмов отражаются в духовной культуре и смысловых образах.

В таком случае научное выражение Конфликта, имевшего место в Мекке, с точки зрения науки может рассматриваться как столкновение между традиционной, жесткой, языческой высшей аристократией и новым средним торговым классом. Это была столь жестокая идеологическая схватка, что постепенно переросла в активные столкновения, конфликт или войну. Перечисление и описание потока фактов не является целью этих строк. Важна суть реалий, кроющихся за этими действиями. Я не сомневаюсь в том, что смысл, реалии, неприкрытая сущность конфликта заключаются именно в этом. В период пребывания в Мекке происходила идеологическая стычка. Аналогичное столкновение было и в период пребывания Авраама в Урфе. Переселение стало исходом. Авраам тоже совершил исход как представитель торгового класса. Конфликт Моисея в городе фараона тоже изначально имел идеологический, то есть концептуальный характер. Итогом опять же стало выступление — выступление племени, которое занималось скотоводством и торговлей. Но племя уже разрослось, и выступление оказалось более содержательным. Появление Иисуса на исторической арене имело несколько иной характер. Это была война всех слоев, оказавшихся в изоляции от общества, вышедших за рамки системы в результате выступлений и борьбы в течение, по меньшей мере, первых трех лет. Эта война велась ими с целью стать новой социальной общиной. Это были выступления всемирного характера. Что касается Мухаммеда, то он представлял интересы среднего торгового класса.

Период жизни Мухаммеда в Медине выражает осуществление его социального и политического договора. Новый договор был проектом нового государства. Политические и военные действия, длившиеся около десятилетия, подчинялись

цели зарождения в маленьком городе большого государства. Все, что было потом, — это проблемы быстрого и очень широкого распространения во времени и пространстве, и война за это распространение. Очень важный момент, который в данном случае необходимо хорошо осознать, — это умение проводить исторические аналогии. На Ближнем и Среднем Востоке было построено очень много государств, основанных на торговле, и в первую очередь это Ассирия. Но в создании каждого государства торговая монополия как блок имела свое обязательное место и рычаги управления. Без торговой монополии не может быть государства. Ни в коей мере не следует забывать, что значительная часть государственной машины формируется из торговой монополии.

Отличие Мединского договора Мухаммеда от других заключалось в том, что ему первым удалось привлечь в качестве сторон договора арабские племена, представлявшие собой кипящий котел, которого даже не коснулась сильная рука цивилизации. Это — создание государства на базе арабского родо-племенного строя, принесшее Мухаммеду приоритет в этой области. Становление государства означает быструю монополизацию в трех сферах: земледелие, ремесла-искусства и торговля. Аннексия и грабеж излишков общественного производства, происходившие в трех указанных монополиях раньше, чем за три с половиной тысячелетия до рождения Стамбула, стали потрясающими материальными возможностями. Наиболее быстрыми темпами происходило наращивание гигантского капитала. Эти племена, тысячелетиями жившие на грани голода на Аравийском полуострове, постепенно превращавшемся в пустыню, им достаточно было только почувствовать лишь запах трех монополий, чтобы начать «яростную войну». Гениальность Мухаммеда заключалась в том, что он смог увидеть, прочувствовать и понять то, как три большие империи, коими были Сасаниды, Византия и Абиссиния, сжали с четырех сторон в тиски и тысячелетиями давили на арабские племена Аравийского полуострова. Еще более важная сторона его таланта заключалась в том, что пророк Мухаммед сумел при помощи **ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХ РЕЛИ-**

ГИОЗНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ превратить эти материальные реалии в духовную реальность в ИСЛАМ. Под этим именем пророк Мухаммед смог с таким же мастерством воздействовать **ПРАКТИЧЕСКИ** на все вплоть до родовых сообществ, то есть **ПОБУДИТЬ ИХ ВОЕВАТЬ**. Исламская война — это выброс энергии буквально опьяненных и разъяренных запахом монополий племен, вынесенных посредством духовных инструментов на историческую арену, в сферы центральной цивилизации. Делалось это огнем, мечом, кровью, верой и добычей!

Я использую эти понятия не для того, чтобы преуменьшать воинственность арабских племен. Я испытываю необходимость в проведении очень четкой грани. Неимущие слои племен действительно верили в идеологию, выстроенную от имени ислама. Их побудили поверить в это. У них не было и йоты сомнения в том, что они ведут войну во имя священных целей, во имя Аллаха. Но этого не скажешь обо всей родо-племенной знати, иерархии военных вождей. Большая их часть учуяла монопольный характер происходящего еще при жизни Мухаммеда, они понимали, что все, что касается **АЛЛАХА**, это разговорная часть или пропаганда. Впрочем, называясь династией Омейядов, они захватили государственную власть в кратчайшие сроки (если считать период четырех халифатов, то примерно в двадцать лет).

На этом следует остановиться несколько подробнее. Что представлял собою Аллах, преподнесенный Мухаммедом? Была ли это концепция или реальность? Европейская цивилизация на базе постоянных дискуссий по этому последнему вопросу превратилась в мирового гегемона. Таким образом, у тех, кто интересуется исламом, нету иного пути, кроме как проявить, пусть и с большим опозданием, силу дискуссий и поиска ответов. Если и есть иной путь, то это путь полного отклонения ислама. Но поскольку это практически невозможно, то неизбежной является необходимость дать ответ.

Слово «Аллах» происходит от корня «эл», имеющего очень древнюю историю в семитской этимологии. Я уже говорил о том, что это соответствует понятию «величественный» и име-

ет смысл, аналогичный понятию общего абстрактного бога семитских племен. Предполагается, что оно было заимствовано у семитских племен, хананеев, при помощи иудейского племени. В Торе оно озвучено как «Эллах», далее «Реб», в христианстве стало Святой Троицей Отец-Сын-Святой Дух, а с появлением Мухаммеда уже превратилось в понятие «Аллах». Концептуальный корень понятия ясен. Я не буду затрагивать теологические аспекты. Ранее я уже делал краткое вступление. Могу только добавить следующее: понятие «Аллах», введенное Мухаммедом, раскрывает все элементы духовной культуры в виде идентифицированных образов. Он также раскрыл то, что означает общество. Мухаммед, говоря обо всем обществе, подразумевал вновь сформированное или созданное «общество Медины», то есть «исламское общество». Понятие «Аллах» используется в смысле духа, энергии всех материальных и духовных элементов этого общества. Формирующееся общество — это общество «Аллаха». Впрочем, такого рода выражения используются довольно широко. Нет ни одной частички, которая не была бы охвачена понятием «Аллах». Мухаммед еще больше расширил понятие, сделал его фактором всего, что было, есть и будет. Здесь присутствует взгляд, полностью схожий с метафизикой Гегеля. Иудейский бог был более ограничен в своих функциях. Греческий Демиург в бытность свою богом играл роль только в архитектуре, не будучи Создателем. И обсуждения созидательности ведутся неверно. Понятие «созидание», используемое Мухаммедом, отнюдь не является грубым созиданием.

Боги шумерского пантеона открыто отражали образы правителей высшего эшелона. Организация была простой и эффективной. Для уровня духовной культуры той эпохи такого рода организация была достаточно убедительной и способной обрести легальность. Подобной системы примитивных божеств было бы недостаточно, так как духовная культура и мировоззрение эпохи Мухаммеда требовали более высокого типа легальности. В конце концов пророк Мухаммед не просто разбил идола в Каабе, напоминающие об этом, не остановился просто на крушении идолов, как некогда Авраам, а полностью искоренил их и объ-

явил грехом поклонение идолам. Наказанием за идолопоклонничество стали смерть на этом свете и обещание вечных мук на том свете в аду. Новый бог, то есть Аллах, полностью ликвидировав и запретив пантеон богов, существовавший со времен Шумера и Египта, фактически совершил одну из крупнейших духовных революций. В первую очередь речь идет о «божественной революции». Что обрело и что потеряло при этом общество? Это другой вопрос, обсуждение которого, на мой взгляд, очень важно. Обсуждение этого вопроса, которое будет вестись на базе сравнения связей между многобожием и множеством социумов и демократии со связями между монархистской диктатурой в монотеистическом обществе, может дать очень важные результаты.

Однако все же мне кажется более реалистичным сходство понятия «Аллах» у Мухаммеда с понятием «идея идеей» у Платона и «Энтелехия» у Аристотеля. Принимая во внимание современный научный уровень, было бы более правильно считать понятие «Аллах» равным понятию «антиматерия» космоса и более легко воспринимаемому понятию «энергия». В этой части видна характеристика Аллаха, соответствующего Космосу, существующему за пределами человека. Именно такое концептуальное восприятие Аллаха, являющегося окончательным выражением социальной идентичности, было однозначно для Мухаммеда. Отсюда я перехожу к следующему: деяния во имя Аллаха — это не пустое понятие или пропаганда. Это выражение практики, имеющей действительно глубокий смысл. В частности, когда речь идет о социальной природе, деяния во имя Аллаха однозначно означают «социальную борьбу». У меня нет сомнений в том, что пророк Мухаммед использовал концепцию Аллаха именно в таком смысле. Что более важно, я не верю, что основная цель Мухаммеда заключалась в завоевании монополий прибыли на Ближнем и Среднем Востоке (земледелия, промышленности и торговли). Его социальная борьба была типичной социально-демократической борьбой среднего класса, или, как я называю, «борьбой за демократическую республику», охватывающей также «демократическое общество».

Нет никаких сигналов о том, что Мухаммед хотел основать новое царство, как нет никаких сигналов о том, что он хотел основать свою династию. Если бы Мухаммед хотел, то у него хватило бы для этого сил. Он мог бы также изначально воспрепятствовать учреждению халифата. Давайте рассмотрим позицию пророка Мухаммеда в первой мечети Медины: там полностью обсуждалась социальная проблема. Это очень конкретное обстоятельство. Любой представитель общины (джемаата) мог подняться или даже, не вставая с места, высказать свое мнение по всем социальным проблемам, призвать к ответу. Состав и функциональная сторона заседания обществ имели однозначно демократический характер. Участниками дискуссий могли быть и женщины, и рабы, и представители любых народностей и этнических групп. Высказываться могли все. Например, Билял ибн Рабах был африканским чернокожим рабом. Салман аль-Фариси был знатным человеком персидского происхождения. Женщины вместе с мужчинами совершали намаз. Ясно, что изначально не было половой сегрегации и этнического шовинизма. Более того, не было классового и родо-племенного расщепления. Степень демократического участия в исламе на стадии его зарождения — это реалии, не терпящие обсуждений. Кроме того, на первых собраниях в мечети определяются лица, которые будут управлять и те, кто будет военным начальником. Принимается множество решений для устранения несправедливости.

Вопрос трофеев может быть истолкован следующим образом: если не имеют место личный грабёж и эксплуатация, то можно спокойно утверждать, что это демократический и справедливый путь национализации монополий. Можно подчеркнуть, что даже упомянутые два вопроса достаточно четко показывают, что ислам на стадии своего зарождения был открыт для демократии и социальной справедливости. В принципе, без этого демократического участия не оказалась бы возможной такая активизация стольких родовых сообществ, неимущих слоев и среднего класса. Организация, созданная Мухаммедом, базировалась не на силе, а на принципе любви к Аллаху. И война его такова. Ясно, что он совершил глубокую идеологическую, социальную,

экономическую и политическую революцию. Я высоко ценю стиль осуществления Мухаммедом этой революции, демонстрирующий параметры истинной революционности. Действительно, он сумел четко соткать ткань революции и так распространить ее на всех уровнях общества — он смог осуществить это с верой, пониманием и любовью. В сущности, таковы в моем понимании «реалии Мухаммеда». Все остальное — это пустые слова. Формы поклонения тоже были пустыми словами без этой самой сути.

Но есть в деяниях Мухаммеда такие обстоятельства, которые и у него самого вызывали сомнения и заслуживают критики. Первое — это убийство мужчин иудеев (если не ошибаюсь, из племени Курайза), в результате соглашения с жителями Мекки после «окопной войны». Евреи считают это первой попыткой «геноцида». В данном случае речь идет не обо всех евреях, а о взрослых мужчинах. В войне за жизнь он вступал в соглашательство с противником. На мой взгляд, это убийство стало чрезвычайным происшествием и послужило той самой негативной стороной, которая впоследствии способствовала частым злоупотреблениям темой ислама. Второе обстоятельство заключается в следующем: божества Лат, Манат и Узза он вначале просто воспринимал с сомнениями, но затем стал полностью отрицать их и совсем запретил, что также стало чрезвычайным шагом, способствовавшим становлению султанского режима, впоследствии полностью свергнувшего в хаос весь исламский мир. Более гибкая божественная концепция могла бы внести гораздо больший вклад в развитие исламского мира, и он имел бы, пусть не такую, как в христианстве, но достаточно широкую плюралистическую палитру. Аналогичные критические замечания можно продолжить и развить, но важно другое: зная о том, что ислам сам по себе является одним из крупнейших движений, критиковавших существующий уклад, пусть и с большим опозданием, но применить это оружие критики для решения основных проблем сегодняшнего дня.

Поскольку наша тема не особенно позволяет, комментировать 99 имен Аллаха я не буду. Но должен особо подчеркнуть, что

даже эти 99 эпитетов является самой настоящей «программой социальных преобразований». Должен отметить, что у меня нет ни малейших сомнений в том, что если Аллах и его 99 имен однозначно являются самой долгосрочной программой-максимумом, то эта программа содержит в себе краткосрочную социальную программу, связанную с злободневными требованиями. Я совершенно не сомневаюсь, что и у Мухаммеда это имело точно такой же смысл. Наибольшую горечь и боль вызывает то, что самые подлые предатели, а также развратники и лицемеры, появившиеся после такой исторической личности, как Мухаммед, проявили такие способности, что смогли под именем ислама донести до наших времен свою лживую сущность. Это и является трагическим «хадисом», загадка которого обязательно должна быть разгадана.

Если постараться встроить в ряд и осмыслить исламские феномены и интересные моменты, имеющие большое значение, то получится следующее:

1. Период четырех халифатов дает о себе знать как период восстановления Корана и хадисов, а также усиленного продолжения завоевательной деятельности. В этот период в исламе нет глубокого раскола. Мекканская знать еще не обладает той силой, которая позволила бы организовать контрреволюцию. Спорным является вопрос о том, почему халифом в первую очередь не стал Али, и эта дискуссия постепенно углублялась. Тогда еще не было признаков султаната. Период больше напоминал нечто, близкое республиканскому и демократическому строю. До 650 г. н. э. Византия уже была отброшена за горную систему Тавра, Сасанидская династия завершила свое существование, империя распалась. Между 650–660 гг. н. э. разгорелось соперничество между Али, Муавией и Османом. Османа и Али убивают. Аристократия курейшитов в лице Муавии не довольствуется одной лишь местью революционному исламу, она ускоренными темпами создает султанат с центром в Дамаске. Возникает впечатление, что чуть ли не Сасанидская империя, сменив династию и успешно лидируя, продолжает свое существование. Впрочем, новая бюрократия была выбрана из старой иранской бюрократии. На пер-

вый взгляд, ислам сохраняется как название, но сущность его уже отравлена. В 681г. н. э. вместе с Хусейном — все оставшиеся в живых члены семьи Мухаммеда были убиты во время ставшей колоссальной трагедией резни в Кербеле, причем убийцы, не смотря на женщин и детей, безжалостно уничтожили всех. Тем самым была завершена жестокая месть. Все, что было потом, на мой взгляд, не является исламом, это АНТИИСЛАМ.

До тех пор, пока не будет дано открытое толкование антиислама, ни одно социальное движение, осуществляемое от имени ислама, не может быть правильно истолковано. Под именем ислама было создано множество традиций и сект, даже от имени Ахль аль-Байт (семейство пророка Мохамеда) возникли алевизм и шиизм, но все это не могло никак повлиять на устои господствующего антиислама. Антиислам — это движение присоединения к традиционной центральной системе цивилизации, в основном, на Ближнем и Среднем Востоке. Это своего рода присоединение нового момента к одному из феноменов традиционной цивилизации длиной в три с половиной тысячелетия, причем это присоединение происходило посредством предательства основных ценностей ислама, носившего революционный, демократичный характер, являвшегося не государственным механизмом в полном смысле, а своего рода социальной республикой. Аббасиды стали одной из основных пауз такого рода антиисламского движения. Пусть не в такой степени, как династия Омейядов, но они тоже смогли довести антиислам до уровня самой крупной гегемонистской силы Ближнего и Среднего Востока. Династия, существовавшая в период 750–1250 гг. н. э., — это своего рода новый Вавилон. Багдад был построен в 760 г. н. э. как новый Вавилон и столица. Существовала философия и исламская теология, начатая в этот период, но не доведенная до конца. Имели место свободные дискуссии умов. Очень большое значение имеют такие имена, как Эль Кинди, Фараби, Ибн-и Рази, Джабир, Ибн Сина и Ибн-и Рушт. Философские дискуссии в этот период (примерно 800–1200 гг.) намного опережали уровень дискуссий в Европе. Исламские ученые первенствовали и в научном развитии.

Конец XII столетия был важнейшей точкой отчета как с точки зрения истории гегемонистской цивилизации Ближнего Среднего Востока, так и с той позиции, что ислам стал последним названием этой гегемонии. Судьба региона Среднего и Ближнего Востока и ислама была связана с тем, насколько удачно удастся преодолеть этот переход. Весь период истории ислама, длившийся до упомянутого момента, можно назвать арабским исламом. Арабский ислам представлял не революционный ислам, а антиислам. Он был действенным в организации родо-племенной аристократии в качестве силы цивилизации и создании региональной гегемонии. Другое название этого ислама — это суннитский ислам. Этимологический смысл суннитского ислама сводится к понятиям традиционного, правого, аристократического ислама. В истории христианства это ассоциируется с тем, как спустя триста лет идеология Восточного Рима (Византии) была принята в качестве официальной. Разница в исламе заключалась в том, что этот процесс осуществлялся быстрыми темпами. Он длился не триста, а тридцать лет.

Единение с цивилизацией, естественно, не может происходить без кардинального разделения. В исламе, как и в христианстве, этот процесс имел широкое распространение. Неимущие слои родовых общин, видя, что становятся жертвами предательства со стороны родовой знати, представляющей собой власть, переориентировались на очень активную внутреннюю войну. Первым примером является движение хариджитов. Это первая крупная фракция, приступившая к действиям, являющимся реакцией на столкновения между Муавией и Али. Все они были бедуинами и испытывали негодование от того, что так и не получили ни доли им обещанного. Войну вели они, а блага победы захватила прослойка, прислуживавшая высшей племенной иерархии. Были спланированы очень кровавые акции. Али стал жертвой этого периода. Хариджиты, в сущности, организовали покушения на трех человек, которые вели войну за власть (Али, Муавия, Амр ибн аль-Ас). Двое из них спаслись случайно. Движение хариджитов привлекает внимание с точки зрения своей направленности против цивилизации. Поскольку

хариджиты были «очернены» историографией, то и объективной оценки их деятельности никто не давал. Ясно, что они представляли наиболее неимущие, трудящиеся слои родовых общин. Можно сказать, что их действия представляли собой реакцию на то, что примитивная демократия, широта участия, имевшие место при рождении ислама, были уже потеряны, и на смену этому пришел процесс становления власти и государства. Движение хариджитов имеет большое историческое значение как наиболее яркий показатель столкновений между демократией и властью в структуре ислама.

Как и многие другие исторические примеры, движение хариджитов дегенерировало и растворилось в механизме властных сил, потому что изначально не имело четкой идеологии и организации. Семья Мухаммеда, именуемая Ахль аль-Байт, уже не смогла восстановиться после трагедии в Карбеле. Движения двенадцати имамов, движение исмаилитов и фатимидов, начав свой путь во имя семьи пророка, так и не смогли свергнуть власть суннитского ислама. Это течение, старавшееся усилить свои позиции больше всего в Иране, Анатолии и Северной Африке, даже создав некоторые государства, просуществовавшие в течение коротких сроков, было очень далеко от возможности стать реальным представителем революционного ислама. Иранские ответвления ислама, существовавшие в XVI веке под названием шииты, смогло стать силой официальной цивилизации. Фатимидское государство в Северной Африке, олицетворяя государственный ислам, стало отклонением вправо в структуре самого Ахль аль-Байта. Алевизм неимущих слоев и другие схожие течения типа караматов, мурабитов и последователи Хасан Саббаха были более радикальными мятежниками и продолжали противостояние власти.

2. Династии Омейядов и Аббасидов, в основном, сыграли свою историческую роль, приведя к власти и превратив в различные государства родовую знать Аравийского полуострова. Именно таким путем они высосали внутреннюю энергию родоплеменной системы с тысячелетними традициями. Оставшиеся арабы обрели значение уже как арабы-бедуины, являющиеся

исторической категорией. Они могут характеризоваться как принявшие ислам оседлые и полуоседлые неимущие социальные слои племен. Такой же процесс расслоения имел место после принятия мусульманства в случаях с туркменами в тюркской среде и курманджи в курдской среде. Это расслоение стало очень значительной социальной дифференциацией и самым серьезным классовым движением в истории Ближнего и Среднего Востока. В целом мы видим здесь оппозицию к родовой знати, которая срашивалась с властью. Революционность ислама сохранилась в виде различных сект и конфессий в первую очередь алевизма.

Арабский суннизм, являющийся антиисламом, смог вытщить арабов из состояния разрозненных родо-племенных обществ и превратить их в единый род (Kavm-i Necip = благородный род). Вместе с этим он утвердил гегемонистский и шовинистский родо-племенной стиль. Это была своего рода протофашистская форма исламизма. Современные радикальные силы правого исламизма (современный салафитский исламизм) подтверждают эту истину. В христианстве и иудаизме также имели место аналогичные процессы. Арабский ислам, завладев монополией политической власти цивилизации, оказался лицом к лицу с историческим выбором. Первое — это путь войны и завоеваний. Он основан на принципе аннексии социальных накоплений в виде трофеев. В обществе Ближнего и Среднего Востока в тот период было достаточно подобных аспектов добычи. С христиан, иудеев и других слоев населения, которых называли «кяфирами» (неверными), взимались дань и подушные подати, во время войн активно брали трофеи, то есть происходила экспроприация социальных накоплений. Налоги, взимавшиеся с мусульманского населения, были связаны с системой превышения предела. Это выражалось в одной десятой (1/10) от прибавочного продукта или аналогичных годовых доходов. Как бы Самир Амин ни старался представить это в виде систематической категории в системе «хараджа» (взыскания, налогообложения), это не является осмысленным выбором. В целом это была практика цивилизации.

Второй путь, который они могли избрать, — это путь торгового монополизма. Можно сказать, что в этом плане был пережит серьезный этап. Значительная часть традиционной родо-племенной знати еще раньше познакомилась с торговлей (даже в Мекке знать использовала торговлю как базу и источник существования). Геобиологическая обстановка Аравийского полуострова не благоприятствовала монополизации земледелия. В связи с пустынным характером, скотоводство развивалось ограниченно. Караваны купцов, следовательно, возможности получения прибыли, превратили торговлю в монополию прибыли. Дамаск, Алеппо, Басра, Каир, Таиф, Мекка, Самарканд, Бухара, Газни, Герат и, естественно, столица Багдад, вступили в период возвышения в качестве новых и значительных центров торговли. Намного раньше, чем в Европе, и в гораздо более развитой форме происходила «урбанистическая и торговая» революция.

VIII—XII столетия н. э. стали вместе с тем периодом «урбанистической и торговой революции ислама». В аграрной и промышленной монополиях прибыль не была в достаточной степени реорганизована, стало быть, осталась ограниченной. Не был осуществлен такой же самый революционный скачок в земледелии и промышленности. С позиций ислама наиболее критическая точка сформировалась именно в этом вопросе. Отчего же не была предпринята попытка эффективного аграрного и промышленного подъема? По сути, на Ближнем и Среднем Востоке в обеих сферах имелось достаточно накоплений. Нил, Тигр, Евфрат и Пенджаб предоставляли водные и земельные ресурсы, достаточные для самостоятельной аграрной революции. В историях цивилизаций Шумера и Египта имели место первые аграрные революции. Более того, еще действовала неолитическая аграрная революция, насчитывавшая тысячелетия, то есть существовала нормальная сельская земледельческая община. Ремесла и промышленность, будучи связаны с историей города, обладали наиболее древними историческими ценностями (около четырех с половиной тысячелетий). Необходимый философский и научный фундамент, в частности в период правления Абба-

сидов, пережил полуренессанскую революцию. Можно было осуществить аграрную и промышленную революцию, намного превосходящую уровень Европы.

На мой взгляд, было бы разумно искать основную причину этого в методе накопления прибыли. Система, даже без революционных перемен (в земледелии и промышленности) могла методами торговли и добычи трофеев добиться накопления огромной прибыли. Власть и военная добыча (аннексии) казались более привлекательными. Почти все населенные пункты мира, за исключением Китая, могли стать сферой добычи и торговли. Принцип «завоевания мира» предоставлял для этого возможности. Армии и войны были превращены в наиболее эффективные монополии, организации и акции прибыли. Но ведь европейские передовые силы аграрной и промышленной революции, коими были монополии Англии и Голландии, пытались выйти за рамки весьма стесненного положения (они были стеснены Испанией, Францией и Папством), нашли выход в непрерывной реализации аграрных и промышленных новаций. В противном случае они очень легко подверглись бы разложению и колонизации со стороны притеснявших их сил. У властной монополии Ближнего и Среднего Востока такой проблемы не было. Гегемония имела одинаковый вес везде. Вообще не было сил, способных в противодействие этой гегемонии направить усилия на монополию прибыли. Если у христианских народов в силу присутствия Византии (силы, составлявшей статус-кво того периода), и были такие намерения (кандидатами были армяне, ассирийцы и греки), то шансов на осуществление такого скачка практически не было. Впрочем, ислам преградил им дорогу. Таким образом, армия и искусство войны, как монополии власти, могли продолжать играть свои роли наиболее эффективных и значительных на тот момент инструментов получения прибыли. Одной победы было достаточно для превращения целой страны и общества в поле трофеев. Источники, за которые велись войны, тоже росли как снежный ком.

Стало быть, аграрная и промышленная революция неспособна была развиваться потому, что в сравнении с военной и

политической монополией не могла принести достаточно прибыли. Неспособность аграрной и промышленной революции к развитию закрывала путь и научной революции, следовательно, и надвигающихся революций в сфере философии и искусства. На мой взгляд, именно по этой основной причине в исламе не получили полного развития и реализации такие явления, как Ренессанс, Реформация и Просвещение. Ислам, едва ли не предав свою четырехвековую историю, сам создал возможности для того, чтобы его гегемония ускользнула в сторону Европы. С этим тесно связан также факт притеснения христиан и иудеев, вынужденных переселиться в Европу. Осуществляя таким образом последнюю и самую высокую волну центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока, суннитский ислам вместе с тем становится обобщенным символом всего комплекса военных, политических, экономических и идеологических сил, ставших основной причиной распада официального суннитского ислама.

После XII века исламская цивилизация и демократическая оппозиция, отойдя от арабского родо-племенного фундамента, обретет более разнообразный этнический характер. Речь идет о переходе в такой период, когда главенствующую роль играла скорее тюркская родо-племенная аристократия. Этот значительный процесс, влияние которого не прекращается и по сей день, характеризовался всевозможными классовыми и этническими потрясениями. Еще во времена Омейядов родовой снобизм курейшитов превратился в арабский шовинизм под названием Кавми Неджип (благородный род). Вторым значительным предательством после классового предательства антиислама (преимущественно суннитского ислама) по отношению к неимущим слоям племени, бедуинам, стало предательство на почве этноцентризма. Это наследие, приняв впоследствии более жесткую форму, углубит классовые и этнические противоречия.

В антиисламе второй по своей роли, после арабской знати, была тюркская родо-племенная знать. Сельджукский период (1040—1308 гг.) отнюдь не является периодом полного господства тюркской знати, как это принято считать. Известно, что

еще со времен экспансии гуннов на Запад многие отдельные личности и группы, отойдя от своих тюркских племен, перешли на платную военную службу к византийским и арабским правителям того периода. Это было распространенной традицией. Еще с IX века тюрки начали служить у Аббасидов. Сельджукское княжество воплотило более развитую форму этого процесса. Аббасидские султаны в качестве стратегического принципа использовали следующий метод: в угоду своим интересам они наделяли сельджукидов различными функциями, связанными с Ираном и Анатолией. На протяжении длительного периода, даже до конца существования династии, они были под контролем Багдада, являвшегося центром султаната. Если и возникали кратковременные фактические разрывы, то в идеологическом, политическом и культурном отношении всегда существовало единство, демонстрировавшее своего рода продолжение друг друга.

3. Происхождение сельджукских тюрков (с точки зрения их аристократии) является интересной темой, требующей исследования. Серьезным предположением является то, что сам Сельджук-бей в конце X века был связан с иудейским тюркским Хазарским каганатом на северо-западе Каспийского моря, даже был одним из должностных лиц этого государства. Это можно предположить из имен его четырех сыновей (если не ошибаюсь, имена сыновей — Микаил, Муса, Исрафил и Якуп). Но он был одним из тех, кто лично осознал необходимость казаться или быть мусульманином, чтобы обладать влиянием в исламском мире, сфера господства которого дошла до границ с Китаем. Связи между тюркской знатью и иудейской элитой, распространившиеся на Ближнем и Среднем Востоке, являются исторической и актуальной проблемой, сохранившей свое значение и по сей день и требующей очень глубокого исследования. В частности, до тех пор, пока военные, экономические и политические результаты этих взаимоотношений не будут изучены до конца, крайне сложно в достаточной степени осознать и оценить исторические и актуальные реалии.

Тюркская родо-племенная знать смогла достичь господства над правителями оседлых народов в форме различных дина-

ствий, до образования сельджукского Анатолийского государства. Это продолжалось в виде власти Толоноглы, Ихшитцев в Египте, различных княжеств в Ираке и Сирии, а также в виде сельджукских султанатов в Анатолии и Иране. Такого рода экспансия тюркской родо-племенной знати на Ближнем и Среднем Востоке имела два крупных исторических последствия. Во-первых, они заняли следующую после арабов ступень иерархии. Их основная стратегическая линия постоянно проходила через такие понятия, как власть и государство. Однако естественным итогом этой тенденции стало растворение высшего слоя тюрков в арабской и персидской культурах. Они не могли достаточно открыто отстоять свою тюркскую идентичность, оставшуюся прикрытой и объективной. Историческими жертвами такого характера арабских и тюркских султанских режимов стали армяне, ассирийцы и греки, а частично курды. Как уже было ранее сказано, армяне, ассирийцы и греки (эллины), рано приняв христианство, смогли заново реорганизовать себя. Христианство стало своего рода протонационализмом для всех трех народов, точнее, это было национализмом того времени. Было бы точнее назвать это явление не национальным, а этническим национализмом. Христианство освоено ими именно на этой почве. Их отличие от латинского католицизма (экуменического, всемирного) кроется именно в плоскости вышеупомянутых реалий. В первую очередь этот характер способствовал их быстрому восстановлению, практически раннему становлению в качестве нации. Христианство сыграло своего рода роль национальной идеологии.

После проведения реформ все народы Европы, во главе с Северной Европой, будут переживать аналогичные процессы. Восточное христианство столкнулось с этим достаточно рано. Но следом за этим превращение ислама в протонационализм (антиислам, иерархически-султанатский ислам) приведет к чудовищным для всех исторических народов последствиям. Поскольку в предыдущих томах уже подробно описывалась та роль, которую сыграла в этом явлении еврейская идеология, повторяться не будем. Но родо-племенные элементы, находив-

шиеся в основе этой идеологии еще задолго до начала национально-государственной стадии, в Средние века продолжали демонстрировать свое влияние также активно, как и в раннюю эпоху. В итоге, в эпоху процветания арабских и тюркских султанатов и удельных монархий, которые поочередно обретали гегемонистскую силу, колесо истории стало крутиться против армян, ассирийцев и эллинов. В определенной степени его вращение выступало также против курдов и персов. При помощи всех методов, испробованных по настоящее время, христианские народы и культуры Ближнего и Среднего Востока почти полностью ликвидированы. Уничтожение этих наиболее развитых в древности и Средневековье культур (физические, материально-духовные культуры) стало самым большим предательством, совершенным цивилизацией Ближнего и Среднего Востока по отношению к народам. Эта историческая трагедия, несущая на себе следы проклятий, сыграла определяющую роль в культурном опустошении Ближнего и Среднего Востока и в том, что она по сей день влачит свое существование, обреченная на кризисы и самоубийство. Курды не подвергались такой физической ликвидации, как христианские народы, но в культурном отношении столкнулись с гораздо худшим предательством, нежели то, что испытали христиане. Курды — это народ, и по сей день переживающий это предательство. Не могу сказать слово «идентичность», поскольку это еще не всеми признано. Совершенно ясно, что основной проблемой Ближнего и Среднего Востока в XXI столетии будет именно то, какими станут курды в качестве свободной нации.

Этот трагический финал, пережитый христианами, в частности, в Анатолии, в какой-то степени с точки зрения эпохи и формы схож с тем, что пережили мусульмане и иудеи в Испании. Многие исторические данные свидетельствуют о том, что в качестве возмездия за то, что христианские монархи Испании вместе со стоящей за ними католической Европой уничтожили мусульман и иудеев, османские султаны, еврейские банкиры и скоглашатели-торговцы уничтожили христиан Анатолии. Аналогично этому же процессу, после уничтожения на Балканах турок-

мусульман и иудеев была практически завершена ликвидация оставшихся в Анатолии христиан. Отличительная особенность этого процесса заключается в том, что ликвидация осуществлялась не султанатами и царствами, а в ходе выступления молодого класса буржуазии и элит.

Вторым значительным историческим итогом стали процессы, происходившие в классовом плане. Аналогично тому, как произошло классовое расслоение между арабской знатью и бедуинами, имели место процессы между тюркскими родовыми беями и неимущими слоями племен. Если беи больше идентифицировались как турки, то нижние слои племен именовали себя туркменами. Термин «туркмен» характеризует ту часть родо-племенной тюркской идентичности, которая была выдворена за рамки суннитского ислама и власти. Туркмены, мигрировавшие в основном в горные местности и занимавшиеся там скотоводством, постепенно перешли на оседлый образ жизни, превращаясь в сельских жителей. Именно туркмены сохранили в веках истинную тюркскую идентичность, язык и культуру. Зато турки-беи, становясь почти на один уровень с арабской и персидской знатью, буквально растворялись в арабской и персидской культурно-языковой среде. В результате разделения, их восприятие туркмен граничило с подозрением, а частые стычки также стали одним из фактов известной в истории классовой борьбы. Ясно, что в тюркской среде имела место такая же жесткая классовая борьба, как у арабов. Тюркский ислам под предводительством беев и султанов стремился к непрерывному существованию вплоть до начала XX века, причем его отражение дошло до Центральной Европы. С XVII века он вступил в полосу регресса на фоне возвышающейся современной Европы, причем этот ход истории достиг центральных регионов Анатолии. В 1920-х годах этот процесс был остановлен под руководством Мустафы Кемаль Паши, что завершилось созданием Турецкой Республики. Республиканский строй был реализован на основе соглашения турецкой властной элиты с европейскими национальными государствами в границах современной Европы и принятия гегемонии Европы.

Третью после арабского и тюркского ислама значительную аристократическую элиту власти сформировала знать ирано-персидского происхождения. Ирано-персидская оппозиция, сложившаяся как противовес традиции арабского и тюркского суннитского ислама на почве идеи и убеждений привязанности к традициям семьи пророка Мухаммеда и двенадцати имамов, проявляла постоянную активность начиная с Омейядов. Они постоянно демонстрировали внутреннее и внешнее противодействие Омейядским и Аббасидским султанам, чье влияние было сильно в среде их собственной бюрократии. В 1501 г., после долгих испытаний и поисков власти в регионе, официально приняв шиитское течение, они пытались обновить старую имперскую систему Ирана. Эта империя, реализовавшаяся под предводительством азера туркменского происхождения и персов-шиитов, постоянно вступала в стычки, особенно с османскими тюркскими султанами. Эти столкновения, преследовавшие цель возврата гегемонии, ускользнувшей из их рук на Ближнем и Среднем Востоке, буквально разорвала на части обе силы, способствовав тем самым усилению европейской гегемонии в XVI–XIX в.в.. Несмотря на то что стоящие у власти шииты противопоставляли себя стоящим у власти суннитам, гораздо правильнее было бы считать их другой формой антиислама. Единственное их отличие от суннитов заключалось в том, что они гораздо больше эксплуатировали понятие Ахль аль-Байта (принадлежность к семье пророка Мохаммеда) и алевитской традиции. Пока алевизм не будет представлен как демократическая цивилизация, противостоящая официальной цивилизации и власти, любые образования в структуре власти, осуществляемые от имени этой конфессии, окажутся лишь еще одной формой антиислама.

4. Роль курдов, являвшихся четвертым по счету народом в период султанатского ислама, не очень велика. Известно, что они имели влияние во дворцах. Мы знаем, что во дворцах Омейядов, Аббасидов, Сельджуков, Османов и иранских монархов была широко представлена курдская духовная и светская знать. Известна роль курдов и в личностном плане, и как правителей самостоятельных княжеств. Династия Эйюбидов во главе с Са-

лахаддином в период 1168—1250 гг. создала империю с центром в Дамаске. Будучи курдами по происхождению, они, тем не менее, как и тюркские династии, сыграли свою роль, в виде арабской знати. Династия Мерванидов в 990—1090 гг. создала монархию с центром в Меяфаркын (сегодняшний Сильван), позднее ликвидированную тюркскими династиями. Существовало множество похожих курдских княжеств. Шерефханы, происходившие из Битлиса, сумели продлить свою власть до 1560-х гг. Поскольку большинство курдских княжеств принадлежало к суннитскому течению, они вступали в союзы с османскими султанами под предводительством Идриси Битлисия, совместно выступая против иранских Сефевидов-уитов. Положение курдских княжеств, имевших наиболее широкую автономию в системе Османского султаната, с начала XIX века ухудшилось. Восстание под предводительством Бедирхан-бея стало последней козырной картой, но они проиграли (1835—1860 гг.).

Курдские шейхи продемонстрировали уже позже, после ликвидации княжеств, несколько иную тенденцию к соглашательству (1826—1926 гг.). Им, тем не менее, не удалось избежать аналогичной участи при попытках сохранить влияние. Барзани и Талабани, выступающие как последователи обоих ответвлений, основываясь на системе взаимоотношений, установленных родо-племенной аристократией в XX веке с капиталистическими гегемонистскими силами на почве религиозного и этнического национализма, смогли достичь уровня региональной власти в современном Ираке.

Курдов, которые по аналогии с неимущими слоями арабских и тюркских племен сформировались как результат обнищания родо-племенной системы, называют «курманджами» — точнее, можно так их характеризовать. Курмандж — представитель сельского и кочевого народа, у которого вследствие обнищания рода полностью разрушились родо-племенные связи. Это низший слой. Курманджи смогли остаться курдами объективно. Впрочем, курды-соглашатели, принадлежащие к высшим слоям, в подавляющем большинстве оказавшись во взаимоотношениях с национальной элитой власти государствообразующего этноса, а

также частично с гегемонистскими силами США и Европы, пытаются сохранить существование посредством вытеснения трудящихся курдов, которые фактически распались как общество и подверглись своего рода культурному геноциду. Эти реалии оставляют след на классовой и национальной борьбе в курдской действительности.

5. После XII столетия исламскую систему цивилизации охватила буря монгольского нашествия. Монголы, как и тюрки, не будучи мусульманами, быстро приобщились к исламу и захватили буквально все, кроме Египта. С такой же скоростью перейдя в ислам, они превратились в нового гегемона системы. XIII и XIV века можно назвать «столетиями монгольской династии». Историки высказывают мнение о том, что если бы исламские силы Андалузии и монголы захотели бы, то после XII века могли бы ликвидировать европейскую цивилизацию еще до начала ее развития. Истинная причина того, что это не случилось, не столько в том, хотели они этого или нет, а в том, что ситуация в Европе того времени (1000–1500 гг.) с позиции захватнических сил отнюдь не обещала большую прибыль. Самый серьезный шанс Европы заключался в том, что она не шла ни в какое сравнение с цивилизациями Китая и Ближнего Востока с точки зрения тех богатств, каковыми они обладали. Иначе ислам сложно было бы остановить и Карлу Великому, и с помощью глубокой и сильной обороны, организованной на том уровне, который был необходим для предотвращения монгольского нашествия. Можно спорить и о том, стали ли монголы для ислама разрушительной стихией или же «свежей кровью».

Династию Тимура можно считать той силой, которая продолжала действия монголов. Тимуриды оставили свой след на истории XV века. Потомки обеих династий смогли создать в Индии империю Бабура, просуществовавшую в качестве гегемонистской силы до середины XVIII века. Андалузское исламское государство в Испании (711–1492 гг.), представлявшее одну из последних династий Омейядов, смогло проникнуть с запада до центральных районов Европы. Как в случае с отступлением османов, оно не смогло избежать ранней ликвидации, осущест-

вленной возвышающейся европейской цивилизацией. Трагедию христиан в Анатолии предварила трагедия ислама на Иберийском полуострове.

Все, что в целом пережил ислам с XII по начало XIX столетий, — это передача Европе всех своих ценностей торговой и культурной сферы и превращение в полую изнутри скорлупу. Достижения, созданные на протяжении пяти тысячелетий, были целиком перенесены туда в течение пяти столетий. Такого рода перемена места и баланса сил гегемонистской центральной цивилизации, насчитывавшей пять тысячелетий, стала самым масштабным преобразованием в истории. Мир и по сегодняшний день переживает нарастающую волну потрясений, вызванных этим преобразованием.

е. Историческая роль авраамистических религий

Историческая роль авраамистических религий важна так же, как роль борьбы родо-племенных сообществ, направленных против цивилизации. Несмотря на то, что возникали в недрах племен, по значению и смыслу они демонстрировали масштабы классовых движений. Борьбу и выступления родо-племенных сообществ, которые цивилизация называла «варварами», скорее можно рассматривать как внешние силы с преобладанием демократических признаков. Появление в целом всех и, в частности, авраамистических религий, несет в себе не только родо-племенные признаки: это стало внутренним движением с преобладающей классовой стороной. Оба движения ассоциируются с внешними национальными и внутренними классовыми движениями, причем и то и другое направлены против современного капитализма.

Очень сложен классовый состав авраамистических религий, постоянно конфликтующих с системой центральной цивилизации, насчитывающей более пяти тысяч лет истории. Они атакуют при первой же возможности, и этот процесс должен считаться наиболее значительным во всемирной истории. Движение

происходит в наиболее широком аспекте, охватывая все слои от самых неимущих пролетариев до аристократии. Объявление себя «божественным исходом», что видно на примерах первых шумерского и египетского периодов системы центральной цивилизации, является основной темой протеста авраамистических религий. Процесс создания религий, являясь авраамистической идеологической системой, постоянно ставил под сомнение сам факт божественности этой системы богов-царей, и основной идеей их выступления стало то, что люди не могут быть богами и обладать божественной силой. Самое конкретное выражение этих выступлений сводится к данной формуле. В лучшем случае люди могут быть посланниками Бога (пророками) и его слугами. Утверждения о чем-либо большем равносильны самому страшному греху и могут стать причиной проклятия. Идеологическая работа и война за гегемонию проводились на этой почве тысячелетиями. Вся историография несет на себе следы этой идеи, противостояния и войны.

Оценивая систему центральной цивилизации, а также читая и записывая связанные с этим обстоятельства, необходимо обратить серьезное внимание на эти реалии и ни в коей мере не забывать о них (рационально). В центре возникновения авраамистической традиции (сюда же я включаю синтез зороастризма и манихейства) находились усилия еврейских родов и племен по созданию Бога и веры. Они старались в противовес мифологической и религиозной идеологической гегемонии центральной цивилизации выступить с более рациональным пониманием Бога и веры. Все пророки, от Авраама до Мухаммеда, сыграли свои исторические роли в этой войне за идеологическую гегемонию. Материальным ответом на представляемую ими религиозную духовную культуру стал преимущественно средний класс и торговая прослойка, являющаяся основным пластом среднего класса. Если наивысший уровень классовой картины, представленной в новых религиях, сформирован из родо-племенной знати, то на самом низшем уровне состоят неимущие слои племен, а также выдворенные за пределы системы пролетарии всех видов и прочие «пустые» группы. Евреи, занимавшие центральное по-

ложение, на протяжении всей истории настойчиво стремились сохранить свое лидирующее положение в сфере идеологической и материальной культуры. Идеологическое первенство они старательно стремились удержать главным образом при помощи Ветхого Завета и Торы. Создав накопления «смысла», заимствованные как у систем цивилизации, так и у сил, противостоящих цивилизации, они старались постоянно обогатить себя, стать глубокими и содержательными. В войне умов они и по сей день могут удерживать гегемонию. В сфере материальной культуры, в частности, финансов и торговли, ими обретенены очень большой опыт и мощь, и с такой же эффективностью гегемония удерживается и здесь.

Рассматривать еврейство как нечто целое будет ошибкой и недостатком. Если главные силы евреев в целом состоят в тесных связях и противоречиях с системами цивилизации, то внутренняя оппозиция в лице демократических и социалистически-коммунистически направленных сил постоянно противостояла цивилизации и пребывала в поисках новой демократической и социалистической цивилизации. Нельзя преуменьшать эту тенденцию, существующую на протяжении всей истории евреев. Евреи сыграли значительную роль во всех радикальных демократических, социалистических, анархистских, феминистских, экологических и других оппозиционных движениях, находившихся за пределами системы. Насколько центристские и правые силы евреев склонны к денежным накоплениям, торговле и этатической цивилизации, настолько же трудящиеся и левые слои были сторонниками общинной, демократической и свободной идеологии и образований.

Религия Иисуса Христа (христианство) преимущественно представляет интересы наиболее неимущих слоев этой системы авраамистических религий, рабов, племенной бедноты и других групп, изолированных от системы цивилизации. В процессе превращения во власть существовало разделение на две основные группы, и по сей день христианство является очень эффективным духовным явлением мирового масштаба. Дифференциация этой культуры сыграла значительную роль в развитии по пути

демократии и социализма. Христианский демократизм и социализм следует рассматривать на основании этого разделения.

Третья крупная версия авраамистических религий — это ислам, появившийся с личностью Мухаммеда и в короткие сроки превратившийся в антиислам. Эта религия скорее представляла интересы знатных и богатых торговых слоев системы, точнее, была превращена в материальную и духовную гегемонию упомянутой прослойки. Ислам успешно вел на Ближнем и Среднем Востоке гегемонистскую войну одновременно и против сил классической центральной цивилизации (против Византии, Сасанидов, даже Китайской империи), и против двух других значительных версий авраамистической традиции, коими являлись иудаизм и христианство. По той причине, что с XII столетия ислам не смог перенести торговый капитализм на рельсы аграрной и промышленной революции, в конце пятивекового процесса его гегемония перешла в руки современного европейского капитализма. Ислам тоже нельзя воспринимать как систему идеологической и материальной культуры, для которой характерна целостность. По сравнению с иудаизмом и христианством ислам был больше раздроблен и так и не смог обрести качества единой системы. Образа Аллаха, к которому были устремлены все взоры, оказалось недостаточно для единения. В противовес суннитскому движению, стремившемуся большей частью взять систему центральной цивилизации под собственную гегемонию, постоянно развивались и действовали оппозиционные движения демократического общинного и освободительного характера. Они никогда полностью не склонялись перед суннитским течением. Даже не обретая вид системного движения демократической цивилизации, они стали одной из главных артерий разумного, демократического, общинного, освободительного наследия региона Ближнего и Среднего Востока и всего мира.

Движение авраамистических религий, развиваясь как единое целое, со времен Шумера и Египта до современного капитализма (капиталистической цивилизации) сумело сломить идеологическую гегемонию рабовладельческой системы, раздробить ее и преобразовать реформами и революциями. К сожалению,

провести в той же степени эффективные реформы и революции не удалось, несмотря на то, что монополистические элементы материальной культуры (монополия как экономика и власть-государство) были смягчены. Движение брало за основу скорее принцип соглашения с системой с помощью правых слоев, беря систему под свое влияние. Левые оппозиционные прослойки, напротив, представляя радикальные религиозные конфессии, являясь светскими, секулярными классовыми и общинными народными движениями, постоянно действовали и боролись за идеи свободы и демократической утопии, выдвигая собственные проекты и программы.

В победе современного европейского капитализма велика роль гегемонии еврейской центральной идеологической и материальной культуры, предводительствовавшей и оказывавшей материальную и моральную поддержку молодому капиталистическому монополизму (торговому, аграрному, финансовому и промышленному) и идеологическим выступлениям Европы (Ренессанс, Реформация и Просвещение) в борьбе с антиисламом и антиреформаторским католическим экуменизмом (действовавшими в то время системами цивилизации). Основная причина заключалась в том, что обе указанные цивилизации уничтожали и притесняли евреев. И в Анатолии, и в Европе еврейство постоянно находилось под контролем, переживало множество испытаний, загонялось в гетто. Часто происходили еврейские погромы, массовые убийства и грабежи. Голландская и британская аристократия и аграрно-торговая буржуазия, испытывавшие серьезные трудности на самом западе Европы под натиском испанской и французской монархий, открыв с XVI века двери еврейскому материальному и духовному капиталу, фактически составили исторический союз. Этот союз, сломив гегемонистские идеи Испании и Франции (XVI—XVIII вв.), гегемонию ислама на Ближнем и Среднем Востоке (XIX и XX вв.) и в конце концов гегемонистские идеи и практику гитлеровской Германии и Советского Союза, фактически создал мировую гегемонию, продолжающуюся и по сей день. Я не говорю, как Вернер Зомбарт и иже с ним, что капитализм изобрели евреи,

но отсутствие идеологического и материального вклада еврейского народа вряд ли позволило бы даже задумываться о победе современного капитализма.

Историческая идея современного капитализма заключается в урегулировании и решении того кризиса и проблем, в которых оказалась насчитывающая более пяти тысячелетий система центральной цивилизации (обобщенное выражение аграрной, торговой, промышленной, а также различного рода идеологических и государственных монополий и монополии власти). В следующем разделе мы постараемся понять, станет ли эта историческая идея решением, или приведет к еще большему кризису и депрессии.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА
И НОВЫЕ ГЕГЕМОНИСТСКИЕ СИЛЫ...
В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ключевое значение для осознания мирового кризиса, углубляющегося на Ближнем и Среднем Востоке, — это понимание преобразования, испытываемого центральной цивилизацией в Европе. Подобно тому, как без понимания эпохи Средневековья на Ближнем и Среднем Востоке невозможно понять его переход в Европу, преобразования, через которые она прошла и стала гегемоном, так и не изучив европейский период истории цивилизации, нельзя будет достичь правильного понимания современный регион Ближнего и Среднего Востока. Между ними существует очень тесная диалектическая связь.

В предыдущих разделах я постарался раскрыть то, отчего и как центральная система цивилизации Ближнего и Среднего Востока была перенесена в Европу. Основной вопрос, требующий ответа и касающийся центральной цивилизации, перенесенной в Европу, это то, почему и как начался промышленный переворот. Поскольку в предыдущих разделах данной Защитной речи уже были даны как многосторонние, так и краткие ответы, я постараюсь по возможности избегать повторов и изложить ответы с самых различных ракурсов.

Для того чтобы не повторить ошибки, допущенной К. Марксом, надо прежде всего осознать исторический и социологический смысл природы промышленного переворота и промышленного капитализма. К. Маркс был уверен в том, что исследует капитализм как экономическое явление. Ему казалось, что по-

добно тому, как новые науки, в первую очередь, физика и химия, основываются на явлениях, наиболее фундаментальным научным методом является восприятие общества как явления и его исследование с экономической точки зрения. Немецкие философские течения идеализма, французский социализм-утопизм и английские школы политэкономии, существовавшие в его время, были столь же неспособны удовлетворить необходимость анализа, как и традиционные религиозные и философские. Хорошо известно, что К. Маркс вместе с Ф. Энгельсом постарались сделать важный шаг на базе той школы, которую называли «научным социализмом». Несомненно, нельзя отрицать ту «революцию в мышлении», которую они начали. На уровне чувств они были против объявившего о своей победе капитализма. Они также смогли продемонстрировать силу организованного противостояния капитализму, подобно всем историческим выступлениям.

Одним из важных результатов, достигнутых современной наукой, является установление исторического и социального характера истины (осознанная действительность). Несомненно, историчность и социальность не оторваны от глобального и единичного, поэтому они, в противовес этому, выражают концентрацию мышления и достижение результата в череде событий ради понимания действительности (у Гегеля примечательно понятие Мирового Разума). Тем самым большее значение приобретает осознание положений К. Маркса и его школы по этому поводу.

Вместо того, чтобы считать научный социализм течением, потерпевшим поражение от капитализма, было бы гораздо правильнее считать его недостаточной школой, потому что все-таки у него были и успехи. Необходимо раскрыть ошибки и недостатки их идеала, помешавшие достичь успеха. В моей Защитной речи есть такого рода пояснения. Вместо повторения, при необходимости, лучше развернуть новый и более целостный критический анализ, и я стараюсь сделать именно это.

На мой взгляд, было бы правильно изначально рассматривать промышленный переворот не как экономическое, а как идеологическое и политическое событие. Более того, даже до тех пор, пока он не будет воспринят как переворот с преобладающей во-

енной составляющей, невозможно в полной мере осмыслить ни становление европейской цивилизации, ни капитализм, взятый им за основу. То, что обычно говорят в конце, я скажу в начале: силы центральной цивилизации могут быть охарактеризованы тем, что, произведя промышленный переворот в Европе, осуществили самую крупную в историю идеологическую, политическую и военную мобилизацию, придав ей всемирный масштаб. Таково историческое определение европейской цивилизации.

Пока промышленный переворот, являющийся одним из инструментов идеологической, политической и военной гегемонии, не будет осознан в исторической и социальной цельности, нельзя будет верно понять всю нашу эпоху. Для осознания этой истины достаточно будет глубоко проанализировать войны, к которым промышленный переворот привел как внутри самих обществ, так и между ними, а также исследовать всю панораму войны, объявленную им окружающей среде. Все исторические и социальные события не смогли достичь того уровня милитаризма, который был реализован на базе промышленного переворота. Но еще более ужасно то, что разрушение окружающей среды впервые реально поставило вопрос дальнейшего существования общества. Это является истиной, которую отрицать попросту невозможно, она буквально сидит в сознании человечества. Сопrotивляясь высказываниям и практическим делам, буквально ослепляющим общество, в которое глубоко вошел при помощи чрезвычайных идеологических механизмов и возможностей власти, истина продолжает свое существование в виде мирового кризиса, выставляя как противодействие свою теорию и практику.

А. ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Некий аналог идеологической гегемонии (мифологической, религиозной, философской и научной), которую мы наблюдаем

в социумах, испытавших исторические преобразования, можно заметить также на европейской стадии развития цивилизации. Мы видим материальные преобразования цивилизации не такими, какие они есть в реальности, а такими, какими они представлены духовно (в узком культурно-идеологическом смысле). Эта истина, характерная для всех эпох, действительна и для европейской эпохи, и действительна не только для силы нашего мышления, но и для сохранения жизненных сил, причем гораздо больше, чем это принято считать. Эпохи обладают таким свойственным им действием. Они не являются непреодолимыми, но без достижения действительной диалектической стадии невозможно никуда уйти от этих реалий. Это так, даже если считать, что мы выступаем против этого.

Если рассматривать в этом ракурсе истины, высказываемые от имени европейской мифологии или науки, можно будет гораздо точнее осознать европейскую цивилизацию. В историческом фундаменте промышленного переворота лежит ссылка христиан и частично иудеев, которая стала вынужденным решением перед лицом идеологической и практической агрессией ислама. Постепенно усиливался их исход из Ближневосточного региона. Незадолго до ислама христианство и иудаизм развивались в качестве гегемонистских идеологий Ближнего и Среднего Востока после римского владения (Западный Рим). Их влияние ощущалось на всем пространстве от Китая до Иберийского полуострова. Европейская урбанизация, набиравшая обороты с X века, имела место и на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь зарождалась новая волна цивилизации Средневековья, вдохновляемая древней эллинской культурой. В частности, у греков, армян и ассирийцев был замечен определенный подъем цивилизации. Актуальным было своего рода преддверие Ренессанса. Самый яркий свой период переживало манихейство. Традиция идолопоклонничества разрушалась ускоренными темпами. Если Западный Рим пал перед фронтом таких процессов, то Восточный Рим нашел свое место в истории только благодаря тому, что принял христианство в качестве официальной идеологии. В основе возвышения Восточного

Рима (Византии) значительное место занимают эти идеологические процессы.

Выступление, называемое «исламской революцией», развивалось как следствие упадка верований и родо-племенной структуры Аравийского полуострова. Она сформировалась в качестве более радикальной конфессии авраамистической религии. Основой выступления послужили как тысячелетние миграции племен, так и объединение новой идеологической формации. Ислам стал предварительной стадией перед появлением на сцене огузского и монгольского факторов. Контакт с цивилизацией был перенесен на уровень возможного становления в качестве новой гегемонистской силы. В это время традиционная гегемония Ирана распадалась ускоренными темпами, Византия тоже не смогла избежать быстрого отступления от своих позиций. Ислам уже с середины VII века стал новой гегемонической силой Ближнего и Среднего Востока. Последовательно ускоряющийся распад Византии усилил перенос в Европу христианства и частично иудаизма. Чем сильнее становился ислам в регионе Ближнего и Среднего Востока, тем сильнее становилось христианство в Европе. По мере того, как христианство Ближнего и Среднего Востока теряло силы, христианство Европы превратило вопрос усиления своих позиций в проблему существования.

Крестовых походов (между XXI–XIV веками) оказалось недостаточно, чтобы развернуть ситуацию в обратную сторону. Основной фактор был связан с гегемонистской структурой цивилизации в регионе Ближнего и Среднего Востока. Верховенство и гегемонистские позиции отстаивались не только в сфере производства, торговли и денег, но и в науке, искусстве и военно-политической сфере. Наиболее значительным последствием крестовых походов стало понимание того, что на том уровне цивилизации, на котором находилась на тот момент Европа, ей не справиться с Востоком и исламом. Эти реалии вынудили силы европейской цивилизации перейти на новый этап. Уроки, преподанные исламской цивилизацией Андалузии на Испанском (Иберийском) полуострове, еще были свежи, а османские силы,

распространившиеся через Анатолию на Балканы и в Центральную Европу, в XVI веке стали просто кошмаром. Усиление в XVI веке капиталистической системы тесно связано с этими реалиями.

Силы европейской цивилизации, которые из своего многовекового опыта еще лучше осознали, что не смогу решить вопрос своего существования до тех пор, пока не одолеют исламскую цивилизацию в сфере материальной и духовной культуры, посчитали наилучшим средством развитие капитализма как системы. Безусловно, я не касаюсь истории капитализма. Известно, что этот вопрос требует многотомных исследований и в принципе достаточно разработан. Обстоятельство, которое следует подчеркнуть, заключается в необходимости раскрытия его основной стратегической связи. Историю цивилизации нельзя понять без стратегии. Для понимания истории цивилизации недостаточно ни перечисления фактов, ни содержательного анализа. До тех пор, пока не будут раскрыты стратегические факторы в основных элементах цивилизации (производство, торговля, политика, армия, идеология), все процессы развития и преобразования не могут быть достаточно продуктивно осмыслены. Каждый процесс в истории цивилизации переживает развитие внутренних и внешних конкурентных, гегемонистских стратегий по отношению к представляемым ею основным элементам. Она находится в постоянном тесном сопряжении с противостоящими стратегиями. Итог определяется в борьбе, разворачивающейся между этими стратегиями. Капиталистическая волна в европейской цивилизации реализовалась как выбор в этапах борьбы, развернутой стратегическими силами как между собой, так и на внешнем фронте.

Выбор капитализма невозможно считать ни следствием «разумного движения» по Гегелю, ни обязательным итогом идеологии просвещенного прогресса К. Маркса. Как мы уже старались в соответствующих разделах показать, капитализм — это система, о существовании которой известно еще со времен Шумера. Это элемент, разлагающий социум, он зафиксировался

в исторической памяти всех обществ как наиболее злое и безнравственное явление, с которым не следовало бы сталкиваться, и общества по собственной воле постоянно боролись с этим явлением. Отражаясь на социальной поверхности и время от времени сталкиваясь с жесткой реакцией, капитализм, находясь даже на самом дне, всегда старался сохранить свое существование коварными и тайными путями. Ни один метод и инструмент эксплуатации не обладали такими, как капитализм, особенностями, позволяющими разрушать общественный уклад, держать в состоянии постоянного кризиса и хаоса. Все остальные силы цивилизации, даже будучи сами угнетателями и эксплуататорами, считали обязательным, с точки зрения постоянства существования общества, ограничение капитализма и постоянное удерживание на дне в силу вышеназванной его структуры. Не стоит даже говорить о том, является ли капитализм передовым этапом цивилизации: факт, что он постоянно концентрировал в себе проклятия всех обществ, превратился в раковую опухоль нравственного и политического общества. Кризис, распад и уничтожение, переживаемые современным обществом и окружающей средой, подтверждают непогрешимость нравственного подхода, являющегося совестью всей социальной действительности.

Капитализм обеспечивает постоянное превосходство силам, использующим его наиболее эффективно, но делает это за счет того, что постоянно держит общество в состоянии кризиса, лишая способности к действию нравственные и политические позиции обществ, провоцирует постоянные внутренние и внешние войны, доводит социум до грани упадка и уничтожения. В итоге мощь и богатство концентрируются в руках небольшой группы. Это руки «победителей», но перед ними — распавшееся общество и окружающая среда, доведенная до состояния невозможности дальнейшего существования.

Победу капитализма, который мы можем охарактеризовать в таком ракурсе, на поле европейской цивилизации можно конретизировать в виде основных тезисов.

а. Война Венеции за гегемонию

Главный вопрос, который следовало бы задать, таков: отчего подъем Венеции не превратил ее во второй Рим? Ведь Венеция могла бы достичь такого же успеха, как и Рим античной эпохи. Она ничем не уступала Риму. Достоинств у нее было, пусть и не больше, чем у Рима, но очень много. Венеция был на пике своей эпохи по всем основным категориям цивилизации, в первую очередь, это торговля, производство, деньги, власть, наука и искусство. Венеция смогла проникнуть на весь Восток, от Китая до Ближнего и Среднего Востока, от Балтийского моря на севере до горных районов Сибири, на юге до Сахары. Средиземное море Венеция контролировала, по меньшей мере, так же, как и Рим. Она почти построила торговую монополию во всех этих пространствах. Богатства текли в Венецию так же, как и в Рим. Она стала новым центром финансовых средств, денег и банковского дела. Венеция могла осуществлять самое качественное промышленное производство своего времени, если находила таковое прибыльным. В частности, она практически опустошила Византию и исламский мир, не оставила ни одной ценности. Не будет преувеличением назвать Венецию гегемонистской силой XIV–XV столетий. В данном ракурсе можно считать ее главенствующей силой, перенесшей ценности восточной цивилизации в Европу.

Невозможно представить себе цивилизацию Европы без Венеции. Так же, как невозможно представить себе античную эпоху без Рима, невозможно представить себе Средние века без Венеции. Если сказать, что Венеция стала той силой, которая родила капитализм, зачатый в лоне Средневековья, это было бы не только правильно, но и подчеркнуло бы ее историческую роль. Венеция не просто родила дитя-капитализм, но, оплодотворив имеющимся внутри семенем все городские образования Средневековья, подготовила Европу к капитализму. Именно от Венеции Европа «забеременела» капитализмом. Но несмотря на это, она не стала вторым Римом, потому что в Риме восседало Папство. Взаимоотношения между Папой и Венецией всегда были проблемными и враждебными.

Неслучайно и то, что столетия расцвета Венеции стали временем подъема католического христианства в Риме. Все выступления римского католицизма против Венеции можно объяснить самым фактом существования капитализма. Как в целом все крупные религии, католичество тоже с сомнением восприняло капитализм, не преминув развернуть против него самую масштабную религиозную войну. Один из ликов этой войны находил свое преимущественное отражение в таких событиях, как межконфессиональные войны в Европе, инквизиция и революционные события. В частности, борьба католицизма с протестантизмом тесно связана с ее неприятием капитализма. Несомненно, христианизация Европы объективно породила инфраструктуру для капиталистического перехода, но это само по себе не могло означать наступление капитализма. Ислам создал гораздо больше базисных элементов капитализма, но он также не дал ему развиваться.

Другая серьезная причина того, что Венеция не стала вторым Римом, тесно связана с первой и заключается в том, что Венеция не смогла установить господство над городами Апеннинского полуострова и добиться объединения Италии как национального государства. Венеция идеологически не была открыта для становления в качестве национального государства. Она стала, возможно, последней и самой сильной представительницей часто встречавшегося типа города-государства. Эта истина достаточно четко показывает, почему Венеция не смогла выйти за пределы младенческого периода капитализма. Венеция является выражением исторической силы городской знати, сопротивлявшейся до конца XVIII столетия как вселенской власти Ватикана, так и модели итало-европейского национального государства.

Следует очень хорошо понимать, что городская демократия, как и город-государство, является очень сильной исторической представительской формой. Она была свидетелем, так сказать, естественной, природной демократии. Имперские системы древности и новой истории, а также национально-государственная система капитализма строятся на отрицании города-государства и городских демократий. Городской опыт Венеции представляет

собой наилучшее подтверждение этой истины. С одной стороны, Венеция сопротивлялась династическим империям Ватикана и Габсбургов, с другой стороны, эту истину подтверждает борьба с ранними национальными государствами и его Вестфальской системой (1648 г.). Если задумываться о современной критике города, его реставрации и реконструкции, то опыт Венеции окажется в высшей степени поучительным. Многие города Европы, в первую очередь, итальянские города, безусловно, не так, как Венеция, но все же могут преподать поучительные уроки государства и демократии.

б. Эпоха перехода от города-государства к национальному государству. Опыт Амстердама в Голландии

Актуальная проблема Европы XVI века — это усилия, прилагаемые к тому, чтобы капитализм, добившись превосходства над классическими имперскими системами, смог превратиться в стабильную цивилизацию. Главной стратегической силой того периода была империя, управляемая династией Габсбургов. После того, как исламская и иудейская культуры Андалузии, война с которыми длилась еще со времен их зарождения, были ликвидированы на Иберийском полуострове (711–1492 гг.), а уцелевшее население выселено оттуда, при поддержке Ватикана началась борьба за установление гегемонии во всей Европе. Однако против этого в масштабе Европы выступило ряд европейских городов-государств, княжеств и монархий. Ожесточенное противостояние продемонстрировали французская, британская и немецкая монархии, многие города Италии. Против католического экуменизма, являвшегося идеологическим гегемоном, выступил протестантизм, официально объявивший о начале эпохи национальных церквей. Идеологически и практически Европа оказалась в ситуации глубокого хаоса. Войны за гегемонию обрели религиозный характер. С другой стороны, Ренессанс, развивавшийся в итальянских городах во главе с Венецией, очень

быстро распространился по всей Европе. Ренессанс, в сущности, был продуктом городской государственности и демократии.

Ренессанс являлся преимущественно секулярным светским направлением в противовес средневековой схоластике. Следовательно, совершенно ясно, что многие города и княжества искали себе «опекунов». В разделении путей между философией и искусством с религиозным уклоном и философией и искусством светской направленности Ренессанс XVI века сыграл определяющую роль. Протестантизм, представлявший собой реформу в религии, тесно связан с зарождением Ренессанса. Очень большой ошибкой было бы рассматривать европейскую революцию XVI века в сочетании с капитализмом. Переворот, имевший место в этот период, стал аналогией городских выступлений, вспыхивавших в Шумере против неолитического общества Месопотамии, и предпринимавшихся эллинами против «варварских» обществ на побережье Эгейского моря. Это — масштабная культурная революция. В силу своего содержания она от начала и до конца обладала особенностями всемирного характера. Капитализму удалось представить себя в качестве выхода из великого хаоса того столетия.

На западе Европы все человечество переживало апокалиптический процесс, во время которого цивилизации в большей степени утратили силу своего влияния. Возник вакуум контроля. Капитализм, став продуктом этого вакуума, совершил свой самый большой скачок. Его появление на исторической арене походило на то, как чудовище в человеческом одеянии, тысячелетиями удерживавшееся в железной клетке всеми государственными и негосударственными цивилизациями, вдруг освободилось от цепей и ввергло человечество в ужас. Человечество может вынести капитализм без гегемонии, на нем может основываться общество, может сохраниться окружающая среда, но капитализм — гегемонистская сила, и по мере его роста все общество, окружающая среда и древние системы цивилизации оказываются перед серьезной угрозой. Надо осознать следующее основное обстоятельство: капитализм оказался не путем выхода цивилизации из кризиса XVI века, а гегемонистской силой подавления.

Ренессанс, Реформация и Просвещение, относящиеся к этому периоду, следует рассматривать отдельно, а капитализм — сам по себе. Наибольшим предательством, совершенным европоцентристскими социологиями, стало то, что эти исторические процессы приписываются капитализму. То, что все науки, связанные с обществом (стало быть, фактически все), включая марксистские, не смогли точно охарактеризовать капиталистическую гегемонию, определить его историческую роль, практически открыло дорогу всем бедам.

Роль голландского города и княжества Амстердама в этой огромной трагедии заключается в том, что он имел характер дилеммы. Сам по себе Амстердам, как и прочие города Атлантического побережья Западной Европы начала XVI века, развивался на основе рыболовства, торговли и земледелия. Ему было далеко до величия Венеции. Был у него один шанс: этот город мог стать убежищем для многих, которые хотели спастись от деспотизма и эксплуатации, имевших место в континентальной Европе. Постоянными гостями города Амстердама становятся такие представители свободомыслия, как Спиноза, Декарт и Эразм. Город знал гениев и в сфере искусства и науки. Данного рода преимущества в мышлении и ощущении, несомненно, оказали бы влияние на процессы производства и политические события. Наконец, Амстердам стал играть передовую роль в морской торговле и рыболовстве. Он мог спокойно конкурировать с аналогичными достижениями городов испанской и португальской монархий, бывших его серьезными соперниками. Что более важно, в период реорганизации земледелия, во внутренних районах, он смог осуществить переход к максимальной урожайности. Преимущества Амстердама в производстве и торговле быстро нашли свое отражение в мануфактурной промышленности.

Голландское княжество старается вести борьбу за существование, создав с другими мелкими областями, переживавшими на том же пространстве схожие процессы, политическое образование с сильными демократическими признаками. Против кого же была направлена эта борьба? Это была борьба против

глобальных имперских амбиций династий Габсбургов (Австрия) и Валуа (Франция), стремившихся разделить Европу между собой и поглотить ее. Против этого яростно боролись британская корона, голландское и немецкое княжества. Еще одной стороной этой борьбы становится Пруссия. Римская империя в этот раз стремится воссоздать свою мощь с помощью испанской монархии, одержавшей победу над исламом и иудаизмом. Католический экуменизм вынуждал к такой структуре. С другой стороны, австрийская ветвь Габсбургов (Вена) прилагает все усилия к тому, чтобы остановить исламскую гегемонию Османской империи на Востоке и перейти в контрнаступление. Династия Валуа становится другой противоборствующей ветвью католического экуменизма территории Франции. Начался период нового изучения и колонизации мира и Америки. Добрались даже до Африки и Индии — мосты были наведены везде.

Совершенно ясно, что проблема стала для Амстердама и голландского княжества борьбой за жизнь. Обе упомянутые династические ветви мобилизовали все усилия для того, чтобы поглотить эти территории. Война за стратегическое господство в Европе проходила на самой критической стадии. На всех судьбоносных этапах истории имели место такого рода стратегические войны. Проигравшая сторона не просто терпела поражение в войне, а надолго утрачивала свое многовековое влияние. Но гораздо хуже то, что все общество оказывалось на грани уничтожения. Речь идет о новых общественных единицах, в первую очередь, Голландии, чье население оказалось лицом к лицу с такого рода опасностью. Я имею в виду процесс, в котором вопрос стоял конкретно: все или ничто, жизнь или гибель общества.

Именно с этим стратегическим положением связано то, что амстердамское голландское княжество боролось на смерть. Достижения в идеологической, политической, военной, а также торговой, промышленной и финансовой сферах могли стать возможными только при наличии воли и стремления к жизни, причем к свободной жизни. Данное стремление было продемонстрировано, после чего произошла череда событий, которые можно

назвать «голландскими событиями». Голландия и Амстердам, подтвердившие в середине XVI века свою силу и непобедимость, в XVII веке уже достигли уровня мирового гегемона, как Урук в Шумере и Афины в Греции.

В противовес этой положительной стороне дилеммы Амстердама другой стороной стал коварный капитализм. У каждого важного явления в истории есть свой коварный и подлый двойник. Я не говорю о дилемме свет-мрак в зороастризме, но в усилении голландского Амстердама невозможно не увидеть ассоциирующийся с этим мрак капитализма. Моя оценка не приемлет ошибочность взгляда самого К. Маркса, то есть я не говорю о том, что победа осталась за капитализмом. Я отвергаю эту серьезную ошибку, неведение, обусловленное созданной Марксом теорией. В победе нет никакой лепты капитализма. В эксплуатации победы капитализм оказывается первым. Некоторые силы стремятся эксплуатировать тех, кто вынес на своих плечах тяжелое бремя войн. То, что владельцы капитала в Голландии, Амстердаме выплыли на свет в самый тяжелый период войны и пустились в погоню за прибылью, построив расчеты на кровопролитии и жертвенности людей высокого благородства, позволяет называть их не хозяевами исторической победы, а всего лишь ее эксплуататорами. Совершенно ясно, что эта истина заставит считаться с собой при глубоком изучении голландской революции и новом написании ее истории от имени трудящихся и борцов за свободу. Капитализм, бывший еще на стадии младенчества в эпоху гегемонии Венеции, в период гегемонии голландского Амстердама оказался в роли сурового юноши. Почти как Александр Македонский этой эпохи, он наносил сокрушительные удары по всему, что ни попадалось на его пути.

В гегемонистском подъеме Голландии основную роль сыграли перемены, осуществленные ею в технике производства и власти. Мануфактуры вышли за пределы домашних и были организованы в виде независимых единиц производства. В земледелии также осуществлены аналогичные перемены, проведены серьезные земельная и аграрная реформа. Для торговли на море и рыболовства применялась лучшая в то время судостроительная техни-

ка. Все эти достижения позволяли осуществлять производство, наиболее дешевое по себестоимости в сравнении с Европой и другими экономическими регионами мира.

Государственное образование, основанное на таких единицах, как города и княжества, будучи технической стороной власти, совершило поворот в сторону национального государства. Новое политическое образование в форме национального государства достигло первого результата. Эффект дало то, что за основу был взят не город-государство Амстердам, и не традиционная модель голландского княжества. Власть организовалась в соответствии с экономической рентабельностью. Важную роль сыграли реформы в структуре армии. Были реализованы первые модели усовершенствования как в военной технологии, так и организации. Аналогичные процессы имели место и на флоте. Несмотря на небольшие размеры страны, эти прогрессивные реформы способствовали ее превращению в гегемона мирового масштаба. Таким образом, голландская революция стала предвестником последующих революций в Англии, США и Франции.

Процесс захвата капитализмом гегемонии во время этой революции был кровавым. Несмотря на то что организовали революцию и проводили борьбу народные силы общества, хорошо организованное меньшинство, обладающее капиталом, захватило лидерство в революции, и это следует считать первой особенностью. Революцию организовали и осуществили, независимость и целостность Голландии обеспечили явно не капиталистические элементы. На протяжении истории перед нами часто возникают факты, которые здесь еще раз дали о себе знать. Даже потерпев поражение, силы старой цивилизации предпочли не утратить полностью власть над обществом, а просто передать ее лидерам оппозиции, считая, что этот шаг более соответствует их интересам. Между ними всегда существовали тесные отношения и меркантильные связи. Буржуазия, даже будучи новым классом власти, все же зародилась в лоне прежнего класса, являясь эволюционировавшей формой прежнего господствующего класса.

Это происходит не в силу большой значимости голландской модели, а в силу того, что она является моделью несущей в себе будущее. Она сделала еще один шаг в цивилизации Европы, способствовала установлению всемирного влияния этой цивилизации. Современный мир многим обязан такому мощному выступлению Голландии. Линия Венеция-Амстердам с XIV по XVIII вв. была преимущественной и лидирующей силой, преобразившей цивилизацию Европы и приведшей ее к господству во всем мире. Османская империя, бывшая последней господствующей силой цивилизации с центром на Ближнем и Среднем Востоке, отступив из центральных областей Европы, оказалась перед опасностью окружения со всех сторон новыми гегемонистскими силами Европы, отошедшими от религиозной составляющей — для них преобладающими были уже светские мотивы.

Поворот, имевший место в диалектике взаимоотношений между цивилизациями Европы и региона Ближнего и Среднего Востока, имел определяющее значение, как в процессе ускользания гегемонии на европейское поле, так и в качественной дифференциации. Гегемонистское превосходство Голландии в 1650—1750 гг. сыграло главенствующую роль в переходе. Если Венеция, украв центральную цивилизацию из региона Ближнего и Среднего Востока, перенесла ее через Италию на всю Европу (XII—XVI столетия), то Амстердам-Голландия в гораздо более короткие сроки преобразовали эту цивилизацию на Атлантическом побережье, завоевала первенство и овладела гегемонией с центром в Европе. После своего пятитысячелетнего пребывания на Ближнем и Среднем Востоке центральная система цивилизации превратилась в новую мировую систему с центром в Европе, на побережье Атлантического океана.

*в. Опыт Лондона в Британии и империя,
«над которой никогда не заходит солнце»*

Голландская революция еще на начальных этапах была окружена теми же стратегическими противниками, что были у Лондо-

на (Британия). По этой причине взаимоотношения между ними должны были развиваться на стратегическом уровне. Испанская и французская монархии способствовали возникновению перед Амстердамом и Лондоном проблемы жизни и смерти. Налиествовала явная угроза поглощения их обоих. Единственным выходом для продолжения существования и освобождения было превращение в новый центр гегемонистской силы на континенте. Амстердам и Лондон полностью прочувствовали эти реалии, ставшие основной темой их раздумий. Те же самые моменты действовали и в отношении противной стороны: если им не удастся стать гегемоном, то и мечты о приоритете католической идеологии, и надежды стать «вторым Римом» навсегда канут в лету. То, что противостояние и войны между двумя гегемонистскими полюсами обрели постоянный и концентрированный характер, также связано с упомянутой проблемой жизни и смерти. В итоге был обретен определенный статус в балансе национального государства Вестфалия (1648 г.), что и ограничило войны между ними, увеличивая промежутки перемирия.

Возвышение Лондона было аналогично расцвету Амстердама. То, что перед ними стояли аналогичные стратегические проблемы, вынуждало разрабатывать схожие решения. Островной характер Британии несколько облегчил ее ситуацию. Лондон родился не как город-государство — в этом смысле ему было далеко до величия Венеции. Лондон был основан как центр королевства. Однако уже с 1215 года он имел частичную автономию, подтвержденную Великой хартией вольностей. Таким образом, изначально Лондон уже был колыбелью самобытной политической модели. Сюда же можно добавить и то, что еще со времен легендарного Артура, первого короля Британии (V век) Лондон являлся колыбелью зарождения аристократии, обладающей стабильной мощью. С другой стороны, остров обладал такой привилегией, как право становиться последним убежищем изгнанников континента и достаточно часто переживал их нашествие. Еще со времен первого нашествия Цезаря, совершенного «во имя» цивилизации, Лондон являлся лакомым кусочком, возбуждавшим аппетиты завоевателей с континента.

Подъем Лондона тесно связан с этими реалиями. Лондон обладал частичной автономией по отношению к стабильной местной аристократии, на внешнем фронте демонстрировал возможность отразить любую агрессию и был убежищем для всех изгнанников. Лондон соткал ткань своей судьбы на основе этих стратегических позиций. В ходе своего роста как города он постоянно имел в виду собственные стратегические позиции и продолжает сохранять их по сегодняшний день. Не следует забывать, что в определении судьбы этого города основную роль постоянно играли стратегические заботы, известные еще со времен существования городища Урук. Эти реалии подтверждаются тем, что невозможно было представить себе город без стен и акрополя. Для города необходимы по меньшей мере как и стратегия, его тыл, торговля, ремесла и промышленное производство, которые будут его питать. Но эти факторы нельзя развить и продолжить без государства или демократического управления. Лондон, в сущности, был обречен на тесное сосуществование всех этих стратегических факторов производства, торговли, ремесел, промышленности.

Остров вплоть до конца XV столетия находился в стадии борьбы с всевозможными нашествиями и завоеваниями, исходящими с континента. Положив конец последнему нашествию в середине XVI века со стороны норманнов, Лондон обретает свое стабильное в национальном отношении состояние — британец превращается в самостоятельную идентичность. Важнейшую роль сыграла здесь эпоха Елизаветы I (вторая половина XVI века). Городская идентичность Лондона, набрала силу с этой идентичностью острова и этим приблизились к выполнению своей исторической роли.

Основная проблема Лондона и Британии в XVI веке заключалась в открытии своих путей в морской и сухопутный мир посредством разрыва кольца блокады со стороны Испании и Португалии на Атлантике и французской монархии на суше. Проблемы Лондона аналогичны тем, что были у голландского Амстердама. Если бы он не смог их решить, это положило бы конец его политическому существованию. Путь к победе пролегал

через войну за гегемонию. Перенос центральной цивилизации в Европу вызвал жестокие войны за гегемонию между рядом европейских сил. Системы цивилизации — это системы гегемонии.

Для победы в войне за гегемонию Лондон (Британия) развил по меньшей мере три основных исторических инструмента. Это капитализм, национальное государство и индустриализация. Островное государство, скорее всего, могло быть самодостаточным только с аграрной точки зрения. Насколько рентабельным ни было бы земледелие, этого недостаточно для продолжения гегемонистской войны, в которую оно вступило. Все внутренние и внешние условия требуют чрезвычайных перемен в системе. Если прибегнуть к историческим фактам, то становится ясно, что есть масса подтверждений того, как притесняемые общественные силы постоянно совершают скачок, развивают новые технические, мыслительные, политические, военные и экономические системы. В целом в притесняемой Европе, в частности, в островной Англии, имели место такого рода процессы. Значимость XVI века связана с этими реалиями.

Безусловно, Британия XVI века с центром в Лондоне не была ни изобретателем, ни единственной созидательной силой волны капитализма, национального государства и индустриализации. Эти трехсторонние процессы происходили во всех западноевропейских городах, в первую очередь итальянских городах Апеннинского полуострова. Системные изменения имели континентальный и всемирный масштаб. Но специфический вклад Лондона заключался в том, что он постепенно становился лидирующим и играл роль катализатора процессов. Лондон стал мозгом и катализатором новой системы.

Основной задаваемый вопрос заключается в том, какие факторы сыграли в этом определяющую роль.

1. Факт превращения капитализма в систему еще далек от полного освещения. Эта тема и по сей день носит дискуссионный характер. В различных частях своей Защитной речи я давал необходимые пояснения по данному вопросу. Были выявлены точки основной критики. По сути, наиболее радикальная критика касалась серьезных ошибок и недостатков позиций К. Маркса в

«**Капитале**». В основе ошибочного взгляда лежит то, что капитализм представлен им как наиболее развитая и даже прогрессивная экономическая система. Обобщение экономической формации до уровня общественной стало универсализацией ошибки. Под названием «диалектического материализма» это было занесено в историю и превращено в метод. Итогом стало не исправление гегелевского идеализма, а карикатура на него.

Необходимо хорошо осознать, что гегелевские взгляды до сих пор еще не превзойдены. Европейская цивилизация открыла дорогу Гегелю и в то же время была им осуждена. Вся философия после Гегеля так и не дошла до его вершины. Противником Гегеля является Ницше — это критика современного капитализма на его пике, не превзойденная до сих пор. Самобытность Ницше в том, что он, как пророк, буквально кричал о несоответствии между капитализмом и жизнью. Величие Фернана Броделя в том, что он смог показать капитализм не как экономику, а как монополию. Капитализм как монополия не является ни формой производства, ни общественной и исторической стадией. Учение, называемое английской политэкономией, в основе своей является средством легализации капитализма. Представление капитализма, не являющегося экономикой, в качестве «наиболее развитой экономической системы», — это самая большая историческая ошибка научного мира. Называя экономикой спекулятивный и поражающий характер монополии, старались узаконить этот ошибочный взгляд. Несмотря на критику, К. Маркс и его последователи так и не смогли уберечься от того, чтобы, не без вмешательства позитивизма, превратиться в средство достижения этих целей.

Исследование капитализма в качестве религиозной или идеологической и практической монополии, как ислам и христианство, несомненно, ознакомит нас с гораздо более поразительными реалиями. Капитализм стал максимальной степенью монополизации в истории цивилизации. Если иметь в виду то, что первая в истории человечества монополия была начата «коварными и сильными мужчиной», станет гораздо яснее, что капитализм является наиболее организованным структурным выражением

этого исторического понятия. Понятием структурной монополии можно считать власть над всеми современными социальными сферами. Стало быть, совершенно недопустимо связывать суть капитализма с прогрессом, с базисными и надстроечными формами общества. Капитализм можно считать наиболее развитой, созданной над обществом и узаконившей себя системой подавления и извлечения прибавочной стоимости. Такая характеристика допускает, что монополии в целом, а капиталистическая монополия, в частности, базируясь в экономических, социальных, политических, военных и идеологических категориях, легализуется так, как будто она сама является высшей из всех категорий. Например, военная монополия, называемая армией, во всех цивилизациях является фундаментальной силой учреждения гегемонии. Но гегемония — это распространившееся над всем обществом структурное коллективное выражение позиции «коварного и сильного мужчины».

Если посмотреть на капитализм, установившийся в целом в Европе и, в частности, в Британии с центром в Лондоне, в свете этой характеристики, то сможем осмыслить капитализм гораздо лучше. Противостоять гегемонистским монополиям, устремившимся на остров с четырех сторон, можно было только посредством создания более сильной гегемонистской монополии. Традиционными были монополии испанского и французского происхождения, олицетворявшие образ религии и монархии. Если бы остров противостоял им в качестве аналогичного явления религиозного и монархического плана, то проиграл бы. Другие были сильнее Британии во всех отношениях. Единственным путем являлось создание нового типа монополии, что и было сделано. В силу этой исторической причины в XVI веке на острове была создана новая монополизация, охватившая все сферы материальной и духовной культуры общества от идеологии до производства, политики и армии. Под английским капитализмом имеется в виду общее название данного явления. Создание монополии, целиком основанной на достижениях всего развитого технического и интеллектуального наследия человечества, не является ни прогрессом, ни новой

общественной формацией. Это просто наиболее сильная форма монополизации. Если рассматривать осуществленные перемены в этом ракурсе, то конечной целью все равно является монополизационная структуризация, реализованная или путем революций, или путем реформ. Именованная «лондонским» по названию города и «британским» по названию страны является всего лишь следствием упрощения языковой характеристики. Эта война за монополистическую гегемонию, которую вел стратегический союз Амстердам-Лондон до 1780 года, смогла остаться единственным гегемоном после Французской революции (1789 г.) и наполеоновских войн.

Новые своды правил и институты, развиваемые под именем английского капитализма в сферах земледелия, торговли, финансов и промышленности, стали длительным историческим процессом. Были проведены специфические религиозные реформы, созданы подчиненные научные структуры, система искусства и образования. Одним словом, этот капитализм, как фундаментальный фактор современности, оставил свой отпечаток на новом стиле жизни.

2. Вторым важным институтом, развившимся в тесном переплетении с капиталистической монополией в процессе гегемонистского подъема Лондона-Британии, стала организация социальной иерархии и прежней государственной формации в качестве национального государства. Организация в форме национального государства является параллелью, которую провела капиталистическая монополизация, построенная над экономикой, в сфере власти. Они тесно переплетались друг с другом. Экономическая монополия не может быть реализована без монополии власти, такое даже представить себе нельзя. Факт, в отношении которого серьезно ошибались или не сумели конкретизировать все социологи, к которым относился и К. Маркс, — это то, что они считали, будто экономика была капитализирована как автономная сфера. История всех цивилизаций подтверждает, что монополии, построенные над экономической сферой, могут реализовать прибавочную стоимость только в том случае, если тесно переплетены с монополиями идеологии и власти. Впро-

чем, монополию власти следует рассматривать как наиболее концентрированное и структурное выражение экономической монополии.

Именованное официальное института власти государством стало традиционным пояснением. Эта традиционная монополия власти, тесно переплетенная с капитализмом, посчитала необходимой самоорганизацию в форме национального государства. Одним из основных орудий стратегического союза между Амстердамом-Голландией и Лондоном-Британией стало то, что они распространили государство, точнее, власть национального государства, на все общество. До этого периода традиционное государство существовало в форме такой организации, которая всячески старалась прочертить границы над обществом, быть над обществами. Данная форма ограничивала его мощь. Что касается модели национального государства, то поскольку она охватила собой все общество как нацию, то, пользуясь своей идеологической и экономической гегемонией, она легализует себя, тем самым открывая дорогу максимальному усилению мощи. В анализе мировой системы, являющемся содержательным исследованием Э. Валлерштайна, демонстрируется реалистический подход; в частности, автор считает эффект, обеспечивший окончательное превосходство английского гегемонизма, новой формой организации государства. Но когда исследование утопает в капиталистическом анализе, как у К. Маркса, то отсутствие подхода к проблеме национального государства на концептуальном уровне становится серьезным недостатком. Это способствовало крайне ограниченной реализации успеха, заслуженно достигнутого крупными трудами. Национальное государство многим обязано национализации всех традиционных государственных шаблонов и религии. Верно и противное. Национализация традиционной культуры, в первую очередь, религии, породила национальное государство, которое в качестве новой своей религии избрало национализм. Таким образом, объединение в форме капитализм=нация =государство=национализм — это и есть смысл нового процесса, в который он вступил. Конечной же точкой является фашизм.

Национальное государство выражает максимальную степень монополизации власти в эпоху монополистического капитализма. Власть сама по себе является монополией всех монополий. В частности, на первой своей стадии она является самой возвышенной и всеохватывающей силой. Это, по выражению Гегеля, божество, спустившееся на землю, конкретизированная в социальном аспекте форма понятия о Боге.

Вторым основным орудием, которое в условиях гегемонии Лондона-Британии было по меньшей мере столь же влиятельным, как капиталистические монополии, является национальное государство, ставшее монополией всех монополий. Британская империя, «над которой никогда не заходит солнце», была создана именно благодаря этому орудью. Совершенно ясно, что в данном ракурсе невозможно провести конкретные границы между экономической монополией и монополией национального государства. Они настолько тесно переплетены между собой, что зачастую можно видеть их переход друг в друга, но, опять же, большое значение имеет необходимость воздерживаться от таких методов, как отождествление государства, в целом, и национального государства, в частности, с капитализмом, именованное их простой политической надстройкой капитализма. Отношения между ними очень тесные и плотные, но они не одинаковы и не являются примитивным отражением друг друга. Они переживают процессы своего общественно-исторического развития в качестве отдельных самобытных явлений.

Своеобразная роль Лондона и Амстердама в общественно-исторической действительности заключается в том, что они положили конец эпохе городов-государств и служили колыбелью государственности в масштабе страны и нации. Их стратегические позиции сыграли в этом главенствующую роль. Если бы они не стали колыбелью рождения национальной государственности, то в случае агрессии извне оказались бы в роли простых городов-государств в границах захватившей их империи. Их отличие от Венеции обусловлено этой спецификой. Венеция не стала вкладывать ничего в формирование итальянской национальной государственности, но сохранила свою городскую идентичность.

Стало быть, Лондон и Амстердам в этом смысле несут на себе ярлыки отрицания городской идентичности. Этот ярлык больше всего дает о себе знать в квартале «красных фонарей» Лондона и Амстердама, где стоят публичные дома и обитают проститутки. У шумеров, в частности, в Ниппуре и Вавилоне, наблюдалось аналогичное явление («мусакаттин» — первый публичный дом). Любая идентичность, отрицающая саму себя, неизбежно превращается в проститутку, фашиста.

Национальное государство в Лондоне (Британии) стало самым эффективным оружием капитализма. В то время, как внутри страны посредством введения статуса «гражданина» осуществления операций по «гомогенизации» все социальные ткани превратились в личности-муравьев, пролетариев — новых рабов, усиленно происходило подчинение иерархических факторов буржуазии. Такие понятия, как «личность», «индивидуализм», «личные права и свободы», служили для концептуальной маскировки и узаконения данной исторической операции. Ответом стало возникновение войн за идентичность образований, существовавших в тканях общества — в первую очередь это рабочие, ремесленники, сельчане, интеллектуалы, религиозные деятели, женщины и этнические группы. До тех пор, пока не будет разрешена в высшей степени противоречивая, замаскированная и преследующая цели легализации дилемма, загруженная буржуазией в такое понятие, как «личность», «гражданин», мы не сможем осознать истинный смысл операций по созданию однородного общества, которые ведет национальное государство.

Операция национального государства по созданию внутренне однородного общества в самом неприкрытом и реальном виде завершается превращением в модель фашистского государства. Очень сильна связь между двумя мировыми войн и этой моделью. Национальное государство, отрицая святая святых универсальности — уникальность (фундаментальное понятие философии — «универсальность-уникальность»), то есть отрицая различия и многообразие, что является самой жизнью, стремится установить свое господство в единственном виде. Лозунг Гитлера о едином государстве, едином языке, единой Родине, единой на-

ции, единой культуре наилучшим образом обобщает эту ситуацию. Представление в виде такого рода уникальности похоже на то, как раковые клетки организма уничтожают все остальные клетки ткани и размножаются только как раковые клетки. Такие клетки аномально размножились. Но итогом станет самая болезненная, неестественная смерть всего живого.

Если не ограничить склонность к унификации как «социальную инженерию», лежащую в основе национального государства, в первую очередь за счет развития демократии и закона, то, как это было видно на этапах становления фашизма, итогом станет уничтожение общества и различного рода геноцид. В национальном государстве чаще, чем геноцид, происходит уничтожение общества в смысле минимизации социальных тканей и различий. На этой почве при помощи силы, сконцентрированной в узкой элите власти, поддерживается структурная диктатура. На фоне максимальной централизации и усиления государства идет минимизация демократизации общества и его ослабление. Новая, недавно развиваемая «социология» играет здесь большую роль. Ту роль, которую сыграла политэкономия в легализации капитализма, теперь получила философия — теория государства и права для национального государства. Философия Гегеля стала Евангелием национального государства. Наиболее важный фактор, который можно было бы привести в пользу национального государства, — это то, что на стадии рождения оно буквально выкорчевало ненужных традиционалистов, оказавшихся язвой на теле общества. Чрезмерная раздробленность отражает характер хаотического общества. Поскольку невозможно длительное время жить в состоянии хаоса, национальное государство на начальной стадии частично остановил эту ситуацию, став, таким образом, лучшим среди худших.

Национальное государство Лондон (Британия), победив при помощи этого нового оружия ориентированные на него гегемонистские государственные силы, совершила, скорее всего, прагматический поступок. В основе английского прагматизма лежат эти реалии. Английское национальное государство зародилось в недрах жизни, в частности, усовершенствованию этого оружия

в жизненных условиях способствовало нахождению в недружественном окружении, а также проблема жизни и смерти. Оно не отрывалось от практики, доверившись полностью теоретическому бреду, ни полностью и слепо доверялось практике. Национальным государством оно становилось по мере своих потребностей. Но важнее всего то, что в помощниках всегда состояли демократия и право. Существующая в английском обществе демократическая и правовая традиция постоянно противостояла превращению национального государства в чудовище. Английское общество не принесло демократию и право в жертву национальному государству. Это и есть вторая важная причина того, что страна оказалась сильнее других гегемонистских национальных государств и продолжает существовать. Одним словом, она знала о чудовище под именем «новый Левиафан» (национальное государство) и приняла в высшей степени серьезные меры против этого.

Гегемония Лондона (Британии) с участием, даже на почве наследия Амстердама (Голландии) обезвредила путем раздробления не только европейские гегемонии (Ватикан, французская монархия, Испания и австрийские Габсбурги), но и мировые, сумев совершить поступок, подобающий гегемону. Не руководствуясь принципом «или все, или ничего», свершила действия, близкие римским и исламским имперским традициям, и смогла подчинить весь XIX век своей воле — воле империи, возвышающейся на небольшом острове с очень маленьким населением.

3. Третьим важным фактором является роль промышленного переворота в гегемонии Лондона (Британии). С большим трудом можно представить себе английскую гегемонию без промышленного переворота. Задумываясь об этом промышленном перевороте, очень важно не совершить две ошибки, скрываемые капитализмом, который создан умышленно, как религия. Первая ошибка — это отождествление промышленного переворота с капитализмом и национальным государством. Безусловно, и капитализм, и национальное государство индустриализму тоже придали религиозный характер. Индустриализм является выражением этой действительности. Но индустрия — это настолько

важное общественно-историческое явление, что его нельзя снижать до уровня индустриализма. Индустрия была всегда, от камня в руках первобытного человека до общества людей, осуществляющих атомную реакцию. По сути, индустрия это категория, столь же древняя, как история общества, и будет существовать до тех пор, пока существует общество. Без нее невозможно даже представить ни историю, ни общество.

То явление, которое в целом на стадии европейской цивилизации, в частности, на конкретном примере Англии, в виде революционных взрывов демонстрирует себя с неизменной скоростью с конца XVIII века и по наше время, не имеет отношения к промышленности. Говоря о промышленном перевороте, отнюдь не излагают ситуацию. В истории обществ нет таких долгосрочных революций, продолжающейся в виде потрясений. Причина, которая не дает промышленному развитию стать ни революционным, ни эволюционным явлением, заключается в том, что оно попало под гегемонию монополии капитализма и национального государства. Во всяком случае, атомное оружие стоит во главе тех изобретений, которым никогда не даст разрешения, возможности и не создаст обстановку нравственное и политическое общество. Оно тоже является продуктом атомной промышленности, но в атомное оружие как таковое его превратили конкретно капитализм и национальное государство. Различие между ними создает именно эта ситуация.

Индустриализация и индустриальная революция возможны и необходимы, но, в частности, то, что на протяжении последних двух столетий в виде возрастающих катаклизмов осуществляется от имени промышленности, входит в категорию индустриализации, то есть обретает идеологический аспект. Здесь есть определяющая роль гегемонии, опирающейся на капитализм и национальную государственность. По мере того, как обе, как звенья одной цепи, усиливают друг друга, они превращаются в инструментарий разрушения общества и окружающей среды. Следовательно, второе важное обстоятельство заключается в том, что индустриализм вместо того, чтобы быть техникой, стал идеологической тенденцией. Капитализм и наци-

ональное государство привели промышленность в состояние идеологии.

Для капитализма индустриализация означает максимальную прибыль. Этот процесс в XIX веке был однозначно действительным. Максимальное развитие промышленности означало максимальное извлечение прибыли. Превращение в религию, идеологию, то есть в индустриализм, — это превращение в силу, реализующую максимальную прибыль. Для национального государства индустриализация означала сильную армию и власть. Так наступил исторический миг для союза капиталистов с национальным государством. XIX столетие является эпохой максимально возможного союза капитализма с национальным государством на базе индустриализации и тесно переплетающейся монополизации. Величественный XIX век Британии с центром в Лондоне, которую называли империей, над которой никогда не заходит солнце, черпает свою суть из этого союза и монополизации.

В таком случае секрет мощи Англии, которая сначала построила стратегию борьбы за выживание в окружении гегемонистских стратегий, давивших на нее с четырех сторон, а затем уже вынужденно превратила эту борьбу за выживание в свое гегемонистское преимущество в мировом масштабе, заключается в союзе и монополизации на почве капитализма, национального государства и индустриализма. Именно эти гегемонистские реалии продолжают в системе центральной цивилизации, направляют и контролируют процесс развития мира, стало быть, эксплуатируют и наносят по нему удары.

Безусловно, то, что действительно для Англии, действительно и для Европы. Поскольку Англия была авангардом и составляла специфику той современности, которая была основана на фундаменте тройственного союза капитализма, национального государства и индустриализации, она взята за основу анализа. Маркс и Энгельс поступали правильно, беря в качестве основы для анализа капитализма именно Англию. Они знали, что разобравшись в Англии, они смогут разобраться в Европе и даже в мире будущего. Эти три краеугольных камня современности нельзя приписать какой-либо одной стране, даже континенту. Вся моя

Защитная речь в достаточной степени разъясняет эту истину, но, не раскрыв роли городов, регионов, стран и даже континентов, невозможно проанализировать и пояснить суть исторического общества. Европа и каждая из составляющих ее городов, регионов и наций является реальной действительностью. Реальностью является также их приобщение к цивилизации и переход в форму гегемонистской силы. Если первые пять столетий из последнего тысячелетия европейской истории прошли под эгидой вовлечения в свою среду центральных гегемонистских силовых факторов Ближнего и Среднего Востока, то последние пять столетий прошли в виде повествования о перехвате гегемонистского превосходства.

Темой моего данного пояснения не являются ни каждая по отдельности европейская страна и нация, ни объединенная система цивилизации или современность. Об этих сферах, возможно, больше всего написано в мировой истории. Вероятно, то, что я напишу, может оказаться на уровне знаний в начальной школе. Мои намерения заключаются не в этом. Для меня, моей жизни имеет большое значение, даже обладает определяющим характером именно внесение ясности с вопрос о том, какова связь этой истории, этой современности со мной, моим обществом, следовательно, моим регионом и миром. Не справиться с этим означало бы неумение стать свободным, следовательно, не постичь смысла жизни. Основная задача любого исследования заключается в том, чтобы прежде сделать понятной ситуацию, в которой оказываешься, а затем необходимо точно определить возможности выхода. В противном случае не сделаешь ничего; останется только биться головой об стенку в четырех стенах. В противовес бытующему мнению, внутренняя и внешняя стороны стены, подготовленной современностью, не дают решения проблемы свободы. Для меня гораздо важнее не попасться на эти обманчивые игры современности. То, что написано мной, в определенной степени объясняется желанием смело задать современности, которую я пытался охарактеризовать, серьезный вопрос о том, почему и как великие борцы за свободу стали ее жертвами, и предположить ее возможные ответы.

Б. КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

Сила той или иной системы цивилизации определяется решением, которое она предлагает для фундаментальных проблем. В эпоху неолита революция в земледелии стало ответом на проблемы человечества, накопившиеся за тысячелетия проживания в диких условиях. Племена и роды, жившие охотой и собирательством, в эпоху земледельческой революции, несколько смягчившей эти условия, искали пути решения, развивая собственные способности к обобществлению. Это, несомненно, был шаг, сделанный человечеством и имеющей очень глубокое значение. Тысячелетия такой жизни оставили непреходящий след в мировоззрении общества и в совести. Человеческое общество в определённой степени стало явлением, сформировавшимся в этот период. Даже современное общество основано на том древнем обществе. Если изъять эту основу, то вопрос, что же останется у современного общества, может привести на серьезные размышления. Даже сегодня мы еще живем мечтами о святости, божественности, чуде и рае, и ни в коем случае не должны забывать, что все это осталось от магической ауры эпохи неолита.

Многие исторические показатели свидетельствуют, что основной проблемой этого общества была безопасность. Достаток, образовавшийся благодаря земледелию, сделал места поселений уязвимыми перед внешней агрессией, причем агрессия исходила не только от диких животных. Она исходила от других обществ, а также от упомянутых «коварных и сильных людей». Городская революция больше отвечала требованиям безопасности. Это обеспечивалось благодаря строительству крепостей, стен и административному росту. Город позиционирует себя и свою значимость тем, что в развитии общества именно он является началом истории. Даже если город и ограничивал варварские нашествия извне, то такие явления, как класс и государство, появившиеся внутри него, сформировали сущность социальной проблемы. Он

не только не решил социальные проблемы, но и способствовал появлению новых.

Классовое расслоение и государство познакомили город с таким явлением, как монополия. «Коварный и сильный» человек возродился в качестве коллективной монополии. Безопасность общества в совокупности с элементами, вышедшими из его недр, превратилась в гораздо большие проблемы. Государство, позиционировавшее себя как орудие решения проблем, само способствовало полному отсутствию безопасности. История цивилизации в определенном смысле является историей превращения государства как способа безопасности в полную свою противоположность. Истинная диалектическая связь находит отражение в дилемме безопасность-отсутствие безопасности в структуризацию политика-власть-государство. История как процесс образования города-государства-цивилизации обретает смысл истории постепенно возрастающих проблем и борьбы. Это похоже на две стороны одной медали, где на одной стороне написано «город-государство-цивилизация», а на другой — «демократия-равенство-свобода».

История жизни человечества на протяжении десяти тысячелетий в регионе «Плодородного Полумесяца», опоясываемого горной грядой Тавра и Загроса в Ближнем и Среднем Востоке, из коих последние пять тысяч лет можно считать эпохой центральной цивилизации, является главным потоком развития человечества. Другие цивилизации, если и существовали, то в итоге неизбежно вливались в этот главный поток. История центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока, насчитывающая пять тысячелетий, в силу того, что была решением возрастающих и принимающих разнообразный характер проблем, является своего рода повествованием об углублении и расширении. И это повествование всегда было тесным переплетением религии, философии, искусства и науки. В предыдущих разделах Защитной речи я постарался изложить эти повествования.

Гегемонистские силы, на самом последнем этапе представленные под именем ислама, даже не задумывались о том, что центр цивилизации постепенно будет ускользать из региона Ближнего

и Среднего Востока. Взгляд на неизменность судьбы был вопросом веры. Как бы ни возрастали проблемы, опять же, как и тысячи лет назад, поиски решения происходят на тех же землях. Это святые места, где жили боги, где были их жилища, жили пророки, мудрецы, все знатные роды и народности, где рождались мифы, религия, философия, искусство и науки. В этих местах время становилось священным. Это — родина материальной культуры, производства, торговли, денег и рынка и экономики в целом. Когда в начале XI века н. э. впервые на историческую арену вышли города центральной части Апеннинского полуострова, Европе было еще очень далеко до цивилизации. Завоевание Европы христианством, которое является частью культуры Ближнего и Среднего Востока, еще не было завершено. Городские революции делали свои первые шаги. Со стороны гегемонов с востока Европа считалась не стоящей даже завоевания. Она была столь нищей, что не имело смысла даже проделывать долгий путь для завоевания.

Походы, которые организовывали итальянские города на Ближний и Средний Восток, начиная с XI века, являлись просто приключением. Это было разведкой сухопутных просторов Ближневосточного региона до атлантических походов. Они не завоевали Ближний и Средний Восток, но в первую очередь заимствовали и перенесли к себе очень много понятий, правил, теорий и структурных выражений, имевших жизненное значение для Европы. Имела место информационная торговля. Следом за ней получила развитие торговля материальной продукцией. Этот процесс переноса со всей силой продолжался до середины XIII века. Крестовые походы являлись всего лишь военной ипостасью этого переноса. История Европы после этого периода хорошо известна. Мы постарались представить ее проект. Эти годы свидетельствуют также о том, как общества Ближнего и Среднего Востока зашли в тупик.

Вот основной вопрос, который необходимо задать: почему Ближний и Средний Восток оказался в застое в тех сферах, где имел превосходство со всех точек зрения в то время, как на побежье и во внутренних районах Европы происходили революции

в сфере производства, торговли, ремесел и становления финансов? Почему Ближний и Средний Восток душил философию в то время, как Европа совершала выход из религии в философию? В качестве главной причины мы могли выдвинуть то, что гегемонистские силы уже достигли той стадии, когда могут присваивать прибавочную стоимость. Это означало, что при помощи новых технологий и мысли общества Ближневосточного региона могли производить прибавочного продукта столько, чтобы можно было удовлетворить потребности гегемонов. Ближний и Средний Восток представлял собой самодостаточное общество. В Европе же царила совершенно противоположная ситуация. Тот факт, что философия еще не отделилась от религии, можно объяснить наличием достаточно эффективной техники власти. Религия обеспечивала султанам Ближнего и Среднего Востока достаточную степень легальности, и не было особой нужды в легализации философии. Механизмы власти тысячелетиями находили смысл в освящении религии, и ни одному гегемону или деспоту не были нужны «головные боли», связанные с философией. Следует хорошо осознать и эту сторону веры в Ближневосточном регионе.

Вера является очень эффективным средством узаконения власти. Оседлые монополии власти считают, что если разрешат философии отделиться от религии и признают ее сферу действия, это может стать для них самих серьезной опасностью. Ни К. Маркс, сбросивший с «трона» философию во имя науки, ни имам Газали, осудивший философию во имя религии, не понимали, в какое орудие они сами превратились в руках тех, против кого боролись и стали заложниками собственного мировоззрения. Европейское общество широко распахнуло двери перед революциями в сфере материальной и духовной культуры. Она не только умела получать все необходимое для этого извне, но и смогла переработать это в своей среде и создать новый синтез.

Я стараюсь охарактеризовать факт переноса места и лидерства центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока, насчитывавшей пять тысячелетий. Порой необходимость становится величайшим революционером. Все, в чем испытывала по-

требность Европа, было загружено такой революционной ролью. Взять на себя роль революционера означает решать основные общественные проблемы. Проанализируем, какие основные проблемы попыталась решить на базе трех своих краеугольных камней европейская стадия цивилизации (стиль жизни, официально называемой современным капитализмом), превратившаяся за последние пятьсот лет в мировую систему.

а. Капитализм

Капитализм как таковой является первым из трех краеугольных камней современности, он — дух и мозг системы. Мы уже старались доказать, что это чудовище, которое на протяжении всей истории цивилизации пытались держать в клетке, превратилось в мозг и сердце, ум и чувства системы, но не только не стало решением, а само способствовало банкротству систем цивилизации, представляющих собой источник проблем. Образования цивилизации — это общество, в основном отступившее за городские стены. Их можно назвать единством социальных формирований, заново созданных за городскими стенами. Недостаточность физических стен и возрастающее классовое расслоение, гражданское управление вынудили иерархию организоваться в институт, называемый государством. Не буду повторяться, ибо в соответствующих разделах уже говорилось об этих процессах. Не стоит даже говорить о решении проблем, возникавших между государством и обществом; государство просто разрасталось в масштабах и объеме. Чем сильнее росло государство, тем быстрее, в той же пропорции, росли социальные проблемы. Конкретно это означает еще больше давления и эксплуатации.

До капиталистической стадии цивилизации, несмотря на значительные бедствия в человеческом обществе и окружающей среде из-за имевших место войн, не было речи о невозможности дальнейшего существования обществ. Масштабы угнетения и эксплуатации находились на уровне малой сотой доли челове-

ских обществ. Даже пресловутые фараоны и нимроды не смогли достичь такого влияния и авторитарности, как современные губернаторы провинций. Премьер-министр Швеции, считающийся самым демократичным, сегодня обладает силой и властью, в десять раз превосходящими возможности султан Сулеймана и других султанов. Общий объем эксплуатации (сумма прибавочных стоимостей), осуществленной на протяжении всей истории цивилизации до капиталистической стадии, не превышает годового дохода современного мирового капитала. Мы должны постараться осознать ужас, происходящий в процессе угнетения и эксплуатации, именно из этих реалий.

Разум, который вложил капитализм в человека, это и есть ужас как таковой. Что было реализовано в войнах последних пяти столетий, при помощи технологий, интеллекта и стратегии? Если даже рассказать о том, что за последние пятьсот лет было убито во много раз больше людей, чем во время всех войн на протяжении истории цивилизации, это все равно станет признанием лишь части истины. Гораздо более трагично то, сколько народов, культур, племен, классов, групп и материальных ценностей было уничтожено в этих войнах. Каким образом подавляющее большинство человечества, за исключением горстки олигархов, заново выстроено в ряды современных рабов (пролетариев-рабочих)? Как хотели заключить громадный океан человечества в панцирь нескольких сотен титульных наций? Каким образом человек был превращен в волка, пожирающего себе подобных? Как общество превратили в пользуюмую женщину? Как господство над обществом, перешедшее в господство над природой, способствовало немыслимому экологическому состоянию? Можно продолжить список аналогичных вопросов и проблем.

Капитализм как система еще не подвергнут анализу. Все утверждения Маркса и марксистов на анализ капитализма, несмотря на их усилия, не могут считаться успешными. Все показатели свидетельствуют о том, что их критика капитализма не ушла дальше мелкобуржуазной логики. Такая мелкобуржуазная критика не дала никаких результатов, разве что, как максимум, подвергла критике бюрократический аппарат синдикатов и государствен-

ный капитализм. Надо хорошо понимать, что господствующая логика нашей эпохи стала дизайном по лекалам капиталистической системы. Существующий научный и академический мир является поприщем, созданным этой логикой. Современные научные академии, став гораздо более смешанным, нежели шумерские зиккураты, местом создания мифологии, превращены в придаток капиталистической власти. Спротивление общества сломали не столько голые орудия господства властей, сколько мифы, созданные от имени науки в упомянутых очагах. Речь идет о введении в заблуждение и очернении, во много раз превосходящих ложь Средневековья.

Миссия общественного искусства, заключающаяся в том, чтобы возвысить, украсить и сделать миролюбивыми человеческие чувства, полностью была превращена в собственную противоположность. Страсть, не признающая ничего, кроме извлечения прибыли, завершилась тем, что искусство нашло отражение в эксплуатации таких человеческих чувств, как красота, возвышенность и благожелательность. Люди были превращены едва ли не в лошадей, которых гоняют на ипподромах ради обещанной прибыли. Речь идет о образе жизни, неприемлемом ни для одного живого существа. Такой образ жизни является причиной онкологических заболеваний. Не следует забывать, что рак — это типичная болезнь эпохи современного капитализма, болезнь социального происхождения, полностью связанная с системой. Ничто не может так разъяснить суть капитализма, как данная болезнь. Это конкретный итог отражения духа системы на теле человека. Может быть, в предыдущих системах и можно крайне редко встретить случаи ограниченной онкологии у некоторых живых существ. Даже в их корнях можно увидеть тень «монополии», созданной на жизни общества. Но в условиях капитализма, казалось, нет ни одной ткани, ни одного органа человека, которые не были бы поражены раком. То, что рак, видимый во всех органах тела, охватил собой капиталистическую систему, это истина, которую нельзя игнорировать.

Европейские гегемонистские силы при помощи капитализма не смогли решить проблем, возникновению которых способ-

ствовали прежние гегемоны (церковь, монархии, аристократия). Поставив на повестку дня проект «однородного общества», они фактически уравнивали все, «обрубив ноги и руки». Однородное общество — это рабское общество на высоком уровне развития. Ни один класс не способен так порождать рабство, как капитализм. Условия рабства в Древнем мире и в Средние века, несмотря на устоявшееся мнение, были не хуже, чем условия капиталистического рабства. Наиболее важный показатель — то, что в те времена не было места такому явлению, как «безработный раб». Ведь «безработный раб» — это наиболее безжалостная форма рабства, которую знает история. Никогда не существовало такой формы рабства, которая бы столь унижала человека, превращая его в пустое место, как потеря работы. История капитализма совершенно не является историей превращения крестьянина, ремесленника в рабочего, в пролетариат, как это принято считать. Гораздо в большей степени это история потери работы, превращения в люмпен — пролетариев. Может ли быть для общества проблема серьезнее? Может ли существовать не проблема, а такая катастрофа?

Не только либеральные идеологи, но социологи всех мастей, социалисты и марксисты, будучи под влиянием мелкой буржуазии, не могли найти в себе сил для характеристики капитализма, преодоления его влияния и борьбы с ним ради защиты общества. Нельзя отрицать приложенных ими усилий, но то, что их взгляды были искаженными и иллюзорными, а воли к победе оказалось недостаточно, это совершенно явная истина. До тех пор, пока уничтоженное капитализмом общество не станет себя защищать как единое целое, в совокупности со своей историчностью и всеми сферами, не может быть его движения.

Мы должны хорошо знать то, как капитализм, в силу центрального характера цивилизации, на которую он опирался, начал свое восхождение, как с того момента, когда сломал свою клетку, обрел всемирный характер, преобразовал всемирную систему (стоит исследовать связь между Просвещением и выходом капитализма из клетки; во всяком случае, самая страшная свобода — это свобода после его выхода). Все удивляются современ-

ному «мировому кризису финансового капитализма». Считается, что в период этого кризиса, просто путем манипулирования финансовыми инструментами, без вложения труда, было присвоено гораздо больше прибавочной стоимости и продукции, чем во время эксплуатации на протяжении всей истории цивилизации. Ни один кризис, ни один факт не может дать столь открытое пояснение капитализма, как современный финансовый кризис; этот кризис очень конкретно выявил то, что капитализм не является ни рынком, ни экономикой. Самый важный показатель моего данного труда — выявление исторического фундамента этого явления, демонстрация проблематичной структуры цивилизации, выявления того, что капитализм становится развитой формой этой структуры. Мировой финансовый кризис, который сейчас имеет место и является наиболее поразительной фазой структурного кризиса капитализма, очень ярко подтверждает этот исторический комментарий.

Как можно будет выйти из того хаоса, которому способствовал мировой финансовый кризис, распространившийся по всему миру из основных центров (США-ЕС)? Какова будет реакция, если капиталистическая мировая система заново и в очень жесткой форме отразится в виде этого мирового кризиса на сферах центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока? Что такое «политический ислам»? Можно ли ислам, стоящий у власти, действительно считать исламом? Насколько новая исламизация, радикальный ислам являются антикапиталистическими? Сколько разновидностей фашизма в исламской маске мы знаем? Для того, чтобы в достаточной мере ответить на эти вопросы, необходимо видеть конструктивный потенциал двух других краеугольных камней современного капитализма и новые проблемы, появлению которых они способствовали.

б. Национальное государство

Вторым важным краеугольным камнем в фундаменте современной Европы является создание национального государства. Оно по меньшей мере так же, как и капитализм, не столько

решает общественные проблемы, сколько представляет собой систему, доводящую до максимума все социальные проблемы. Капитализм является системным состоянием не экономического развития, как это принято считать, а его отрицания. Что касается национального государства, то оно является не основной формой демократии, свободы, прав человека, как опять же это отражается, а системой их отрицания. Социалисты всех мастей и марксисты, не меньше буржуазных либералов несут ответственность за искаженное отражение социальной действительности в обоих вопросах, имевшее место в силу порождения такого рода теорий, программ и организаций. Безусловно, неправильно было бы говорить о том, что централизованное национальное государство = капитализм. Но следовало бы очень хорошо осознать, что без опоры на диктатуру, реорганизованную по типу национального государства, общество не может быть подвержено капиталистической эксплуатации.

Суть взаимоотношений между национальным государством и капитализмом заключается в том, что вся социально-экономическая структура в невиданной в истории форме была подвергнута эксплуатации по всей ширине и глубине. Только как форма максимальной концентрации власти национальное государство включает в число своих возможностей капиталистическую эксплуатацию. Самый большой грех Маркса в том, что он, не проанализировав такого рода реорганизацию государства, попытался проанализировать капитализм как систему, идущую впереди всех прочих экономик. Но хуже всего, что он не смог установить антиэкономический характер капитализма.

Подобно тому, как в Древнее время и в Средние века при помощи мифологических и религиозных идеологий были узаконены системы насилия и эксплуатации, национальное государство тоже было легализовано при помощи интеллектуальных проектов, сконцентрированных вокруг него и в достаточной степени развитых. Национальное государство и по сей день остается загадкой. Национальное государство, которое постоянно возносится до небес, за которое проливают кровь, отдают свою жизнь и веру, представляемое всем как изобретение преданно-

сти, является реальным божеством современности. Я могу совершенно спокойно сказать, что в основе государства и национального государства, в частности, лежит концепция религии и бога. Точнее, владельцы силы и материальных интересов постарались конкретизировать в форме государственности все мифические и религиозные предания, являющиеся первыми движениями аналитического мышления человеческого вида. В тождественности бога и государства имело место поразительное развитие.

В иудаистской идеологии господин и Бог именуются одинаково: Rab. По мере того, как Rab, выйдя за грань имени собственного, превратился в институт, он обрел смысл в форме государства. Гегель перевел это явление на язык философии. Он заявил, что Бог ходит по земле в облике национального государства. Вывод, сделанный Марксом из данного выражения, заключался в том, что религиозные идеологии фиктивны — это вымысел. Стало быть, по его мнению, не стоит даже интересоваться ими или же ценность их невелика. Грубый материализм в значительной степени образован данным методом. Позитивисты, впрочем, погубив метафизику, посчитали, что перепрыгнули через эпоху: прыжок из метафизики в научную эпоху. Они прибегли к самой худшей крайности в процессе превращения социологией всего общества в некое сборище материала. Объявив о том, что немецкое централизованное национальное государство является наиболее полезной для пролетариата формой, К. Маркс и Ф. Энгельс даже не поняли, как они своими собственными руками нанесли серьезный удар по классовой борьбе, настолько они были погружены в классовый национализм. Когда национально-государственный капитализм проглотил все общество под видом борьбы с социалистической системой, осталась только выхолощенная мечта о коммунизме.

Существует необходимость в анализе национального государства в том же объеме, что и капитализма, вероятно, даже еще больше. Разделение мира жесткими границами, превращение бюрократии в какое-то чудовище путем превращения ритуалов (таинств) современной нации в железную клетку для общества,

постоянные армии, армии безработных, национализм в роли современной религии, сексизм, превратившийся в изголодавшееся чудовище, академический фанатизм, парализующий умы в тысячи раз больше средневековой софистики, — все это, став богом в тысяче и одном обличье, сформировало национальное государство.

Конкретизация некоторых концепций внесет ясность в вопрос о том, является национальное государство проблемой или решением.

1. Национальное государство, границы и родина

Человеческое общество на протяжении своей длительной истории никогда не знало границ в стиле национального государства. Такого рода границы противоречат культурной природе человека. На Земле были прочерчены границы. Поселение человеческих обществ на тех или иных землях, слияние этого пространства с материальной и духовной культурой способствовали формированию концепции родины. Долгосрочные поселения оказали влияние на формирование идентичности в форме родов и народностей. В этом смысле понятие родины становится незаменимым для обществ. Оно способно решать проблемы. Отсутствие жестких рубежей, общий язык и культура, экономический рынок развивают понимание гибкости границ. Проблема возникла тогда, когда национальное государство в тесной связи с капитализмом стал устанавливать свою гегемонию над обществом и родиной. Когда было навязано мировоззрение, связанное с общими языком и культурой, то родина и границы, в силу развития социума в целом на уровне рабовладельческого строя, оказываются под сильным контролем, но для государств такого рода жесткие границы очерчены не были. Жесткость границ представляет собой рабские цепи, которыми закованы мозг и воля человека, выражая процесс превращения местной тюрьмы в тюрьму масштаба всей страны. Впрочем, такого рода жесткие границы означают превращение людей в собственность, использование по собственному жела-

нию, превращение их в некий товар и штыки для армии. Это все подтверждает отсутствие какого бы то ни было отличия от общего места лишения свободы или ареста. Без установления границ по типу национального государства не может быть отрыва людей от общества, не может быть пролетаризации. Эти реалии стараются узаконить только посредством вовлечения их в религиозную оболочку в виде «священных рубежей Родины». Но государственные границы столь же противоречат географической действительности, сколь и разнообразию, а также мобильности общества.

Сама жизнь обретает свой смысл в постоянном разнообразии. Но, несмотря на десятки попыток освящения, во главе наиболее быстро изменяющихся общественных изобретений стоят политические границы. Даже невозможно представить себе сегодняшние государственные границы сто лет назад. Самая серьезная проблема заключается в том, что вымышленные географические пределы завешаются гражданам как нечто из области священного и вечного. Наконец, гибель сотен миллионов людей в войнах, которые на протяжении последних пяти столетий велись во имя границ национального государства, безграничные разрушения ценностей материальной и духовной культуры подтверждает масштабы проблем, появлению которых они способствовали.

2. Однородное национальное общество национального государства

Для чего нужны однотипные граждане? Зачем нужно культурное богатство, требующее, подобно социальной природе, сложности и многообразия, превращать в граждан, звучащих подобно «пустым кастрюлям»? Ясно, что современное гражданство является выражением перехода от частного рабовладения к рабовладению государственному. Без такой армии рабов капитализм не сможет реализовать свою прибыль. Несмотря на все попытки придать статусу гражданства ореол святости, истина, кроющаяся в его сути, — создание современного рабства, про-

изводящего прибыль. Однородное национальное общество — произведение «социальной инженерии», реализацию которого невозможно было бы предположить даже ни в одном из фараоновских режимов истории. Это наиболее искусственная форма общества. Даже общества пророков не были столь однотипными по характеру. Социальная инженерия — это ничто иное, как самая жесткая религиозность. Истоки ее кроются в образе платоновского бога Демиурга, бога архитектуры. Несмотря на позитивизм, общество национального государства является самым выхолощенным метафизическим вымыслом. Такого общества не существует. Даже если оно и будет сформировано, то будет обречено на распад в любую минуту. Общество национального государства, нашедшее наиболее совершенное состояние в рамках фашизма, став формой «общества войны», является обществом второй крупной проблемы. Воюющее общество это общество, порождающее самые дикие проблемы, геноцид, уничтожение общества.

3. Центры натурализации граждан национального государства

Это преимущественно школы, казармы, религиозные сооружения и официальные ритуалы. Удовлетворение безграничной страсти капитализма, в частности, финансового капитала, к увеличению прибыли и капитала возможно только посредством ежедневного приведения идентичностей всех граждан к единому типу в нужных им целях в условиях школ, казарм, храмов и официальных ритуалов. Без осознания процесса строительства национального государства, на почве образования и связей между прибылью и капиталом, невозможно разобраться в современном обществе. Ясно, что общества, созданные на почве образования, структурами, порождающими такого рода проблемы, не имеют никаких шансов и обречены на удушение в море своих проблем. Это и есть опустошенное мышление. Объективное идолопоклонничество, направленное против глубокого мышления в социальной природе, — это позитивизм. Воспитание гражданина в национальном государстве не может быть чем-то лучше самого

примитивного поклонения идолам, свидетелем которого была история. Именно это воспитание гражданина и произвело на свет фашистский геноцид. Окружающая среда пришла в упадок. Третьим серьезным фактором является упомянутый процесс воспитания в национальном государстве, доведший до максимума проблемы общества.

4. Бюрократия национального государства

Современная Европа имеет преимущество перед всеми общественными образованиями в плане доведения уровня бюрократии до максимального уровня. Бюрократия — наиболее искусственный элемент, разлагающий социальную природу. Бюрократия, которая, как опухоль, разрастается на теле общества, является альфой и омегой национального государства. И в условиях социалистической системы, и в режимах, называемых либеральными, бюрократия играет роль фундаментального орудия продвижения системы и производства прибыли. Это — хребет общества в условиях национального государства, но она же является клеткой, в которую заточена социальная природа. Выдрессировав общество при помощи такой железной клетки, капитализм подталкивает его к погоне за прибылью и капиталом. Тем самым, не разобравшись во взаимоотношениях бюрократии с национальным государством и капитализмом, не удастся не только решить, но даже выявить проблемы современного общества. Бюрократические механизмы, монтируемые в общественные сферы в качестве инструментов решения, являются четвертым крупным источником проблем современного общества.

5. Национальное государство и сексизм

Господство мужчины над женщиной, установившееся в ходе развития традиционной иерархии, совершенствовалось на протяжении всей истории. Власть, набравшая максимальные обороты в форме национального государства, в значительной степе-

ни черпает силы в сексизме, который оно же распространило и довело до высокой концентрации. Сексизм — такая идеология, которая по меньшей мере так же, как национализм, порождает власть и национальное государство. Это не нормальная биологическая функция. Для властвующего мужчины половой аспект — это удовлетворение при помощи женщины самых различных его страстей. Упомянутые реалии отражены и в Священных Книгах: «Женщина — это твое поле, и воздělывай его, как хочешь», — и языком современности: «Женщина — это саз, можно играть на ней, как угодно». В частности, заявление в стиле «женщина должна быть всегда впряжена в соху и беременна» отражает фашистский характер господства.

Социальный сексизм — такое же опасное для общества чудовище, как и капитализм. Как жаль, что безжалостная и коварная власть мужчин заняла непримиримую позицию, чтобы всячески препятствовать раскрытию связанной с этим фактом истины! Социальная сфера, требующая столь же тщательного исследования, как капитализм, так и остается самой неисследованной. Первоисточниками всех властей и государственных идеологий являются позиции и действия, имеющие характер половой сегрегации. Наиболее глубоко замаскированной и терпящей различного рода проявления рабства, угнетения и эксплуатации является именно сфера женского рабства. Это социальный объект, на котором все формы власти и государства проводят испытания, видя в нем собственный источник.

Капитализм и национальное государство, действующие, исходя из глубокого осознания этой особенности женского рабства, проявляют особое рвение к тому, чтобы использовать женщину в качестве самого развитого инструмента капитала и власти. Следует очень хорошо осознавать то, что без женского рабства ни одна иная его форма не могла бы ни существовать, ни развиваться. Капитализм и национальное государство являются выражением господствующего мужчины, облачившегося в форму развитой структуры. Более открыто можно сказать, что капитализм и национальное государство — это мужской монополизм, для которого главным является насилие и эксплуатация. Вероят-

но, ликвидация этого монополизма гораздо тяжелее разрушения клеток атома.

Демография, наука о населении, являясь ответвлением социального сексизма, используя статистику, касающуюся современности, армии, легионов безработных в ракурсе стандартного национального общества, фактически связывает с идеальными параметрами уровень рождаемости. Идеология, называемая мальтузианством, выражает именно это. Рост населения, угрожающий обществу и экологии, не является по своей сути биологической проблемой, это следствие эксплуатации идеологии сексизма капитализмом и национальным государством. Капитализм, сексистская идеология национального государства и его практические действия, включая современный уклад семьи, возможно, являются источником наиболее серьезных проблем общества и окружающей среды. Таким образом, социальный сексизм в связке с национальным государством следует считать источником пятой серьезной социальной проблемы.

6. Национальное государство и национализм

Если национальное государство — это бог, шагающий по земле, то национализм — это (секулярная — светская) религия, поклонение этому богу на земле. Без теологического, а если необходимо, даже более общего социологического анализа этих двух понятий характеристика современного капитализма будет очень односторонней. Следует очень хорошо знать, что отражение всех религиозных факторов иерархического и государственного происхождения происходило в форме замены *theo* (бог) и теологии (богословие) на национальное государство и национализм. Раскрытие факта взаимозаменяемости между двумя указанными концепциями поможет раскрыть истинное лицо современности. Национальное государство и национализм, несмотря на весь свой позитивный вид, обладают самым примитивным и выхолощенным метафизическим характером. Это два тайных, заколдованных понятия в реализации капиталистической прибыли и капитала, клубок тысячи противоречивых отношений,

насилия и эксплуатации, которые в этих понятиях отражены. Их привлекательность и гегемонистский характер обусловлены кроющимися в нем взаимоотношениями прибыли, капитала и власти.

Еще раз должен подчеркнуть, что национализм является единственным религиозным аргументом современности, но богом, которому она служит и подчиняется, является национальное государство. В высшей степени полезным было бы истолкование национализма как религии всех религий, а национального государства — как бога всех богов центральной системы. Ни одно понятие и представляемое им явление, связанные с социальной действительностью, не могут иметь столь негативное влияние, как эти два и отражаемый ими спектр взаимоотношений. Они не обладают такой силой, чтобы оказать негативное воздействие, но вместе с тем, неспособны завуалировать истину и исказить ее. Как два позитивистских факта и понятия, они представляют эту силу, которая на максимальном уровне искажает и удерживает во мраке «режим социальной истины». Наиважнейшей, с точки зрения революции, функцией социальной науки является ликвидации силы, искажающей и удерживающей в темноте социальную истину.

Национальное государство и национализм, в настоящее время оснащенные средствами безопасности путем эксплуатации капитала, буквально взяли в плен социальную науку и используют ее по своему усмотрению. Сюда же относится и марксизм. Нет ни одной науки, идеологии и искусства, которые бы они не подчинили себе и не использовали. Истинное просвещение может иметь место в результате анализа и преодоления влияния этих двух позитивистских фактов и позиций.

Итак, было бы очень важно считать национальное государство и национализм, являющиеся источниками социальных вопросов, шестым большим клубком социальных проблем. Как бы национальное государство и национализм ни пытались представить себя конструктивной силой решения социальных проблем, таким центром притяжения, историческое осуждение сделанное социальной истиной является таковым.

7. Национальное государство, власть и фашизм

Национальное государство не является какой-либо формой власти. Оно имеет смысл, превосходящий наиболее развитую форму государственной власти. Это государственная формация, развившаяся на наследии фашизма. Гегемония, созданная капиталистическим монополизмом над экономикой, возможна только посредством распространения и самоорганизации государственной власти на уровне всего общества. Национальное государство определяется в этом смысле. Что касается фашизма, то это стадия войны с социальными условиями, угнетающими изнутри и извне, силами, находящимися в состоянии конкуренции с национальным государством. Различия между ними похожи на различия между процессами мира и войны. В обоих случаях имеет место ликвидация разнообразных политических образований. Происходит гомогенизация власти, как и общества. Общество, доведенное до однородного состояния, укрепляется как гомогенизированная власть. Фашистское государство выражает максимальное единство гомогенного общества и государства. Основным лозунгом его является «один язык, одна родина, одна культура, один флаг, одна нация». Ясно, что это образование не может быть решением такой сложной и требующей разнообразия действительности, как социальная природа, напротив, оно порождает огромное количество проблем. Этот процесс, который называется «образование социальной канцерогенной болезни», или поглотит все общество, или необходимо удалить его как общественную опухоль.

Существование всех культур, этносов, языков, политических образований, мышлений и верований, накопленных на протяжении общественной истории, оказывается под угрозой. По мере того, как они получают жизненное развитие с помощью борьбы и разнообразия, раскрывается фашистская суть национального государства. Превращение в фашистский режим любого государства, движения, партии, которые таким образом выступают против социального разнообразия, становится неизбежным, как бы они не пытались представить себя социалистами. Национальное

государство или создается такого рода движениями и партиями, или само создает такого рода движения и партии. Как бы ни старался буржуазный либерализм утвердиться в мировоззрении либерального государства (минимальное государство) под различными антифашистскими, антикоммунистическими лозунгами, все это — полнейшие трюки. Либерализм — отец и мать национального государства. Национальное государство как на стадии своего образования, так и при созревании является идеальной формой государственности либерализма. Таким образом, как капитализм является реалией, порождающей фашизм, так и действительность, порождающая государственный социализм (социалистическую систему), смыкается на национальном государстве.

То, что войны, развертывавшиеся в течение последних пятисот лет, в особенности в течение последнего столетия, способствовали кровопролитию вселенского масштаба, резне и геноциду гораздо больше, нежели на протяжении всей истории цивилизации. Все это свидетельствует о том, что национальное государство и фашизм не только не являются решением проблем общества, но, напротив, своими масштабами и жестокостью порождают седьмую проблему, что совершенно очевидно.

8. Национальное государство, нравственное и политическое (демократическое) общество

Национальное государство усиленно пытается казаться правовым государством, даже позиционирует себя как первое полное воплощение закона. Под этими реалиями лежит отрицание нравственного и политического общества. Право — это социальная категория, которую государственные классы в целом и буржуазия, в частности, пытаются сделать господствующей вместо нравственного и политического общества. Глубокие реалии, лежащие в основе того, что европейская цивилизация пытается выглядеть чрезвычайно правовой, — это и есть данное отрицание нравственного и политического общества. Говорят, что теория национального государства — это идеальные границы права. Со-

вершено очевидно, что национальное государство, построенное на основе отрицания нравственного и политического общества, следовательно, демократии, формирует идеальные границы для буржуазного права. Но в том виде, в котором это представлено, ни национальное государство, ни право не могут составлять рамки демократического общества. Налицо прямо противоположное: чем сильнее сливаются национальное государство и право, проникая во все сферы общества, тем больше они убивают нравственное и политическое общество. Демократический социум превращается в некое «показательное» общество. Законодательство национального государства (конституция, закон и всевозможные кодексы), сформированные как будто в результате просеивания через мелкое сито, в конечном счете являются комплексом проконтролированных определений капиталистического монополизма, и, безусловно, не допустят существования нравственного и политического общества. В пределах данного правового поля демократия превращается в некую игру, утрачивая созидательный, формирующий характер. Политика функционирует в виде сферы конструктивных решений социальных проблем.

Правило политики заключается в том, чтобы быть наилучшей для общества и созидательной для правды и красоты; если она в состоянии доказать данную созидательность, значит, становится самым высоким искусством. Но этим искусством можно овладеть только при наличии социальной нравственности и демократии. В той сфере, которая просто задушена буржуазным правом (границами которой является национальное государство), именно по этой причине не уделяется место ни нравственности, ни политике, ни какому-либо действию или социальному строительству в демократической форме. Истине была бы оказана большая услуга, если бы европоцентристская социальная наука в конечном итоге была бы названа мифологическим выражением упомянутого искажения истины. Это еще ближе познакомило бы с социальными истинами.

В таком случае национальное государство и право, внедряемые как фундаментальные способы решения социальной про-

блемы, усугубляющейся по ходу развития цивилизации (в основе социальных проблем лежат угнетение и эксплуатация), можно назвать восьмым значительным клубком проблем в том объеме, в котором они игнорируют нравственность, политику и демократию, и отрицать данную истину сложно.

9. Национальное государство, гражданское общество и окружающая среда

Начиная с 1970 годов, процесс углубления кризиса капитализма одновременно стал процессом углубления структурного кризиса национального государства, являющегося частью капитализма. Это период полного обнажения божества под названием «национальное государство», причем его идеологический покров рассыпается по ниткам. Неизбежностью стало активизация гражданских обществ с целью предотвращения уменьшения революционной волны. Гражданское общество можно считать социумом, оставшимся за пределами государства и семейного общества. Они обретают смысл как переходные формирования периода, когда национальное государство утратило свою блокирующую силу, а общество еще не может достичь полной свободы и демократизации. Угнетение имеет место с обеих сторон, вынуждая занять место в рядах или национального государства, или демократического свободного общества. В противном случае не избежать утраты способности к действию. Их конструктивный потенциал очень ограничен. Наиболее позитивные среди них функционируют как феминистские и экологические движения. В эту категорию входят бывшие левые, анархистские группы, а также синдикаты и политические формирования, не относящиеся к национальному государству.

Национальное государство постоянно оказывает давление на гражданское общество, которому вынуждено уделять место в силу своего износа, снижая тем самым до минимума его конструктивные силы. Национальное государство, которое с точки зрения власти как внутри общества, так и в отношении экологии, оказывается наиболее развитой господствующей формой

власти в плане препятствования деятельности гражданского и демократического общества, является девятым большим клубком противоречий, что совершенно очевидно.

10. Национальное государство, наука, искусство и истина

Позитивизм проявляет большие усилия для того, чтобы представить национальное государство как воплощенное состояние науки и искусства. Современный капитализм в данной своей ипостаси фактически внедряет в жизнь колоссальную ложь. Он настойчиво заявляет о своем фактическом, объективном и научном характере. Национальное государство бросает все свои силы на реализацию этой пропаганды, строит величественный по своим масштабам академический мир. В период капитализма формируются и предлагаются на рынок мифология и пропаганда, которую не могли реализовать никакому богу и никакой религии на протяжении всей истории, невзирая на монархию и весь аппарат узаконения. Поскольку все очаги разума были уничтожены так же, как и любые проявления нравственности и политики, то, казалось, не осталось ни одного мозга и сердца, не воспринявших бы все эти современные мифы и пропаганду.

Наука и искусство, законы которых были сформированы позитивизмом, получив свое в результате кризиса 70-х гг. прошлого века, были вынуждены сбросить маски, при помощи которых изображали истину. Данный процесс был тесно связан с раздроблением догматизма национального государства. То, что происходило, фактически стало вторым Просвещением на точках мрака первого этапа Просвещения. Национальное государство, разрезая на части социальную природу при помощи своих инженерных методов, разрушает не только фактическую сущность, но и процесс восприятия. Когда уничтожается факт, то неизбежным становится удар по восприятию.

Одной из раскрывшихся истин социальной науки является исторический характер общества. Национальное государство

вместо истории общества выдает за историю создание мифов буржуазной элитой. Оно даже не понимает, что выходит за пределы истины гораздо больше, нежели столь яростно критикуемая им мифологическая и религиозная историография. По мере своего превращения в официальную идеологию, европейская социология стала инструментом наиболее отсталого мифологического мировоззрения. Несмотря на свои научные идеи, она остается метафизичной, хотя не является даже хорошей метафизикой. То, что случилось с искусством, не сильно отличается от того, что произошло с наукой. Каждая из них была превращена в дополнительную сферу капитала в приложении к капитализму. Превращаясь в товар, наука и искусство теряют свою ценность как выразители истины. Ликвидация философии, являющейся наукой об истине, и полная утрата ею своего значения способствуют таким трагедиям в обществе, как материальный и физический геноцид. Общество без философии теряет связь с истиной и становится неким собранием объектов. Но ведь общество, состоящее из одних объектов, — это сборный материал, утерявший все способности к защите, открытый для всякого рода эксплуатации. Невозможно представить трагедию большую, нежели утрата обществом возможностей самозащиты. Оставив общество беззащитным, национальное государство становится десятым крупным фактором социальной проблемы.

Когда Амстердам в Голландии и Лондон в Британии развивали национальное государство в качестве стратегического средства, они хорошо представляли, что делают. Существовали люди, которые знали, какого рода чудовище они порождают. Для того, чтобы ограничить свои разрушительные действия, они внедрили ряд определенных мер правового и демократического характера для защиты личности и общества. Они делали это в пользу своей внутренней структуры. Но на весь мир, включая Европу, они разбросали это, как зло, выскакивающее из ящика Пандоры, сумев разрушить старое общество и новую Европу, установив над ними собственную гегемонию.

Глупые немецкие идеологи и считающиеся очень умными французские ученые-позитивисты, признав эту Пандору муж-

ского пола за святость, воздвигли ее на современный пантеон почти как божество. Любая элита власти, попадающая под влияние современного капитализма, создавая свои новые идолы в соответствии с этими новыми моделями, устанавливает их вместо старых. Правящие круги Ближнего и Среднего Востока, являющиеся самыми древними носителями понятий бога и религии, лучше всех осознали, что им не удастся выжить, если не обратиться к новому «богу-гегемону» и его религии.

в. Промышленный переворот

Третьим краеугольным камнем современной Европы является промышленный переворот, занимающий специфическое место в истории цивилизации. Он однозначно способствовал эффективному развитию в той же степени, что и земледельческая и городская революции. Несомненно, история промышленности столь же древняя, как и история человечества. Промышленность пережила несколько революционных преобразований. Но преобразования, начавшиеся в Европе, в частности, Англии в конце XVII века, имели характер великих революций. Ранее мы подчеркнули то, что очень важно не отождествлять промышленный переворот с капитализмом и экономикой. Промышленность — это общественное явление, которое до сих пор еще не подвергнуто правильной, честной критике. До промышленного переворота земледелие-село-город сами по себе никогда не достигали таких масштабов, которые способны стать угрозой для общества. Напротив, они привнесли значительные ценности в развитие общества в сфере материальной и духовной культуры, оказавшись главными созидательными силами общественной жизни. В связи с промышленным переворотом в Европе происходило много явлений, влияние которых на жизнь общества до сих пор еще не нашло своего глубокого научного анализа. Возможно, одной из основных функций социальной науки станет достаточно серьезная оценка влияния, оказанного промышленностью на жизнь общества.

Промышленность является предметом не только науки, но по меньшей мере в той же степени становится предметом изучения философии. Философия непременно должна поставить промышленность в повестку дня своего изучения. То, что экономические науки изучают промышленность всего лишь как сферу экономики, является очень большим недостатком. Следствием оценки промышленности как элемента развития и более эффективного производства становится геноцид и доведение окружающей среды до такого состояния, в котором она больше не может существовать.

Рассматривать фашизм без связи с промышленностью попросту невозможно. Состояние промышленности, способной производить атомное оружие и создавать живые существа с измененной генетикой, а также большая вероятность уничтожения ею всего общества, уже сейчас превращает промышленность в самый крупный источник опасности. Безусловно, речь идет о развитии промышленности, попавшей под контроль капитализма и экономизма. Достаточно хорошо известно и то, что контроль промышленности обеими этими тенденциями способствовал возникновению канцерогенности как у человека, так и в социуме, причем и буквально, и метафорически.

Другим важным доказательством того, что развитие промышленности, преследующее цель прибыли, довело все сферы общества до состояния невозможности дальнейшего существования, являются безработица, упадок всего, что связано с земледелием и с сельским хозяйством как таковым, полный выход окружающей среды за грань экологии. Несомненно в том, что капиталистическая мировая система смогла водрузиться на царский престол, прослеживается ее тесная связь с промышленностью. Известно, что установление английской гегемонии осуществлено благодаря промышленному капитализму. Перед мощью производства промышленного капитализма вряд ли могут выстоять другие формы производства, следовательно, и общественные формации, но уже на этой стадии очевидно то, что производство осуществляется не для удовлетворения основных потребностей человека, а для овладения преимуществом гегемонии.

Вот основной вопрос: для чего должна существовать промышленность, для удовлетворения основных потребностей человека или для обеспечения преимущества в гегемонии? Вместе с промышленным переворотом не следовало развивать промышленность, превышающую возможности удовлетворения основных потребностей человека. Когда на повестке дня оказался промышленный переворот, ставший, с точки зрения истории человечества, третьим моментом масштабных преобразований, надо было обязательно предотвратить выход процесса развития промышленности за упомянуты рамки. Основной задачей этики, права, религии, философии, науки и политики должно было стать именно это. Человечеству не чужда такая позиция. Эту истину отображал мир прославляющих понятий, нравственные суждения, развивающаяся наука, заложение фундамента небесных религий в период земледельческой революции. Другим серьезным доказательством этой истины является расцвет шумерской и египетской мифологии, науки, мудрости, искусства и возникновение основы мировых религий в эпоху урбанистической революции. Французская революция и последовавшие за ней аналогичные процессы, имевшие место в период промышленного переворота, очень далеки от соответствия приведенным историческим примерам. Движение Реформации, революционные перемены в философии, науке, школы искусств не только не собирались останавливать процесс роста капитализма и национального государства на базе промышленного переворота, но и имели несчастье соревноваться между собой за право быть их подчиненными. Несомненно, основную роль в этом сыграл регресс нравственного и политического общества.

Мы должны очень хорошо знать о том, что Европа, перенося со Среднего и Ближнего Востока центральную цивилизацию, не уделяла никакого значения преимуществу нравственного элемента. Напротив, она занималась безнравственным перетаскиванием. Именно стремление подтвердить глубину этого предательства и побудило Ф. Ницше написать труд «Так говорил Заратустра». В этом плане возмущение Ницше настолько оче-

видно, что он почти кричит: «Извергните все то, что проглотили во имя современности!». Естественно, говоря это, он имел в виду извержение того, чем современный капитализм напичкал разум и сердце человека. Невозможно приуменьшить роль этой тенденции, но один цветок, как известно, это еще не весна, и один философ не мог предотвратить того, что блевотина современности заполняет мозги и сердца людей. Говоря о том, что ошибочную жизнь правильно не прожить, Адорно фактически хотел озвучить ту же истину. После Холокоста он особенно ясно понял, что продолжение развития современной жизни без преобразований противоречит всем нравственным святошам человека. Лозунг «Или социализм, или варварство!», выдвинутый против ужасов капитализма и национального государства, также является свидетельством осознания этой действительности. Эти понимания важны, но крайне недостаточны.

Узкий экономистский подход к промышленной революции не просто недостаточен, но и способствует развитию процессов, искажающих действительность. Дисциплина, называемая политэкономией, является типичным примером того, как при помощи экономизма искажается социальная истина. Если обратить внимание, то получается, что совсем не случайно политэкономия, основы которой заложили английские экономисты, переживала свои наилучшие времена во время промышленного переворота. Основная задача английской политэкономии заключалась в том, чтобы от имени социальной науки легализовать чудовище капитализма. То, что даже К. Маркс и Ф. Энгельс стали инструментом реализации их усилий, свидетельствует об успехе и влиятельности этих усилий. Английская политэкономия сыграла главную роль в разрушении понятия нравственного и политического общества. Здесь, на этой почве, именем науки, было совершено самое большое предательство той же науки. Французская позитивистская научная школа стала вторым заметным соучастником этого предательства. То, что английская политэкономия сделала в экономической сфере, французская позитивистская научная школа осуществила во всей социальной сфере. Эту истину очень хорошо раскрывает то, что

позитивистская школа объявила нравственность, религию и философию метафизикой, изжившей свой век, а себя провозгласила секулярной религией новой эпохи (современности). Выход позитивизма на арену совпал с промышленным переворотом, и это отнюдь не случайность и проливает свет на данный вопрос.

Промышленный переворот продолжается, совершенно не утрав своей скорости. Ни одна революция в истории не длилась столь долго. С каждым новым периодом промышленный переворот набирает ускорение. Она не признает никаких препятствий на своем пути. Впрочем, иного и быть не могло, если два таких масштабных, безграничных источника силы, оказавшиеся под его властью, существуют в столь тесном единстве. То есть в период, когда капитализм и национальное государство разрослись, подобно раковой опухоли, не стоит ожидать, что они остановят индустриализм, которому обязаны своим существованием. Индустриализм является причиной их существования. И до тех пор, пока индустрия не будет спасена от индустриализма, общество невозможно будет спасти от монополии капитализма и национального государства. Напротив, до тех пор, пока индустриализм остается причиной существования капитализма и национального государства, он будет неизбежно сохранять полученное ускорение и продолжить до тех пор пока не сгинет. Очень важно ближе рассмотреть роль индустриализма в зарождении социальных проблем, геноцида и упадка окружающей среды.

1. Индустриализм и разрушение сельской общины

Как известно, можно дать общее определение индустрии (промышленности) как вмешательства в общественную деятельность при помощи орудий вместо непосредственной деятельности человеческих рук. Начало этого явления восходит к зарождению человечества. Известно, что первыми признаками индустрии были каменные орудия труда. На них в основном зиждилась индустрия жизнедеятельности сообществ, занимавшихся охо-

той и собирательством. Вместе с земледельческой революцией она тоже пережила серьезные революционные перемены. Продуктами этого периода являются ткань, жернова и посуда из глины. После этого, в частности, в регионе «Плодородного Полумесяца», образовавшегося в горной системе Тавра-Загроса и являющегося колыбелью зарождения центральной цивилизации, в период 6000—4000 гг. до н. э. имел место серьезный скачок в развитии науки и ремесел. Появились изделия ремесленников, в первую очередь, соха, колесо, мотыга, котел, которые могли стать двигателями истории. Следующим шагом в этом процессе стала городская революция. В этой революции, протекавшей в 4000—3000 гг. до н. э., значительную роль сыграли орудия индустриального труда. В науках и искусстве имели место масштабные скачки, в частности, создание письменности и цифр. Я напоминаю обо всем этом по такой причине: формировавшееся тогда производство еще не находилось под властью капиталистического монополизма. Она функционировало под контролем как сельского, так и городского обществ. Определяющий характер всегда имели нравственная и политическая позиция.

В системе центральной цивилизации, развивавшейся с 3000 гг. до н. э. в Месопотамии, этот контроль стал постепенно ослабевать. С этого периода на месте прежнего иерархического управления уже создано государственное управление на базе триады жрец-правитель-военный вождь. Ремесленное производство, начавшее активнее всего развиваться в городах, перешло под контроль вновь созданного государственного управления. Возрастающее значение индустрии, как в экономике, так и военной деятельности, повлекло за собой усиление контроля государства над всем обществом, в целом, и сельским обществом, в частности, что привело к их эксплуатации. История до стадии европейской цивилизации в определенном смысле была историей гнета и эксплуатации государственного монополизма по отношению к обществу, что происходило посредством его контроля над производством. Контроль капитализма над производством и, стало быть, его эксплуатация, на этой стадии был ничтожно

мал. Капитализм уделял больше внимания торговле и ростовщичеству. Несмотря на контроль со стороны государства, производство было не в состоянии преодолеть постоянное наблюдение со стороны нравственного и политического общества. В основном оно служило фундаментальным потребностям общества. Даже военная промышленность крайне редко выходила за эти рамки. Следовательно, промышленность была не источником проблем для общества, а средством их решения, что мы можем спокойно подчеркнуть.

Европейская стадия цивилизации установила свою гегемонию, разрушив очень тонкий, жизненный, но в то же время стратегический баланс общество-промышленность. Момент разрушения этой гармонии и был тем самым моментом, когда должен был наступить «конец света», начаться мятеж в очагах нравственности, религии, науки, философии и искусства. Капитализм, который, начиная с XVI века, взяв в руки контроль в финансах, торговле и мануфактурной промышленности, начал превращаться в мировую систему, фактически впервые достигнув такого положения. Капиталисты, которые на протяжении тысячелетий посредством безнравственного ростовщичества во всех потайных уголках общества завладевали накоплениями, в этом столетии увидели для себя серьезные возможности. Историки выделяют в качестве основного фактора формирования этих возможностей аннексию и внешнюю агрессию (в частности, османский ислам), феодальные междоусобицы, внутренний раскол церкви и межконфессиональные войны. В этом есть доля правды: сам по себе капитализм не возник — он появился в наиболее слабый момент контроля общественных сил. Поскольку в соответствующих частях моего труда этот процесс был представлен в основных чертах, здесь я ограничусь лишь общим определением.

Различия еще не были заметны даже тогда, когда торговый финансовый и мануфактурный капитализм нарушил этот баланс в ущерб сельской общине. Таким образом, нравственное и политическое общество еще продолжало существовать. Религия, наука, философия и искусство еще тоже не полностью перешли

под контроль капитализма и в основном боролись с этими тенденциями.

Нельзя считать промышленный переворот следствием капитализма. Так, превращение капитализма в мировую систему происходило в сфере финансов и торговли еще задолго до промышленного переворота. Эти периоды истории зачастую путают. Должен напомнить еще одно обстоятельство: деньги и торговля сами по себе не могут означать капитал. Деньги, как средство простого обмена, и торговля, осуществляемая немонопольными ценами, пребывая в системе экономики, играют жизненно важную роль в обществе. Рынки, где происходило простое обращение товара и отсутствовало монопольное ценообразование, были нужны экономике, они могли развивать жизнедеятельность общества. Но когда в руках капиталистов деньги стали орудием получения процентов, а посредством торговли на рынках образовались монопольные цены (купить дешево, продать дорого), началась капитализация системы. В силу указанных причин достижение системой победы в XVI веке стало началом Апокалипсиса.

XVII и XVIII столетия стали эпохой гегемонии капитализма в истории человечества. Промышленная революция XIX века — это, собственно говоря, победа меркантилизма. Сущностью этой революции стали многочисленные изобретения и развитие орудий и средств, действующих не благодаря усилиям руки человека, а автоматически (прежде всего пароходы и поезда с паровыми двигателями, автомобили, заправляемые бензином). Это не имеет никакого отношения к капитализму. Развитие научно-технической революции в основном обеспечивают тысячелетние накопления человеческой практики. Достижения технологической революции на этом новом этапе способствовала невиданному в истории взрыву в развитии производства и транспорта, следовательно, торговли и движения денег. Торгово-финансовый капитализм, ускоренно вкладывая капитал в промышленность, быстрыми темпами получал максимальную прибыль. Максимум прибыли — это закон капитализма, означающий максимальное формирование капитала. Но это вынуждает промышленность к

крайностям. Итогом становится кризис перепроизводства. Выходом из положения при преодолении этих кризисов опять же становится чрезмерный рост промышленности, вплоть до сегодняшнего дня развивающийся в русле этого закона.

Превращение промышленности в индустриализм связано с ее переходом под контроль капитализма. Первый крупный натиск индустриализма на общество выразился в том, что производство концентрировалось не на фундаментальных потребностях, а на продукции, приносящей максимальную прибыль. Многосторонние и невиданные в истории проблемы общества зарождаются на этой почве. Во главе этих проблем стоит нарушение баланса между сельским и городским обществами, ускорившееся в XIX веке. Укрупнение городов в процессе урбанизации повлекло за собой быструю потерю связи с социальными критериями. Начался процесс, называемый образованием мегаполиса, что по своей сути означает отрицание города. С точки зрения численности населения, даже не говоря о миллионах людей, превышение сотни тысяч уже означает утерю связи с общественными реалиями. Этот процесс, который мы могли бы назвать урбанизацией без города или отрицанием города, стал почвой для самых серьезных социальных проблем. Город, являющийся гигантской территорией не только классовой эксплуатации, но и эксплуатации окружающей среды, и реально, и метафорически означает процесс онкологической болезни общества.

Не счесть всех случаев разрушающего эффекта дикой урбанизации последних двух столетий, но точнее всего было бы поставить во главу угла разрушение сельской общины, насчитывающей десять тысячелетий. Этот процесс, начавшийся в начале XIX века, казалось, завершился в начале 2000-х годов. Разрушение проходило не только в физическом смысле — осуществлялось разрушение материальной и духовной культуры, насчитывающей десять тысячелетий и создавшей здание человечества. Последствия этого разрушения стали очевидными только недавно. Это такой удар, что сейчас уже стал обсуждаться вопрос, сможет ли человечество продолжить свое существование.

Если даже только парниковые газы увеличиваются с такой скоростью, то неизвестно, сможет ли человечество выжить. Наука уже сейчас создает сценарии конца света через сто лет. Истинная угроза связана с внутренней структурой общества и им самим. Классовая структура, идеология национального государства, экономика вне экономики, обнищание философии, исчерпание нравственности и политики, структурный кризис мирового капитализма — все это означает нечто большее, нежели просто распад системы. Вместе с этим переживается хаотическое состояние системы гегемонистской цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий.

2. Индустриализм и отрицание города

Мы уже подчеркнули ненормальный характер общества, создаваемого в городе на фоне распада сельского общества. Окинув взглядом историю города, можно прийти к выводу о том, что до начала XIX века, как правило, не было ситуации, способной резко нарушить гармонию в обществе. Несмотря на то, что соотношение города с селом часто менялось, можно заметить, что допустимое и результативное разделение труда позволяло им продолжать сосуществование в обществе. Проблема начинается тогда, когда в силу вступает закон максимальной прибыли.

Не могу удержаться от частого упоминания недостатков и ошибок К. Маркса. Мне жаль, что он, сумев распознать опасность, тем не менее не сумел абсолютно точно диагностировать ситуацию. Считаю своим долгом высказать суждение, касающееся ряда аналогичных ситуаций, касающихся философов, религиозных деятелей, художников, ученых. Села не опустели — они разрушились. Не появился свободный труд рабочих, а была создана наиболее подлая, добровольная форма рабства без господина (мизерная зарплата, армия безработных). Под именем среднего класса и бюрократии были рождены миллиарды нимродов и фараонов, хотя в древности их было не более нескольких сотен. Человечество дошло до той эпохи, когда вместо одного бога в

маске и бога-царя появились тысячи богов и богов-царей без масок. Речь идет о том, что материальная и духовная культура, столь же древняя, как история человечества, была принесена в жертву закону максимальной прибыли. Может возникнуть вопрос: какова же связь между индустриализмом и самоотрицанием города? Наш анализ современности достаточно четко раскрывает эту связь.

Мегаполис — это сотни городов, сопряженных друг с другом. Отрицание таится именно в этих реалиях. Чтобы город имел смысл, он должен быть компактным. Более того, города не должны копировать друг друга. В противном случае личность не будет иметь никакого смысла в городе. В таком случае тот, кто разрушает сельское общество, становится разрушителем своего собственного общества. Ни численность, ни размеры не выражают ничего. Стало быть, противоречия заключаются не только между буржуазией и рабочими. Существует противоречие между обществом, частицей которого является рабочий и которое является мишенью агрессии, и монополистическими структурами. В Советском Союзе индустриализм победил на уровне государственного капитализма, но то, что социалистическая система распалась, как карточный домик, подтверждает ту же истину: индустриализм — это капитализм.

Уже сейчас стало очевидным, что нашей планеты и человечества недостаточно для того, чтобы досыта накормить существующие индустриальные города. Есть необходимость в глобальной защите от индустриализма и стоящих за ним капитализма и национального государства, чтобы не только решить общественные проблемы, но просто спасти общество и окружающую среду.

3. Индустриализм и национальное государство

Несмотря на неоднократное повторение, все же должен еще раз подчеркнуть действенный характер связи между индустриализмом и национальным государством. XIX век стал периодом развития двух этих явлений до апогея. Индустриализм требует наличия национального государства в той же

степени, в которой национальное государство требует развития промышленности. Национальное государство делает актуальными для индустриального общества все социальные проблемы, изложенные мной под десятью названиями. К. Маркс не просто не дал анализа индустриализма и национального государства в их тесном переплетении, но и назвал их позитивными явлениями во имя прогресса, что уже тогда, сто пятьдесят лет назад, предопределило распад советского социализма. Поскольку академический мир вырос и даже сформировался из ростков города и индустриализма, он не способен осознать такого рода истину и не может даже представить себе мир без национального государства и религии-индустрии. Участники экологического движения, несмотря на указанные классовые корни, начали распознавать истину, пусть даже несколько ограниченно. Более реалистичным было бы считать национальное государство и индустриализм тесно переплетенным комплексом идеологической, экономической и военной агрессии. Ясно, что эти реалии лишают смысла столь ограниченную политику профсоюзов и партии. Как уже не раз отмечалось, важно другое: умение общества и окружающей среды защитить себя.

4. Индустриализм и фашизм

Национальное государство — это результат фашизма, являющегося режимом войны, и индустриализма. В промышленную эпоху истории капитализма, когда извлекалась максимальная прибыль, эскалация гражданской войны оказалась неизбежной. Максимальная прибыль и капитал не могут реализоваться без объявления войны обществу. В угоду закону максимальной прибыли национальное государство промышленной эпохи возникало как режим гражданской войны. Проникание власти во все социальные детали национального государства выражает самое общее состояние гражданской войны, а определение фашизма находится именно в этих рамках. Аналогичным образом с вну-

тренней природой гражданской войны связано и то, что крайний национализм является идеологией фашизма.

Глобализацию войны в эпоху индустриализма очень хорошо подтвердили обе мировые войны. Гражданская война дополняется межгосударственной. То, что самые страшные в истории войны происходили в течение последних двух столетий эпохи индустриализма, а национализм функционировал как официальная религия, можно объяснить связью между фашизмом и индустриальным капиталом. Геноцид становится итогом тотальных, охватывающих все общество войн этого периода. Основная социальная проблема, порожденная национально-государственным фашизмом, в эпоху индустриализма представляющим одну из форм войны, заключается в расширении фронта самообороны угнетенных классов, народов и наций.

5. Индустриализм, женщина и семья

Вторым значительным социальным институтом, разрушившимся в эпоху индустриального капитализма после сельской общины, является семья и женщина. Именно тема семьи и женщины является еще одной важной темой, которую западная социология всячески пытается завуалировать. Такая социология не пытается разъяснить, почему и как семья подверглась полному разрушению. Эти реалии можно понять, проведя аналогию с Древним миром: рабы в ту эпоху не имели права на создание семьи. Перед лицом возрастающей безработицы и бедности материальные условия института семьи, обретающей традиционный характер в обществе цивилизации, в значительной степени исчезают. У семьи не остается социального смысла. Когда личность отрывается от общества, на долю женщины выпадает кошмарная участь уличной женщины и капитуляция перед совершенно нелюбимым мужчиной-господином, выдвигающим противоестественные для нее условия. Женщина в эту эпоху не обрела никакой свободы, хотя реклама утверждает обратное. Женское рабство — это рабство рыночного характера,

расширившее масштабы настолько, что, казалось, не осталось ни одной клеточки, не превращенной в товар. Кризисы, переживаемые в эпоху индустриализма, серьезнейшим образом отражаются именно на семье и женщине. Выражается это не только в частых разводах и детях, оказавшихся на улице, а в том, что глубину вышеупомянутого кризиса и упадка характеризует не знающий пределов авторитаризм и колониализм социального сексизма. Проблема семьи и женщины в обществе, являясь самым основным элементом свободной жизни, испытывает глубокую необходимость в деятельности как теоретического, так и практического характера.

6. Индустриализм и экология

Экология сыграла жизненную роль в выявлении невозможности индустриализма. Именно экологи выявили ошибки и недостатки, допущенные при исследовании индустриализма сторонниками научного социализма или социальной науки. Наиболее важный вывод, который следует сделать из того, что наука, способная лучше всего раскрыть невозможность капитализма, формируется именно в экологической плоскости, заключается в отсутствии связи капитализма с жизнью. Если какая-либо система делает окружающую среду, то есть незаменимую обстановку жизни, невозможной для дальнейшего существования, ясно, что защиту такой системы не может оправдать никакая мотивация. Для скорости, с которой развивается сейчас индустриализм, скоро окажется недостаточно не только нашего мира, но и всей Солнечной системы. В эпоху индустриального капитализма система не только в прямом смысле превратилась в варвара, но и оказалась для жизни самым настоящим ангелом смерти. Ни одно социальное достижение не убереглось от индустриализации. Индустриализация известных трех «С» — синтез искусств, спорт и секс — подтверждает полное истощение морали и совести общества. То, что индустриализация, расцвет национального государства и

капитализация всех сфер материальной и духовной культуры общества разрушают экологический барьер, стало вызовом не только свободному демократическому обществу, но и самой жизни.

7. Индустриализм, наука и СМИ

Индустриализм, чью маску срывает экология, не пыталась проанализировать никакая другая наука. Определяющую роль здесь сыграло то, что наука присоединена к системе. В соответствии с поговоркой «ворон ворону глаз не выклюет» мир науки и академических знаний никогда не побеспокоит своего господина. Даже если иногда они и возражают, то, увидев подброшенный им кусок, мгновенно успокаиваются и продолжают служить. У меня есть одна идея: речь идет о том, что если в древности жрецы Шумера и Египта, используя мифы, осуществляли легализацию насилия и эксплуатации, то сейчас при помощи «научности» происходит легализация капиталистической системы. Если так называемую «теоретическую мотивацию» легализации готовит научный академический мир, то пропаганду осуществляет в основном мир СМИ. Совершенно ясно, почему система, чья несовместимость с обществом и жизнью стала очевидной, так усиленно развивает медиа-сферы. Не только медиа-сферы, но, объединив при помощи искаженных научных тезисов весь мир демонстраций и шоу, индустрию синтеза искусств, спорта и секса, она фактически подвергает мозг и сердце человечества ежеминутной бомбардировке. Без этой бомбардировки, одними лишь механизмами голой силы, спасти систему не удастся.

Капиталистическая гегемония черпает свою основную силу в гегемонии идеологической. Основными ее орудиями этой гегемонии являются наука, присоединенная к власти и национальному государству, а также индустриализированная медиа-сфера. Освобождение общества требует революционных перемен — прежде всего в этих двух сферах.

В. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Основной тезис моего труда относится к тому, что система европейской цивилизации является продолжением традиционных гегемонистских систем, подвергшихся переменам на почве капитализма. Последние пять столетий системы центральной цивилизации, зародившейся в Месопотамии пять тысячелетий назад, превращены некоторыми передовыми силами европейского происхождения в новую мировую систему посредством использования освободительных и агрессивных стратегий. Главные особенности, свойственные всем системам цивилизации, действительны и для современной Европы. Первое — это конкуренция и гегемония; второе — центр-периферия; третье — сроки конъюнктурных и структурных кризисов. Силы гегемонии и силы демократии и равенства, тесно переплетенные в любой системе цивилизации, характерны и для современной Европы. Между этими двумя силами имеет место фундаментальный конфликт, и на протяжении всей истории ежедневно происходят менее значительные конфликты. Из этой борьбы, происходящей между ними, в целом выходили победителями гегемонистские силы.

Капитализм впервые превратился в мировую систему в эпоху европейской цивилизации, то есть в современной Европе. Этого положения он достиг, основав монополию на торговле, финансах и промышленности, организовав тип национального государства и ускоряя индустриализацию. Применяя прежде всего возможности становления в качестве центральной цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке, на второстепенном уровне капитализм также колонизировал Китай, Индию, Америку и Африку, сумев сделать их зависимыми от себя. Три краеугольных камня, на которых стоит современная Европа, окончательно утратили возможности решения социальных проблем, причиной существования которых стали они сами.

Основная опора современности, коей является капитализм, вместе с тем является причиной кризиса. Она никогда не спа-

сется от кризиса, потому что основывается на законе максимальной прибыли, игнорирует главные потребности общества и экологию окружающей среды. Перепроизводство и дефицит постоянно сменяют друг друга. Власть, заново формирующаяся в качестве современного национального государства, доведя свой максимальный рост против общества до уровня фашизма, превращает систему в режим гражданских и внешних войн, обретающих постоянный характер.

Состояние постоянного кризиса может продолжаться только посредством постоянного состояния войны. Промышленный переворот, развивавшийся в утробе современной Европы, подпитывая только два своих краеугольных камня, обеспечил углубление и расширение кризиса. Система, работавшая, как три всадника Апокалипсиса, на заре своего рождения способствовала появлению у философа Гоббса такого суждения, как «человек человеку волк». В процессе упадка системы люди перестали быть просто волками друг для друга, они стали волками, у которых не было иного выхода, кроме пожирания своих детенышей. Только так можно рассматривать истощение нравственно — политического общества и окружающей среды. Современный кризис финансового капитала — это наиболее явно всплывшее наружу состояние структурного кризиса современности. То, что этот кризис начался в США, обрел глобальный характер, в первую очередь, в странах ЕС, является подтверждением того факта, что современность завершила свое становление в качестве мировой системы.

Происходящее в мировой системе — это не только финансовый кризис, а выражение чего-то большего, нежели структурный кризис капитализма. Речь идет о кризисе цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий. Его отражение в финансовой сфере показывает, как происходил отрыв от социальной действительности и как сформировался виртуальный мир, утративший свой смысл. Ни на одном этапе истории сделанная виртуальной система грабежа не достигала таких масштабов (предположительно 60 триллионов долларов). Данные реалии могут сформироваться только в обстановке условиях исторических и современных мас-

штабов системы цивилизации. Характерной чертой нынешнего кризиса является трехслойность его структуры. Центральная цивилизация, насчитывающая пять тысячелетий истории, и капиталистическая цивилизация, делящаяся пять столетий истории, в воплощении конъюнктурного финансового кризиса живут в тесном переплетении и структурно.

а. Соединенные Штаты Америки

США, как гегемон системы, найдет в себе силы выйти из структурного кризиса, отреставрировав себя, но этот выход никогда уже не вернет их в статус гегемона XX века. США постараются продолжить свою гегемонию, деля ее уже в больших пропорциях с гораздо большим количеством сил, в первую очередь странами ЕС и Японией. Гегемония США уже не остается на уровне некоего продолжения Британской империи и стратегического союзника Англии, она вынуждена одновременно продолжать ее демократические традиции. США черпают силы не только в обществе гегемонистских элементов, но и в многочисленных и разнообразных группах, имеющих демократические традиции. Можно сказать, что США являются гегемоном потому, что смогли успешно представить материальную и духовную культуру системы центральной цивилизации, обретая тем самым больше возможностей для собственной реставрации. Шанс США выйти из кризиса структурно обновленными виден из существующей диспозиции сил. В период реставрации они уделят особое внимание защите собственной гегемонии и не способны продолжить свою тотальную агрессию, разве что отдельные позиционные атаки.

б. Евросоюз

Страны ЕС, владея процессом капиталистического поворота в системе центральной цивилизации, продолжают сохранять свое

преимущество. Они продолжат свой стратегический союз с США. Но основную реставрацию, даже реформацию осуществляют именно страны ЕС. Именно в этих странах появятся силы, способные наибольшим образом реформировать капитализм, национально-государственную модель и индустриализм, потому что пятивековая история современности прошла во всей своей глубине именно в этой группе стран. Это так, потому что излечение находится именно там, где гнездится болезнь. Сам ЕС, впрочем, возник из необходимости проведения реформ в трех краеугольных камнях и является их результатом. В реалиях ЕС капитализм, национальное государство и индустриализм, пусть и ограниченно, но пройдут через реформы в пользу социализма, демократии и заботы об окружающей среде. Шаги, которые будут сделаны, постепенно усилятся. ЕС, как сила, наиболее знающая, чувствующая во всем мире своих коммуникаций, очень хорошо понимает, что без этих реформ он не может существовать так, как раньше. Впрочем, последние пять столетий пережитого этими странами опыта оказались для них в высшей степени поучительными. В таком случае существует очень большая доля вероятности, что США путем реставрации, а ЕС путем реформации вместе выйдут из этого системного кризиса. Нереально ожидать выхода новой системы из недр ЕС. Новая наука и новая философия могут сыграть на выходе роль незаменимого обучающего центра. Но, оставшись на ограниченных ролях для возможных сил и движений новой системы, они не смогут успешно сыграть свою роль.

в. Япония

Япония — первостепенный союзник гегемонии США в Восточной Азии — больше всего ощутила влияние структурного кризиса. Это сила, больше всех нуждающаяся в реставрации и реформировании. Япония обладает в высшей степени консервативными особенностями. Она продолжит оставаться союзником США во всех случаях. Южная Корея продолжит играть роль маленькой Японии.

г. Китай

Китай, являющийся одним из древних центров цивилизации Восточной Азии, при помощи синтеза либеральной экономики и социалистической системы старается обрести самобытный опыт капитализма, национального государства и индустриализма. Здесь не стоит ожидать формирования сильно отличающегося от европоцентристской современности. Напротив, Китай постарается совершенствоваться в наиболее реакционной форме, которую можно назвать германской (прусской) формой. Не стоит ждать и того, что Китай займет место США в качестве нового центра гегемонии, как это пытаются представить. Можно ожидать постепенной ограниченной капиталистической реформы, называемой либерализацией. Он продолжит жесткую форму национального государства и индустриализма. Он не сможет продолжить капиталистический подъем в каком-либо ином виде. Актуальной для Китая может оказаться возможность демократического социалистического преобразования. Эту вероятность, скорее всего, можно предвидеть в условиях углубления структурного кризиса капитализма. Вьетнам и Северную Корею можно считать мини-вариантами Китая.

д. Индия

Таким странам, как Индия, Россия и Бразилия, не слившимся полностью с гегемонистской системой, но и не сумевшим стать независимым центром гегемонии, придется в течение длительного времени находиться в пределах границ собственных позиций. Эти страны находятся в основном на стадии современного капитализма. Наиболее вероятно то, что они постараются совершенствоваться, как Китай. У них нет возможностей для формирования новой самобытной системы. Положение России, пытавшейся попробовать это в рамках социалистической системы, через семьдесят лет не дало никакого иного итога, кроме

становления в виде современного капитализма. В Индии можно отметить больше демократических традиций. Судьба Бразилии может быть связана с демократическими процессами в Латинской Америке.

е. Латинская Америка

Латинская Америка может совершать свойственные ей демократические шаги в условиях структурного кризиса. Но наличие сильных олигархических структур в этих странах способно серьезно препятствовать такого рода выступлениям, даже дать им обратный ход. Более того, теоретическая и практическая почва демократических преобразований здесь не очень сильно развита. Несмотря на то что Латинская Америка — это сообщество стран, более всего сопротивляющихся гегемонии США, вряд ли им удастся основать самобытную демократическую социалистическую систему. Глобализация Кубы может привести к войне с США, и маловероятно, что они самостоятельно справятся с этим. Слабость рождается на почве слабости мелкой буржуазии, занимающей положение авангарда демократических сил. Опять же, в поисках демократической социалистической системы Южная Америка вместе с силами, не утратившими идеалы, напоминает живую лабораторию.

ж. Африка

Возможности Африки говорить за себя самостоятельно все еще ограничены. Она переживает процесс выхода из состояния классической колонизации и родо-племенного строя. Ее судьба связана с судьбой мира, она как будто способна развиваться только так, как повелевают ей властвующие боги или народнические силы. Не стоит ожидать, что она сможет, как Южная Америка, стать лабораторией социального эксперимента. Африку вернее всего было бы считать матерью, дающей надежды.

3. Ближний и Средний Восток

Рассмотрение Ближнего и Среднего Востока не как сообщества стран, а как региона древней культуры, могло бы дать более глубокие результаты. Как бы то ни было, но Ближневосточный регион — это самобытная представительская сила восточной культуры, точнее, ее почва. Это сила центральной цивилизации с гегемонией, длившейся четыре с половиной тысячелетия. За Ближним и Средним Востоком — десять тысячелетий неолитической эпохи. Даже если данная история и оказалась в зависимости от Европы, именно у нее отобравшей цивилизацию, все равно это наследие не истощится. Современная Европа на протяжении последних двух столетий устремляет свой взор на Ближний и Средний Восток. Европа сумела заставить всех принять свое современное мироздание. Но, как это видно и в наши дни, она не сумела сделать это столь же успешно и на Ближнем и Среднем Востоке. Трудности Европы не в том, что перед ней очень сильно противодействующие государства. Если бы такие силы существовали, то было бы намного легче. Но с ней борется и в наибольшей степени не уступает ей именно культурная традиция, которую трудно заметить. Несмотря на то что кто-то, выдающий себя за современных представителей культуры региона, хочет капитулировать, эта традиция отвергает сам факт капитуляции перед европейской культурой, как это происходило в других регионах мира. И этот факт отторжения основан не на возможностях представителей, а на силе традиций. Однако данная традиция находит свое выражение ни в виде радикального ислама, ни в виде социалистической системы. Капитализм, национальное государство и индустриализм современности тоже не в состоянии слиться воедино с этой культурой. Имеет место типичная ситуация хаоса.

Синтез Восток-Запад впервые возник в истории благодаря Александру Македонскому. Можно сказать, что он успешно представлял пятивековую традицию. Эллинистическая традиция, являясь выдающимся достижением, оказала влияние на все последующие цивилизации, оставив глубокий след в иудейской,

христианской, исламской, индусской культурах и сумела стать тестом, из которого вылепили современный Запад.

В период, названный «эпохой крестовых походов» (1100—1400 гг.), западные монархии и княжества, начавшие развитие под общим названием Европа (вообще деятельность Александра Македонского основана на греческой городской и балканской родо-племенной культуре), устремив взоры на Ближний и Средний Восток, не смогли бы повторить его успех, потому что стоявший за ними мир, как материальная и духовная культура, во всех отношениях уступал Ближневосточному региону. Только те, кто представлял для них интерес, могли получить эти культурные достижения. Они смогли удачно осуществить это, наполнив свою цивилизацию и подняв ее уровень при помощи этой заимствованной культуры.

Агрессия последних двух столетий (Наполеон начал, Британия развила, а США продолжают) продолжается и по сей день. В частности, это доказывают «холодные» и «горячие» войны на всем пространстве от Афганистана до Марокко, от Кавказа до Центральной Африки. Происходящее подтверждает наиболее слабое состояние системы, точнее, наиболее слабым звеном современного Запада является Ближневосточный регион. Запад на протяжении последних двух столетий пытался установить здесь три своих краеугольных камня, но это не привело ни к какому результату, кроме углубления хаоса.

Современные соглашатели, действующие под маской ислама, и радикальные, и умеренные, стали едва ли не пресловутой «солью» этой хаотической ситуации. У них нет сил быть ни исламом, ни какой-либо иной системой. Несмотря на то что в регионе имели место и другие события, кроме анархии и хаоса, трудно говорить о каких-либо успешных выступлениях. Говорить можно только о постоянном источнике хаотической ситуации. В кипящем котле возникают новые смеси. Одна из возможностей, которая может родиться из такого кипения, — самобытный синтез Восток-Запад. Невозможно восстановить какой-либо из древних видов цивилизации Востока, как и невозможно, чтобы Запад в одностороннем порядке проводил переливание крови в свою со-

временность. Своеобразие синтеза, который будет сформирован, определит способность научных структур и организованных движений стать ответом на общественные проблемы.

Менее всего вероятно, что стороны смогут продемонстрировать свою результативность, отрицая друг друга. Стало достаточно очевидным, что западная наука, в частности, ориентализм, не обеспечит новых выступлений. Что касается исследований социальной природы, проводимых на Востоке, то они еще ожидают своих первооткрывателей. Желаемый выход может появиться вследствие создания организации, движения и социализации этой науки. Следующий раздел посвящен оценке вероятности данного выхода.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
КРИЗИС В ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА...
И ПУТЬ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. ТОЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Основной функцией социологии является точная характеристика жизни. Все те, кто считал себя учеными, от жрецов Шумера и Египта до современных европейских социологов-позитивистов, не только не охарактеризовали социальный смысл жизни, но вместо исполнения этой основополагающей функции развили целую сеть умопомрачающих и вводящих в заблуждение мифических выражений. Но ведь до тех пор, пока не будет дано определение жизни в ее связи с обществом, говорить о социологии не приходится! Невозможно развивать науку о том, чему не дано точное определение. Несомненно, это связано с искаженной выработкой истины в системах цивилизации. Истина социальной жизни в системах цивилизации с самых ранних ступеней по настоящее время не только не раскрыта, но и облачена в огромный искажающий панцирь мифических, религиозных, философских и научных категорий. Более того, все эти искаженные понятия прошли определенную шлифовку с помощью различных искусств. Материальная культура цивилизации была поставлена в диалектическую связь с ее духовной культурой, благодаря чему при помощи разрешенных понятий рабам был преподнесен стиль жизни, полностью соответствующий интересам «голых» богов и богов в масках. Такой стиль строительства и определения жизни

гегемонов продолжал свое существование, несмотря на протест и сопротивление бесчисленных учений, движений и сообществ.

В различных частях своей Защитной речи, в частности, в тех разделах, где речь идет о свободе, я постарался дать общее определение жизни, а в частности, определение социальной жизнедеятельности человека. В свете напоминаний я ощутил необходимость в том, чтобы еще раз дать существенное определение. В частности, тот уровень жестоких покушений, убийств и погромов, к которому пришла жизнь на Ближнем и Среднем Востоке, побуждает меня к самым глубоким и разработанным определениям.

На мой взгляд, наиболее разрушительным действием капитализма является то, что он уничтожил определение жизни. Точнее, это выразилось в ужасающем предательстве, которое он совершил по отношению к связи, установленной жизнью с обществом и окружающей средой. Естественно, что такую же ответственность за предательство несет и система цивилизации, стоящая за капитализмом. Говорят, что мы живем в эпоху наивысшего расцвета науки и коммуникаций. Но несмотря на чрезвычайное развитие науки, она и по сей день не смогла дать определение жизни и ее связи с обществом. В таком случае следовало бы спросить, что изучает эта наука и кому она служит? Ясно, что по мере ответа на эти вопросы станет ясно, почему не дан ответ на основной вопрос, то есть на вопрос о том, что такое жизнь, и какова ее связь с обществом. Возможно, эти вопросы могут показаться очень простыми, но существо, называемое человеком, столь же осмысленное, как и его жизнь. Какова же может быть ценность, если это не будет осмыслено?! В таком состоянии жизнь человека не обладает ценностью даже в той степени, как жизнь животного или растения. Человечество, не осознающее смысла и истины, или вообще не существует, или превращается в подлое варварское существо.

а. Жизнь

Жизнь, вероятно, можно было бы оставить и без определения. Точнее, можно было бы просто ощущать ее визуально, частично

осознавать ее. Даже если эволюция реальна, дарвинистское толкование все равно далеко от раскрытия истины развития жизни и видов. Достаточно ограниченный характер имеет такой вклад в осознание ее смысла, как прослеживание жизни, развивающейся по цепочке от живого существа, существовавшего три миллиарда лет назад в океане в форме, не достигшей еще уровня клетки, до современного человека. Наука теперь ищет секреты жизни в возникновении частиц внутри атома. Ясно, что этот метод тоже будет ограниченно-описательным по характеру. Жизнь, несомненно, связана с этими пояснениями, но они не могут полностью решить проблемы. Сравнения жизни со смертью тоже недостаточно для осознания ее смысла. Утверждая, что жизнь существовала раньше смерти, мы не дадим ответа, полностью удовлетворяющего жажду познания. Точнее было бы сказать, что жизнь возможна только тогда, когда есть смерть. Я знаю, что не бывает жизни без смерти, но мы все же далеки от осознания смысла смерти. Невозможно дать определение смерти, равно как и жизни. Возможно, это и есть относительный результат нашей жизни. Быть может, это одна из возможностей жизни, стиль ее реализации. Страх смерти относится к социальным отношениям, чему я дам содержательное определение. Смерть, возможно, и есть нечто, состоящее из этого страха.

Я не считаю дилемму *идеализм—материализм* последовательной и пояснительной. Это дилемма, порожденная цивилизацией, не в состоянии пояснить смысл жизни. В ходе того толкования, которое я хочу представить, такая дилемма крайне ограничено связано с истиной. Также крайне далека от истины концепция *живое—неживое*.

Истина 1: Кроме человека, стремящегося осознать жизнь, любое живое-неживое существо может прожить только собственные жизненные мгновения. Волк, пожирающий ягненка, и черная дыра, поглощающая Галактику, возможно, делят одну и ту же судьбу. Даже это относится к категории тайны, необходимой для осознания жизни.

Истина 2: Для живого существа, отдающего себя на растерзание ради жизни своего младенца, и диалектических образований

внутриатомных частиц, формирующихся с невероятной скоростью, действует такое же универсальное правило.

Истина 3: Это универсальное правило в человеческом обществе дошло до уровня самоанализа. Кто я? Этим вопросом универсальное правило впервые напомнило о себе.

Истина 4: Ответ на вопрос: «Кто я?» — может стать конечной целью мироздания.

Истина 5: Вся универсальная жизнь живого и неживого миров, возможно, существует для того, чтобы стать ответом на вопрос: «Кто я?».

Истина 6: Ответ: «Я — это я, я — Космос, я — время и место, для которых нет понятий до и после, близко и далеко!» — может стать конечной целью мироздания.

Истина 7: Такие абсолютистские учения, как Fenafillah (достижение смерти до умерщвления), Нирвана, Enel-Hak (я и есть истина) могут раскрыть основную цель жизнедеятельности человека и общества или могут вызвать к нему интерес.

Я не считаю, что дал определение жизни при помощи этих семи истин. Я хочу исследовать, исследую сферу интересов. Жизнь нельзя понять, проживая ее. Между смыслом и жизнью есть своего рода противоречие. Если влюбленный слеп, тут же пропадает смысл. Абсолютное понимание возможно только в одиночестве, где нету слепоты. Выражение не отказываться ни от чего, если не в физическом, то в метафизическом смысле отражает эту действительность. Терпение абсолютного одиночества допустимо только при наличии способностей для осознания абсолюта. Абсолютное одиночество может быть реализовано только при достижении силы смысла, при выходе из системы взаимоотношений с материальной силой. Дилемма *бытие-небытие* сходна с дилеммой *смысл-материя*. Обе дилеммы, являясь абстракцией, не могут существовать в реальности. Жизнь с большой долей вероятности является способностью бесконечного построения этой дилеммы. Если даже промежутки между ними могут показаться мгновениями хаоса, смерти подобным, то они необходимы для реализации жизни.

В этом кратком анализе я постарался, пусть даже в ограниченной форме, пояснить, почему нельзя дать полное определение

жизни. Абсолютное определение жизни требует абсолютного одиночества, ничтожности, нематериальности, но, поскольку это остается на уровне абстрагирования, постижение самой жизни и ее смысла возможно только на уровне дилеммы и отнесенности.

б. Социальная жизнедеятельность

Социальная жизнедеятельность, несмотря на то что является очень простым понятием, тем не менее должна быть раскрыта в качестве основополагающей концепции всех наук. Несмотря на устоявшееся мнение, несмотря на частое употребление этого понятия, его смысла так и не постигли. Мы не знаем, что такое социальная жизнедеятельность. Если бы знали это, то стали бы безжалостными защитниками нашей социальной жизни и деятельности, изнывающих под натиском гегемонистских систем. В социальной жизнедеятельности господствует не мудрость, а невежество. Впрочем, и на противоположном полюсе социальной жизнедеятельности налицо невежество. Гегемонистские системы не могут продолжить свое существование, не скрыв лицо социальной жизни под темными покрывалами невежества.

Я постараюсь дать определение социальной жизнедеятельности, исходя из относительного характера самой жизни. В первую очередь отметим, что нет однотипной, безграничной и повсюду одинаковой жизни. Говоря об относительной жизни, имеют в виду сингулярность, одиночество. Но сингулярность, как это известно, или должно было быть известно, не отвергает универсальности. Нет ни сингулярности в чистом виде, ни универсальности в чистом виде. Дилемма *сингулярность-универсальность* столь же действительна, как и дилемма *смысл-материя*. Универсальность не может реализоваться без сингулярности, но и сингулярность не может реализоваться без универсальности. Для большей очевидности приведу пример: сотни разнообразных цветов уникальны каждый по-своему. Но у всех этих цветов есть общий признак, дающий основание называть их цветами. Имен-

но эта общая сторона и отражает универсальность. Это правило действительно для всего разнообразия Вселенной.

Поскольку в соответствующих частях своего труда я постарался представить социальную жизнедеятельность в границах ее историчности и многообразия, повторяться не буду, ограничусь лишь напоминанием. Значительная доля реалистичности есть в общепринятом повествовании о *homo sapiens* (человеке разумном), который, судя по имеющейся версии, жил на востоке Африки примерно двести тысяч лет назад, после чего, примерно пятьдесят тысяч лет назад, сформировался язык символов. Двадцать тысяч лет назад, к концу последнего ледникового периода в предгорьях Тавра и Загроса, то есть примерно за пятнадцать тысячелетий до начала доземледельческого периода, данный человек перешел на уровень социальной жизнедеятельности, в котором тесно переплетались земледелие, осуществляемое родо-племенными структурами, с собирательством и охотой. На этот стиль жизни, развивавшийся в виде сельской земледельческой общины, наложился период центральной цивилизации протяженностью в пять тысячелетий. Я постарался в общих чертах или имея в виду отдельные периоды остановиться на процессе развития той гегемонистской формы жизни, которая по настоящее время развивается в форме дилеммы сельской крестьянской общины и городского торгово-ремесленного и промышленного образа жизни и деятельности. В предыдущей главе я писал о европейском этапе этой гегемонистской культуры, развивающемся на протяжении последних пяти столетий. Ясно, что в ракурсе формирования и зрелости, даже в структурных своих линиях, эта культура несет на себе отпечаток общества Ближнего и Среднего Востока. Это и есть та культура и общество, смысл которых я постарался представить. Несмотря на множество сингулярных признаков, несмотря на то, что наиболее важным из них является современная Европа, с точки зрения периода и места всегда возможно определенное абстрагирование и категоризация.

Сингулярное состояние общества определяет жизнь человеческого вида. Различия между жизнью человека в Африке и в

Ближневосточном регионе, уникальность определяются именно таким состоянием общества. Расовые и другие физические особенности не имеют значащего характера. Человек вне общества если и не вымрет, то и не останется одиноким мудрецом, а, возможно, постепенно превратится в животное, говорящее на языке символов. Человек без общества — это анти-человек. Изгнание человека за пределы общества является самым страшным наказанием, превращающим его в асоциальное существо. Всю свою силу человек черпает в обществе. Все наиболее развитые науки и ученые связаны с обществом. Оценка социальной жизни в качестве простых физических количеств и явлений является самым страшным предательством позитивизма по отношению к человеку. Достижение уровня человеческого общества может обрести смысл только в форме универсального скачка.

Перечислим основные характеризующие особенности социальной жизни как универсального явления:

1. Общество как история. В результате усилий человеческих сообществ, развивавшихся на протяжении миллионов лет, крайне болезненно в тяжелых географических условиях, сформировались более развитые сингулярные сообщества. Некоторые пространства и периоды сыграли определяющую роль в социальных скачках.

2. Общество исторически требует определенного уровня социального мышления. Интеллектуальный уровень человеческого общества определила его социальность, и она, в свою очередь, принудила этот интеллектуальный уровень к развитию и мыслительной деятельности. Социальная природа, уровень мышления могут приобретать большую гибкость.

3. Язык является не просто средством мышления, но и его конструктивным элементом. Язык относится к основным особенностям, обеспечивающим существование общества. Являясь средством коллективного интеллекта, язык способствует очень быстрому развитию социальной природы.

4. Земледелие стало самым масштабным историческим переворотом в материальной и духовной культуре общества. Человеческое общество, в основном, сформировалось вокруг земледе-

лия. Невозможно представить общество без сельского хозяйства, которое не только решает проблемы питания, но и обеспечивает коренной переворот и развитие основных инструментов материальной и духовной культуры. В первую очередь это мышление, язык, демография, управление, оборона, жилище, религия, техника, одежда, этническая структура.

5. Поскольку женщина прилагает наибольшие усилия для поддержания стабильности социальной жизнедеятельности, по сравнению с мужчиной, она играет гораздо большую роль в социальном строительстве. Рождение, воспитание и защита детей обеспечивают развитие общества в направлении матриархата. Общество имеет преимущественно женско-материнскую идентичность. Присутствие женского элемента в корнях языка и религии подтверждает эти реалии. Идентичность и роль женщины продолжают сохранять свою силу в сельском обществе.

6. Социальная природа по своей сути является нравственной и политической. Если нравственность определяет систему правил, принятых обществом, то политика определяет управление им. Если нравственность обеспечивает систему и постоянство, то политика обеспечивает его творческое развитие. Невозможно представить себе общество без нравственности и политики. Снижение уровня нравственности и политики тесно связано с развитием различного рода рабства и отсутствием морали.

в. Общественная иерархия и государство

Основой иерархической системы стала узурпация общественной власти, естественно сохранявшейся вокруг женщины, и на основе традиций общества охотников данная узурпация осуществлялась мужчиной, приобретшим огромную власть благодаря использованию силы и коварства. Иерархия принесла с собой в жизнь общества насилие и коварство. В основном иерархия представлена жрецом как символом коварства, воином, который стал символом силы, и старцем как носителем социального опыта. Вместе с формированием начинается период первой

масштабной социальной борьбы между ними и женщиной-матерью. В протоцивилизационный период власть во многом переходит в иерархию мужчины. Государство началось с формирования института управления в городском обществе. Развитие иерархических и этатических прослоек в обществах привело к распаду нравственной и политической системы. Приобретают силу антиобщественные процессы. Это можно представить следующим образом:

1. Городское общество.

Если городское общество способствовало смешанному социальному развитию при помощи разделения труда на почве сельской общины, торговли и ремесел, то структуризация иерархических и этатических прослоек в верхних эшелонах, антиобщественные процессы приобрели ускорение вместе с зарождением городов. Эта антисоциальность кроется в основе общественных противоречий и проблем.

2. Классовое общество.

Концентрация и расширение институтов иерархии и государственности приводит к разделению общества на две части. Классовый характер стал фактором отчуждения от социальной природы. На всех уровнях он развивает идеологическую и организованную агрессию на устои общества. Естественное общество он заменил искусственным классовым, в котором преобладают коварство и культ силы. В мифологических, религиозных, философских и научных традициях классовый характер развивает целый процесс искажения и очернения, направленный против общества.

3. Эксплуататорское общество.

Институт иерархии и государственности в основном создается на базе накопленных достижений общества. Объединив необ-

ходимость частичного управления с необходимостью обороны и защиты, он узурпирует общественные ценности, что постепенно обретает характер беззакония. В данном случае совместно функционируют силовые и идеологические инструменты. Эксплуататорские общества делятся на торговые, промышленные и финансовые общества в зависимости от формы и сфер эксплуатации.

4. Воинствующее общество.

Это форма общества, в котором узурпация общественных ценностей обеспечивается при помощи силы. Убеждение отсутствует. Война — это крайняя и дикая форма отчуждения в обществе. Она глубоко ранит социальную природу, калеча ее. В данной ситуации защитные рефлексы общества развиваются, приобретая формы борьбы в ходе самообороны, призванной защитить общественные ценности от отчуждающей войны.

г. Социальная идентичность

Общественная сингулярность имеет обширную структуру, образуя внутри себя категорию уникальной сингулярности. Стремление к единообразию общества исходит от иерархических и этатических систем, представляющих собой элементы отчуждения. Закрытость и жесткая идентичность обусловлены этими системами. Национальное государство является наиболее развитой формой данной системы идентичности — это социальные формы, соответствующие особенностям развития. Они открыты для синтеза с другими идентичностями, общества без идентичности невозможны. Идентичность такая же субстанция, как по меньшей мере нравственность и политика. Самые известные проявления социальной идентичности, распространившиеся во многих сферах, можно перечислить следующим образом:

1. Родо-племенная идентичность.

Идентичность обществ на ранней фазе развития существовала в форме родов. Клан сложно назвать идентичностью, потому что клан — это еще начало дифференциации. Но клан можно считать прототипом идентичности, материнской клеткой всех идентичностей, их семьей. Племена, как объединение родов, представляю собой наиболее стойкие идентичности социальной жизни. Несмотря на действия антиобщественных сил, неизбежной стало формирование своего рода гражданского общества эпохи родов и племен, поскольку общества не могут существовать не только без кланов и семей, но и без родов и племен.

2. Народная идентичность.

На протяжении всей истории представляют собой формации, развивающиеся на более высоком уровне родо-племенных объединений, на базе общего языка и культуры. В большинстве своем общая территория воспринимается как Родина. Родина, Отчизна — это понятия, которые прежде всего должны восприниматься как культура. Они не могут достичь уровня каждого общества, каждой народности. В рамках народности могут проживать многочисленные кланы, племена, рода, даже другие народности. Понятие гомогенной идентичности навязано национально-государственным фашизмом.

3. Национальная идентичность.

Идентичность, формирующуюся в процессе проживания в форме стабильного и постоянного управления народной идентичностью, можно назвать нацией и национальной идентичностью. Преимущественной стороной нации является самоуправление собственной волей. Правление может развиваться в демократической или этатической форме. Народы, родо-племенные сообщества, живущие под правлением других наций, точнее, национальностей, обладающих государственной вла-

стью, являются не нацией, а рабами. Гомогенный характер общества поддерживается в эксплуататорских обществах во имя единой нации, а другие нации и угнетенные группы лишаются шанса на свободную и равноправную жизнь. Демократические системы, признавая за всеми идентичностями возможностей самоидентификации, отличаются от антиобщественных систем.

д. Общественная святость

Понятие «святость» представляет собой определение обществом волшебства, чудес, чего-то необычайного. Священным является само общество, но оно осознает это не с помощью научного мышления, а в форме мышления, которое можно назвать мифологическим. Общество, собственно говоря, определяет свою сущность. Было бы полезно сравнить определение, выработанное при помощи религиозного и мифологического мышления с определением, которое выработано научным мышлением. Не следует забывать, что в основе науки лежат мифология, религия и философия. Мыслительная деятельность общества, как религиозная, так и позитивистская, направлена на определение собственной сущности. В этой связи можно выделить следующие важные святости:

1. Божества.

Все три мировых религии являются антиподами универсальности объективного идеализма. У Гегеля абсолютным является дух (*Geist*), у Маркса это коммунизм, в национализме это национальное государство.

Социологический смысл божества связан с общественной идентичностью. Оно может стать ответом на концептуализацию социального как высочайшей абстракции. Величие Всевышнего не имеет никакого смысла вне общества. Создатель способен существовать только в обществе. Общество может воспринять его

как весь Космос, а может лелеять как веру, внутри Вселенной, что не имеет значения. В философии это представлено в виде объективного и субъективного идеализма, в науке же остается только как объект и субъект. При помощи такого метода все можно считать производным от Бога в виде объекта и смысла. Выражаясь научным языком, можно сказать, что уровень сознания человека пропорционален его социализации. Сила сознания человека определяется его социальным развитием. Характерная для капиталистического либерализма и оторванная от общества осмысленность индивидуализма — это полнейшая мифологическая ложь. Личность в отрыве от общества может достичь осмысления и мышления только на уровне обезьяны.

2. Пророки.

Это вторая ступень общественной святости. Их стремятся именовать предсказателями, посланниками Бога. Пророки находятся на той же ступени, что и высшая прослойка жрецов. В философии пророки были философами, в науке могут считаться академиками. В эту же категорию входит и интеллектуальная элита. Общие особенности всех перечисленных лиц сводиться к раскрытию социального смысла на высочайшем уровне.

То, что общество столь высоко оценивает эти смысловые позиции, в сущности, связано с желанием озвучить собственные ценности. Пророки становятся зеркалом, совестью общества. В их лице социум, собственно говоря, освящает себя. Сакрализация может быть охарактеризована как стремление к оценке, возвышению, осмыслению, красоте.

3. Мудрецы, сказители.

Это третье звено сакральности. Они выполняют те же функции, являясь проводниками общественных ценностей, смысла, слова и выражают нравственные и поэтические позиции общества. Это представители словесности и искусства социальной

ценности. Их преимущество заключается в способности прожить и выразить социальную значимость в наиболее насыщенной форме.

4. Священные предметы, фетиш.

Объекты, более всего способствующие жизни, выживанию, деяниям общества, возводятся в ранг священных. Наделение объектов сакральностью объясняется тем, что они являются ценностями, способными удовлетворить жизненно важные потребности общества. Чем больше ценность объекта, чем больше он фетишизирован, тем выше его доля святости. Например, пшеница, маслины, овцы, корова, лошадь и пр.

е. Социальная истина и ее утрата

Общественная природа — это природа, у которой развито гибкое мышление. Она полна смысла. В целом, смысл у одушевленных существ выше чем у неодушевленных. Налицо рост смысла на пути от самых простых частиц атома до самых сложных составов. Рост смысла связан со свободой. Та концентрированная часть в дилемме *энергия-материя*, которая называется материальной частицей, постоянно препятствует приобретению смысла. Здесь может быть проведена аналогия со стеной: ведь с одной стороны стена защищает тех, кто находится за ней, но, с другой — держит их в заточении. Эта дилемма присутствует во всех явлениях Вселенной. Стена порой бывает только средством защиты, но порой — средством заточения. У материи всегда присутствует такая особенность. В социальной природе (Вселенной, материи) имеется очень развитое накопление смысла. Общественные ткани, органы, структуры, системы, в сущности, определяются уровнем значимости. Общества, которые могут наилучшим языком, словом выразить свой смысл, считаются наиболее развитыми. Это общества с развитым уровнем стремления к свободе. Свободные общества — это общества,

способные осмыслить, озвучить, высказаться, имеющие множество институтов в соответствии со своими потребностями. Общества, не обладающие свободой, напротив, не смогли развить свой язык, открыто озвучить себя, создать разнообразные институты и структуры.

Оценка процесса развития социального смысла, истины на протяжении эпох является в рамках этого определения сутью социологии. В основе своей истина — это проекция на сознание человека социального смысла, развивающегося на протяжении эпох. Процесс самовыражения при помощи мифов, религии, философии, искусства и науки можно считать поиском истины, ее озвучиванием. Общества — это не просто переплетение истин, это в то же время и сила раскрытия. Неумение раскрыть истину является признаком тяжелейшего рабства, ассимиляции и геноцида, а это своего рода отход от жизни, конец действительности. Вне истины общество, даже личность лишаются смысла, растворяются в истине другого субъекта и утрачивают собственную идентичность, превращаясь в некое существо, точнее, в бессмысленное существо. В такой ситуации наблюдается тесная связь между смыслом и истиной. Смысл — это своего рода потенциал истины, превращающийся в истину по мере того, как он озвучивается, насколько свободно о нем говорят, как он обрастает структурами.

Когда постоянно повторяют «истина — во мне», это означает «во мне — бессловесное дитя», а такая ситуация отражает наихудшую социальную ситуацию, превращение в индивидуализм. До тех пор, пока общественный смысл не превратится в истину при помощи методов мифологии, религии, философии, искусства, науки, пока не достигнет этой стадии, активности от потенциала до интеллекта, он не обретет жизненный характер. Неумение избавиться от инфантильности детства означает неумение выйти за пределы эзопова языка, а это — неумение достичь уровня истины. Социальные реалии, испытывающие гнет, очень ясно отражают данную ситуацию. Если посмотреть на социальные реалии с точки зрения истины, то поймем, что эти реалии (социальные природы, структуры) перейдут из сферы осмысленного

общества в общество истины, только будучи озвученными, активизировавшимися, реорганизованными при помощи каких-либо методов (мифологии, религии, искусства, философии и науки). Рассмотрев социальные эпохи с точки зрения истины, можем установить следующее:

1. Эпоха общественных родо-племенных кланов.

В силу того, что в данную эпоху клановые общества не смогли обрести определенного уровня осмысления, истины носили крайне ограниченный характер, выражались слабо развитым языком, отдельными словами и во многом языком телодвижений.

2. Эпоха сельской общины.

Поскольку в плане жилища, питания, одежды, воспроизводства и защиты имеет место гораздо более сложная структура, то речь идет о социальных истинах с возросшим содержанием смысла. Начинает развиваться эпоха истины, соответствующая уровню смысла. В частности, происходит обожествление мифологической, религиозной и эстетической истины, выступающей на арену именно в данной роли. Это — эпоха обожествления женского, материнского начала, что подтверждается многочисленными скульптурными изображениями с утрированными физическими признаками. Развиваются языки. Ценность достижений этой эпохи, необычайно ярко выразившейся в мифологии, религии, искусстве, имеет колоссальное, непреходящее значение. Это наиболее выдающаяся доисторическая эпоха, в которой общество впервые выразило себя в виде священных истин — мифологии, религии, искусства. Человечество и по сей день пожинает плоды наследия этого периода. Две другие формы истины, а именно философская мудрость и медицинская наука, обрели свой фундамент в эту эпоху. Женская мудрость и медицина, являясь влиятельными истинами того периода, нашли очень важное место в жизни. Женщина обрела влияние в пяти важ-

ных областях истины, что и стало причиной господствующего положения богини-матери. За этим, безусловно, стоит главная роль, сыгранная женщиной в развитии земледелия и домашнего хозяйства.

3. Эпоха городов и цивилизованного общества.

Социализация, возрастающая вместе с урбанизацией, в диалектике развила и ее антипод. В эту эпоху диалектическое противостояние породило классовое расслоение общества и государство. Подобная классовость и этатизация, развивавшиеся как социальное искажение, в плане социальной истины способствовали глубочайшему раздвоению и разделению. Поскольку раздвоение и разделение формировались на почве противоречий, включающих в себя применение силы, данное явление можно считать началом эпохи подавления истины силой. В конкретике эта ситуация раскрывается и как война истин.

То, что истины загружаются классовым и государственным смыслом, спроецировано на суть истории. Как и какими бы методами не выражалась история, она построена, написана в такой форме, что несет на себе ярлыки класса и государства. Раздвоение социальной действительности, следовательно, социальной истины, является основой всякого рода отчуждения. Отчуждение, будучи связано с искажением социального смысла, вместе с тем означает отказ от выражения социальной истины вплоть до совершенно противоположного выражения действительности. Кардинальное отчуждение социальной личности становится самым большим злом в истории. Социальное отчуждение можно толковать также и как историческое предательство. Отчуждение происходит на всех уровнях, охватывая все материальные и духовные сферы общества. Когда отчуждение труда соединяется с отчуждением в сфере мышления, гегемонистская система цивилизации продолжает свое действие. Эпоха цивилизации, представляющая собой классовую, государственную систему общества, может быть охарактеризована только как реализация на базе раздвоения и разделения социальных сфер.

Социализация в рамках цивилизации — это распадающаяся действительность, создающая возможность постоянных конфликтов. Она проявляет себя и как поиск глубокой истины и столкновение. Господствующая власть, использующая монополию эксплуатации и силы, по мере подавления и искажения социальной истины создает общества, состоящие из угнетенных и эксплуатируемых групп, личностей и народов. Эти прослойки используются в качестве массы, толпы, утратившей смысл, а, следовательно, и истину. Только утратив свою истину, они могут оказаться в состоянии, допускающем подобное использование. История цивилизации в узком смысле является историей создания и существования этой эксплуатации в качестве смысла и истины.

ж. Социальная истина и формы ее отчуждения

Если социальная действительность не допустит никакой эксплуатации и угнетения ни внутри общества, ни за его пределами, можно будет говорить о свободном развитии смысла и истины. В таком случае смысл и истина являются свободными. Быть свободным можно только при наличии смысла и истины. У кого нет свободы, у того не может быть личности, следовательно, смысла и истины.

Формы истины развиваются по-разному в обществах, где формы истины продолжают существовать в условиях преобладания угроз, исходящих от природных условий (дикие звери, климат, инфекционные болезни), и в благоприятных условиях (изобилие питания, фрукты, дичь, хороший климат, безопасная и здоровая среда), где также присутствуют социальное угнетение и эксплуатация. В общих чертах мы можем отобразить эти формы следующим образом:

1. В условиях, когда социальное господство (иерархия и государство) еще не было развито, главными формами выражения истины были мифология, религия и искусство. Доля философии и науки была крайне ограниченной. Однако роль мифологии

была ведущей. Как известно, мифология — это легенды, предания, сказания, сказки. В мифах непременно скрывается какая-либо истина, точнее, одна из повествовательных форм истины. Религия, утонувшая в цивилизации, — это такая форма, в которой верования имеют преимущественное по сравнению с мифологией значение, а конкретика высказывается на уровне истины. Религия — это мифы, в истинность которых верят. Религиозные верования и суждения отождествляют себя с истиной. Мудрость (философия) и наука несут в себе глубокое влияние мифологии и религии. Искусство, как форма истины, находится в тесной связи с религиозным и мифологическим мышлением, стремясь выразить смысл в форме музыки и рисунка. Исследование смысла, которым наполнены музыка, изобразительное искусство и скульптура, это очень серьезная деятельность во имя истины. Значимы не сама музыка, рисунок или скульптура как таковые, а их ценность в выражении смысла и истины.

Основным является поэтический язык мифов и религии. Сам по себе язык с момента своего зарождения и на протяжении достаточно длительного периода обладал поэтическим характером. Следовательно, между поэзией и истиной есть тесная связь. Поэзия — это язык и истина древнего, свободного, не знающего угнетения общества. Первые певцы-сказители были теми людьми, которые возвестили истину еще до мудрецов и пророков. Поэтичность языка какого-либо общества и мелодизм музыкального сказания свидетельствуют о том, насколько это общество свободно и каким смысловым мировоззрением оно обладает.

2. Цивилизованное общество, как классовая и государственная социальная система, ввиду своей подверженности завоеваниям и раздроблению как изнутри, так и извне, испытывает эту раздвоенность и в отношении смысла, и в отношении истины. Когда в мифологическое и религиозное пояснение вмешивается власть, происходит отчуждение истины. Отчуждение связано с сутью, действительностью цивилизованного общества, которое основано не только на сказаниях. Когда господствующие организации представляют свое смысловое содержание как истину,

парадигмы социальной жизни испытывают кардинальные изменения. В обществе формируются противоречивые формы жизни и способствующие им парадигмы. Отчуждение происходит как очернение истины, ее распад и растворение. Ценность отчуждения в ракурсе истины постоянно падает в результате усилий, прилагаемых для узаконения процессов искажения, подавления и очернения. Когда не остается ни одной истины, за которую надо бороться, отчуждение превращается в собрание бессмысленных структур и становится просто грузом для общества. Это своего рода патологическая болезнь общества, известная под такими названиями, как консерватизм, софистика, фашизм. Отчуждение как социальная действительность в виде болезни уже бессмысленное явление. Утрата смысла отражает наиболее опасное состояние общества.

Процессы раздвоения и противоречия, происходящие с истиной в социальной природе цивилизации, прослеживаются во всех ее формах. По мере падения ценности истины мифов и религии богини и боги, нашедшие себе пристанище в осмысленной и живой атмосфере, уступают место утратившим ценность идолам. Все выдающееся, священное переходит из эпохи благодарной богини в эпоху карающего, порабощающего бога. По сути, социальный переход (от общины к классовому обществу) именно так выражает себя в истине. В шумерском обществе данный переход прослеживается очень ярко. Кроме того, между богами тоже начинаются распри. Если традиция Диониса выражается в виде социальной истины сельской общины, то традиция Зевса выражается как истина господствующей прослойки, испытавшей первое раздвоение и преобразование. Даже это столкновение традиций обретает оригинальный смысл в общества Шумера. Эти две традиции довольно ярко отражены в искусстве той эпохи. Эпоха богини продолжается вплоть до Пресвятой Девы Марии. По мере восхождения на уровень господствующей системы капитализм стал, создавая свою современность, сжигать на кострах ведьм — последних представительниц эпохи богини, и это наводит на серьезные размышления.

В эпоху цивилизации философия и наука обрели свое значение как формы выражения истины. Основополагающую роль при этом сыграли поиски истины и борьба. Место богов-царей в масках, уже не скрывавшихся, как прежде, за мифическими и религиозными догмами, заняли системы, пытающиеся укрыться в покрывала метафизики. Метафизика развивается как субъективность господствующих систем цивилизации в результате того, что монотеистические религии оказались недостаточно убедительными. Вместо бога теперь уже предлагаются идеалы, выдаваемые за истину. Идеализм, как бог, облачившийся в формы государственности, позиционируется скорее как некая истина. Именно поэтому между идеализмом и отчуждением есть тесная связь. Теперь уже социальные истины пытаются выразить не образами богов, а идеями. Идеализм возвел процесс износа, растворения и искажения социальной истины на достаточно высокий уровень.

Бесчисленные государства, считающие себя цивилизацией, как системы гегемонистской власти и эксплуатации, желая замаскировать постепенное сужение своей социальной значимости, уделяют преимущественное внимание тем формам искусства, которые способствуют преувеличению их значимости и приукрашиванию. В частности, цивилизации Древнего Рима и Древней Греции придавали очень большое значение представлению истины в сферах архитектуры, музыки, мозаики. Чем более преувеличенно позиционирует себя система, тем больше она старается скрыть и исказить свой социальный смысл (действительность угнетенных и эксплуатируемых). Наука, философия и искусство, как это происходило в эпоху мифов и верований, привязываются к власти, их стремятся вовлечь в сферу государственности. Так проходит научная и философская борьба с социальным распадом. По мере того, как наука и философия стараются противостоять процессу утраты смысла, возрастает их способность выражать истину. Но, попадая под власть государства, они превращаются в догмы, теряют связь с истиной и начинают играть роль орудия изображения процесса отчуждения. Когда наука и философия, развивающиеся как выразители истины в противо-

вес мифологическим и религиозным выражениям, утратившим связь с истиной, начинают отходить от своей роли, причем не во имя самого общества, а в угоду интересам монополий гнета и эксплуатации, они также, как старые мифологические и религиозные выразители отчуждения, догматизируются и теряют связь с истиной. Аналогичные процессы происходят и в искусстве. Утратив связь с истиной, искусство становится преувеличением, но само минимизируется, и тогда уже не в состоянии выразить социальную действительность.

Социальные проблемы, вызванные властью в эпоху цивилизации, требуют своего решения во всех способах выражения истины. Насколько социальный характер имеют источники проблем, связанных с истиной, настолько и их решения находятся в рамках социологии. Отчуждение науки, утратившей связь с обществом, стало быть, связь с истиной, становится неизбежным. Общества, достигшие совершенства во всех методах установления истины, спаслись от проблематичности и от отчуждения, став обществами равенства, свободы и демократии, нравственными и политическими.

3. Истина и отчуждение в современном капитализме

Современный капитализм не просто осуществляет максимальное накопление власти и прибыли-капитала, но в связи с этим характеризует систему отчуждения истины. Не только рождение этой системы потребовало самых кровавых войн за истину, но и продолжение ее повлекло за собой страшнейшие за всю историю войны. Проводимые системой войны были не только войнами за власть и эксплуатацию; вместе с тем это были тяжкие войны за истину. Современный капитализм, как наиболее развитое глобальное продолжение систем цивилизации, реализуется в тех границах, в которых он подавляет, искажает и очерняет общественный смысл и истину. По мере того, как внутри системы доходят до максимума прибыль и власть, сужается до миниму-

ма сфера истины общественной жизни, происходит ее утрата. Жизнь общества становится не просто жертвой стремления к власти и прибыли. Во всех формах выражения истины происходит убийственный процесс отчуждения. Общество оказывается перед пропастью уничтожения смысла и истины. Вместо всех реалей насаждаются реалии власти и капитала.

Капитализм, как первый краеугольный камень современного мира, увидев шанс стать системой, начал свой путь с ликвидации главных общественных ценностей доисторического и современного ему периода. В первую очередь под лозунгом «охоты на ведьм» капитализм сжег в костре ту силу женской социализации, которая пыталась бороться и уцелеть. Охоту на ведьм невозможно рассматривать отдельно от стремления к капиталу. Эти сцены сжигания на костре оказались более чем на руку капитализму в плане установления гегемонии над женщиной, что стало тягчайшим порабощением. Если сегодня женщина, превращенная в проститутку, поставлена на службу системе, то это ее состояние очень тесно связано с падением у истоков. В Европе воспоминания о сжигании на костре определили неограниченное служение женщины прихотям мужчины.

После женщины система принялась за безжалостное истребление сельской общины. Если бы сохранилась общинная, демократическая сторона социума, не было бы возможным обеспечение максимальной власти и прибыли, а, следовательно, репрессии в отношении такого социума были неизбежными. Шансы системы на становление возрастали по мере того, как система добивалась ликвидации этого общества, являющегося фундаментом истины и смысла сопротивления, боли, радости на протяжении десятков тысяч лет. Все меры (как в Европе, так и во всем мире — в XVI веке и позже) подтверждают эту истину. В этом же ракурсе можно рассматривать войну против церкви, выразившей, хоть и в ограниченной степени, истину общества докапиталистического периода. Несомненно, христианское всеобщность, будучи выражением социального начала, занимает весьма значительные позиции в плане защиты общества, даже несмотря на определенную долю участия в старых монополиях власти и эксплуатации.

Капитализм не смог бы обеспечить свое выступление, если бы не смог нейтрализовать эту позицию христианства. Эту истину подтверждают масштабные религиозные войны.

Узаконив наиболее воспитанное рабство под названием «пролетаризация», капитализм нанес еще один смертельный удар по социальной истине. Одна из самых больших ошибок К. Маркса заключалась в том, что он впал в эйфорию и считал важнейшим элементом именно пролетариат, который был элементом утерявшим истину. Пролетарий — это развитая стадия раба. Продолжая находиться в таком положении, он ни в коем случае не сможет стать элементом, обладающим истиной. Не убив все человеческие, социальные особенности пролетариата, капитализм не стал бы использовать его в своих делах. Человеческая, социальная суть в античном рабе была сильнее, чем в пролетариате, ставшем рабом капитализма, но, все же, являясь рабом, сможет внести свою лепту только в том случае, если постигнет свободу. Утверждение о том, что можно, оставаясь рабом, нести на себе груз истины, является самым большим заблуждением марксизма. Именно эта истина лежит в основе неудач социалистической системы.

Буржуазия, которую капитализм возвысил как социальный класс, — это само по себе социальное бедствие, разразившееся над истиной. Даже бог-царь гораздо ближе к истине, чем буржуазия. Буржуазия представляет собой большую, патологическую часть разделенной надвое истины и социальной природы, на которую она опирается, которую она выражает. Современный капитализм не просто парализовал всю социальную истину руками именно этого класса, но и довел до чудовищного (Левиафан) уровня процесс отчуждения власти и капитала от общества.

Национальное государство, являющееся вторым краеугольным камнем современности, можно охарактеризовать как беспрецедентного могильщика истины. Ни одна социальная патология не смогла так, как национальное государство, оторвать общество от его жизненных сил, превратив его в единообразную структуру во имя социальной инженерии (Демиург = Бог Архитектор). Перемалывание священнейших жизненных различий

(в случае если жизнь = многообразие) и порождение монистических структур, скрывающееся под прогрессивным обликом современного капитализма (современный вариант описанного в религии конца света), и есть самый настоящий фашизм. Фашизм — это социальная патология, возникающая там, где исчерпывается социальная истина. Без монополии власти и капитала национальное государство никоим образом не может состояться. Такие понятия, как «границы», «Родина», «нация», «флаг», «гимн» и «гражданин», которые национальное государство пытается возвести до священных высот, тесно связаны с предательством истинных социальных святостей. Создание и внедрение таких концепций, как «монистическая Родина», «нация», «гражданин», возможно только в результате раздробления человечества так, как мясник рубит мясо. Но это происходило на протяжении всех эпох! В такой ситуации бывает не только отчуждение, отдаление от социальной истины, но и имеет место истощение самого общества. Если в рамках национального государства происходит приумножение религиозной, националистической, сексистской и «научной» власти, то социальные истины находятся в такой ситуации, что до предела подвергаются насилию, аннексии и отрицанию. Высказывания некоторых философов, восставших во имя социальной истины в первую очередь Ницше, Фуко, Адорно, о личности, выхоленной современным капитализмом, лишенной социального характера, подтверждают эту истину.

То, что третий краеугольный камень современности, индустриализм, стал уничтожением экологии, уже является открытой истиной. Это убийство не только экологической среды, но и социальной действительности, существующей благодаря окружающей среде. Общество, день ото дня все больше утрачивающее свою окружающую среду, превращается в общество, по частям теряющее свою жизнедеятельность, отдающее ее в пасть чудовища. Индустриализм является пособником капитализма и национального государства в ликвидации общества, на протяжении миллионов лет создававшегося с помощью борьбы, причем это преступное уничтожение происходило в такие кратчайшие

сроки, которые можно считать мигом в сравнении с процессом формирования самого общества. Высокомерие, с которым общество, насквозь пораженное раковой опухолью, под лозунгом индустриального общества стремится представить себя в виде самого прогрессивного общества, открыто свидетельствует о том, каким патологическим явлением является индустриализм как таковой. Ни одна война не совершала столько преступлений и убийств, сколько было совершено во имя индустриального общества (при поддержке капитализма и национального государства). Ни одна война не нанесла обществу столько кровоточащих ран.

Если такие понятия, как «конец света» и «Судный день», имеют какой-то смысл, то, во всяком случае, это должно отражать именно тот роковой финал, когда чудовище о трех ногах, называемое современностью-модернизмом, буквально уничтожает человеческое общество, его смысл и истину!

Истинная причина того, что я постарался в общих чертах представить концептуальные и теоретические рамки для повторной характеристики социальной жизнедеятельности на Ближнем и Среднем Востоке, заключается в том, чтобы дать ответ на вопрос: «Что такое социальная жизнь?». У человека очень странный подход к собственной жизни; он считает, что он проживает свою жизнь от начала до скончания веков по одной линии, или на одном повороте. Это кардинальная ошибка. То, что человек, имея шанс на самую осмысленную жизнедеятельность, тем не менее является наиболее ошибающимся видом, это не просто игра природы, а, на мой взгляд, это, скорее всего, именно та игра, которая проявляется в эксплуататорском обществе. Ни один одушевленный вид не совершает столько ошибок, сколько человек. Эта игра кажется мне насколько странной, настолько же и удивительной.

Точная характеристика социальной жизни и жизнь в границах этих знаний важна настолько же, насколько и сама жизнь. Возможно, жизнь существует для того, чтобы ей дали верную характеристику. Должен сразу же отметить, что жизнь в целом и, в частности, человеческая жизнь является итогом уникальной

архитектуры и созидания. Основопологающей задачей социологии является обозначение составляющих этого созидания. Для того чтобы обстоятельства, которые я хочу обозначить, были лучше поняты, могу в качестве примера привести бабочку, жизнь которой длится всего три месяца. Именно внутреннее строение и экология окружающей среды определяют в три месяца жизнь бабочки. Если с бабочкой не произойдет несчастный случай, она проживет эти три месяца. Отсутствие начала и конца (проблема начала и конца жизни) определено для нее именно этими тремя месяцами. И бабочка даже не задумывается по поводу того, чтобы превращать это в какую-то проблему. У нее даже не может быть такого рода желания. Если бы таковое и было, это не стало бы какой-либо существенной проблемой. Пример в примере — случай с Гильгамешем. Я привожу Гильгамеша в качестве отрицательного примера и объясню это. Вся природа и Космос, в сущности, живут по тем же правилам, что и бабочка. Только человек живет как противоположность этому правилу, становясь источником огромных проблем.

В поисках начала и конца своей жизни человек прибегает к неистовым усилиям, причем эти перепады доходят от размышлений о рае на небесах до ада в подземелье. Эти неистовства расходятся от вознесения самих себя до уровня богов-царей до подлого порабощения людей. Даже такое поведение, как содомский грех или позиционирование самого себя в статусе среднего пола, тоже свойственно только человеку. Ни одно одушевленное существо не мечется между страстью массовых погромов и резни и поисками эликсира жизни, причем эта невиданная болезнь продолжается только у человека. Для того, чтобы разобраться в человеке, в его безграничных странностях, для их осознания и предотвращения необходимо дать верную характеристику самой жизни. Правильное определение может стать первым шагом к правильной жизни.

В большой вступительной части к данному разделу, в целях освещения данной темы, я попытался развить ее концептуальные и теоретические рамки. Несомненно, идеальная социология должна развить эти границы и сделать их жизнеспособными. Именно

по этой причине, при стараниях проанализировать структурный кризис современного капитализма и пути выхода из этого кризиса, первостепенной задачей является новое определение и создание (организация) социологии.

Альфой и омегой человеческой жизни является ее социальный характер. Первой причиной моего решительного и настойчивого подхода к данной теме является то, что социология по сей день не пыталась самоопределиться, а даже если были такие попытки, не могла обеспечить научный характер, являющийся ее смыслом и ценой истины, самоорганизацию и собственную социализацию. Второй и более серьезной причиной является то, что современный капитализм возвел личность и индивидуализм собственного либерализма до невиданного уровня — на анти-социальной почве совершенно преувеличенного возведения их до чудовищных масштабов. В существующем виде индивидуализм не просто не в состоянии продолжить свое существование, но, откровенно говоря, невыносим. Не только у общества, но и у всей нашей планеты не осталось сил для борьбы с индивидуалистической жизнью, допускающей странности, которые невозможно наблюдать ни у одного одушевленного существа. Человеческая жизнь дошла до такой степени, что человек не устает заниматься двадцать четыре часа в сутки убийством людей, сексом, спортом, искусством и гоняться за прибылью. Ясно, что концом такого индивидуализма окажутся ускоренно развивающиеся болезни — рак, СПИД. Судные дни, о которых очень давно говорили пророки, являются выражением этого индивидуалистического периода.

Но тогда первой задачей, которую необходимо выполнить из уважения к жизни, является строительство социальной жизни, второй — приостановление индивидуалистического стиля жизни и стоящей за ней системы, что и является условием выхода из данной ситуации.

Несомненно, общественный характер жизни зиждется на организационном и созидательном началах индивидуума. Не может быть общества, оторванного от индивидуума. Сравнение индивидуума с обществом можно считать сравнением элементов во-

дорода и урана. Атом водорода сам по себе является очень простой структурой. Распространение энергии и частиц, даже при наличии в некоторых видах, имеет очень ограниченный характер. Что касается урана, то многочисленные соединения, синтезированные из тех же атомов, постоянно распространяют энергию и частицы. Наконец, именно эта особенность и является почвой для создания атомной бомбы. В обществе тоже синтезировались многочисленные индивиды, но распространяемая ими энергия и частицы (старые и новые сообщества) имеют такие масштабы, которые несоразмерны для индивидуалиста (атом, у которого нет иной задачи, кроме собственной жизни).

Когда личность теряет свой социальный характер, даже продолжая жить как физическое тело, она становится или предателем, или подлецом, или идиотом.

Очень важно рассматривать социальность Ближнего и Среднего Востока как некое универсальное образование. Руководствуясь опытом, приобретенным в результате длительного проживания у подножий горной гряды Тавра и Загроса, кочевые охотники и собиратели растений при переходе к образу жизни земледельца, даже сами того не осознавая, фактически строили структуру универсальной жизнедеятельности. В соответствующих разделах труда я постарался рассмотреть как самую упомянутую структуру, так и эпоху центральной цивилизации, возникающей на ее основе. В данном разделе стоит дополнительно остановиться на смысле этой структуры, прояснить ценность истины, что станет определенным вкладом в раскрытие темы.

Начиная с эпохи двадцатитысячелетней давности, когда начался процесс завершения последнего ледникового периода, новый общественный уклад, формировавшийся у подножий горной системы Тавра и Загроса, уже был в состоянии перехода от собирательства богатой растительности к земледелию, от одомашнивания животных к скотоводству. Этот переходный процесс, происходивший десять тысяч лет назад, завершился формированием оседлых сельских поселений. Обработка пахотных земель и скотоводство выдвинули на передний план социум земледельцев и пастухов. Определилась жизнь, казавшаяся мечтой людей. Ос-

нова всех праздников и ритуалов, следы которой мы видим и по сей день, возникла именно от этой радости жизни, похожей на мечту. Был совершен переход от бедного общества к обществу изобилия. Около десяти тысячелетий продолжался такой уклад жизни, и иных типов жизнедеятельности не было. Он распространился по всему миру. Несмотря на многочисленные гипотезы по поводу центра этой социальности, определяющее значение этой первой централизации нового уклада жизни подтверждается и поддерживается сильными доказательствами.

Данное общество, развивавшееся вокруг образа фигуры женщины-матери, имеет большое значение и с точки зрения формирования первого родового строя. Родственные связи определялись на основе кровного родства с женщиной-матерью. Переход от первобытного клана к первому родовому обществу осуществлялся именно на почве этих родственных связей. И по сей день это существует в виде общественной структуры с сильной родовой почвой и самостоятельной идентичностью. Оригинальный язык, религия, мифология, искусство, философия и научные структуры, сохранившие влияние по настоящее время, пустили первые свои ростки в недрах этого общества. Ткачество, гончарное дело, возделывание земли, строительные инструменты, жернова обязаны своим изобретением именно обществу этого периода. Плодом этого социума являются священные узы с обществом и формирование собственных уделных вотчин. Можно сказать, что 90 % «новшеств», имеющих отношение к обществу, рождены обществом данного периода.

Социальный уклад, самостоятельно существующих десятки тысячелетий, образовал основные каноны мышления и духа человечества, его материальные и культурные ценности. Возможно, уклад общества и был достаточно примитивным (образ мышления и чувства земледельца-пастуха-женщины-матери, сознания и души, некоторые средства производства), но он успешно заложил фундамент полноценной жизни человечества. Все реализованное впоследствии развивалось на фундаменте этого общества. Ни один процесс, связанный с человеком, не мог развиваться в противоположном направлении. Я не утверждаю,

что не было никакого иного развития. Если даже оно и было, то развивалось в связке с этим обществом как его ответвление. Общества являются историческим достоянием — не может быть общества без исторических корней. Научный метод, игнорирующий историю современного капитализма, основанный только на анализе, несет ответственность за искаженное и лишенное ценностей истины развитие всех наук, в частности, социологии. Основными ошибками европейской науки являются отсутствие точного анализа и объективности, что представляет собой абсолютно неприемлемую метафизику.

Если общества являются историческими фактами, то их смысл тоже имеет исторический характер. А смысл — это сущность социальной жизни. Он может считаться ее целью, духом и разумом. Что касается истины, то это доведение смысла данного исторического социального достояния до уровня языка, выражения и формы при помощи методов мифологии, религии, искусства, философии и науки.

Если человеческое общество и прошло через все страшные катаклизмы, то теперь оно живет на базе этих методов истины. Такая форма жизни и является еще одним доказательством исторического характера общества. Безусловно, эта форма социальной жизнедеятельности не осталась неизменной. Она всегда развивалась по законам диалектики и по настоящее время сохранила свою основную форму даже будучи растерзанной, поставленной на грань ликвидации и разрушения.

Первый масштабный пролом в виде данного исторического общества был пробит усилиями иерархии. Иерархия, как это было уже отмечено, еще с 5000 г. до н. э. разместились в недрах общества как элемент, постоянно дающий о себе знать. Сама по себе иерархия выражает первую группу избранных. Иерархия, как тройственный союз жреца-правителя-военного вождя, пытается внедрять свои институты вместо власти женщины-матери. Первое серьезное отчуждение в недрах социальной жизнедеятельности начинается с власти этих самых избранных. Избранная семья, династические структуры образуются из иерархии. Если династия, с одной стороны формируется как государство,

то с другой стороны, будучи семейственностью, она придает социальной жизнедеятельности иной смысл и формы. Речь идет о коренном преобразовании.

С развитием с середины IV тысячелетия до н. э., урбанизации, классового расслоения и становления государственности, этот процесс разделения, преобразование смысла и формы углубляется. Цивилизованная жизнь играет главенствующую роль. Монополии цивилизации, созданные на основе прибавочного продукта общественного производства (государство, плантации, рабовладение, торговля, монополии ростовщиков) глубоко ранили все общество. По мере того, как отчуждающие элементы, неизвестные обществу, размещаются в его недрах, изначально присущие формы жизнедеятельности выкладываются перед низшими и высшими слоями, которые постепенно теряют свой смысл и форму, и целостность которых постепенно разрушается. Существование, называемое цивилизованным образом жизни, выражает именно это. Цивилизация, развивавшаяся в обществе Ближнего и Среднего Востока, на той же центральной территории («Плодородный Полумесяц»), тоже имеет смысл центральной цивилизации. Она универсальна. Даже если данная цивилизация и усиливает отчуждение в недрах социальной жизни, исторически и географически она все равно остается ближневосточной. Цивилизованная жизнь, разместившаяся на высшем ярусе жизни социальной, является выражением гегемонистского периода, длящегося около пяти тысячелетий.

Гегемония отнюдь не просто элемент. Она проникла во все щели, ткани и органы общественной жизни. По законам этого образа жизни женщина как идентичность размещена на самом нижнем ярусе. Женщина порабощена мужчиной. В качестве третьего социального пласта хотят разместить и структурировать мятежные кочевые племена и родо-племенные структуры, а также трудящиеся слои и ремесленников. Но упомянутые прослойки, воздействуя на два других социальных пласта, на протяжении всей истории сохраняют присущий им мятежный образ жизни. Более того, монополии цивилизации хотят легализовать-

ся в социальном жизненном укладе естественно и бесконечно, используя не просто инструменты неприкрытой силы, но прежде всего методы выражения истины (мифологические, религиозные, философские, эстетические и научные). Перемалывая в жерновах своих монополий все старые каноны социальной жизнедеятельности, праздники и обряды, верования и развлечения, они вновь утверждают свое владение ими, вновь ставят на них свое клеймо. Однако древнейшая социальная жизнедеятельность продолжает существование и сохраняет значение, основываясь на собственных канонах. Она подтверждает собственную истину, пусть даже и в раздробленном виде. Несмотря на то что в эпоху цивилизации на территории Индии, Китая, Южной Америки достигнут определенный уровень развития, главную роль до современной Европы играла центральная система цивилизации ближневосточного происхождения.

Центральная система цивилизации, совершившая свой последний исход под названием «ислам», в результате пятивекового присутствия, как уже было отмечено, уступила гегемонию современному европейскому капитализму. То, что пережило общество Ближнего и Среднего Востока в виде ислама, это, в сущности, его древняя история. В то время, как иерархии, династии и империи в исламский период продолжали существовать в виде халифатов, эмиратов и султанатов, мятежные демократические элементы стремились сохранить свою жизнедеятельность, смысл и истину в виде различных конфессий (алевиты, шииты, хариджиты, езиды, иудеи, христианские течения и народности) и общин. Несмотря на все эти расслоения и раздробления, очевидной истиной является то, что социальная жизнедеятельность на Ближнем и Среднем Востоке обладает собственным универсальным характером и целостностью. Историческое общество продолжает существовать, но его смысл и истина ослаблены и раздроблены.

Основной вопрос, который следовало бы задать в данной ситуации: отчего в обществе Ближнего и Среднего Востока отсутствуют возможности развития современного капитализма? Ответ заключается в том, что причинами не являются ни рели-

гиозные препятствия, ни отсталость орудий производства, ни недостаточность капитала. Известно, что в этих сферах Ближневосточный регион был намного впереди Европы. Речь идет о XII–XV вв. Европа тогда приобщалась к процессу зарождения городов. Торговля и деньги развивались на вновь появившихся рынках. Что касается Ближнего и Среднего Востока, то здесь эти процессы уже развивались в виде определенных зигзагов еще четырем тысячелетиями раньше. Промышленность региона также опережала европейскую во много раз. Ближний и Средний Восток обладал также центральной системой цивилизации. Эти причины, собственно говоря, объясняют, почему не был осуществлен переход к капиталистической системе. Ближний и Средний Восток уверен в собственной системе. Производства прибавочной стоимости достаточно для гегемонистских сил. Речи нет о серьезных и смертоносных стратегических силах, противостоящих ему изнутри и извне. Даже такие внешние силы, как монголы, были растворены в горнилах ближневосточного общества.

Мнение об основополагающей роли стратегических причин европейской экспансии, которое я пытался рассмотреть в начале данного раздела, остается в силе. Капитализм является режимом стратегической обороны и агрессии, но он оказывается тем средством, к которому обращаются монополии власти и капитала, оказавшиеся в тяжелом положении и переживающие дилемму жизни и смерти. Стратегический вопрос жизни и смерти, переживаемый некогда Голландией и Англией, вынудил их обратить взоры к капитализму.

Англия, ставшая восходящим гегемоном, еще в XVI столетии начала свою разведывательную деятельность в отношении Ближнего и Среднего Востока. Впрочем, путь был еще раньше основательно проторен итальянскими городами, в первую очередь, Венецией, а затем и Наполеоном. Более того, еврейский капитал, очень хорошо знакомый с Ближним и Средним Востоком, изначально проявлял стратегический интерес к региону и указывал пути к нему. Профессиональный интерес к региону со стороны Голландии, Англии, других передовых европейских

стран и США характерен для еврейского капитала. С другой стороны, этот капитал являлся также учителем и проводником знаний в направлении Европы. В этом плане евреи, как сообщество опытных купцов проводили соответствующую деятельность еще со времен первых проявлений активности Урфы и Египта (1600—1300 гг. до н. э.).

Второй причиной того, что капитализм так и не смог сыграть стратегическую роль на Ближнем и Среднем Востоке, заключается в том, что христиане, в частности, армяне, ассирийцы, эллины, а также евреи были вынуждены мигрировать из региона с началом возвышения ислама, препятствовавшего их развитию. Эти слои населения, чьи накопления подверглись наложению дани и время от времени подвергались разграблению, не смогли пройти этап становления городской буржуазии европейского типа, что и породило серьезные последствия не в пользу региона. В регионе не только не было раннего Ренессанса, но, более того, атаки на развитую здесь культуру превратили регион в бесплодную пустыню. Исламу очень далеко до статуса, позволяющего самостоятельно представлять культуру Ближнего и Среднего Востока. Христиане и евреи, как наиболее культурные народы, обладали материальными достижениями, соответствующими историческому значению региона. В определенной степени ислам был создан на основе этих ценностей. Он аннексировал ценности, но не развил их. Христианская и еврейская культуры, набиравшие силу в Европе, стали важнейшими краеугольными камнями развития европейской цивилизации. Если бы они главенствовали на Ближнем и Среднем Востоке, то шансы европейской цивилизации на роль гегемона были бы ничтожно малы. В высшей степени поучительно отслеживание этих реалий на примере Османской империи.

В свете этих пояснений еще лучше осознается то, почему не имели успешного результата крестовые походы, осуществленные Европой в XI—XIV вв. Если бы, учитывая полученные уроки и унаследованные ценности, XVI—XIX вв. направил бы свои капиталистические выступления на Ближний и Средний Восток, тогда те же причины предопределили бы его успех. Эта тема была

достаточно освещена в соответствующих разделах. Для Ближневосточного региона важны процессы, которым способствовала современная Европа, перешедшая в наступление с XIX века. Но гораздо важнее кризисы и упадок, развивающиеся в социальной структуре.

Я часто подчеркивал, что цивилизация как факт является источником проблем. Для анализа процессов важно определение того, что цивилизация как структура последовательно испытывает то проблемы, то кризисы. Цивилизации, являющиеся структурами на протяжении длительного срока, вступая в полосу кризиса, постоянно меняют сферы и гегемонию. Можно говорить о том, что цивилизация Ближнего и Среднего Востока, в силу разнообразных внутренних и внешних причин не сумевшая сделать скачок в сферу современного капитализма, но совершившая вместе с исламом свой последний поворот, с XIII века вступила в полосу структурного кризиса. Османская империя не внесла никакого иного значения, кроме углубления структурного кризиса. Распространение, продемонстрированное капиталистической стратегией в течение столетий своего формирования, не допускало успеха в силу своей кризисной структуры. Наконец, то, что капитализм в XIX веке усилился, достаточно открыто раскрывает этот его смысл.

XIX–XX столетия для общества Ближнего и Среднего Востока стали временем захвата в ходе реализации капиталистической стратегии. Этот период, когда на службе современного капитализма оказались три всадника Апокалипсиса (капитализм, национальное государство, индустриализм), стал периодом углубления кризиса и упадка. Историческая и социальная жизнедеятельность, длившаяся тысячелетиями, с распадом вышедшей из ее же недр пятитысячелетней цивилизации, оказалась полностью окружена. Союз ее собственных цивилизационных излишков с современным капитализмом способствовал постоянному углублению депрессии социальной жизни Ближнего и Среднего Востока. Эта характерная депрессия была обусловлена колоссальным грузом исторического прошлого и многолетней агрессивией стратегии современного капитализма. В то

время, как социальная сущность региона была раздроблена на части, он также переживает период хаоса в отношении смысла и истины.

Б. ГЕГЕМОНИСТСКОЕ НАШЕСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Если вновь вспомнить три особенности системы цивилизации, то первой будет конкуренция-гегемония, второй — центр-периферия, а третьей — изменчивый характер с взлетами и падением. В основе же лежит борьба между монополиями, ориентированными на власть и экономику. Эти тенденции, медленно проявлявшиеся на этапах зарождения и становления цивилизации, в эпоху современного капитализма отражаются как в крайне концентрированных и стремительных формах с краткими промежутками, так и в очень кровавых формах. В результате воздействия этих факторов и тенденций на общество, экономику и политическую жизнь так и не прекращали свое существование конкуренция-гегемония, колониальные регионы, крайне слабые по сравнению с очень развитыми центрами-метрополиями, а также кризисы, упадки, проявлявшиеся с более или менее длительными промежутками. Этот цикл постоянно просуществовал в течение исторического периода от царя Саргона, отмеченного историей как первый гегемон, до современного Дж. Буша.

Современный капитализм вновь убедительно доказал этот цикл на примере исхода и подъема английской гегемонии. Оценка английской гегемонии как усиления избранных кругов одного островного государства была бы недостаточной и ошибочной. Английская гегемония уже на первых шагах своего подъема сделала глобальный шаг, и таковой остается по сей день.

Давая оценку современности, необходимо преодолеть влияние данного подхода, лежащего в основе всех ошибок, и исправить

этот стиль. Данный стиль является привычкой мыслить и по-велевать в масштабах страны, национального государства, факта, личности. В частности, такого рода позитивистские подходы идеологов национального государства играют определяющую роль в очернении социальной истории. Цель их заключается в том, чтобы представить божества и религию национального государства в качестве конкретной истины. Правильнее было познание всеобщего и частного социальной природы в границах целостности созданных реалий, смысла и истин, не впадая в идентичность объектов-субъектов. Этот подход, который можно назвать жизненным взглядом, используется в качестве основополагающего метода как в отношении универсальных, так и частных, а также природных понятий.

Английский монополизм (который можно назвать гегемонией, мировой системой, капиталистическим колониализмом, империализмом, империей, современностью, цивилизацией), совершая свой исход на базе трех краеугольных камней, коими являются капитализм, национальное государство, индустриализм, действовали в пределах тех же тенденций. Постоянно имели место конкуренция-гегемония, центр-периферия и периодически меняющаяся волна кризисов. Лондон умудрился удержать под своим контролем всех конкурентов, установить господство своего центра над периферией и выйти из полосы кризисов (краткосрочные и длительные конъюнктурные депрессии). Не разделяя причины на внутренние и внешние, английский монополизм применил этот стиль действий на всех этапах своего стратегического и тактического наступления. И в империалистической политике «разделяй и властвуй», и в стратегическом и тактическом мастерстве он, в сущности, продемонстрировал аналогичные подходы. Так происходит в границах логики, структуры и смысла современного капитализма. Используя логику формирования системы, Великобритания смогла нейтрализовать гегемонистскую ностальгию своих конкурентов в Европе, в частности, Францию, Германию и Испанию. Несомненно, определяющую роль в этом сыграло наиболее удачное применение трех основных орудий, коими являются капита-

лизм, национальное государство и индустриальная логика. Не осталось ни одной истины, которую бы Лондон не использовал на почве этой логики, причем использовал во многом успешно. Португалию против Испании, итоги Французской революции против французских монархий, стремящихся к гегемонии, даже К. Маркса и марксистов, стремившихся стать наиболее сознательными противниками системы, он использовал против Австрийской империи, а процесс становления христианских конфессий — против папской власти. Пользуясь в глобальном масштабе аналогичными стратегиями и тактикой в соответствии с духом и логикой системы, английская гегемония сумела установить свою мировую власть.

При создании во второй половине XIX века Британской империи, «над которой никогда не заходит солнце», определяющим был фактор силы, а не величие страны, государства, нации и даже класса, совершающего выход, не логика, смысл и ценность истины перед лицом противников системы, на которую империя опиралась. Такого рода применение силы в наиболее успешной форме мы видим на примере Александра Македонского. Система, стоявшая за Македонским, — это древнегреческая цивилизация. Итог в конкурентной борьбе систем определялся ценностью логики, смысла и истины, на которую она опиралась. Не вся логика может в смысловом отношении соответствовать истине. Истина — это осмысленная жизнь в состоянии движения. Смысл способен ярко выразиться в одном человеке. Но, организуясь и переходя в движение, смысл может стать социальной истиной. Именно такие состояния организованной истины становятся противниками в борьбе. То, что имеет ценность осмысленной жизни, рано или поздно определит итог борьбы.

В таком случае логика, представленная в Британской империи, и есть осмысленность капиталистической системы. Ее целостная историческая сила. Ее сущность, построенная как система. Речь идет не об исключительной силе государства и класса на этом маленьком острове. Даже управляя группой в составе десяти тысяч человек таким полуостровом, как Индия, англичане про-

демонстрировали, что по-настоящему определяющий характер имела стоящая за их спиной истина современности.

а. В процессе расширения Британской империи на Ближний и Средний Восток в соответствии со стратегическими реалиями предпринимались те же действия. Глобальные потребности системы определили методы, соответствующие региону. Стратегическая ценность, святые места и экономические источники региона, находящиеся на пути, ведущем в азиатские колонии в первую очередь в Индию, — это мотивация для установления власти. Власть, концентрировавшуюся с начала XIX века, развивали шаг за шагом. Даже если Англия, осуществлявшая борьбу за власть в регионе, и ослабела, ее цель заключается в том, чтобы ограничить, предотвратить проникание в регион Франции, причем как своего старого соперника, которая и по сей день стремится к гегемонии, так и новых кандидатов на гегемонию, коими являются Германия и Россия. При этом Англия стремится установить собственные современные ценности. Эти стратегические цели и по сей день не претерпели никаких изменений. Таким образом:

1. Желание поставить господствующие силы региона в зависимость от себя, как это происходит в целом по всему миру, а в случае невозможности сделать это — стремление расколоть данные силы. Османская империя и шахский режим Ирана, оставшиеся в качестве двух последних сил старой цивилизации, осуществили свою деятельность на этой почве. Загрузив современными ценностями эти две региональные силы, которые Лондон решил взять под опеку в борьбе против других кандидатов на гегемонию — Германии, Франции и России — он уделяет большое значение вопросу установления постоянной зависимости. Другие кандидаты на гегемонию, не сидящие сложа руки, стремятся к зонам влияния. И у них есть аналогичные стратегические цели. Две региональные силы, извлекая выгоду из этой борьбы за влияние, попытались продлить свою жизнь при помощи политики баланса. Англия, будучи наиболее опытной гегемонистской силой, не удовлетворилась простым привязыванием к себе двух региональных сил, а запланировала

долгосрочное будущее при помощи политики «маленького национального государства», которую она давно уже применяет в Европе.

Идея национальной государственности не является изобретением национальных, народных сил, как это принято считать. Напротив, это величественное оружие, изобретенное политикой «разделяй и властвуй», которую английская гегемония применяет во всем мире. Она выстрелила по всем европейским империям именно из этого оружия, притом во имя революционности (национальной революции). Национально-освободительные движения необходимо немедленно подвергнуть ревизии. Считается, что они возникают в рамках требований социализма, но это ошибка. Создателем и главной реализующей силы является Англия. Расширяясь как империя, она лишает сил и делит на части соперничающие империи при помощи идеи национальной государственности. Ведь стратегия власти, свойственная современному капитализму, требует прежде всего наличия такого типа государственности. Здесь налицо плоть от плоти привязка к современности. Основываясь на серьезном опыте власти с такой платформой, Англия постоянно уделяла внимание подготовке мелких национальных элит власти. Для нее крайне необходимы и элиты оппозиции — настолько же, насколько и элиты власти. Она никогда не упускала возможности использовать их в угоду своим потребностям. Поддерживая свои связи с официальными элитами двух региональных сил, Англия не просто устанавливала идеологические и практические связи и оказывала поддержку минимальным мелким национально-освободительным движениям, зародившимся на почве различных меньшинств, племен и конфессий, имеющих противоречия с империями, но и при необходимости играла определяющую роль в их создании.

Если посмотреть на национальные движения армян, греков-киприотов, ассирийцев, арабов, курдов, турок и персов с этой точки зрения, испытавшей ревизию, можно более реалистично осознать последние два века истории Ближнего и Среднего Востока. Идеология, которую надо подвергнуть ревизии, ориента-

листский взгляд, лежащий в основе всех течений, отсутствие разделения на правые и левые, религиозные или светские — все это и есть ориентализм. Последние двести лет истории Ближнего и Среднего Востока прошли в плане власти, в русле глубокого кризиса, причем не только с точки зрения зависимости от гегемонии, но и раздробления на мелкие национальные государства. Этот кризис привел к тому, что Османская империя была раздроблена, а на ее месте создано множество национальных государств. Арабы оказались расколоты на двадцать два мелких государства, а раздробление постоянно было актуальным для сотен племен и конфессий. Турки, являвшиеся господствующей элитой империи, получили свое маленькое национальное государство в Анатолии, и в то же время сотни тюркских и туркменских меньшинств на Балканах, Кавказе и Среднем Востоке были брошены на произвол судьбы. Армяне, анатолийские греки-киприоты, сирийцы-христиане, понтийские греки покинули свои места в результате этнических чисток. Они оказались перед угрозой потери своей многовековой культуры. Этнические и религиозные позиции евреев стали значительной динамикой хаоса власти в регионе, причем так, будто бы они заново переживали собственную историю. В течение последних двух столетий возвращение в регион евреев, ставших передовой созидательной силой капитализма, еще больше углубило хаотическую ситуацию.

Еврейская проблема требует основательного подхода к себе, при этом не только как динамика хаоса, связанного с палестинцами и арабами, но и как многосторонняя сила, один из основополагающих факторов демократического строительства в регионе. Не стоит забывать, что евреи были одной из главнейших созидательных сил и распространителями традиции пророков и монотеистических религий. Курдов, являющихся самым древним народом региона, постоянно держат на грани культурного геноцида. Курдам никогда не разрешали выходить из статуса бордавки. Курдов постоянно рассматривали как сильный козырь в политике «разделяй и властвуй». Существует постоянное желание сохранять внутреннее напряжение в Иране, что и позволяет

управлять им. Будто полагая, что этого недостаточно, оба государства в конечном счете умышленно ввели в состояние глубокого политического хаоса, используя светский и религиозный образы жизни.

Обратите внимание, мы не особенно изучили роль других представителей современности в первую очередь США, России и Германию, в кризисе власти и силы. Причина в том, чтобы выявить определяющую роль современности, а также показать, что названия стран не внесли особого вклада в пояснение. Что касается такого типа сил, в частности, США и России, то возрастающая мощь их экспансий после Второй мировой войны углубила кризис власти, и это сегодня осознается очень четко. Уровень, которого достигли политические кризисы в странах Ближнего и Среднего Востока, в частности, Афганистан. Ирак, Иран, Сирия, Ливан, Израиль и Палестина, подтверждает правоту нашего подхода.

Ясно, что всем государствам региона, созданным теми или иными методами, так и не удастся уйти дальше агентов, фигурантов современного капитализма, под какими бы именами это ни происходило, как националистическими, так и религиозными. Если рассмотреть их краткую историю, то нетрудно понять, что националистические и исламские государства стали продуктом деятельности империализма на протяжении последних двух столетий. Поскольку это продукты гегемонии, то в силу террора, которым они сотрясают понятие «гражданин», так и не ясно, каковы их истинные лица.

Невозможно найти второй регион, в котором силы власти и национального государства так маскируют свои роли агентов и фигурантов, как это происходит на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь есть значительная доля тысячелетнего опыта, обретенного в играх власти и государства, а также опыт идеологической гегемонии. Ситуацию могут прояснить события, наблюдаемые в Афганистане, Ираке, Израиле и Палестине, где углубился кризис власти. Но эти реалии свидетельствуют о том, что период кризиса и хаоса в меру глубины своего исторического фундамента имеет такую значительную сторону, которая связана с упадком

цивилизации. Разрушаются не только мелкие национальные государства последних двух столетий, но рушится и колоссальная традиция цивилизации, насчитывающая пять тысячелетий.

Кризисы власти и государства на Ближнем и Среднем Востоке можно осознать только с помощью анализа на основе цивилизации. Лак, которым на протяжении последних двух столетий современный капитализм покрывает действительность, не должен скрывать кризис цивилизации. В Ближневосточном регионе действия современного капитализма полностью раскрыли его особенности как источника хаоса. Ничто так очевидно не подтверждает, что капитализм является режимом кризиса, как его практика в этом регионе.

2. Вид современного капитализма, возглавляемого английской гегемонией, на почве Ближнего и Среднего Востока представляет собой гораздо более хаотическую картину. Мы знаем, что с созданием систем цивилизации социальная динамика превратилась в глубоко проблематичные структуры. Периоды Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии напоминают о себе не просто кризисами власти, но и ужасающими социальными кризисами. До сих пор сохранились в памяти народа городские плачи Ура, Ниппура, Аккада, Вавилона, Ниневии, вопли, порожденные переживаемыми кризисами. В чем же отличие ситуаций современных Халабджи, Керкука и Багдада от этих плачей?

Капитализм отнюдь не является незнакомым явлением в социальной структуре региона. Тысячелетиями он давал о себе знать в образе купцов и ростовщиков, постоянно сохранял тесные связи с авторитарными и аграрными монополиями. Кризисы капитализма более всего отождествляются с его эксплуататорской прослойкой. Капитализм не только проклят всеми мировыми религиями, но и стал известным институтом, который был осужден и отторгнут всеми общинными системами как безнравственное явление. Становление современного капитализма вынесло на поверхность эту прослойку. Когда на Ближнем и Среднем Востоке капитализм сформировался как класс, как произошло и в Европе, это внесло напряженность в социальный баланс. На законных основаниях оказавшись в регионе и сформировав группу

соглашателей, буржуазия как класс, фактически создала очень серьезную прослойку, необходимую для собственной гегемонии. Носителем западной современности стала именно эта компрадорская прослойка вместе с бюрократией. Систему пытались разместить в основном вместе с этими двумя соглашательскими прослойками. Данные прослойки, более всех испытывавшие отчуждение в обществе Ближнего и Среднего Востока, представляют социальный аспект депрессии. Отчуждающие элементы, привнесенные ими в культуру региона, не сыграли никакой иной роли, кроме углубления депрессии и хаоса.

Буржуазия, произраставшая на протяжении последних двух столетий в лоне национального государства, стала чужеродной прививкой в структуре исторического общества региона, она не прижилась здесь. Именно поэтому она не брезгает чисто пофашистски использовать имеющиеся у нее государственные рычаги и монополии в экономике. Точнее, у нее, как у финансовой монополии, проникшей во власть, нет иного выхода, кроме поиска убежища под крылом фашизма. Насилие, присутствующее в создании национального государства, на базе таких качеств капитала в других частях мира и в Ближневосточном регионе, составляет основную суть фашизма. Являясь авторитарной формой тесно переплетенного формирования капитала и национального государства, фашизм становится колыбелью капитала, который по каплям проникает из власти.

В силу самого определения фашизм является режимом постоянного конфликта с обществом. Фашизм, собственно говоря, в основном может быть назван режимом гражданской войны. Ежедневно происходящие в Ираке события предельно четко освещают эти суждения. Но ведь режим, находящийся в состоянии постоянной войны с обществом, является выражением наиболее опасного кризисного и хаотического состояния! Если именно так охарактеризовать тот аспект кризиса, переживаемого обществом Ближнего и Среднего Востока, еще яснее будет осознаваться глубина и сила этого кризиса. Независимо от того, выглядит ли общество спокойным, тихим и бессловесным или же его ежедневно сотрясают взрывы, критическое и хаотическое

состояние остается неизменным. Если спокойствие в обществе является выражением «холодной войны», то воюющая сфера является выражением постоянно действующей в той же структуре войны.

В сущности, экспорт капитализма, капитала и буржуазии, осуществленный современностью, еще больше углубил ставший привычным общественный кризис и хаотическую ситуацию. Безусловно, социальная жизнь существует. Но эта жизнь напоминает судороги животного, у которого оторваны голова или важнейшие органы. Характеризуя физический и культурный геноцид, ежедневные травмы и упадок, думаю, мы поймем, что такого рода сравнения отнюдь не являются преувеличением. Даже если будет создана эмпатия, она окажется очень поучительной!

3. В аналогичных пределах необходимо рассматривать роль индустриализма в экспансии современности. Индустрии, экспортированные в регион в последнее время, сыграли постоянно возрастающую роль в кризисе общества и окружающей среды. Вместо экономики, базирующейся на основных потребностях, насаждался индустриализм, отдающий предпочтение монополярной прибыли, а под маской развития уничтожалась существующая самодостаточная экономика. Жизнь с ее тысячелетней внутренней гармонией в угоду прибыли горстки империалистов и соглашательских монополистов была в период существования одного человеческого поколения подвергнута экономическому геноциду. Опустошаемые села и огромные армии безработных, внутренняя и внешняя миграция, инфляция, экономические кризисы, урбанизация без городов, стремительно разрушающаяся экология — вот несколько показателей этого геноцида. Даже если рассмотреть роль только лишь нефтяных и оружейных монополий в уничтожении народов, то увидим истинные масштабы бедствия. В частности, изменения климата в целом по миру доводят регион с преобладающим пустынным ландшафтом до грани трагического опустынивания.

На протяжении последних двух столетий распространение современного капитализма в направлении Ближневосточного

региона способствовало не только гибели большого количества людей, нежели все войны на протяжении истории, но и самому глубокому и постоянному кризису и хаосу, что тоже является постигаемой истиной.

б. Ближкое рассмотрение, пусть и повторное, конкретики выражения логики агрессии современного капитализма было бы очень полезным. В этом плане будет легче, если рассмотреть связь между историей и сегодняшним днем. Несомненно, разговоры о том, что история не отличается от нынешнего дня, были бы тавтологией. Но неумение видеть сегодняшнее в огромной степени в рамках влияния исторического прошлого приведет к гораздо большей слепоте. Эту связь в самой яркой форме можно наблюдать не только на примере взаимоотношений между арабами и евреями, но и на примере турецко-курдских, турецко-армянских, турецко-греческих, турецко-еврейских отношений. Актуальные процессы, происходящие во всех этих конфликтах, нельзя рассматривать в отрыве от истории. Связь между обществом и историей во всей ее неповторимости является наиболее жизненным методом. Только рассмотрение истории как созидательного элемента в совокупности всех связей и противоречий общества может обрести смысл как основной предмет логики. Говоря кратко, сегодняшнее, актуальное непостижимо вне истории. Но гораздо важнее то, что, не увидев в сегодняшнем новое, даже если доля прошлого доходит до 99%, невозможно правильно осознать и проанализировать современное, актуальное. Многие можно сказать, но все это не будет иметь значения.

Прослеживая историю, предваряющую современное состояние ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, было бы логично начать ее с последнего похода ахейцев на Трою (XIII в. до н. э.). Эллинистический период, начавшийся с Македонского (330 г.), стал важным завоевательным этапом. Крестовые походы (1096—1389 гг.) — это более близкая история агрессии. Эквивалентно этому с Востока на Запад также проводились крупные наступления. Взаимное влияние было многосторонним. Было бы серьезным недостатком не видеть роли идеологической ге-

гегемонии в агрессии современного капитализма. Без ориентализма невозможно самостоятельно представить физическую власть современности. Борьба за гегемонию на протяжении последних двух столетий — это действительность, максимально близко определяющая актуальность. Актуальность постоянно стремится создать что-то новое, крутясь, как мельничные жернова.

Если рассмотреть ситуацию в пределах этой основной перспективы, то первое, что можно сказать в отношении современности, это то, что и у традиционных, и у господствующих сил отсутствует какое бы то ни было решение социальной проблемы в целом и выхода из хаоса, в частности. Силы, сами по себе являющиеся источниками проблем и кризиса, разумеется, не могут быть конструктивными. Нельзя пытаться решать проблему, окунаясь в традиционную историю, ни под именем религии, ни под именем национализма, потому что история этих сил — это сплошь история нерешенных проблем. Какая из прежних величественных цивилизаций может вновь ожить? Даже если смогут возродить ислам и Османскую империю, то под жестким присмотром и «врачеванием» США это будут новый ислам и новые османы, контролируемые обволакивающей силы.

Нет решений, которые представлены современными силами. Как они могут стать решением проблемы, если сами являются наиболее проблематичной системой, часто погружающейся в кризис? Пока финансовый кризис не найдет выхода в глобальном и структурном аспектах, он не может предложить решение проблем и кризиса Ближнего и Среднего Востока, корни которых уходят в прошлые столетия, причем современность довела их до невозможного состояния? Система, играя виртуальными цифрами и бумагой, занимающаяся грабежом в десятикратном размере мирового производства (примерно 60 триллионов долларов в год), может показать не путь к решению проблемы, а только дорогу в ад.

Постараемся показать процесс актуализации идеологического авторитаризма и государственного монополизма, а также их конкретные изображения.

1. Противоречия между арабами и евреями. Это противоречие невозможно решить, поскольку в истории оно было порождено системой цивилизации, а в новейшей истории — современным капитализмом. До тех пор, пока ислам и иудаизм не освободятся от уз власти и государства, их невозможно примирить. Пока они упорно стремятся стать авторитарной и государственной силой, как это было и в истории, и в наши дни, смысл своего существования они видят во взаимном истреблении. Именно так строится их авторитарная история. Современность продолжила этот процесс, еще более усугубив и ожесточив его. Решением они называют погребение соперника под одним из трех краеугольных камней современности. То есть, говоря нынешним языком, решение возможно путем подавления посредством употребления одного из трех жестоких краеугольных камней (капитализм, национальное государство и индустриализм). Пятивековая история конфликта изобилует бесчисленными примерами такого рода решений. Эта проблема, самым негативным образом воздействующая на регион и способствующая огромным потерям и трагедиям на протяжении почти столетия, неизбежно продолжится с еще более губительным результатом, если будут применяться соответствующие методы.

Ни один пример не может так раскрыть истинный кровавый смысл решений, предлагаемых авторитарно-этатической цивилизацией, как это делает арабо-еврейская проблема. Но наиболее трагичным является то, что силы современного капитализма, в формировании облика которого большую роль сыграли еврей, породили геноцид евреев, имеющий такие свойства, как «уникальность-сингулярность». Действительно, до этого заранее запланированного геноцида существовало очень мало примеров того, что же представляет собой окончательное решение, отсутствие решения у современного капитализма.

2. Противоречия между турками, курдами, армянами, ассирийцами, греками, евреями.

Эта категория противоречий вытекает в основном из сущности современного капитализма. Даже если эти противоречия и уходят корнями в древние цивилизации, с появлением в регионе

трех всадников Апокалипсиса современности, коими стали капитализм, национальное государство и индустриализм, Анатолия и Месопотамия превратились в сцену бесчисленных этнических и национальных побоищ, не виданных на протяжении всей своей истории. Эти народы и культуры, являющиеся в определенном смысле созидательными силами системы центральной цивилизации, в течение последних двух столетий истории современности оказались втянуты во взаимную вражду и убийства. Уничтожались насчитывающие тысячелетия культурные традиции. Некоторые народы были изгнаны из региона, уничтожены, оставшиеся — изгнаны в горы и пустыни. Противоречия, в сущности, происходили не между турками и другими народами и не между иными народами. Основной движущей силой противоречий являлись гегемонистские национальные силы современности, утвердившие себя при помощи пятивековой политики «разделяй и властвуй». Они не преминули в угоду своим конъюнктурным интересам в регионе столкнуть в кровопролитных войнах эти народы, прошлое которых уходит в глубину истории. Все эти народы, с виду кажущиеся, что воюют друг с другом, собственно говоря, стали жертвами власти и эксплуатации монополистического капитализма. Как жаль, что народы, уничтожая друг друга, глубоко не задумывались и не понимали, чему и кому они служат! Достаточно даже погромов, проводимых во время этих конфликтов, чтобы доказать, что современный капитализм является наиболее кровавой из всех систем цивилизации. Те территории, которые на протяжении длительного периода на всем Ближнем и Среднем Востоке считались «садами народов», сегодня превращены в безмолвные «кладбища народов». Если и будет что-то сказано по совести во имя народов и культур, если будет сделано все, что необходимо во имя ответственности истинной интеллигенций, то в первую очередь нужно выявить тех, кто ответственен за кладбища этих культур и народов, и спросить с них по счетам.

3. Противоречия между шиитами и суннитами. Как бы далеко ни уходили корни исламской цивилизации (авторитарного ислама) вплоть до первого его выступления, все противоречия,

существующие сегодня, связаны с современным капитализмом. В частности, верное понимание последнего столкновения между Ираном и Ираком может быть выработано только в ходе национально-государственной реформы современности и в связке с империализмом. Что же касается противоречий и столкновений между исламом и иудаизмом, исламом и христианством, даже христианством и иудаизмом, то все они могут быть спокойно растолкованы в связке с протомодернизмом. Причины и формы столкновений религии, до современного капитализма, происходили под позитивистским видом и отразились на современности. В частности, все три мировые религии, имеющие ближневосточное происхождение, следует рассматривать как ранний национализм. Их различия с современным национализмом заключаются в теологических масках.

Все исследования подтверждают то, что в корне всех позитивистских пояснений современного периода лежат религиозные формы. Между секулярностью (мирским образом жизни) и верой в потусторонний мир (фатализмом, религиозностью) нет никаких существенных различий, а некоторые формальные различия искусственно созданы и преувеличены. В итоге все пояснения, которые превратились в предания власти, государственной религии и современного капитализма, служат тем же монополистическим интересам. Как в прошлом, так и в наши дни межконфессиональные войны в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке основаны на принципах цивилизации и современного капитализма, и продолжают на той же основе, ни в коей мере не утратив скорости. Все течения радикального ислама, иудаизма и христианства и различного рода национализм объединены на службе у трех всадников Апокалипсиса современности.

Коробейники и кровавые силы цивилизации, тысячелетиями иссушающие богатую культуру народов Ближнего и Среднего Востока, сегодня на службе у современного капитализма безжалостно, безответственно топят в крови и слезах, истребляют последние уцелевшие сокровища, превращая регион в руины, окружающую среду — в пустыню, а горы — в ледяные глыбы.

4. Противоречия национальных государств со всем окружением. Есть одно знаменитое изречение: самая большая яма, вырытая капитализмом для человечества, — это созданные им национальные государства. По отношению к народам и нациям Ближневосточного региона это — чистая правда, ежедневно подтверждающаяся войнами, проходящими практически во всех уголках региона. Нет ни одного национального государства, не находящегося в состоянии войны с другим, или в состоянии гражданской войны. Великую арабскую культуру и нацию уничтожают не столько Израиль, сколько расчеты на власть двадцати двух национальных государств, их бешеные, уму не постижимые расходы. В то время, как их народы влачат жалкое существование, правящие круги предаются наслаждениям, о которых не слыхали нимроды и фараоны, а кроме того, устраивают совершенно бессмысленные шоу. Возможности они черпают в национальных государствах новых светских богов. Их привязанность к прежним богам лжива и существует только на словах. Арабская модель национального государства была сформирована на расчетах Британской империи, связанных с контролем Индийского пути, владения запасами нефти и контроля над Османской империей. И хотя истина кроется именно в этом, они пытаются продемонстрировать свой национальный характер лишь в угоду современной технике власти. Они — основные агентурные структуры мирового капиталистического гегемона. Эти реалии предельно ясно прослеживаются в арабской национальной государственности.

Рассмотрение тех же самых игр в формировании иранской государственности было бы еще поучительнее. Мастерство, наработанное иранцами в искусстве власти еще со времен Персидской империи, они еще больше развили на почве соглашательства в современный период. Можно сказать, что в своем умении совместить ложь, привычную со времен цивилизации, с современной (шиитский национализм), они могут соревноваться с китайцами. Если китайцы наводят лоск на самый дикий капитализм, называя это «коммунизмом», то иранские модернисты бесстыже, но с большим воодушевлением представляют под названием

«Исламская Республика» национально-государственного идола, являющегося продуктом капитализма. В конкретике современной ситуации Иран является «мягким подбрюшьем» глобальной системы, в связи с чем высока вероятность его превращения в Ирак. Несмотря на то, что Иран, как и другие национальные государства региона, представляет собой структурный фашизм, Тегеран, используя слабости гегемонии США и Евросоюза, тем самым продлевает свою жизнь. Но, как и другие государства, находясь в тисках кризиса, несет в себе более чем достаточный потенциал для попадания в хаотическую ситуацию, напоминающую Ирак.

Тюркские национальные государства, помимо покровительства США и ЕС, существуют еще в рамках российской гегемонии. Они являются предметом столкновений. Несмотря на стремление показаться сугубо национальными, им крайне тяжело выстоять без гегемона. Испытав свою долю воздействия регионального кризиса, они находятся перед серьезной опасностью хаоса. Те, кто находится на оси Афганистан-Иран, открыто демонстрируют возможную судьбу региональных национальных государств.

Реалии власти и государства на Ближнем и Среднем Востоке не столько рождают решения тяжелых социальных проблем, сколько способствуют превращению региональных кризисов в войны, поскольку сами находятся в плоскости причин кризиса. Войны еще больше усугубляют кризисы и распространяют хаотическую ситуацию.

в. Такие платформы современности, как индустриализм и капитализм, демонстрируют свою истинную разрушительную суть в разложении и уничтожении традиционной сельской земледельческой общины. В то время, как еще одна платформа современности — национальное государство — превратила регион во всеобщую тюрьму, утопив его в крови и слезах, индустриализм и капитализм, пользуясь наиболее грабительскими методами соглашательского монополизма и мотивируя тем, что социальные ценности, являющиеся продуктом тысячелетних накоплений, не приносят выгоды, в мгновение ока отбрасывают их в сторону

одним движением руки, отторгая их и обрекая тем самым на иссушение. Упадок сельской земледельческой общины — не просто экономическая проблема. Это уничтожение общественной культуры, насчитывающей десять тысячелетий. Проблема даже не в том, что стала обретать значение промышленная экономика, более прибыльная в сравнении с аграрной. Дело в самой общественной жизнедеятельности. По обществу наносится удар, выраженный в том, что в обстановке современного структурного кризиса все сферы, в первую очередь аграрные, умышленно оставлены без рабочей силы и культивируются генетически созданные растения. Эти генетически созданные растения не просто убивают природную флору, но и подготавливают почву для бесконечных болезней.

Промышленный капитализм — это монополия, осуществляющая атаки на общество по меньшей мере как национально-государственный монополизм. Его связь с экономикой воспринимается ошибочно и умышленно искажается. Индустриализм сыграл историческую роль в гегемонии Европы. Однако его истинное значение заключается в насаждении этой гегемонии в периферийных сферах всего мира. Он также выполняет свою роль, разрушая местные промышленные сферы под видом более рентабельной техники производства. Это не экономика, а антиэкономика. Общества Ближнего и Среднего Востока, на протяжении всей истории бывшие богатыми за последние два столетия современности пережили свои наиболее бедные времена. Упадок земледелия и аграрного общества не обусловлен экономической рентабельностью, а осуществлен в целях обеспечения классового господства от имени буржуазии. Это явление, связанное с политической властью.

Индустриализм может обеспечить максимум прибыли для гегемонистских метрополий. Но ответом на это становится превращение сельских территорий в пустыню и вымирание сел. Таким образом проходит углубление социально-экономической депрессии. На географическом пространстве и в экономической жизнедеятельности Ближнего и Среднего Востока индустриализм, возможно, является той техникой идеологического

и политического нашествия, которая более опасна, нежели войны за власть и государство. Если с такой же скоростью будет продолжаться использование силы, несущей ответственность за изменения климата, высыхание озер, оросительных бассейнов и рек, то не останется мира, где можно было бы жить. Угроза, созданная индустриализмом в отношении жизни и общества, построенных на Ближнем и Среднем Востоке на основе культурных достижений в течение пятнадцати тысяч лет, столь же опасна, сколь массовая гибель людей в войнах. Следует еще раз подчеркнуть, что в противовес общепринятому мнению индустриализм является основным средством агрессии против экономики и общества. Это разрушительная сила, противодействующая настоящей, а не мнимой промышленности. Индустриальный подъем, осуществляемый на волне максимального стремления капитализма к прибыли, ведет страны не к благоденствию и богатству, а к упадку и нищете. Он превращает все в руины, что похуже кризиса. Эти реалии очевидны на таких примерах, как индустрия опиумного мака, навязанная Афганистану, и нефтяная политика, навязанная Ираку, что и уничтожает эти регионы. Разрушены не только страны, но и исторически сложившиеся социум и культура.

г. Сотканную на станке современности роль среднего класса, бюрократии и города в нерешенности социальных проблем Ближнего и Среднего Востока необходимо рассмотреть с особой тщательностью. Триада средний класс-бюрократия-город, заново созданная в связке с капитализмом, национальным государством и индустриализмом, поднаторела в попытках представить себя центром притяжения и решения проблем. Являясь продуктами среды распространения современного капитализма, они тщательно пытаются представить свои истоки как независимые и оригинальные. Собственные позиции гегемона над традиционным общественным обществом они считают преимуществом. Строя взаимоотношения с современностью, строятся на почве соглашательских и агентурных позиций, они идут на любые отчаянные попытки ради того, чтобы выдать себя за созидательную силу современности. Их можно охарактеризо-

вать как социальную, структурную и территориальную основу структурного фашизма. В связи с навязанностью традиционному обществу извне они выглядят, как не прижившиеся после прививки росточки. Их чужеродность имеет глубокий характер. То, что они бросаются в объятия современности, будто ища в ней спасения от смерти, обусловлено их чуждым характером. Поскольку прямая аннексия и колониализм капиталистического гегемона реализоваться не смогли, они становятся аннексионистами и эксплуататорскими силами в масках, проводя внутреннюю аннексию и эксплуатацию общества. Из-за этого их попытки показаться самыми националистическими, этатическими, даже общественными силами, выглядят как ирония. Глубоко обдумав, я воспринимаю эти прослойки как современные версии средневековых княжеств, то есть как филиалы центра.

Поскольку их позиции представляют собой копирование современности, это является не решением, а основным источником проблем. Нерешенность проблем современности отражается конкретнее всего в безыдейности среднего класса, надоедливой концентрации бюрократии, утраты городами их качеств. Несмотря на все их усилия этой маскировки, можно открытым текстом прочитать то, что структурный кризис системы кроется именно в этом тройственном явлении.

д. Философ Ницше является одной из тех редких личностей, которые глубоко осознали смысл того разрушения, которое осуществляет современный капитализм над человечеством и окружающей средой. Ницше пытается определить человека, прошедшего через горнило современности, с помощью таких метафор, как «выхолащенное» общество и личность, как полный декаданс. Как метафора, я согласен с ним, с его взглядом — это близко к правде. То, что большая жестокость, чем эта, применяется только по отношению к животным, он хочет пояснить такой метафорой: лошадь плачет, обняв голову. Ницше часто бывал в лесу и считает леса убежищем, тем местом, где можно защититься и сохранить жизнь. Понятие «сверхчеловек», на котором настаивал Ницше, было неправильно истолковано. Он

рассматривает все рабские характеры, выработавшиеся на протяжении всей истории цивилизации, как определенный упадок, и этот подход намного более передовой и человечный, нежели подход К. Маркса. Ницше очень реалистично подчеркнул, что пролетаризация — не то явление, которое следовало бы восхвалять и строить на нем какую-то политику. История подтвердила этот взгляд. Восприятие «сверхчеловека» как предвестника фашистской идеологии является очень дешевой пропагандой. Гораздо правильнее было бы толковать это понятие как противостояние различного рода рабству, разрушению окружающей среды и обезличиванию.

Современные взгляды, всемирные кризисы, финансовый аспект, безработица виртуальными методами выявили связь между самыми большими грабительскими системами истории (ограбление в масштабах 60 триллионов долларов ежегодно). Современность с центром в Европе, переживающая максимальную глобализацию, в ходе того же цикла осознает также структурный кризис и невозможность дальнейшего существования в данных условиях. Проводят один саммит за другим. Выявился факт недостаточности для системы таких структур, как ООН, МВФ, Всемирный банк, НАТО, ЕС и их копий. Центральные банки, пакеты для «больших семерок», «восьмерок» и «двадцаток», балансы, безработица, цифры о долгах, падение объема производства, вполне определенное появление на повестке дня проблемы продуктов питания и многие другие показатели отражают связь экономического монополизма в сфере угнетения общества с кризисом.

Примеры взаимоотношений Афганистан-Пакистан, Иран-Ирак, Израиль-Палестина выявляют тот факт, что не только в Ближневосточном регионе, но и во всем мире имеет место деструктивность национального государства, кризисы и ситуация хаоса, вызванный ими упадок, пролитая кровь и слезы, к которым они привели. Национальные государства — не просто орудия наиболее безжалостного управления человеческими обществами, но и источники деструктивности. Национальное государство, разрывающее социальную ткань региона, олицетворяет

наиболее страшную трагедию, сотворенную на протяжении всей истории.

Капитализм и индустриализм, для самой Европы означающие сигналы тревоги, могут продолжить существование, только используя реформы, причем исторические проблемы обществ Ближнего и Среднего Востока неизбежно будут переноситься посредством неограниченных конфликтов и войн. Углубление влияния капитализма и индустриализма в обществе Ближнего и Среднего Востока означает концентрацию войны против самого общества и окружающей среды. Под какими бы масками это ни представлялось, конкретные реалии современности, являющиеся орудием стратегической войны, как тройной краугольный камень, подтверждают это суждение.

Идеологическая гегемония искажает реалии ориентализма. Последние двести лет Ближний и Средний Восток уничтожается западным модернизмом. Мелкие национальные государства, монтажная промышленность, социальная экономическая фальшь не могут скрыть истинных реалий. То, что произошло с Саддамом Хусейном, проявившим смелость на мгновение проигнорировать гегемонию, можно сравнить только с участием французского короля Луи XVI. Подобно тому, как после казни короля Европа была объята огнем, казнь «короля» национального государства Саддама усугубила, распространила воинственность Ближнего и Среднего Востока, где и так не прекращались войны, на весь регион, приобретя постоянный характер.

Если раззять ориенталистскую парадигму, то увидим, что конец «холодной войны» означает для Ближневосточного региона новый виток настоящих боевых действий. То, что в 1991 году война в Персидском заливе началась через год после завершения «холодной войны», подтверждает это мнение. Если посмотреть на ситуацию с точки зрения длительности срока, то эта война модернизма для Ближнего и Среднего Востока началась в первые годы XIX века с египетской кампании Наполеона, а своего апогея достигла с созданием мелких национальных государств, формированием агентов капитализма и применением индустриальных методов в ограблении геоэкономических источников, в

первую очередь нефти. В общих чертах современность можно охарактеризовать именно так. Остальное это детали и многоцикличные краткие рассказы.

Я остерегаюсь частого использования понятий «кризис» и «хаос» применительно к региону. Если переживаемые реалии — это настоящая война, то принижение до уровня кризиса и хаоса — ошибочный взгляд. Несомненно, современные войны не похожи ни на войны Древнего мира и Средневековья, ни на две мировые войны современности. В частности, вместе с Первой и Вторыми мировыми войнами, война приобрела массовый характер. После Второй мировой войны вооруженные конфликты приобрели социальный характер. Осознание того, что период похода трехногого чудовища современности с разделением войн на внешние и внутренние, за рамками общества заканчивается, а в обществе нового периода они шагают совместно, является потребностью новой сути явления. Большое значение имеет проведение под данным углом зрения анализа вооруженных конфликтов Ближневосточного региона в целом, и, в частности, наиболее открытых столкновений между Палестиной и Израилем, Афганистаном и Пакистаном, Ираном и Ираком. Явления, процессы, не вмещающиеся в тазик, станут более осознаваемыми в результате анализа в данном аспекте.

Чем могут завершиться новые войны в Ближневосточном регионе, осуществляемые под гегемонией США-ЕС? Могут ли они распространиться и стать еще масштабнее? Могут ли они покинуть регион? Чего можно ожидать в данной ситуации, причем независимо от развития событий? Ясно, что на эти фундаментальные вопросы невозможно дать конкретных ответов, но понятно, что мы стоим лицом к лицу с новым историческим этапом. В своей Защитной речи я разработал платформу для анализа, касающегося существовавшей до этого этапа социальной природы, цивилизации, модернизма и геокультуры, называемой Ближним и Средним Востоком. В следующем разделе я сконцентрирую внимание на модели решения, возможной для выхода из состояния кризиса и войны.

В. МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Самой большой трагедией для любого общества является утрата способности мыслить и действовать в своих интересах. Силы иерархии и цивилизации, давно знавшие это, уделяли первостепенное значение своей интеллектуальной власти, которую можно назвать идеологической гегемонией. Сила сама по себе не может играть постоянной роли. Если целью применения силы является обеспечение каких-то интересов, то возникает потребность в прибавочном продукте. Без длительного убеждения общества невозможно его заставить работать и создавать добавочный продукт. Поддерживая этот механизм убеждения, при помощи накоплений, ожидаемых от гегемонии силы, а может быть, даже и обеспечивающих большее, идеологическая гегемония делает общество уязвимым.

Ориентализм является научным выражением идеологической гегемонии, которую современная Европа развила для Востока и Ближнего и Среднего Востока. Он продолжает существовать в качестве очень эффективной гегемонии мышления. Глобализация современности тесно сопряжена с идеологической глобализацией — возможно, идеологическая гегемония имеет первостепенное значение. Нет никакого более эффективного завоевания, нежели завоевание разума. Даже когда я пишу эти строки, я постоянно спрашиваю себя, насколько же мне удалось преодолеть влияние ориентализма. Я прекрасно знаю, что подобное мышление не сможет освободить меня от порочного круга интеллектуального порабощения. Напротив, оно заставит меня крутиться в этом кругу, причиняя страдания. Те из традиционных антимодернистов, кто считает себя исламистом, с XIX века по настоящее время, настойчиво твердят о том, что ислам — это образ мышления, свободный от Запада. Исламизм — это сказание с высокой долей ошибочности. Противопоставление исламизма современности однозначно реализуется на базе

ориенталистских тезисов. Это так, если рассмотреть ситуацию от «Братьев мусульман» до «Аль-Каиды». Течения, именующие себя радикальными левыми, в том числе и анархисты, несмотря на все их противостоящие идеи, хоть в целом им и не свойственно модернистское мировоззрение, тем не менее в отношении Ближнего и Среднего Востока невозможно представить такую ситуацию, когда они могут размышлять без ориентализма. Социалистическая система (СССР) была наиболее чрезмерной формой модернизма. Китайский модернизм это победа ориентализма. Ситуация, характеризующая индийский традиционализм, отличается не слишком сильно.

Антиориенталистская позиция кажется мне интересной и притягательной. Я постараюсь раскрыть это ниже. Свобода мышления сама по себе не может быть выражением антиориенталистской позиции. Преодоление рамок ориентализма не так просто, как считается. Отклонение пояснений о капитализме на почве его тройственной платформы, возможно, и покажется антимодернистским шагом, но само по себе не может означать преодоления влияния модернизма и ориентализма. Но гораздо важнее другое: что утвердится вместо отвергнутого? Ислам или какая-либо иная традиция тоже могут отвергнуть модернизм, но когда наступит черед продемонстрировать выбор, то станет очевидным то, что у них нет никакого иного выхода, кроме капитуляции. Они подчиняются, зная, что это — необходимость угодить задачам явной или завуалированной капитуляции. Распад социалистической системы не только не был выходом за пределы модернизма, но и являлся результатом полнейшей крайней зависимости от него на почве трех его краеугольных камней (ведь применение государственного капитализма вместо частного капитализма не является отказом от него). Очень редко можно найти иной пример, столь ярко подтверждающий это суждение, как Китай. То, что в Ближневосточном регионе ни марксизм, ни религиозный мир не могут развить постоянную систему, обусловлено тем, что они не только не в состоянии выйти за рамки ориентализма, но и более рьяно его насаждают.

Не сумев выйти за рамки ориентализма, они даже пытались приобщиться в гегемонии мышления модернизма и ориентализма. Попытку анализа предпринял А. Грамши, но он не сумел пойти дальше проб. Несмотря на смелую критику, представителям анархистской школы не удалось в плане создания альтернатив уйти дальше социализма. Даже если в теории они и преодолевают его, то в реальном существовании данной искусственной структуры у них возникают серьезные проблемы. Иранская интеллигенция, более всех занимающееся модернистским мышлением, не смогла пойти дальше создания современного шиизма. Все остальные исламисты просто повторяют, что все постулаты модернизма давным-давно были сказаны исламом. Все идеологические течения и движения власти, настойчиво считающие себя антиимпериалистическими и антикапиталистическими, не выражают никакого иного смысла, кроме перехода от максимально успешно освоенного ими либерализма, частного капитализма к социал-демократии, социализму и национально-освободительному движению или смене конфессий. Модернистское и ориенталистское течение гораздо совершеннее, нежели это принято считать. Оно представляет собой не просто критику на культурном уровне. Достижение победы над одной из гегемонистских сил системы, даже совершение антикапиталистической революции, не доказывает то, что достигнута критика и альтернатива. В частности, Великая октябрьская революция носила антикапиталистический характер, но не была антимодернистской. Напротив, она способствовала наиболее яростному применению моделей индустриализма и национальной государственности современности, внося тем самым огромный вклад в его глобализацию. В этом плане более типичной является китайская революция, применяя формы модернизма XIX века, утверждает, что продолжает революцию. Влияние аналогичных ошибок, имевших место во Французской революции, продолжается и по сей день.

Критикуя модернистскую и ориенталистскую идеологическую гегемонию, необходимо иметь в виду основные параме-

тры. Если принять три краеугольных камня за основные параметры, то значение темы можно понять еще лучше. Можно с особой значимостью заявить, что на этой базе удастся развернуть самую радикальную критику, а выбор может быть осуществлен только на этой почве. Критика как таковая вынуждена брать за основу параметры целостности и структурные сроки. Одних только краткосрочных явлений и политических процессов с критикой личностных ролей недостаточно для выявления истины. До тех пор, пока целостность не будет поставлена на плоскость критики вместе с понятием срока, все полученные результаты не только будут обладать значительными недостатками и ошибками, но и окажутся не соответствующими времени, следовательно, бессмысленными. Мы должны правильно определить целостность и константность предмета критики. Если предметом критики является модернизм, то как минимум необходимо иметь в виду, что он представляет собой целостное на базе фундамента — трех его краеугольных камней. С точки зрения срока — это пять тысячелетий длительного, структурного, систематического процесса. Самой главной ошибкой всех противников системы, во главе с марксистами, является то, что они рассматривали длительно существовавшую систему с тремя краеугольными камнями только в течение коротких периодов, даже порой игнорируя их в одном аспекте, например, только в аспекте капитализма. Но ведь анализ, проведенный в общих чертах в моей Защитной речи, показывает, что для понимания капитализма необходимо обязательно исследовать его связь с системой центральной цивилизации, в совокупности с такими явлениями, как национальное государство и индустриализм, которые являются трендом его длительного восхождения.

Игнорируя Ближний и Средний Восток, даже Китай и цивилизации Америки, невозможно понять капитализм, вышедший на сцену истории в XVI столетии. Внутреннего потенциала Европы было совершенно недостаточно для капитализма. Без строительства национального государства создание капиталистической системы было невозможно. Вне власти и государства недопустимо

существование ни одной системы эксплуатации. Что касается капитализма, то речь здесь идет не просто о власти и государстве, а о максимальной концентрации власти и формировании национально-государственной модели в пределах государства, без чего невозможно накопление прибыли и капитала. Более того, для гегемонистской победы системы необходимо, чтобы переход на рельсы монополии промышленного переворота и идеологизация в качестве индустриализма (национализм) происходили в тесном переплетении. Ясно, что эти факты, при наличии тесного единства и длительного существования, превращают модернизм в господствующее явление. Если обратиться ко всем школам мыслителей, считающих себя критикующими, увидим, что модернизм не изучался ими во всей целостности как явление, существовавшее на протяжении длительной эпохи. Зачастую у них отсутствует представление о периодизации. Результаты старались получить, сконцентрировавшись на нескольких особенностях (например труд, зарплата, прибыль, капитал, государство, колониализм, люди, события). Если метод таков, то и получаемый результат будет похож на то, что признаком, характеризующим слона, является его шерсть.

В частности, то, что социализм, свидетелями развития которого мы были, неправильно распознав капиталистические основы модернизма, а также ошибочно использовав понятие срока, подвергнул критике и попытался осуществить революцию, способствовало самому глубокому краху всех мечтаний. Безусловно, у такого подхода есть свой социальный фундамент. Следует хорошо усвоить, что использование таких платформ модернизма, как национальное государство и индустриализм, породит не революционность, а гораздо худшие варианты, нежели либерализм, то есть диктатуру и фашизм. Опыт стран социализма (скорее, национально-освободительных государств) в этом плане очень поучителен. Как говорил еще Ленин, ад выможен благими намерениями, что порой облегчает туда дорогу. Октябрьская революция, оказавшись недостаточно антикапиталистической, благодаря этому не потерпела крах, а добилась успеха в отношении антикапитализма. Но она потерпела пора-

жение, поскольку не была антимодернистской, следовательно, не была направлена против национального государства и не имела антииндустриального характера. Антикапиталистические ее черты не смогли преодолеть влияние двух других столпов модернизма. Октябрьская революция действовала только на уровне кратких сроков — что уж говорить о длительных сроках, из за этого она потерпела поражение. Осуществленная практика подтверждает эту критику.

Основной недостаток, не позволивший революциям, идеологическим течениям и движениям последних пяти столетий, неслим в себе цели демократии и равенства, построить совершенно иную мировую систему, которую можно было бы назвать демократической цивилизацией, заключается в том, что они были далеки от конкретной практической критики, несущей в себе целостность и содержащей такое понятие, как «срок». Они так и остались на одном уровне. Но, описывая слона только по его шерсти, ни пользы, ни помощи от этого слона никто не дожидается. Стремясь критиковать капитализм и избавиться от него, марксисты даже не поняли, как довели модели национального государства централизма и индустриализма до уровня фашизма и разрушения окружающей среды. Позиции национально-освободительных течений и движений по отношению к модернизму совершенно непонятные. Но стоит им обрести состояние национального государства и достичь развития в некоторых отраслях промышленности, как их антиимпериалистические и антикапиталистические позиции сразу же превращаются в позиции сторонников наиболее яростного модернизма. Более того, они не знают границ в превращении модернистских идеологий (либерализма, национализма, социализма) в статус религии. Национальная государственность и индустриализм выработали смысл и структуры как секулярные религии.

Развивая свою критику тройственного фундамента, анархисты даже не захотели думать о какой-либо альтернативной демократической систематике. Личность анархиста они предпочли демократическому обществу. Констатация того факта, что в основе их неудач лежит именно такая действительность, отнюдь не со-

ответствует их классовым позициям. Никак иначе нельзя объяснить антисоциальную сторону городской мелкой буржуазии. Социал-демократы не сделают и шага дальше своего убеждения в том, что могут исправить модернизм одними лишь реформами. Экологисты настолько поверхностны, что не замечают того, что все свои аргументы, касающиеся окружающей среды, переняли у модернизма. Критикуя индустриализм, они забывают капитализм и национальное государство. Феминистки, видя патриархат, совершенно не стремятся с той же точки зрения критиковать то порабощение, которому подвергается женщина из-за модернизма. Если и критикуют, то в вопросах создания альтернативного женского общества как течения, движения и системы не выдвигают позитивных предложений. Позиции радикальных клерикалов и культуралистов как течений и движений, противостоящих модернизму, гораздо более слабы из-за максимально проявляемого соглашательства.

Хотел бы сказать следующее: в том, что сегодня в условиях мирового финансового кризиса современного капитализма ежедневно происходит виртуальное ограбление на сумму 60 триллионов долларов, есть определяющая роль такого фактора, как отсутствие целостной и структурной критики современного капитализма и попыток создания иной, альтернативной системы. Все течения, движения и революции, не отмечающие связи капитализма с модернизмом, неизбежно растворятся в самом модернизме как таковом. Любые идеологические течения, политические движения и революции всех цветов, не способные довести антикапиталистические позиции до уровня антимодернистских, не уйдут от капитуляции перед самим модернизмом.

Насколько антикапитализм не является антимодернизмом, настолько же без антимодернизма не может быть серьезного антикапитализма. Основная ошибка экологических, феминистских, культурных, радикальных религиозных течений и движений заключается в том, что они считают, что могут добиться успеха, не преследуя цель разрушения целостной структуры модернизма.

Я отнюдь не отрицаю все полностью. Критика модернизма на протяжении пяти столетий, даже разрозненная и бессистемная, в течение последних пятидесяти лет смогла, пусть и в слабой форме, породить постмодернистскую идеологию. Несмотря на то, что постмодернизм далек от положительного восприятия критики модернизма, в котором я стараюсь разобраться, он является очень значительным событием с точки зрения отражения кризиса и хаоса, в котором оказалась система.

В эпоху постмодернизма гораздо легче возникает возможность анализа связей между модернизмом и такими негативными явлениями, как фашизм, геноцид, тоталитаризм, авторитаризм, социальный сексизм, национализм, индустриализм, изменение климата и разрушение окружающей среды, максимальная концентрация власти, превращение общества в уличную девку и товар, усиление аналитических качеств разума, ослабление духа, опустошение личности, гражданские войны, распад социального потенциала, упадок села, воцарение голых людей-богов вместо царей-богов в масках, потеря магических качеств жизни, утрата женщиной благородства и красоты, ее стремительное превращение в проститутку, замена нравственности культом насилия, а также тот факт, что место дифференциации означающей жизнь, занимает гомогенизация, означающая смерть, вымирание политики и воцарение вместо нее власти, а также тысячи аналогичных негативных явлений. Постмодернизм сам по себе не является революцией, но он способствует разрушению жестких религиозных догм модернизма и смягчает обстановку. Антимодернистская революция совершенно очевидно станет осмыслением и превращением в истину таких понятий, как «частица в целом», «локальность в универсальности», «мгновение и его протяженность». Сплотившись вокруг социалистических, демократических и экологических задач на почве противостояния капитализму, национальному государству, индустриализму, антимодернистская революция поможет укреплению самообороны.

Ориентализм не следует рассматривать в узком смысле, как это было характерно для европейских мыслителей в отношении ци-

визаций и общества Ближневосточного региона. Ориентализм в широком смысле — это привязка к идеологической гегемонии модернизма, формирование на почве его научной структуры вместо того, чтобы развивать научное мышление, связанное с социальной природой и обеспечение собственного просвещения. В течение последних двух столетий завоевания современного капитализма касались не только сфер материальной культуры. Они скорее затрагивали сферы культуры духовной. Возникающие идеологические течения, политические движения и революции становятся бледными копиями тех событий, которые происходят в Европе. Именно поэтому их влияние на общество так и осталось поверхностным. Общество, зажатое между традициями и современностью, постоянно переживает кризис, являющийся следствием постоянной напряженности и неспособности к реформам.

Становление антиориенталистских позиций может проходить параллельно становлению антимодернизма. Радикальный политический исламизм можно рассматривать в сочетании с ориентализмом и как его ориентальную форму. У него категорически отсутствуют какие-либо ценности, позволяющие формировать альтернативы. Есть лишь противопоставление светскому национализму аргументов религиозного национализма. Арабская, турецкая и иранская революции — типично ориенталистские революции. Используя вместе и по-отдельности религиозную и родовую формы национализма, они преследуют цель создания современного национального государства. Объединив это с государственным капитализмом и его индустриализмом, считают свою миссию выполненной. Их судьба — идти за Европой, отставая на несколько столетий. Их стремление к европейским ценностям выглядит во всех отношениях глупо.

Правильное понимание взаимоотношений общества Ближнего и Среднего Востока с современным капитализмом имеет определяющее значение для выхода альтернативы. В первую очередь необходимо осознать, что современный капитализм превратился в некое локальное явление. Это факт не внешний, а

внутренний, но отличающийся от европейского капитализма. Это — наиболее слабое звено мирового капитализма. В данной ситуации следует избегать двух фундаментальных ошибок. Первое: не следует воспринимать мировой капитализм как некую секулярную религию и поклоняться ему так, будто бы нет никакого иного мира и иной цивилизации. Второе — необходимость глобального рассмотрения, чтобы не отвергнуть его наподобие фальшивого салафитского ислама. Обе позиции в итоге сослужат службу гораздо большей локализации современного капитализма.

В разделе **«Социология свободы»** я стремился представить современную демократию как альтернативу антимодернизма. Вместо прямого переноса выдвинутых там тезисов, здесь я постараюсь раскрыть региональный фактор проблемы. Целью системы является придание смысла тому, что нуждается в критике и реорганизации. С точки зрения лучшего осознания демократической альтернативы современности наиболее верным, на мой взгляд, методом было бы повторное определение и характеристика тройственной платформы модернизма.

Модернизм можно считать повторно переживаемой эпохой. Любая цивилизация, обрастающая структурами, до момента своего распада является современностью своего периода. Например, шумерские институты, продолжающие свое существование более двух тысячелетий, являются шумерской современностью. Иными словами, его эпохой (4000—2000 гг. до н. э.). Греко-римская современность охватывает период (500 гг. до н. э. — около 500 гг. н. э.). Осmano-исламская современность (1300—1918 гг.) была очень эффективной для своего времени. Если период какой-то современности преодолен, то правильнее было бы назвать это цивилизацией. Цивилизация охватывает предшествовавшие ей периоды современности. Мы уже дали определение цивилизации как системы монополистического гнета и узурпации прибавочного продукта, развивающейся на почве тесной сопряженности государства-класса-города. Я считаю, что такое определение является достаточным. Цивилизации характеризуются различиями в материальной и духовной культурах, но

не дают им точного определения. Длительно существующие и целостные структуры тоже могут рассматриваться как культуры. Не будет ошибкой, если все это в широком смысле называть определением.

Важным является также разделение на центральные и периферийные цивилизации. Понятие «центральная цивилизация» включает цивилизацию главного потока, а центр рассматривается как его постоянно действующие целостные структуры. Это можно назвать также мировой системой. За пределами центра также могут существовать многие цивилизации. Китай, Индия, Америка стали цивилизациями, но центрами стать не смогли. Цивилизации Ближнего и Среднего Востока образуют центральную цепь — в период с 3500 гг. до н. э. по 1500 гг. н. э., на протяжении около пяти тысячелетий существовала цепь центральной цивилизации. Им присваивались различные, в большинстве своем династические и религиозные наименования. На память сразу приходят такие цивилизации, как шумерская, египетская, римская, византийско-христианская, арабо-исламская, тюрко-исламская. Как бы ни различались названия и содержание, они несут в себе некое внутреннее единство и структуризацию, соответствующие их определениям. Имеют место гегемонистский характер, а также центры и периферийные сферы. Отмечались периоды депрессии и хаоса, но, являясь структурами власти, развивающимися по цепочке и не допускающими никакой пустоты, цивилизации сохраняли константный характер.

Современный капитализм — это мировая система, в которой мы живем по настоящее время. В качестве гегемонистской центральной системы, перенесенной из Ближневосточного региона в Европу, он с XVI века продолжает существовать на протяжении примерно пяти столетий.

Мы избрали концепцию демократической цивилизации, чтобы дать определение миру, созданному свободолюбивыми трудящимися городов совместно с сельскими общинными силами, которые, представляя собой борьбу с системой *город-класс-государство*, постоянно борются с цивилизацией. При-

чем внутри общества это — сопротивление процессу порабощающего классового расслоения, вне общества — борьба против процессов подавления родо-племенной идентичности в целях ее порабощения. Ясно, что непреходящее историческое право и задачи имеет определение демократической цивилизации, данное многочисленным формированиям, институтам, сохраняющим на протяжении всей истории цивилизации свою целостность и постоянно перенимающим достижения друг от друга ценности, а также борющимся за равенство, свободу и демократию.

Если понятие «демократическая цивилизация» спроецировать на современную конкретную ситуацию, то можно будет охарактеризовать ее как демократическую цивилизацию в той форме, в которой она позиционируется как противоположность современному капитализму. Необходимо постоянно помнить не только название, но и содержание концепции. Даже если название меняется, содержание остается неизменным. На протяжении всей Защитной речи мы больше касались цивилизаций, упоминаемых в официальной, классической форме. Гораздо меньше внимания было уделено феноменам демократической цивилизации. Причина этого заключается в том, что наш взгляд на историю является принципиально новым, кроме того, в недостаточном использовании материала находящегося в нашем распоряжении. В этом разделе я постараюсь конкретизировать актуальный взгляд на общество Ближнего и Среднего Востока и развить методы, способствующие поиску решения его проблем. Современная демократия постоянно будет предметом анализа В КАЧЕСТВЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО АНТИТЕЗИСА современного капитализма, развивающегося на почве исхода, развития, структурного кризиса и упадка. Мы не будем повторять исторических ошибок марксизма, в частности, постараемся не попасть в капкан, которым является привязывание основного противоречия к таким постоянно меняющимся содержанию явлениям, как буржуазия и рабочий класс. Когда впервые после Гегеля мы постараемся успешно применить диалектическую логику к социальной природе Ближнего

и Среднего Востока, станет ясно, что этот эксперимент даст более позитивные результаты. В ответ на нереализованное им же высказывание К. Маркса о необходимости поставить диалектику «с головы на ноги» будет продемонстрирован более реальный подход.

а. Экономическое общество как противовес капитализму

Факторы времени и места при жизни К. Маркса были обусловлены активными дискуссиями по поводу единства и национальной государственности Германии, деятельностью идеологических и политических течений. Явления старались осмыслить скорее в идеологических, политических и правовых рамках. К. Маркс взял за основу необходимость влияния на обстановку при помощи первостепенных экономических проблем и старался обосновать это в своих пояснениях по поводу того, что экономика является определяющей категорией. К. Маркс более всех несет ответственность за то, что превратил капитализм в некую науку. В связи с этими краеугольными камнями вышеупомянутой науки он считает владельцев капитала — буржуазией, наемных рабочих — пролетариями, а общество характеризует как капиталистическое, в котором господствует капиталистическая коммодификация. Маркс считает, что таким образом убивает одним выстрелом сразу трех зайцев. Он полон уверенности, что успешно осуществил синтез «научного социализма», объединив понятие экономики, взятое из английской политэкономии, с позитивизмом, подчерпнутым из французской социологии, и диалектической концепцией, заимствованной из немецкой философии. В тот период революция совершалась во всех науках. Маркс уверен, что научную революцию в обществе совершили они с Энгельсом; они вообще считаются Дарвинами в социологии.

Европейская социология родилась как наиболее значительное ответвление науки об обществе. Если рассматривать с позиций

гегемонистской системы, то несложно будет понять, что эта наука на почве потребностей финансового монополизма, набравшего обороты и уже поставившего свое клеймо на системе. Данная наука внесла вклад в узаконение капитала путем создания для него научной базы, причем не меньше, а, вероятно, даже больше, чем это сделала сила власти. Как бы негативно они не представляли капитал, но, возведя его в ранг науки, классики марксизма просто сделали исторический шаг в плане узаконения капитала. Очень жаль, что К. Маркс и Ф. Энгельс, несмотря на десятки противоположных мнений, объявив капитал капитализмом, финансовых монополистов — буржуазией, а экономическое общество — капиталистическим, не избежали глубочайшей ответственности за этот исторический шаг. Не стоит забывать, что на протяжении всей истории благие намерения часто использовались для получения совершенно противоположных результатов.

Известно, что приступая к исследованиям, К. Маркс и Ф. Энгельс воспользовались диалектической философией, которую выше всех поднял Гегель, доведя диалектику до высшей точки развития. Я уверен, что основную ошибку классики марксизма совершили при адаптации диалектической философии к актуальным потребностям. Эта ошибка была совершена при развитии таких важных триад, как *капитал — оплачиваемый труд — прибыль, буржуазия — рабочий класс — капиталистическое общество* и др. на базе концепции *тезис-антитезис-синтез*. Я не думаю, что классики марксизма (и многие другие, использующие этот метод) полностью осознали диалектическую концепцию Гегеля о тезисе-антитезисе (экзистенциализм). Основополагающая философская проблема, сохранившая свое значение и ожидающая своего развития по настоящее время, — это выражение смысла, стало быть, истины противопоставления тезиса и антитезиса (экзистенциализм), универсального и сингулярного. Собственно говоря, пытались выразить следующее: каждое явление имеет свою противоположность. Экзистенциальная сущность не может не иметь своей противоположности. Отсутствие противоположности означает небытие. Абсолютное небытие — это отсут-

ствии жизни. Но и отсутствие жизни не может быть небытием, поскольку оно не существует. В таком случае существование не может быть без противоположности, как и толчок не может произойти без импульса. Проблема, скорее, кроется в правильном осознании значения противоположности. Успешным диалектиком является тот, кто правильно определяет суть противоположности.

Стоило бы с особой значимостью подчеркнуть следующее обстоятельство: из одного тезиса могут образоваться тысячи антитезисов. Важнейшей, с точки зрения диалектика, задачей, которую здесь следовало бы решить, является правильное определение того какой из этих множественных антитезисов влияет на другие и формирует их ПЕРВОСТЕПЕННО, в первую очередь. К. Маркс и Ф. Энгельс, являясь диалектиками, попытались поставить учение Гегеля «с головы на ноги», совершили такую грубую ошибку как вырывание головы, которую совершенно не осознавали. Я должен подчеркнуть, что диалектика Гегеля является непревзойденной вершиной и в настоящее время, несмотря на то что в течение двух столетий против нее активно выступали. Триады К. Маркса и Ф. Энгельса, несомненно, обладают диалектическими сторонами, но они отнюдь не содержат правильных тройных концепций.

Наиболее серьезная ошибка в плане определения содержания и сути предмета нашего исследования была совершена в установлении противоположностей между буржуазией и пролетариатом. Несомненно, между буржуазией и пролетариатом есть противоположности. Но они сформировались не так, как считается. Противоречие, противоположность, которым способствовал капитализм в границах жизни и деятельности самого общества, существуют отнюдь не между капиталистом и пролетарием. Если между ними и есть противоречия, то это не истинное, глубинное противоречие. Но важнее то, что капитализм не обладает таким потенциалом, который позволяет ему самостоятельно капитализировать социальную идентичность. У капитализма как такового нет такой возможности. Более того, общество не является тем организмом, который может менять свое качество такими

статусами как капиталистический, исламский, христианский и т. п. Общество сохраняет свое существование как явление, как вторичная природа. То, что в различные периоды истории некоторые его статусы имели влияние как СИНГУЛЯРНОСТЬ, совершенно не доказывает факт сингуляризации всего общества, как не может один черный тюльпан сам по себе стать обществом тюльпанов.

Капитализм не может сформировать из социальной идентичности просто пролетариев как фактор, вытягивая из общества пролетарскую типизацию. Но даже в этом «вытягивании» капитализм во многом находится с пролетарием в состоянии союза против того общества, из которого он вытащил этого пролетария. Это и есть явление, событие, которое марксисты называют временным союзом пролетариата с буржуазией против феодального общества. Однако данное выражение и формирует почву для всех ошибок. На самом деле взамен компромисса, называемого заработной платой, капитализм под видом пролетариата набирает в общество своих агентов. Это не союз против прежнего общества, а предательство. Против такого потрясающего гибкого мышления вселенной, как общество, установлена эксплуатация, напоминающая эксплуатацию женщины ее господином. На протяжении тысячелетий, используя наследие хозяев (божества, короли, агрессоры), под лозунгом прибыли систематически и постоянно высасываются ценности всего общества. При этом эксплуатируются не только ценности в виде прибыли, но материальная и духовная культуры общества. В таком случае капиталистическое общество — это сама **МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ТКАНЬ**, которую систематически и постоянно эксплуатируют. В этом смысле мы можем говорить об его связи с обществом, влиянии на него. Но, создавая господствующую систему, растворяя под своим началом прежних владельцев торговли, денег и власти, превратив рабочих и ремесленников в своих подручных, создав идеологическую гегемонию на базе интеллектуалов, продолжает развивать это влияние и эксплуатацию. Если мы хотим выразить научными методами идентичность общества, его экзистенцию, то необходимо осознать, что ткань, называемая «капиталистическим

обществом», развивается именно в этом направлении и в этих формах. Не заметив эту характеризующую структуру процесса, не осознав данного характера, заниматься «НАУЧНОСТЬЮ» от имени общества было бы не более, чем грубым ПОЗИТИВИЗМОМ.

Пытаясь заниматься грубым позитивистским объективизмом без точного определения деяний, произведенных капитализмом в отношении общества, совершают ошибки в отношении науки во имя самой науки и в отношении общества под именем социологии. Если предметом рассуждений является общество, то для осознания ужасающих последствий надо очень серьезно задуматься об этом. Из такого краткого обзора в связи с предметом разговора становится ясно, что противоречие, связанное с капитализмом, это не противоречия между капиталистами и пролетариями, развивающееся на второстепенном уровне, а противоречия между капитализмом и обществом, капиталистами и сторонниками общества, причем вышеуказанное противоречие входит в границы данных противоречий. Роза Люксембург, одна из наиболее глубоких марксистов, критикуя К. Маркса по основополагающему вопросу, заявила, что чистое капиталистическое общество никогда, не сможет реализоваться, пояснив, в сущности этот фундаментальный процесс. Если говорить о научном социализме (правильнее было бы назвать его социальной наукой), то в первую очередь следует осознать необходимость радикальной реформы и революции в науке.

В узком смысле можно говорить о противоречиях между капитализмом и экономическим обществом. Если проявить осторожность, то, избежав значительных ошибок, можно прийти к некоторым важным и правильным выводам. В предыдущих главах я подчеркивал, что Ф. Бродель отождествлял экономику с рынком и считал, что капитал, воспользовавшись разницей в торговых ценах, реализует прибыль, используя рынок на протяжении длительного периода, следовательно, занимает антирыночную позицию. Я подчеркивал, что эти пояснения недостаточны, а капитализм, по сути своей, имеет не просто анти-

рыночный (если рынок отождествляется с экономикой), но и антиэкономический характер. Антиобщественный характер гегемонии капиталистической системы можно в не терпящей отрицания форме определить на основании таких характеристик, как колониальные и империалистические войны, которым она способствовала, созданный ею национально-государственный фашизм, разрушение окружающей среды, чему система способствовала на почве индустриализма, ее структура, подверженная постоянным кризисам, углубление социальной поляризации. Очевидно то, что антиобщественный характер во многом является антиэкономическим, потому что капитализм реализует свой закон максимальной прибыли в сфере экономического общества. Антиэкономический характер капиталистической системы подтвердился во всех сферах в итоге исследований, проводимых на протяжении всей ее истории. Если рассматривать роль капитализма как исторической ткани, не в ракурсе его воздействия на пролетариат, оказывающийся его рабом в отношении второстепенных противоречий, а в ракурсе его воздействия на общество и экономическое общество являющиеся накоплениями материальной и духовной культур, то действительно можно будет правильно написать не просто «КАПИТАЛ», но «ИСТОРИЮ КАПИТАЛИЗМА».

Обстоятельство, которое не смогли понять идеологические и политические движения, пытающиеся вылепить из раба, в том числе пролетария, образ свободы, это то, что монополии силы и эксплуатации продлевают существование раба как некоего приложения и продолжения, доводя до состояния обезличенного существа. Давая возможность рабу продолжать свое существование, они ткут из него социальную ткань. Его не добавляют к тканям монополии как элемент, способный иссушить их. В истории нет такого класса рабов, который в этом плане чего-либо добился. Даже если бы Спартак победил, для Рима это не закончилось бы ничем иным, кроме установления новой, рабской династии. Даже такой идейный борец с капитализмом, как Ленин, вынужден был сам применить капитализм в форме НЭПа (новой экономической политики). Истина, которую

подтверждает современный кризис, — это то, что группы, называемые рабочим классом, добровольно прилагают все усилия (в том числе соглашаясь со снижением своей зарплаты) во имя жизни капиталистической промышленности (включая другие виды капитализма), и теряют при этом вместе с экономическим обществом все социальные ценности. Капиталистическая индивидуализация гораздо ярче подтверждает эти реалии. Во всех социальных сферах, превращающихся в толпы личностей на антисоциальной почве, наблюдается десоциализация всех слоев, за исключением горстки олигархических монополистских групп на самой вершине. Другое подавляющее большинство, коим является толпа безработных, даже не могут продать самих себя в качестве рабов, работающих за зарплату. Тем же, кто является рабами на зарплате, не избежать такого явления, как падение заработной платы. Ясно, что именно такова реальная картина. Нельзя умолчать о роли узкоклассовых движений в этом процессе. Такие движения, как социализм (СССР), профсоюзы, обладают в этом плане определенной доказанной практикой. Рассматривая раба, собственно говоря, не как главный фактор, а как некий второстепенный элемент общего социального противоречия, мы сможем добиться более верных результатов. Изучение диалектической сущности раба — это наиболее фундаментальная социальная задача, требующая своего переосмысления. Социальная диалектика является фундаментальной наукой для социальной истины, но ее правильное применение не только сохраняет свое значение, но и требует эффективных решений.

Как в целом и бывает (в универсальном смысле), разрушительная деятельность капитализма в обществе Ближнего и Среднего Востока в отношении его самобытности (сингулярности) продвинулась довольно серьезно. Вступление этой системы в регион в качестве завоевателя в антисоциальном и антиэкономическом ракурсах равносильно колониализму основных центров, метрополий и целых стран. В связи с уходом, еще со времен крестовых походов, гегемонистской цивилизации из Ближнего Среднего Востока капиталистическая система действует более планомер-

но и строит свои позиции, пребывая в погоне за сверхприбылью, ориентируясь не на фундаментальные социальные потребности, а на источники и методы, дающие максимум прибыли. Безусловно, правильнее было бы говорить не о национальном или не национальном характере, а о националистической сути капитализма. Необходимо глубоко осознать, что явление, называемое национальным капитализмом, — в сущности, наиболее концентрированное коллективное отчуждение. Капитализм как ткань является отчуждением сам по себе. При помощи националистической идеологии он стремится выразиться как национальное общество. Такие понятия, как «национальность», «национализм», — это идеологические орудия, изобретенные для маскировки и гегемонизации монополизма в целом и капиталистической монополии в частности.

Поскольку Ближний и Средний Восток является колыбелью центральной цивилизации насчитывающей пять тысячелетий, он не чужд всем монополистским силам и эксплуататорским монополиям. Сюда же относятся и монополии капитала. Но они не сумели создать обстановку для исполнения главенствующей роли, не нашли для этого удобный момент. Не имеет особого смысла считать европейский капитализм каким-то новшеством для Ближнего и Среднего Востока. Новизна его заключается только в том, что он вступил в регион как главная завоевательная сила. Если первые сто пятьдесят лет этой экспансии, насчитывающей примерно два столетия, происходили на почве торгового и финансового капитализма, то в последние периоды скорость набрала промышленность. В сравнении с западными обществами она имела здесь относительную власть. Ее гегемония осуществлялась в союзе с традиционными монополиями силы и эксплуатации. На Ближнем и Среднем Востоке господствовала капиталистическая гегемонистская система с центром в Европе и США. Длительная история цивилизации Ближнего и Среднего Востока, сильное влияние старого общества (род, племя, сектантские сообщества) привели к тому, что гегемония западного толка обосновалась на слабом фундаменте. Именно этим объясняется то, что регион стал слабым звеном.

То, что экономическое общество мы определили как противостояние капитализму, имеет серьезные последствия.

1. Противоречия надо искать не между капитализмом и социализмом, а между экономическим обществом и капитализмом. Экономическое общество берет за основу все общественные экономические силы, испытавшие на себе влияние монополистского союза. Если социалистическая экономика основывается на экономических силах в современных условиях, то экономическое общество включает в себя также традиционные экономические силы. Но важнее всего то, что в него входит экономика, не превратившаяся в рынок, естественная, не коммодифицированная, имеющая широкие потребительские ценности. В частности, она производит потребительские ценности, в которых широко представлен труд женщин и детей. Сторонники социалистического лагеря обнаруживали узость взглядов, снижая роль экономики до уровня производителя товаров для капитализма. То, что экономика рассматривалась как главная действующая сила капитализма, является их наиболее серьезной ошибкой. Невозможно было сослужить капитализму лучшую службу, чем это. В смысле разрушения экономики капитализм может выступать главным актером, но он не может быть главным актером в плане созидания.

2. Мы уже отметили то, что противоречия между такими социальными явлениями, как буржуазия и пролетариат, играют не основную, а второстепенную роль. Социальное противоречие существует между монополистами и всем обществом вне рамок монополий. Это разделение очень важно с точки зрения осознания природы борьбы за социальное равенство, свободу и демократию. Искусственный характер борьбы между буржуазией и пролетариатом стал очевиден в течение последних ста пятидесяти лет истории социализма. Слуги (порабощенные классы) никогда не смогут обрести такую идеологическую и политическую силу, которая позволит им выйти из-под власти своих господ, поскольку как субстанции не обладают такими способностями. Только отказавшись от роли слуги, они могут приобрести такие способности, но тогда уже не будут считаться слугами. Для того

чтобы правильно осознать их социальную борьбу в современный период, необходимо установить точную границу между монопольными организациями и теми, кто вышел за их рамки, необходимо позиционировать себя на этой почве, бороться и приниматься за социальное строительство, что получит жизненно важное значение.

3. Новому обществу, которое будет построено в противовес капиталистическому на основе двух вышеуказанных разделений, можно присвоить различные названия. В данном случае важно не название, а содержание. Это новое общество можно назвать демократическим социалистическим обществом, можно и демократическим обществом, можно даже назвать экономическим обществом в антикапиталистическом смысле. Важнее всего экономическое и общественное строительство, не находящееся под господством монополизма. Было бы лишь частично верным характеризовать экономическую деятельность как некую коммодификацию, связанную с рынком. Есть экономика, не входящая в эту категорию, но обладающая величественными потребительскими ценностями. Именно эта часть общественной экономики требует особого понимания. То, что капиталистическая политэкономия (если посмотреть, кто ее создал, то лучше поймем ее истинный характер) принижает экономику до уровня деятельности, просто приносящей прибыль, — это некая мифическая ложь, искажающая истинный характер экономики. Такие разделения, как капиталистическая экономика, национальная, государственная, торговая, финансовая, промышленная, аграрная, городская, сельская, мировая, не отражают всей истины. Искусственными являются и разделения на частную и коллективную экономики. Такие категории экономики, как ее рыночная и потребительская ценность, гораздо ближе к реальности. Поскольку для доисторической потребительской ценности экономика была единственным действующим мерилom, то в плане изменений на рынке она получила гораздо большее распространение в историческую эпоху. Коммодификация подавляющего большинства социальных ценностей усилиями современного капитализма, преследуя цель эксплуатации и извлечения прибы-

ли, оказалась новым, но канцерогенным явлением. Разрушение общества, превращение его в постоянное состояние кризиса и хаоса обусловлено именно этим. Человечество сотни тысяч лет знало лишь об одной экономике, сформированной вокруг потребительских ценностей.

Общество Ближнего и Среднего Востока и в доисторическую, и в историческую эпохи обладало шансом предводительства над двумя экономическими ценностями. Ближний и Средний Восток знает, что такое экономика. То что он не понимает это необъяснимые трагедии, сотворенные под маркой экономики вампиром под названием «капитализм», это действительно экономический геноцид. Главная сущность капитализма заключается не в неизбежности экономической жизни, а в том, что он стал головной болью, раковой опухолью экономики. Эта действительность может быть лучше осознана только тогда, когда будет проанализирована деятельность капитализма в таких сферах, как нефть, газ, водные ресурсы, автомобильная промышленность, разрушающих окружающую среду и душащих общество в огне войны. Масштаб трагедии станет яснее, если задуматься над тем, как капитализм оставил больше половины общества без работы, без занятий, превратил людей в беженцев, лишил их семьи.

В таком случае, быть антикапиталистом означает быть прежде всего антимонополистом. Это приводит к демократическому, социалистическому (правильнее было бы понимать этот термин как общественный) обществу свободы и равноправия. Речь не идет об изобретении нового общества под данными названиями. Общество тысячелетиями существует в виде сообществ (семья, род, конфессия, племя, нация). Необходимо в условиях современного капитализма привести защиту этих сообществ к условиям современной демократии, а при необходимости вообще построить заново. Альтернатива, коей является современная демократия, включает в себя антимонополистское, антикапиталистическое демократические сообщества, экономическое общество, демократическое социалистическое общество. Отмечу еще раз: важно не множество имен, а сущность. Конкретизация на

этом моменте является преимущественной задачей программы современной демократии. Обществам Ближнего и Среднего Востока не чужды такие подходы. Напротив, это — представление обществу, уже в научной форме, сущности социальной природы, в которой оно живет тысячелетиями. Это созерцание обществом самого себя в зеркале науки и в волеизъявлении к свободной жизни.

Ни в коей мере не следует приуменьшать роль родо-племенных сообществ. Пока живо человеческое общество, такие формации будут существовать постоянно. Даже сегодня организации гражданского общества можно считать современными родо-племенными структурами. Возможно, и даже не лишено смысла восприятие традиционных конфессий в качестве научных академий и институтов. Нации можно создавать и считать не просто национально-государственными, но многоязычными, этнически пестрыми демократическими обществами, включающими в себя различные религии и понятия родины. В целом монополизм и, в частности, капиталистический монополизм, современный капитализм толкают традиционные общества, живущие в лоне Ближнего и Среднего Востока, на кровавые распри и нерешенные проблемы. Современная демократия видит эти общества в своем пространстве не в виде отсталых, подлежащих уничтожению старых форм, а, напротив, в качестве основных социальных ценностей, которые нужно демократизировать и пользоваться их существованием.

Бедуины как часть арабов, туркмены как часть тюрков, курманджи как часть курдов, сформировавшиеся вследствие постепенного сужения родо-племенной структуры в обществах Ближнего и Среднего Востока, постепенно ощущают стирание характерных признаков родо-племенного института и являются цементирующими звеньями процесса демократизации и демократического общества. Демократическая идеология и политическое движение в первую очередь должны организовать именно эти слои населения. Они представляют основные силы современной демократии. Кроме того, считая все конфессии, являющиеся колыбелью монотеистических религий, в частности, оставшихся

в меньшинстве асирийцев, армян, езидов, алевитов, эллинов и иудеев носителями культурных сокровищ региона, необходимо открыть для них по одному институту или академии и, обеспечить представителям этих народов и религий равноправную, свободную и демократическую жизнь, оценить их роль в современной демократии, что и должно стать незаменимой исторической и социальной задачей.

Одной из священнейших исторических функций современной демократии является создание нации всех наций, такой же самобытной, как и всеобъемлющей в отношении современной демократии. Это должно происходить путем отдаления крупных наций региона, коими являются национальные общества арабов, турок, курдов, персов, от болезней национализма, спасения их от капкана национального государства (это будет своего рода современное демократическое обновление уммы). Проведя ислам и его умму через реальное реформирование в рамках современной демократии, спасая его от кровавой, аннексионистской и авторитарной эксплуатации (султанский ислам), необходимо возродить его в качестве демократической, равноправной и свободной уммы, стоящей над национальным государством, что и станет выполнением священной исторической и социальной функции.

В таком случае современная демократия, берущая за основу ценности демократии, свободы и равенства, и подходы, парадигмы демократической цивилизации, являющиеся ее исторической платформой, вместо современного антикапитализма с его историческим фундаментом в виде традиционного стремления к цивилизации, не только возможны, но являются просто жизненной истиной свободы общества. Истина — это выражение процесса обретения обществом свободы. Для конкретизации подчеркнем, что в социологической истине (я имею в виду правильное ее выражение) присутствуют уклоны в научное строительство. До тех пор, пока прогресс, как на протяжении всей идеологической истории, так и сейчас, не будет направлен в русло обязательного характера свободной жизни, успеха не будет. Святым долгом является необходимость со-

единить древнюю, как человечество, историю Ближневосточного региона в многообразии его социальных богатств, с социальными ценностями современности, в частности, создать и утвердить организацию самозащиты и проведения реформ в противовес современному капитализму, не оставившему в обществе ни одной щели, куда бы не проникли его мировоззрения и воля.

б. Экологически-экономическое общество в противовес индустриализму

Власть промышленности, установленная современным капитализмом над экономикой при помощи промышленного переворота, оставляет значительные следы не только на экономической гегемонии, но и на идеологическом и авторитарном монополизме. Иными словами, такой взгляд, как упрощение индустриализма до технологической логики в узком смысле, способствует проявлению столь фундаментальных ошибок, как принижение капитализма до уровня экономики. Функции, которые капитализм отвел индустриализму, сводятся к развалу экономического общества в целом и сельской крестьянской общины в частности. В этом плане он воплощается в качестве идеологической и авторитарной монополии. По мере развала экономического общества начинает работать капиталистический закон максимальной прибыли, развивающийся в тесной связи с национально-государственным монополизмом. До тех пор, пока анализ капитализма не будет проведен на основе тройственной платформы современности, неизбежны фундаментальные ошибки и недостатки, как в социологии, так и в практической политической деятельности.

Последствия того развала и упадка, которые были вызваны попаданием общества под гегемонию индустриализма в силу закона максимальной прибыли, стали достаточно очевидны в течение последних двух столетий. Например, научно доказано, что разрушения, которым способствует глобальное потепление,

сами по себе ежегодно приближают человечество к Армагеддону. Мировоззрение, ослепшее из-за индустриального шовинизма, не видит незаменимой экологической составляющей социальной и экономической структуры, не осознает смысла этой структуры. Применение законов индустриализма к социальной жизнедеятельности всех тканей общества (можно их назвать социальными сферами, институтами) за счет постоянного действия закона максимальной прибыли становится гораздо опаснее насилия власти.

Индустриализм, собственно говоря, означает перенос теоретических и практических принципов и правил физики, химии и биологии на общество и, в частности, на его экономические институты. Однако это влечет за собой игнорирование разнообразной социальной природы. Социальная природа не может длительное время тащить на себе систему, постоянно стремящуюся к извлечению максимальной прибыли. В частности, длительное применение объективных законов природы приводит к обезличению самого общества. Капиталистический индивидуализм подтверждает эту истину. Практические законы социальной природы имеют самобытный характер, действуя на нравственном и политическом уровне. В экономическом смысле подход, характерный для индустриализма, несет ответственность за безработицу, кризисы и пропасть между доходами разных слоев населения и рано или поздно разрушит нравственные и политические наработки. Основные факторы, порождающие экологию, берут начало в этой действительности индустриализма, которую мы вкратце охарактеризовали. Общество индустриальной эпохи не может продолжить существование, если не будет развивать экологию во всех сферах. Подобно тому, как демократические конституции хотят ограничить роль Левиафана (национально-государственного чудовища), так и экология ограничит чудовище индустриализма. Следовало бы хорошо знать о том, что жизнь всех живых существ, в том числе человека, в силу его интуитивных знаний имела чисто экологический характер (наиболее конкретное чувственное мышление). Любое живое существо, вступающее в противоречие с закона-

ми экологии, не сможет избежать уничтожения, и, безусловно, любое живое существо изначально обладает самобытным экологическим мышлением. Индустриализм можно считать также эпохой, восставшей против жизнедеятельности по законам экологии. Но ведь мятеж против экологии — это шаг к Армагеддону! Судный день, который религии предрекают очень давно, в сущности, связан с потерей обществом своей экологической сути.

Общество Ближнего и Среднего Востока играет роль лидера в приобщении к жизни по законам экологии. Сказания об Адаме и Еве, о Ное фактически предупреждают об экологическом бедствии. Экологическая жизнь играла главенствующую роль для пророков. То, что они называли жизнь, утратившую свою экологическую сущность, такими эпитетами, как Армагеддон, власть фараонов, немродов, и считали вообще проклятием, — фундаментальный социальный закон, который и сейчас должен иметь силу. Без него возможность продолжения обществом своей жизнедеятельности окажется под угрозой. Несмотря на то что в экономическом обществе Ближнего и Среднего Востока тысячелетиями используется промышленная техника, все это не было доведено до индустриализма, что обусловлено духовной культурой и нравственной структурой региона. Мятеж против природы здесь приравнивался к роптанию на Бога. Традиции Запада рассматривают борьбу с природой как исходный принцип философии господства над природой (философия Декарта). Но в восточном обществе основным принципом является соблюдение равновесия. Выступление против природы, нежелание отказаться от идеи господства над ней — это сущность восхождения современного капитализма. Наступивший этап свидетельствует о том, что социальная жизнедеятельность оказалась на той грани, когда ее существование во всех сферах находится под явной угрозой.

Одним словом, традиции обществ Ближнего и Среднего Востока очень внимательны к экологии и гармонично ее воспринимают. Необходимо на завоевательные, уничтожающие и аннексионистские подходы капитализма ответить рекон-

струкцией экологического общества. Основным оружием современной демократии является ее базирование на экономике и обществе, имеющих экологическую суть. Историческая роль индустриализма в регионе Ближнего и Среднего Востока сводится к разрушению и уничтожению аграрного общества, насчитывающего одиннадцать тысячелетий. Крестьянские общины и связанная с ними экономика, еще пятьдесят лет назад составлявшие основную часть экономики и общества, ближе к сегодняшнему дню стала ускоренными темпами подвергаться разрушениям, банкротству и безработице. Общество стало погружаться в долги, превращаясь в общество вынужденных переселенцев. Разрушение, распад и ликвидация имеют место в силу враждебности, испытываемой к этому обществу. Поскольку без разрушительной политики не могут повториться глобальные капиталистические успехи, как это было в других регионах мира, сегодня он вынужден ощущать угрозу (страх, испытываемый перед исламским обществом, исламофобия).

Индустриализм играет главную роль в войнах империализма, то есть современного капитализма, за гегемонию в регионе Ближнего и Среднего Востока. Наиболее распространенными являются войны за воду и нефть. В будущем более активный характер обретут войны за владение водными ресурсами. Поворот к капиталистическим взаимоотношениям в вопросах использования земель становится еще одной сферой войны. Процесс отрыва сельских жителей от земли следует воспринимать как войну. Цель завоевательной политики современного капитализма на протяжении последних двух столетий заключается в том, чтобы положить конец той культуре жизни, которая формирует главный фарватер человеческой цивилизации и в основе своей зиждется на аграрном обществе. Политику культурного геноцида следует искать здесь. Защита общества означает защиту от геноцида, творимого современностью, этой великой жизненной культуры — с помощью освобождения и демократизации. Если считать историю цивилизации монополистическими войнами, то гораздо лучше можно будет осознать значение родо-племенных и религиозных общин, которые

стремятся сохранить свое существование, являясь основными силами демократической цивилизации. Ясно, что осмысление истории цивилизации в русле такой диалектики поможет более правильно проанализировать сегодняшние войны. Станет очевидным, что такие вещи, как родо-племенные, конфессиональные войны, — это защита обществом своей идентичности, пусть и в искаженной форме. Вывод, который следует сделать из этого сложного пояснения, направлен на осознание следующего: индустриализм, представляемый как наиболее эффективное средство освобождения, это — самый настоящий Левиафан.

Когда говорят об обществах и культурах Ближнего и Среднего Востока, то на ум приходят два основополагающих экологических фактора, коими являются Тавро-Загросская горная гряда и система рек Нил-Евфрат-Тигр-Пенджаб. Общество, выращенное этими двумя системами, и сегодня переживает наиболее трагический период своей жизни. Национализм, религиозный клерикализм, коммунизм постоянно пытались примерить на себя роль освободителя. Итогом стало то, что современность оказалась многократно страшнее прошлого. Когда анализ бывает одиноким, то получение такого результата просто неизбежно. Эти монополистические идеологии, которые и близко не подходят к осознанию современного капитализма ни как единого целого, ни как «структурного срока», впадают в такую протрацию, будто сливаются в молитвенном экстазе, когда речь идет об индустриализме. Они поклоняются индустриализму, уверовав, что именно он (ведь индустриализм является вторым после национального государства масштабным воплощением секулярного божества) откроет врата в рай. Вывод, что неправильно построенную жизнь невозможно прожить правильно, мы можем получить скорее всего из хаотической ситуации, в которой оказались поклонники этого нового секулярного божества. Без сомнений, этот новый бог гораздо безжалостнее богов предыдущих эпох. Прекращение жизненной традиции, ведущей за собой человечество на протяжении более, чем пятнадцати тысячелетий, можно считать

своего рода Армагеддоном. Сегодняшняя демократия, возвышаясь над современным капитализмом, развывшимся как ее антитезис, выглядит из этой исторической перспективы. Она просто обязана взять на себя такой груз, как научное самовыражение и организационная структура свободного, равноправного и демократического общества, как сегодняшнего дня истории.

Европейский союз стал создавать на основе уроков и выводов невиданной за всю историю человечества панорамы войн и падений, происходивших в процессе трехвекового ужесточения Вестфальской системы (первого ядра модели национальное государство), созданной в 1648 году как средство борьбы с хаотической ситуацией, возникшая после эпохи кровопролитных религиозных войн. Подобно тому, как Вестфальская система появилась в качестве антитезиса религиозных войн, так и система ЕС была создана в качестве антитезиса реформаторского, а не революционного стиля преобразований жесткости национально-государственной системы Вестфалии. Реформаторское спасение от национально-государственного фашизма, достигшего своего апогея во время Второй мировой войны и завершившегося геноцидом, это и есть переход к форме сообщества прав человека и демократических национальных государств. Но поскольку исход был сделан с ошибочной платформы, глубина цели не была достигнута, и в итоге не смогли объединиться даже в очень слабую конфедерацию. Причина заключается в том, что деятельность была начата с абсолютно индустриалистской точки зрения — вроде «Союза стали и угля». Но ведь нельзя создать общество свободы и равноправия вокруг такого союза, имея в виду идею прав человека и демократическое национальное государство! Важно то, что современный капитализм испытывает потребность в собственных реформах на своей же родине. Вступление капитализмом в полосу реформ после того, как была осознана невозможность руководства мировой системой при помощи прежних жестких институтов гегемонии, опять же, является прогрессом, способным оказать определяющее влияние на систему. То, что ни одна сила современности, кроме ЕС, не

смогла существенно проявить необходимость собственного реформирования и способности к этому, связано с жесткой формацией гегемонии. Казалось, у них нет иного пути, кроме как следить за успехами ЕС, оставаясь при этом привязанными к фундаментам системы.

В связи с этим, не особо реалистичным представляются ожидания реформаторских преобразований от современного капитализма, создающегося в Ближневосточном регионе на протяжении последних двух столетий. Они могут реализовать только возможность реформ в сотрудничестве с ЕС, но в такой ситуации в регионе постоянно углубляются кризис и хаос. Актуальная реальность подтверждает эти суждения. Именно поэтому условием реформирования является выход за рамки системы ЕС. Ни исторический поток, ни актуальные социальные условия Ближнего и Среднего Востока не способствуют реформам в стиле ЕС. Именно это и толкает на поиск новых путей. Мы неоднократно подчеркивали, что поиски путей радикального ислама, исламской республики, общинности единоверцев не обладают той глубиной, которая практически или теоретически преодолееет влияние современного капитализма. Максимальная программа таких поисков — это капитализм, покрытый исламским лоском. Налицо обеспокоенность только тем, как стать предшественниками провозвестниками нового ислама или протестантами-кальвинистами, и на этой почве взять в свои руки бразды правления государство. То, чего они не смогли в полной мере сделать при помощи национализма, являющегося секулярной религией лаицистов, теперь хотят завершить в исламских масках. Но суть их та же самая, и это есть современный капитализм.

Что касается существовавшего социализма, являющегося левым крылом лаицизма, то там, впрочем, нет такой проблемы, как противостояние современности. Все, чего хотели сторонники социализма, — это утверждение государственного капитализма вместо либерального. Итогом стало строительство современности, которая гораздо безжалостнее либерального капитализма.

В таком случае развитие демократического антитезиса в противовес современному капитализму в Ближневосточном регионе является одной из важнейших возможностей для выхода из постоянно углубляющегося кризиса и хаоса. Исторические и социальные условия повышают этот шанс. Основной лозунг, который может быть выдвинут в реально существующих конкретных условиях, таков: «Или постоянный кризис и хаос, или современная демократия». Важный урок, который можно извлечь из опыта ЕС, — это реформаторский выход, подготавливаемый на почве экономического общества. Отрыв, полученный в данном случае, позволил бы осуществить прочее социальное и политическое строительство. Если иметь в виду тот факт, что сталь и уголь являются основными материалами индустриализма, то гораздо лучше можно будет понять его противоречие с экономическим обществом. Это и есть структурная причина, препятствующая стремлению ЕС к экологическому обществу. Общества, основанные на стали и угле, имеют антиэкологический характер. Стало быть, недостаточно одной лишь реформы в системе — естественно, если целью является построение экологического общества!

Шанс развития появится тогда, когда актуальные конкретные шаги современной демократии на Ближнем и Среднем Востоке будут сделаны на основании исторических и социальных условий. Копирование чужих моделей, конечно же, не приживется. Затруднения, связанные с адаптацией копий, сделанных на протяжении последних двух столетий, подтверждают эти суждения. Экологическая обстановка, в которой развилось неолитическое общество и его антитезис — цивилизация — также является обстановкой формирования демократической цивилизации и ее современного состояния. Сферы центральной цивилизации, развивавшиеся на протяжении пяти тысячелетий в долинах рек Нил, Тигр, Евфрат и Пенджаб, сегодня стали центрами региональных кризисов. Национальные государства, создаваемые на протяжении последних двух столетий в качестве наиболее реакционных платформ современного капитализма, явились основным фактором этого

кризиса. В связи с тем, что у них нет способности к реформированию путем ЕС, яростные столкновения расширяют пропасть кризисов и хаоса. Несмотря на то, что США и ЕС берут на себя роль союзной гегемонии системы, им тяжело найти выход, а национальные государства не могут реорганизоваться. Такая ситуация углубляет мировой кризис и делает его постоянным, а также, испытав на себе влияние его противоположного состояния, увеличивает хаотическую смешанность. Следовательно, структурный кризис системы более всего обретает постоянство именно на родине центральной цивилизации — она как будто мстит.

Нельзя отрицать того, что происходит своего рода третья мировая война. С точки зрения содержания и сроков эта война гораздо глубже и протяженнее первых двух. В регионе у системы отсутствует и не может быть сформирован потенциал возрождения. Происходят разложение и распад. В таких условиях наиболее серьезной возможностью выхода из сложившейся ситуации является то, что современная демократия, берущая за основу все культурные достижения, постоянно подавлявшиеся на протяжении длительного срока, начиная от цивилизации Шумера, ставшей антитезисом неолитической эпохи, до современного капитализма в первую очередь должна сформироваться как тезис, а затем уже предстать перед системой в качестве антитезиса.

В центральном потоке истории еще раз должно произойти изменение в виде *тезис-антитезис-синтез*. Если конкретизировать, то получится, что возникла сильнейшая потребность в новой целостной экспансии культуры, которая делила междуречье Тигра и Евфрата и в ходе истории всегда представляла собой целостное явление. Не вызывает никаких дискуссий тот факт, что сегодняшнее искусственное деление, называемое границами Сирии, Ирака и Турецкой Республики, является результатом геостратегической политики «разделяй и властвуй», выраженной в раздроблении на этом основании всей исторической социальной культуры. Досталось это наследство от победителей в Первой мировой войне, коими являлись английская и фран-

цузская гегемонии. Не осознав искусственного характера этих границ во всей глубине и со всеми последствиями, невозможно будет построить в историческом «Плодородном Полумесяце» сколько-нибудь серьезные образования. Наибольшая глупость совершится тогда, когда целостное культурное движение будет проигнорировано, потому что поверят в священный характер этих границ (наиболее бесславные ограждения, установленные иностранной гегемонией, никакой святости не представляют). Это материальная и духовная культура, сотканная во имя культурного единства вокруг ценностей свободы, равенства и демократии. Такая культура должна быть создана на базе национального мировоззрения, далекого от национализма, религиозного мировоззрения, свободного от клерикализма, общества, свободного от сексизма, и научного мышления, далекого от позитивизма.

Совершение первого шага в форме создания аграрной гидро-энергетической коммуны в бассейне Тигра и Евфрата может стать ответом, соответствующим целостному развитию истории и общества. Когда это единство будет достигнуто, станет ясно, что историческое общество создает чудеса и является колыбелью всего святого. Ясно, что такая коммуна обеспечит достаточную почву и сформирует серьезный потенциал развития экологического экономического общества. Наряду с этой экономической общинной моделью аналогичные коммуны можно создавать во всех сферах общества. Модель кибуца в Израиле черпает свои силы в этой коммуной особенности. Экономическая жизнедеятельность на протяжении всей истории выражалась преимущественно в традициях коммуны. Как бы капиталистический либерализм ни ставил свое клеймо индивидуализма под маркой «частного предпринимательства», производство опять же в большинстве своем осуществляется на базе коммунальных единиц — фабрик и заводов. Разница в индивидуалистической системе извлечения прибыли. Когда синдром стремления к прибыли будет преодолен или сведен до минимума, тогда высветится система коммуны. Общинная система обладает универсальными структурными особенностями, действительными

не только в экономической, но и во всех социальных сферах. Основной вопрос заключается в том, чтобы данные структуры обладали нравственным и политическим характером. Навязанное цивилизацией и современным капитализмом отчуждение от этих ценностей удастся преодолеть только на почве современной демократии.

Бассейны Тигра и Евфрата с лихвой предоставляют водные, энергетические и земельные ресурсы, необходимые для удовлетворения основных потребностей в сельскохозяйственной продукции. Экологическое и экономическое общество Ближнего и Среднего Востока не может развиваться без достаточного обеспечения ими. Но эти конструкционные материалы не в состоянии самостоятельно сформировать конструктивное общество без должного интеллектуального накопления. В противном случае им не избежать участи социалистической системы, которая оказалась на службе у современного капитализма и буквально растворилась в нем. Здоровым началом интеллектуального накопления может стать академическая организация материала, образовавшегося в результате кипения в демократическом котле и истории, и современности. Не следует забывать того, что шумерские зиккураты, «дома мудрости» в Ниппуре, Вавилоне, Нусайбине, Урфе, Багдаде, ставшие первыми в истории академиями, кроме всего прочего, подтверждают, что цивилизации не могли существовать без них. Демократическая цивилизация не может развиваться без академии. Незаменимым для экологического и экономического общества должен стать новый мир мышления и науки, который следует организовать как альтернатива охваченному кризисом академическому миру современного капитализма. Спасение науки от участи идеологической монополии и орудия власти возможно только путем строительства равноправного (вместе с осознанием), свободного, демократического общества, их тесно переплетенного сосуществования. Любое эко-сообщество может иметь смысл только в том случае, если оно построено на базе осознания и организованности, вышедшей за пределы современного капитализма. Без формирования знаний, организации и практической

воли, превосходящих уровнем капитализма, индустриализма и национального государства, не могут сформироваться экологические сообщества и экономическое общество. Раздельное восприятие науки и знаний в отрыве от социума является искаженным представлением цивилизации и связано с порабощением общества.

Свободное и демократическое общество может существовать только на основе необходимых знаний и смысла. Любая экономическая единица существует только на почве экологических знаний. Экономические единицы, жизнь и деятельность, не основанные на знаниях об экологии, не спасутся от растворения в горнилах современного капитализма. Не следует думать, что экологически-экономические общества — это простые единицы, лишенные технологической базы. При необходимости даже самые сложные и развитые технологии могут использоваться в экологически-экономических обществах и единицах, даже сами экологически-экономические единицы являются структурами с идеальной технологией. Это сферы наиболее полезного общественного применения технологии. Технологическая революция в обществе Ближнего и Среднего Востока более всего актуальна в экологически-экономическом обществе. В этом смысле технологическая революция имеет противоречащий индустриализму характер. Технология на службе индустриализма приводит к порабощению и разрушениям, а технология на службе экологически-экономического общества — к более свободной и демократической жизни. По сути, наиболее разумный баланс между технологией и экологией способна обеспечить только современная демократия. Именно поэтому идеологическая война является незаменимым звеном войны между различными формами современности. Без успешного проведения этой борьбы шансы современной демократии в сравнении с шансами современного капитализма так и останутся на уровне слабой вероятности, надежд и утопий.

С эпохи неолита и на протяжении всех эпох цивилизации экологическая и экономическая жизнь региона создавала и

формировала ближневосточное общество, его материальную и духовную культуру. Современный капитализм усилиями трех всадников Апокалипсиса, коими стали капитал, индустриализм и национальное государство, постоянно угнетает, подавляет и разрушает эту общественную культуру. Основной задачей, которую необходимо выполнить в противовес этому, является борьба за строительство современной демократии на основе триады демократически-социалистического, экологически-экономического и нравственно-политического начал.

в. Нравственное и политическое общество как противовес национальному государству

Современный капитализм не просто связал общества Ближнего и Среднего Востока в сильный узел при помощи национальных государств; он осуществил бомбардировку региона при помощи национальных государств, и их воздействие оказалось в десятки раз сильнее той атомной бомбы, что была брошена на Хиросиму. Общие культурные ценности, формировавшиеся на протяжении тысячелетий, можно сказать, просто уничтожаются в последние два столетия в результате «бомбардировок» национальными государствами. Это привело к такому раздроблению и распылению, чего не могло вызвать ни одно физическое оружие. Общества Ближнего и Среднего Востока, и этатические цивилизованные, и общинные системы, существующие как их антиподы, ни на одном из этапов своей истории не оказывались лишены собственной идентичности и целостности, так отчуждены и противопоставлены друг другу, как в условиях гегемонии современного капитализма. Британская империя, применив эту наиболее эффективную систему (настоящую атомную бомбу!), смогла добиться стабильности своей гегемонии, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и во всех частях мира.

Одной из наиболее трагических мер, принятых Британией, является судьба французского короля Луи XVI. Не хочу быть

неверно понятым: я не считаю Французскую революцию результатом заговора Британской империи, но нельзя отрицать, что Британия той эпохи испробовала всевозможные способы, чтобы сломить гегемонистские устремления французской монархии, и эти игры сыграли значительную роль в казни французского короля. Помимо имеющихся многочисленных данных, наиболее значительным доказательством этой роли является то, что с казни короля во время якобинского террора 1792 года началась официальная история национального государства. В 1792 г., после установления модели национального государства все гегемонистские устремления Франции оказались по объективным причинам нейтрализованы. Террор был на руку Британии. Что касается выхода на сцену Наполеона и его войн, то это не только привело к опустошению Европы, но попросту нейтрализовало все силы, способные возвысить голос против британской гегемонии. Наполеон и сам стал жертвой этих национально-государственных войн. До сих пор во Франции действует Пятая Республика, но если, потеряв во всех этих республиках силы, она постоянно остается позади Британии, в этом есть определяющая роль среднего класса и бюрократического национального государства, несущих на себе клеймо Голландии и Британии. Те же реалии действительны для испанской, австро-прусской, российской, османской, даже китайской, индийской и японской империй.

Странность в том, что те же игры, уже известные по последней четверти XX и начале XXI веков во всем мире, вновь оживились, но в более страшной, трагической форме к тому моменту, когда национальные государства уже стали помехой глобальной гегемонии современного капитализма, в частности, в Ближневосточном регионе (под эгидой США и Великобритании). Эти игры начали разыгрываться уже против самих национальных государств. Одним из самых заметных действий этой игры стал трагический финал Саддама Хусейна, что допускает аналогии с казнью Луи XVI, но уже в иных жизненных условиях Ирака и Ближневосточного региона.

Без тщательно проведенного анализа и осознания общественно-исторической роли национальной государственности на Ближнем и Среднем Востоке не удастся найти решение никакой социальной проблемы. Считать все меры, принятые на протяжении последних двух столетий национальными государствами, просто заговором Британской империи, являющейся гегемоном современного капитализма, в ходе реализации ее политики «разделяй и властвуй», — крайнее упрощение событий и фактов. Следовало бы проявить особые усилия, дабы не впасть в такие ошибки. Безусловно, национальное государство является очень удобной для заговора формой государства. Но гораздо важнее содержательное установление его значение во имя истины. Несмотря на всю позитивистскую пропаганду, ее содержание переполнено таинственными и метафизическими элементами. Не выяснена ее роль в истории, и еще большая тьма окутывает ее влияние на общество. Несмотря на все свои антиатеологические идеи, национальное государство более всего таит в себе теократические особенности.

Важное значение имеет прояснение с различных точек зрения его состояние в обстановке Ближнего и Среднего Востока. По мере такого прояснения гораздо лучше определятся все нравственные и политические задачи.

1. Несмотря на все научные идеи, национальное государство представляет собой наиболее слабую сущность (субстанцию) с точки зрения социальной истины. Основная его роль сводится к гомогенизации очень богатых и разнообразных кодов мышления социальной природы. Такие идеи, как один язык, одна история, одни флаг, одна нация, однотипная политика, однотипная жизнь, однотипная идеология, очень тесно переплетены с процессом гомогенизации социальной природы. По мере того как сложные и разнообразные социальные образования объединяются и превращаются в однотипные, истина уступает свое место дилемме черного и белого, причем ценность ослабевает и превращается в негативное явление. На основе этой простой дилеммы развивается наиболее реакционное, шовинистское, фашистское мировоззрение. Такого

рода меры властей национального государства, предназначенные для создания однотипности, обусловлены склонностью капитализма к максимальной прибыли. Но когда социальные группы с различным образом жизни защищают свою свободу и достоинство, эта склонность к максимальной прибыли долго не продлится. Только когда все жизненные сферы, основанные на различных интересах, растворяются под однотипной национальной властью, общество идет к поляризации из двух классов (буржуазия и пролетариат). Процесс капиталистического извлечения прибыли расширяется и развивается благодаря такому типу образования классов. Материальные и духовные культурные ценности, формировавшиеся на протяжении всей истории, приносятся в жертву гомогенизации двух классов. Это действительно жертвоприношение. Все языки, религии, мышления, верования, нравственные и интеллектуальные структуры входят в число этих жертв. Применяются два метода: физическое и культурное уничтожение или ассимиляция. Если ассимиляция не дает желаемых результатов, в действие вступает политика физического или культурного уничтожения. В целом методы применяются совместно — именно так работает механизм, называемый приведением к однотипной слабой и негативной истине.

Такова правда общества, состоящего из двух классов, что марксисты ошибочно пытаются представить как положительное. Ценность истины, которую представляет собой класс, называемый пролетариатом, крайне слаба и негативна. Социальная ценность поработанной в целом личности ослаблена до ничтожного состояния. Поскольку эта личность растворилась внутри класса господ, превратившись в его приспешника, то и истина, которую эта личность несла в себе, будучи еще свободной, теперь уже передана господствующей прослойке. Марксизм не понял этого, что является его значительным недостатком. Именно здесь, в этой точке, более всего становится очевидным тот факт, что Маркс оказался плохим учеником Гегеля. По сравнению с Марксом Гегель обладал способностью установления истины на более высоком уровне. Его произве-

дения во многом направлены на раскрытие истины. То, что Маркс назвал раба носителем истины, фактически сделало бесполезным и прочие составляющие его учения, несмотря на присутствие значительных элементов правды. Капитализм не просто накапливает материальную силу на почве прибыли. Вместе с этим капитализм присваивает также общественную истину (силу мышления общества). Проведя их в своих интересах через собственные фильтры, он отдает эту истину господствующему классу, и, вооружившись истиной, поразительным образом усиливает собственные позиции. Явление, называемое национальным государством, собственно говоря, является процессом преобразования и передачи этой истины.

В таком случае по отношению к истине можно говорить не о двух классов, а только об одном. До тех пор, пока физическое существование рабочего класса, даже его узкая организованность в форме партий и профсоюзов, не будет рассматриваться как часть целостной общественной демократической организационной структуры, рабочий класс не обретет никакой серьезной социальной истины, кроме осколков зарплаты. История стран социалистического лагеря в высшей степени интересна с точки зрения завоевания и потери истины. Коротко говоря, чем сильнее гомогенизировано национальное государство, тем больше устанавливается однотипных истин для монополистского олигархического класса. Их спекулятивный, искусственный характер, отнюдь не означает того, что они не являются истиной. Следует хорошо понимать, что в метафизике также есть свой способ установления истины. Мифы тоже имеют ценность истины. То, что мифы не могут найти своего подтверждения в природе, не означает, что в них вообще отсутствует истина. Не следует забывать, что истина всегда связана с формированием мышления человека. Пока человеческое мышление не будет воспринято как наиболее развитая форма истины, не может быть никаких серьезных разработок в области науки, искусства и философии. Несомненно, социальная обусловленность мышления человека диктует необходимость одновременной связи истины с обществом. Ни одна государ-

ственная и общественная формация не превратила истину в столь слабое явление, зависимое от власти, как национальное государство.

2. Теократические и теологические элементы национального государства требуют более внимательного обсуждения. Определяя государство как божество, спустившееся с небес на землю, Гегель делает не просто символическое умозаключение. Он рассматривает национальное государство как воплощение идей, которые на протяжении всех эпох накапливались с именем Бога. Чтобы понять это, достаточно внимательно изучить все мнения, появившихся незадолго до Великой Французской революции. Говоря о том, что национальное государство получило суверенитет из рук бога и передало его нации, позитивисты даже не подозревают о том, как они занимаются теизмом, потому что не знают, что такое суверенитет или же не в их интересах правильное истолкование этого понятия.

Суверенитет как таковой является господством монополии, которое на протяжении истории устанавливалось над обществом от имени бога или господина, воспринимаемого в качестве общего символа иерархической и государственной власти, и эксплуатации прибавочного продукта и ценностей, добытых на этой почве. Совершенно ясно, причем даже не требует никакого объяснения, что суверенитет, имеющий божественное происхождение, создан человеком, провозгласившим себя господином (значит, богом). Повторение вслед за французскими революционерами, что суверенитет перестал быть явлением божественным, а стал национальным, означает фальсификацию социологии. Позитивизм является изобретателем этой фальсификации.

Если понятия «суверенитет» и «господство» эпохи Средневековья произошли от определенного религиозного источника, то национально-государственный суверенитет современного капитализма в несколько раз больше связан с тем же источником. Вопрос, на котором надо в данном случае остановиться, это связь понятий «нация» и «национализм» (также в этническом смысле) с теизмом. Как известно, в исламе понятия «нация»

имеет религиозный смысл. Бог и нация тождественны: даже обретение нацией этнического наполнения не меняет сути. Имело место всего лишь игра с языком. И в священных книгах, и в учениях капиталистического либерализма такое понятие, как «нация», является обозначением общины, выполняющей указания божества (господина, суверена, того, кто подчиняет остальных). Секулярная, светская концепция капиталистов тем не менее не выходит за рамки религии, бога, суверена, не отрицает их. Под маской национализма или новой религиозной конфессии фактически развивается теизм, приспособленный к собственным интересам, более того, на протяжении истории национализм при власти фашизма становится наиболее фанатичной религией. И важно не то, в какой прежней форме существовала религия, — как христианство, ислам, буддизм или иудаизм. Любое мировоззрение и вера, добывающиеся поклонения общества, вполне могут быть выражены как религия. В данном случае не является определяющим наличие или отсутствие бога в этой религии. Основной смысл заключается в умении привязать всех членов общества к миру мышления, верований и чувств, переживаемых на уровне священных понятий, а также привязать к формам поведения, называемого поклонением. Ясно, что в рамках национального государства нация и национальные идеи создавались как крайняя необходимость, потребность в этих богах. Таким образом они становятся настолько открытыми понятиями и учениями, что обсуждать их религиозный характер совершенно бессмысленно.

Обстоятельство, которое надо с особой значимостью рассматривать в национальной теологии, — это попытка абстрагироваться от религии и метафизики под маской позитивистской научности. Более того, считая основным правилом выступление против религии и метафизики, не останавливаются перед религиозным абстрагированием во имя «научности». Вопросы истины и религии в национальном государстве тесно связаны друг с другом. Общая цель заключается в растворении, уничтожении, очернении и лишении истории разнообразных форм жизнедеятельности. Ослабив таким образом глубокие выражения истины,

они представляют свою гегемонистскую систему как единственно законную истину.

3. Результаты деятельности мировоззрения и структур национального государства, навязанных культурной жизни Ближнего и Среднего Востока, до сих пор остаются теми вопросами, которые еще не исследованы в своей целостности и перспективе своих исторических сроков. Даже те, кто сам по себе обладает этим мышлением и структурами, очень плохо понимают, что именно они применяют. Это жажда власти и материальный интерес, ограниченный очень узким пространством и коротким сроком. Те, кто использует национальное государство как идеологию и институт, по существу, действуют согласно логике «все прибыль, что бы ни сорвали», относя это выражение гегемонии современного капитализма. Все их стратегические и тактические методы ограничены рамками данного взгляда. Система-гегемон не даст возможности для какого-либо иного развития. Поскольку они совершенно не в курсе истины и теологии, суть которых мы постарались изложить, то, с одной стороны, им не избежать участи пребывания в плену окончательных национальных догматов, с другой, — постоянных подозрений. Если постараться конкретизировать, то получается, что навязывание арабской родо-племенной и религиозной системе, являющейся одним из древнейших социальных институтов Ближнего и Среднего Востока, более двадцати мелких национальных государств не ограничилось раздроблением общего культурного пространства, а превратилось в прививку невиданного вируса отчуждения от собственной идентичности. Формирующаяся новая арабская идентичность не компетентнее идентичности Древнего мира и Средневековья, что часто подвергается критике. Арабы, разделенные на основе национального государства, превратились в самых слабых арабов, введенных в заблуждение и оторванных от своих историко-социальных ценностей. Какие бы резкие национально-государственные методы не использовались, арабы не становятся сильнее, как сами думают об этом, а наоборот, слабеют. Что касается арабской идентичности как таковой, то она оказы-

вается не фактором усиления, а причиной ослабления и отдаления от своих корней.

Ни одна форма национализма не может стать фактором усиления, если не порождена истиной. Наиболее страшная форма — это гитлеризм. Границы, которым с точки зрения национального государства, приписывается священный характер, являются полнейшим обманом, и установлены они в угоду интересам всемирной гегемонии. Включаемая ими концепции нации и страны, будучи символами новой теологии, не могут выйти за границы тех же интересов, а если же выйдут, то им крайне тяжело будет избежать гнева бога-гегемона. Собственно говоря, все границы, понятия Родины, нации, средние классы и бюрократия, которые на протяжении последних двух столетий пытаются создать в регионе, фактически атрофированы усилиями национально-государственного теизма. Переживаемые реалии считаются вечными. Но ведь любой человек, способный хотя бы в минимальной степени понять истину, осознает, что все эти реалии являются фантастическим, рассчитанным на узаконение в обществе изобретением носителей гегемонистских интересов. Турецкое и иранское национально-государственное созидания являются продуктом тех же гегемонистских интересов. Несмотря на отчетливое завоеваний клеймо современного капитализма, они тем не менее стремятся преодолеть кризисы узаконения при помощи крайних религиозных и националистических идеологий. В них имеет место тесное переплетение светского и религиозного национализма, а национальное государство пытаются защитить прочным идеологическим панцирем. Исторические культуры, этнические сообщества, религии и конфессии, доведенные до состояния меньшинств, в национальном государстве оказываются лицом к лицу с проблемой жизни и смерти.

Целостность культуры Ближнего и Среднего Востока находится в состоянии серьезного противоречия с национально-государственной раздробленностью сегодняшнего капитализма. Современность играет роль железной клетки, в которую пытаются заключить реалии совместной жизни. Постоянное присутствие в повестке дня фактора насилия подтверждает эту истину.

Аналитическая и конструктивная сила современной демократии сформирована гораздо более конкретно, чем национальным государством. История, которую старые и новые гегемонистские силы постоянно пытаются предать забвению, а также социальные реалии, уже забвению преданные, при подходе с позиций современной демократии могут представить истину своего существования в собственных исторических ценностях. В спорах с противниками анализа из числа представителей гегемонии ответ находится в русле истории и истины. Социальные реалии никогда не существовали вне истории, не могут они быть и вне истины. Антитезисом современной демократии в противопоставлении ее национально-государственной гегемонии, навязанной несущей в себе определенную историческую целостность социальной культуре Ближнего и Среднего Востока, является идея нравственного и политического общества.

а. Национальное государство возникает как результат непризнания нравственного и политического общества. Вместо нравственности оно выдвигает закон силы, называемый национальным правом. Силовые формирования в форме права переживают пик своего развития именно в национальном государстве. Вместо политического общества национальное государство устанавливает жесткое бюрократическое управление. Отрицание политического общества конкретно проявляется в условиях недееспособности демократической системы. Сколько бы ни говорили о парламентах и выборах, действует неписанная конституция административной структуры бюрократической олигархии. Власть национального государства, распространившаяся вплоть до капилляров общества и облачившись в правовые одеяния, представляет себя в качестве государственного управления. Выборы и парламент не смогут иметь иного смысла, кроме лакировки устремлений этой управленческой системы к собственной легализации. Общество, народ и нация отождествляются с национальным государством. Нет никакого иного конструктивного пути, кроме защиты нравственного и политического общества от этих гегемонистских поползно-

ваний, которым современный капитализм придал вселенский характер.

Социальные организмы по своей сути являются нравственными и политическими. Не может быть общества и индивида вне нравственности и политики — можно лишь вынудить общество жить без нравственности и без политики. Нравственные и политические способности можно ослабить до такой степени, что они будут не в состоянии играть свою роль, но уничтожить их полностью невозможно, ибо такое уничтожение возможно только при уничтожении самого общества. Нравственность и политика являются мощным оружием социальной истины. Если отсутствие нравственности и политики приводит к отсутствию истины, то в тех сферах, где особенно сильно действуют нравственность и политика, способность истины к самовыражению более отчетлива и прозрачна. Считая нравственность и политику надстройкой, классики марксизма совершили одну из серьезных своих ошибок. Нет ни одной единицы общества и индивида, существующих вне нравственности и политики. Каждая единица общества, каждый индивид обладает такими качествами, как нравственность и политичность, и демократия, являющаяся действующим состоянием нравственного и политического общества, соизмеряется с уровнем нравственности и политики. Социальные истины максимально проявляются в состоянии демократического общества. Выражение истин в форме науки, философии и искусства в демократическом обществе достигает своего наилучшего состояния. Данные рассуждения показывают, почему именно в нравственном и политическом обществе истина достигает своего максимального выражения.

Элементы противодействия, которые все еще сильны в обществе Ближнего и Среднего Востока, подтверждают тот факт, что нравственный и политический элемент не так слаб, как его пытаются представить. Единицы и индивиды, лишённые нравственности и политичности, не могут сопротивляться, ибо приучены только преклоняться. Борьба, переселение в другие места, стремление к сохранению существования, характер-

ные для семьи, рода, племени, конфессии и нации, являются и отрицанием национального государства, и призывом к демократическому обществу. Процессы, происходящие в этих масштабах на Ближнего и Среднем Востоке, не тяготеют к утверждению ориентализма и вместе с тем представляют собой потенциальное богатство демократической современности, не являясь при этом ни отсталыми, ни средневековыми, ни анархическими. Удар по многообразию социальных явлений приводит к ослаблению смысла и истины. Чем больше выражена гомогенизация культурного богатства, тем более ощущаются потеря смысла и уменьшение способности выражения в качестве истины. Административный механизм национального государства, стремящийся к производству однотипной гражданской идентичности, в смысловом плане породил индивидуализм, утративший свой потенциал, не способный мыслить дальше некоторых заученных догм, приветствующий официальные ритуалы как новую веру и совершенно выхолощенный в плане истины.

Нравственные и политические ценности, обретающие функциональность в демократическом обществе, напротив, вырабатывают истину из потенциала, обладающего смысловым богатством. Общество, постоянно опирающееся на истину, сохраняет идеальную гармонию между индивидом и социумом.

б. В противовес позитивистской теологии национального государства нравственное и политическое общество берет за основу философию в смысле науки и знаний. Лаицизм и секуляризм ничем принципиально особенно не отличаются от религиозных догм. Облачиться в доспехи национального государства — еще не значит спастись от теизма; это всего лишь смена формы. Национально-государственные догмы, усиленно рождаемые позитивистской наукой, гораздо жестче религиозных догм Средневековья. Вызванные ими постоянные войны и эксплуатация, открыто подтверждают данное обстоятельство. Надо очень хорошо помнить, что теология была создана как средство идеологического узаконения национально-государственной культуры, в том числе современный капитализм. Она

развивается как антитезис элементов знаний и науки в условиях нравственного и политического общества. Если нравственные и политические ценности способствуют формированию науки и знаний, то знания и наука постоянно питают нравственное и политическое общество. Навязываемое себя извне социальное выражение «теология», где *Theo* (Бог) и *logik* (разум), собственно говоря, означает государство бога-царя. То, что данный момент не находит своего конкретного выражения, связано с происхождением от самой классово-государственной сущности западной социологии. Ее позитивистские шаги доводят теологию до самой опасной стадии. Кто может отрицать тот факт, что секуляризация бога привела к тысячекратному ужесточению эксплуатации, вызвав больше слез и крови, нежели тогда, когда он был сугубо небесной силой — особенно когда перед глазами поразительный опыт национально-государственного божества на протяжении последних двух столетий! Какими были эпитеты этого бога? Границы, нации, флаги, гимны, средний класс, бюрократия и одинаковые граждане. Что сделал бог национального государства под этими эпитетами. Он развязал невиданные в истории войны и эксплуатацию, а в качестве Демиурга (бог архитектуры) возвел в мире систему национального государства. Таким образом, его особенности идолопоклонника подтвердили тот факт, что это — наиболее развитое божество.

Нравственное и политическое общество не испытывает необходимости в такого рода божествах для поддержания своей жизнедеятельности. Мудрость оно считает более ценной, нежели теологию. Мудрость рождается не в теологии, а в науке — это своего рода социология. Несмотря на все теологические установки в обществе Ближнего и Среднего Востока, мудрость всегда сохраняла актуальность. Мудрость следует рассматривать в целостности философии и социологии, и в совокупности с жизнью. Если до Сократа мудрость была основной формой, то в более поздних школах эта традиция деградировала. Возник разрыв между учением и жизнью, что стало ударом по нравственному и политическому обществу. Мудрость как фи-

лософия была привязана к государству. В традиции пророков превалярующей стороной всегда была мудрость, но постепенное проникновение в теологию повлекло за собой деградацию. Чем глубже в теологию уходят посланники Бога, проповедники и жрецы, тем больше они отрываются от мудрости и отдаляются от нравственного и политического общества. В культуре Ближнего и Среднего Востока внутри этой дилеммы происходит глубокая борьба, которая, в сущности, отражает возрастающую напряженность между элитарной и демократической цивилизациями.

Истинной функцией мудрости является представление социальной личности, обретающей мудрость, находясь в противостоянии установкам царей и деспотов, объединившихся в концепции бога. Так осуществляется защита нравственного и политического общества. Величие и мудрость следует искать в обществе. Такого рода комментарий истории Ближнего Среднего Востока очень важен, и ее актуализация сделает более понятной смысл современной демократии.

в. Нравственное и политическое общество не отрицает общества национального. Постоянное изменение формы общества является потребностью, проистекающей из его природы. Разнообразие форм представляет собой богатство жизни. Мы выступаем против закрытости и жесткости общественных формаций. Консерватизм— это в основном упорство в закрытости и жесткости. Но формы свободы открыты для мира и гибки. Насколько открыты и гибки социальные идентичности, настолько же они разнообразны и благодаря этому живут свободно. Понимание идентичности в национальном государстве — сингулярное, закрытое и жесткое. Фашизм зародился на почве именно такого понимания идентичности. Подобное восприятие социальных идентичностей происходит в виде постоянных войн внутри и за пределами национального общества. Такого рода войны неизбежны, когда открытая и гибкая природа социальных идентичностей сталкивается с искусственной, закрытой и жесткой идентичностью. Какими бы ни были войны, религиозными или национальными (в обоих случаях закры-

тость и жесткость являются основной особенностью идентичностей), они выражают такое столкновение идентичностей. То, что на протяжении последних двух столетий в регионе Ближнего и Среднего Востока часто происходят войны на религиозной и национальной почве, связано с пониманием идентичности, навязанным современным капитализмом. Идентичности национального государства, проведенные через его гегемонистские фильтры, собственно говоря, являются продолжением, агентами центральной идентичности, действующей как центральный штаб и постоянно контролирующей свои колонии, свой агентства и подручных, а при необходимости формирующей все заново.

В регионе современного Ближнего и Среднего Востока, как и в целом в мире, за последние два столетия буквально раздроблены национально-государственные идентичности, поскольку они стали препятствием на пути современного капитализма, стремящегося к расширению собственной глобальности. В основе структурного кризиса скрыт консервативный бунт национального государства. Это — главное противоречие внутри самой системы, которое не находит своего решения. С одной стороны, на всем пространстве от Афганистана до Марокко, от Кавказа до Индийского океана возрастают противоречия между моделью национального государства и капитализмом, с другой стороны, они дают повод для частых войн. Капитализм отлично знает, что не сможет полностью уничтожить национальное государство, которому он в значительной степени обязан своим распространением. Когда же они хотят подвергнуть реформированию, то постоянно сталкиваются с волной сопротивления. Слои населения, крайне процветавшие из-за национального государства, сопротивляются более рациональному капитализму. Итогом становятся кризис и войны. Последний проект США, «Большой Ближний Восток» родился из данной реальности, что дает возможность понять причину его стагнации. Стопор, возникший в регионе, гораздо глубже депрессий, характерных для периода Первой и Второй мировой войн, именно поэтому так долго не поддается урегулированию.

Понятие «структурный кризис» также обрело смысл на почве данного характера.

В таком случае до тех пор, пока не будут разрушены границы закрытой и жесткой идентичности национального государства, как бы это ни отразилось в результате целостного развития общественно-исторической культуры или вследствие внутренних противоречий современного капитализма, Ближний и Средний Восток не получит возможность решения какой-либо проблемы. Все усилия, направленные на реставрацию национального государства в Ираке и Афганистане, оказались безрезультатными. Если ограниченная помощь, поступившая от США разрушенной Европе после Второй мировой войны («план Маршалла»), оказалась достаточной для того, чтобы заново отстроить Европу, то помощь, оказанная небольшому по территории Ираку, будучи во много раз объемнее, так и не привела к его воссозданию. События в Ираке, собственно говоря, отражают региональные реалии. Это сигналы кризиса и банкротства, охвативших все три платформы капитализма. В итоге Ближний и Средний Восток с его десятками национальных государств, индустриализмом и капитализмом порождает только кризис и войны.

Но надо еще раз подчеркнуть, что переживаемый кризис и войны относятся не только к современному капитализму, насчитывающему два столетия, но вместе с тем являются структурным кризисом и войнами классово-государственной цивилизации. Вероятные решения должны основываться на этом.

г. Демократия как антагонизм (противостояние) капитализму на Ближнем и Среднем Востоке

В интеллектуальном мире Ближнего и Среднего Востока проходили активные обсуждения современного состояния. Эти обсуждения проводившиеся на почве освоения технической и научной базы современности, оставляя без внимания другие его элементы, совершенно далеки от понимания того, чему они

противостоят. В принципе, у них и не было возможностей для выбора. Когда их поглотила гегемония современности, не оставалось другого пути, кроме достижения согласия с ней. Идеи, без разницы между правыми и левыми и по сей день выходящий за рамки ориентализма, крайне далеки от интеллектуального мира. Очень мало идей, которые не растворены, не подчинены современному капитализму. Тот, кто не достигает результата, основываясь на своих взглядах, конечно же, не достигнет успеха и в своей жизни. Поскольку в предыдущих разделах были даны оценки антагонистов системы, то повторы будут только при необходимости.

При помощи парадигмы современной демократии можно разобраться в структурном кризисе и столкновениях и представить вероятные модели решения. Историческая целостность и углубление национально-государственного кризиса постоянно увеличивают шансы на реализацию такой возможности.

1. То, что геокультура Ближнего и Среднего Востока находится в состоянии глубоких противоречий с механизмом национально-государственного дробления, придает определенную силу таким тенденциям общества, как целостность и интеграция. Ни на одном из этапов своей истории регион не переживал такой раздробленности, как в период провозглашения национальных государств. Раздробленность больше касается масштабов власти, на культурную жизнь это особого влияния не оказало. То, что различные этнические и религиозные сообщества могли тесно сосуществовать тысячелетиями, связано с целостностью геокультуры, и даже гегемонистские возвышения, относящиеся к власти, имели место в масштабе региона. От первого упоминаемого в истории гегемона, которым был аккадский царь Саргон, до самой последней османской гегемонии, целостность была преимущественной стороной во власти. Каждая новая сила, набиравшая высоту, очень скоро обретала региональный масштаб. И цивилизации, основанные на классовом и государственном факторах, и демократические цивилизации, не сумевшие выйти за рамки этнических, религиозных сообществ и конфессий, — все существовали и оставили свой след

как региональные культуры. В геокультуре Ближнего и Среднего Востока никогда не было ни одной закрытой цивилизации, таких, как Япония, Китай, Индия, даже Британия. Несомненно, аналогичные геокультуры характерны и для Африки, и для Латинской Америки, но они не находятся на таком развитом уровне центральной цивилизации, как Ближний и Средний Восток. Элементы современного капитализма пребывают в состоянии противоречия и противостояния с обеими имеющими исторический характер геокультурными тенденциями региона. То, что проблемы Ближнего и Среднего Востока не нашли какого-либо решения, несмотря на частые обсуждения, связано именно с этими глубокими противоречиями.

Экономическое, экологическое, нравственное и политическое общество, являющееся основным элементом современной демократии, основывается на культуре региона. Оно не выдвигает никаких элементов раздробления, напротив, формирует альтернативы существующим элементам сепаратизма.

Современная демократия проявляет гибкое понимание нации. Перспектива национального строительства, не основанного на таких понятиях, как языковая, этническая, религиозная и государственная принадлежность, объединяя в своей структуре разнообразные языки, этнические сообщества, религии, конфессии и политические формирования, играет потрясающую конструктивную роль. Это целостное демократическое понимание нации, включающее в себя разнообразие элементов и противостоящее национальной концепции, основанной на таких критериях, как государство, язык, религия, конфессия, этническое сообщество, обеспечивает мощный фундамент, необходимый для мира и братства, в которых так остро нуждается геокультура Ближнего и Среднего Востока. Можно сказать, что из представителей трех крупных мировых религий, а также из различных языков, этнических сообществ и политических образований может быть сформирована большая нация региона, то есть нация Ближнего и Среднего Востока. Есть американская нация (США), есть европейская нация (ЕС), так же может быть и нация Ближнего и Среднего Востока. Культурная общность этой нации гораз-

до больше располагает к единению, нежели в случаях с двумя указанными блоками. Такие проблемы, как меньшинство-большинство, раздробленность больших наций (арабы, турки, курды, персы), изолированность малочисленных наций (армяне, евреи, ассирийцы, кавказские народы), могут найти близкое к идеалу решение среди большой, открытой и гибкой нации, как ближневосточная.

Совершенно ясно, что парадигма демократической нации вполне способна преодолеть кризис и противостояние, спровоцированные гомогенным, противоречивым, националистическим, сексистским, теистским и позитивистским мышлением национального государства вкупе с монополиями власти и эксплуатации.

Негативные явления, которые не просто подвергают кризису экономику, навязанную капитализмом и индустриализмом, а также экологию, в то же время являются значительным фактором их раздробления на почве национального государства и, следовательно, поразительного падения эффективности, будут не просто устранены экономическим и экологическим элементом демократии. Вместе с тем, обеспечивая целостность, в которой столь остро нуждается экономическое и экологическое общество; демократия предложит такие рамки, которые способствуют максимальной эффективности и минимизируют вред, наносимый окружающей среде. Различного рода экономические и экологические общинные союзы, развивающиеся вокруг аграрных и гидроэнергетических общин, обеспечат построение системы, в которой нуждается экономическое и экологическое общество, создадут способность проявления солидарности, продиктованной исторической культурой, предотвратят безработицу, считая труд освобождением и открывая путь к эффективности.

Нравственные и политические элементы демократии, преодолев засилье национально-государственной гегемонии, создающей фетиш права и власти, способствуют развитию демократического общества. Вместо закрытой и жесткой монополии власти, дробящей, выхолащивающей геополитику региона, они

установят в масштабе региона и всего мира традицию открытой, гибкой демократической политики, а также целостность во всем ее разнообразия, и братство, в которых есть острая необходимость. На базе целостности общественно-исторической культуры они будут развивать идею демократического общества.

2. На основании этих важнейших рассуждений можно представить конкретные предложения, касающиеся целостности демократических наций.

Известно, что такие образования национально-государственного типа, как Багдадский пакт, CENTO, RCD, созданные в недавнем прошлом для решения проблем, порожденных современным капитализмом, в силу ряда причин, связанных с внутренней структурой, не смогли стать конструктивными и продолжительными. Совершенно очевидно, что тот же национально-государственный характер является причиной отсутствия результативности в решении серьезных региональных проблем, что свойственно таким организациям, как Лига арабских наций, Организация исламской конференции, которые и по сей день буквально с трудом удерживаются наплаву. Каждое национальное государство региона связано с характерным для него гегемонистским центром. Эти государства не способны выйти за пределы контроля, осуществляемого центрами, от которых они зависят. Несмотря на то что одна за другой проводятся встречи и саммиты, именно с вышеуказанной реальностью связано то, что они не могут выработать какое-то реальное решение и пользоваться хоть каким-то влиянием.

Способность демократии решать вопросы, касающиеся политического единства региона, связана с конструктивным потенциалом элементов, на которые она основывается. Не существует никакого внутреннего препятствия перед политическим единством. Напротив, все экономические, экологические, нравственные и политические элементы могут построить желаемое демократическое общество, представляющее собой политическое единение. Все региональные общественные силы, находящиеся в состоянии политического единства, мо-

гут спокойно противостоять внешней гегемонистской агрессии современного капитализма и успешно решать имеющиеся проблемы.

Таким образом Демократическая конфедерация Ближнего и Среднего Востока может быть предложена в качестве такого политического образования, как коммуна коммун во всех сферах. Проблемы Ирака, Израиля, Палестины и Афганистана, находящихся в тисках национально-государственной идеологии конечно же не могут быть решены на основе той же идеологии, которая и является непосредственной причиной проблемы. Достаточно поучительными является анализ разрушений и потерь, имевших место на протяжении последних двух столетий при подходе к социально-политическим проблемам, переживаемым во всем регионе, с позиций мышления, которое само по себе является источником проблем. Ни представители светского, ни сторонники религиозного мировоззрения не только не могут разработать необходимое решение, а просто углубляют состояние нерешенности, что стало вполне очевидным.

Геокультура Ближнего и Среднего Востока отражается на его же геополитике. Ясно, что наиболее удобными для этого могут быть демократические общинные и конфедеративные структуры (речь не идет о государственной конфедерации и федерации), потому что всем разнообразным союзам и общинам найдется место в пределах головных коммун. Данный подход позволяет беспрепятственно осознать, насколько ущербной и отчуждающей является суть национального государства. Очень важно уметь действовать, не натываясь на препятствия, чинимые национальными государствами: на словах они просто «сторонники независимости», а на деле тысячью и одной нитью связаны с центрами капиталистической гегемонии. В высшей степени возможно и необходимо, основываясь на главном философском принципе универсальное-сингулярное, идти от простого к сложному, к очень широким сетям и образованиям, при этом не примеряя на себя жесткую идентичность, закрытую перед политическими образованиями, создающимися во всех сферах жизнедеятельности региона, перед экологически-

ми и экономическими союзами, демократическим гражданским обществом.

Один из вероятных центров политического единства, будучи тесно связан с аграрной и гидроэнергетической коммуной междуречья Тигра и Евфрата, может постепенно создавать современную Турецкую Республику, Сирийскую Арабскую Республику (включая Великую Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину и Израиль) и Иракскую Федеративную Республику, причем не по принципу разрушения, а на почве реформ. Если существующие республики изначально и сохраняли свой национально-государственный характер при переходе в гибкие, открытые для преобразований национально-государственные идентичности, то могут сделать шаг в сторону демократического союза. Политическое образование, которое может возникнуть в результате, гораздо больше, чем США и ЕС, будет открыто для демократии. Это произойдет в силу преобладания общинного демократического элемента. По ходу образования могут занять подобающее место все идентичности, составляющие мозаику региона. В первую очередь эти идентичности могут рассматриваться в качестве ячеек демократической нации, что позволит снизить до минимума риск противоречия, порождаемого закрытым, жестким, монопольным, моноэтническим национализмом, который является составной частью национального государства. Это также обновит реалии тесного, тысячелетиями дрящегося на протяжении истории сосуществования.

Если такие древние культурные народы региона, как арабы, курды, армяне, евреи, ассирийцы (сирийцы-халдеи), турки, туркмены, кавказские народы, этнические сообщества (родо-племенные структуры) персидского происхождения, будут восприниматься как идентичности демократической нации, то смогут использовать существующую между ними культурно-историческую близость, а также положить конец кризисам, противоречиям и войнам, которые вызваны политикой «разделяй и властвуй», спровоцированной современным капитализмом, в частности национальным государством. Стремление к

открытости и гибкости позволит сформировать богатейшую и плодотворную целостность, то есть братские союзы. Такой же подход применим и к религиозным идентичностям, чему есть множество примеров в истории. Поскольку подавляющее их большинство основано на общности теологических верований, целостность может быть достигнута еще легче. Иудаизм, христианство и мусульманство, являющиеся авраамистическими религиями, в комплексе со всеми своими конфессиями и сектами, как это часто бывало в истории, сблизившись на почве того же открытого и гибкого миропонимания, могут способствовать появлению плодотворных синтезов. Билингвизм и множество идентичности формируемого политического единства не породят никаких проблем в связи с концепциями общей родины и общей нации. Такие понятия, как «город», «местность», «регион», воспринимающиеся в качестве демократической единицы, в соответствии с культурно-историческими особенностями обретут смысл как места идеальной синергии всех существующих различий. основополагающими станут нравственные и политические качества всех этих идентичностей. Право будет поставлено на службу нравственности и политики, не занимая места нравственности и политики.

Демократическая конфедерация (возможны названия «федерация», «демократический союз» и пр.), которая будет основана как центр притяжения региона, должна базироваться на экологических и экономических общинах и союзах (иначе невозможно корректное использование земли, воды и энергии), в связи с чем станет наиболее идеальным исторически обоснованным ответом всем сферам структурного кризиса, хаоса, противостояния и войн, которые возникли вследствие усилий трех всадников Апокалипсиса — капиталистического стремления к прибыли, индустриализма и национально-государственной формации.

Геокультура и геополитика Курдистана (граничащего с землями арабов, турок, персов и являющегося точкой пересечения всех культур) обязывает к такого рода политическому единству. Гегемонистская политика, которую в период современного ка-

питализма проводит Британия в Индии и в регионе Ближнего и Среднего Востока, постоянно рассматривает Курдистан как страну с неразрешимыми проблемами, пытаясь превратить его в орудие контроля над регионом. Таким образом, передавая страну под власть авторитарных арабских, турецких и иранских правителей, ее роль принижают до уровня удобного орудия контроля. С опозданием построив сегодня вместе с США национальное государство (типа Армении, Греции) в одной из небольших частей Южного Курдистана, называемого Северным Ираком, они хотят продолжить ту же роль.

История превратила проблему Курдистана, как и курдскую проблему, едва ли не в еврейскую. По меньшей мере можно говорить, что история переживает такого рода процесс. Несомненно, определяющую роль в этом сыграла беспрецедентная политика создания национальных государств, реализуемая в регионе современным капитализмом. Арабская, турецкая и иранская модели национального государства предусматривают уничтожение Курдистана и готовы пожертвовать всем курдским народом. На такие тройные тиски уничтожения невозможно ответить лишь созданием минимальной курдской национально-государственной модели. Даже если и будет дан такой ответ, последствия выразятся в виде непрекращающихся массовых убийств и геноцида, что сохраняет актуальность и сегодня. Исторический урок, который необходимо извлечь из этого исторического парадокса, — это стимулирование сотрудничества политических образований не национально-государственного, а наднационального характера, а также экологических и экономических ОБЩИН, объединяющих все народы региона, в первую очередь рядом живущие нации, что будет способствовать разработке решения в рамках современной демократии.

Если прислушаться к истории, то получится, что неолитическая эпоха протяженностью в пятнадцать тысяч лет, центральная цивилизация длиной в пять тысячелетий и последние двести лет современности, что последовательно формировалось в долинах Тигра и Евфрата, в регионе «Плодородного Полумесяца», ассоциируются с целостными политическими обра-

зованиями. Относящиеся к центральной цивилизации политические власти Шумера, Аккада, Вавилона, гутиев, Ассирии, хурритов, миттаний, Урарту, хеттов, Мидии, Персии, эллинов, Сасанидов, Византии, Омейядов, Аббасидов, сельджукидов, монголов, Османской империи, а также их постоянно существовавшие антагонисты, демократические власти, формировавшиеся под теми же или иными названиями, в совокупности составляют целостные политические образования. Впрочем, матриархат эпохи неолита был чистой водой естественным нравственным и политическим обществом, в котором не было понятия «чужой», не было рабства и царило равенство. Провокации, чинимые на протяжении последних двух столетий раздробленными и конфликтующими национальными государствами Европы, — это всего лишь небольшая подробность, касающаяся длительного исторического процесса. Только на базе демократической цивилизации, которая будет основана на соответствующем наследии, река истории сможет нести свои воды по основному руслу в соответствии с геокультурными и геополитическими реалиями.

Первым совместным шагом в решении, которое необходимо конкретно противопоставить проблемам, накопленным колоссальным историческим наследием, а также современному кризису, конфликтам, массовым убийствам и геноциду, может стать идея или проект Демократической конфедерации междуречья Тигра и Евфрата. Такого рода идея способна повернуть вспять конфликтный процесс ассимиляции, которую многочисленные нации, арабская, турецкая, курдская и персидская, проводят по отношению к национальным и культурным меньшинствам. Выдвинутая идея появления общинных демократических образований, основанных на принципе солидарности, а также установлению мира, развитию партнерства вне национальных государств. Демократическая конфедерация междуречья Тигра и Евфрата станет первым значимым шагом на пути к такому течению истории. Я совершенно не сомневаюсь в том, что общины как ячейки экологического, экономического и демократического общества, которые будут

шаг за шагом и различным образом включаться в работу над этим проектом, сформируют золотое начало эпохи демократического Ближнего и Среднего Востока, достойного своей истории и культуры, который станет и пробуждением древней истории, и первым кличем рождающейся свободы, и радостью новой истории.

Если смотреть на реалии Ближнего и Среднего Востока в ходе реализации этого главного проекта, то можно будет говорить о некоторых проектах «второй категории». Так же как и в период формирования эпохи неолита и цивилизации, на западном фланге «Плодородного Полумесяца», протягивающегося до Египта и Северной Африки, может развиваться проект Демократической конфедерации Северной Африки с центром в Египте или Ливии (центр в долине Нила). Еще большее значение приобретает проект Демократической конфедерации Восточного Ирана, Афганистана, Пакистана (центр в Пенджабе) на востоке «Плодородного Полумесяца» (названия этих национальных государств не соответствуют исторической геокультуре и геополитике). Вторым восточным проектом, о котором можно подумать, имея в виду современную демократию Ближнего и Среднего Востока, — это Демократическая конфедерация Средней Азии, которая может располагаться в долинах Амударьи и Сырдарьи с центром в сегодняшнем Узбекистане. Другим значимым проектом может стать Южно-арабская Демократическая конфедерация, которую необходимо развивать в силу присутствия по настоящее время мощных и очень активных родо-племенных и конфессиональных общин в южной части Аравийского полуострова.

Масштабный план современной демократии Ближнего и Среднего Востока, вытекающий из всех этих проектов, может показаться утопией. Несомненно, этот проект гораздо реалистичнее проекта «Большой Ближний Восток», который разработан гегемонией США. Реалистичность любого проекта определяется историческим достоянием и культурным фундаментом. Если учитывать направление главного потока развития эпохи неолита и цивилизации, станет ясно, что такая история и общий

культурный фундамент уже сформировались. Союзы, подобные ЕС, на Ближнем и Среднем Востоке являются утопией, просто проектом, но это и универсально-сингулярные жизненные реалии, которые необходимо постепенно, шаг за шагом создавать в каждой сфере, где кризисы и столкновения, раздробленность и отчуждение становятся причиной поиска.

Несомненно, на сегодняшний день данные проекты еще являются утопией, но это утопии на мощном историческом и социальном фундаменте. Не следует забывать, что великая жизненная практика не может быть реализована без великих утопий. Культура Ближнего и Среднего Востока подарила человечеству легенду про рай и ад, став таким достижением, которая за тысячи лет до появления первой письменной легенды о Гильгамеше постоянно искала траву бессмертия. Я понимаю, что поколение Гильгамеша, утратившая из-за болезни власти то самое существование, которая могла воплотиться в жизнь рука об руку со свободной женщиной, не сможет обрести то, что постоянно ищет не только в виде бессмертия, но и в реальной жизнедеятельности. Что-либо можно найти только там, где оно было утрачено. Огнедышащий вулкан жизни человечества взорвался в подножиях Тавра и Загроса, в долинах рек Тигр и Евфрат. Чарующая жизнь зародилась здесь, в Курдистане она воплотилась как *Jin û Jiyan* (женщина и жизнь). Тысячелетняя модель жизни в ее конкретном воплощении «женщина и жизнь» была утрачена в тех же самых местах, на ступенях иерархии и государственной власти. Доказано, что все легенды являются копиями легенды о Гильгамеше. Легенды о рае и аде связаны с этими существовавшими и утраченными реалиями. Власть, являясь болезнью, действительно убивает жизнь. Следует очень хорошо понимать, что проект эпохи демократического Ближнего и Среднего Востока одновременно является проектом такой действительности, когда там, где власть, как болезнь, привела к утрате жизни, где находится жизнь далекой от власти свободной женщины в форме экологического и экономического общества. Любой проект одновременно является утопией будущего. Демокра-

тическое общество и демократическая современность — это реализованная утопия будущего, свобода и равенство во всем своеобразии их форм.

Для утопий, являющихся великими утопиями свободы, существуют условия жизни, которых в регионе на поверку окажется очень много. Это следующее: следует жить во имя той истины, которую считает возможной общество. Жизнь связана с поиском истины. Распространив истину, следует строить нравственное и политическое общество, борясь с внутренними и внешними препятствиями, которые встретятся на пути. Именно об этом говорит Академия мудрости на Ближнем и Среднем Востоке. Именно так действует воля к жизни, обретающая с этим высказыванием свободу!

Г. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Есть необходимость в частом рассмотрении связи между сегодняшним, или актуальным, и историей. Насколько анализ оторванной от истории актуальной конкретики переживаемого сегодня состояния чреват ошибками, настолько же открыт перед ошибками несвоевременный исторический анализ. Сегодняшнее состояние действительности вне ее истории воспринимается крайне недостаточно. Время всегда является аспектом созидания действительности. Даже представить себе невозможно действительность вне времени. Может быть, это и есть тайна, называемая абсолютной. Созидательная сила времени, ее способности, относящиеся к общественной действительности, имеют значение основополагающего принципа. Осознание того, что жизнь общества — это ограниченный временными рамками срок, является основной проблемой, которую социология должна поставить во главу угла. Самой большой ошибкой

аналитической философии, возможно, даже ее злом, является сведение анализа к допустимости социологии без истории. В результате получается, что используемый применительно к методу, называемому отсутствием истории, чрезмерно детерминистский взгляд, не осознающий сегодняшний день, считающий, что все процессы состоят из исторических частных случаев, совершенно не способен понять новизну и возможность свободного развития, о котором говорит сегодняшний день. Воля человека может вторгаться только в сегодняшние события. Таким образом, вмешаться в историю можно ровно настолько, насколько она является описанием сегодняшнего дня. Не осознав чрезвычайной созидательной ценности сегодняшнего мгновения, нельзя осуществить никакое самобытное социальное созидание. Ни безвольное существование в потоке истории, ни безответственное сиюминутное прозябание, от нее оторванное, не могут быть принципиальным выражением жизни по законам общественной истины. Насколько ошибочным и безответственным состоянием является утверждение в стиле «забудь историю», настолько же ошибочными безответственным является концепция «уповай на будущее».

Социальная природа Ближнего и Среднего Востока переживает противоречие, выраженное в слабом сегодня и великой истории. Сегодняшний день региона превращен едва ли не в капкан великой истории. Все исторические ценности региона брошены в этот капкан и нейтрализованы. Для того чтобы раскрыть путь великой истории, необходимо преодолеть это состояние «капкана», вызванное сегодняшними реалиями. Одной из смысловых функций нашего времени является способность решать проблемы. Все накопленные проблемы история выкладывает перед сегодняшним днем. Что касается дня нынешнего, то он решает те проблемы из этого клубка, которые может решить, остальные проблемы, которые решить сейчас неспособен, переносит в сферу ответственности последующих «сегодня».

Решение проблем тесно связано с их точными определениями. Разница между тем, что составляет проблему, и тем, что нашло свое решение, — это то положительное, что создано се-

годняшним днем. Проблемы становятся решениями. Большая часть моего труда посвящена точному определению социальной природы, формирующейся на Ближнем и Среднем Востоке. Я уверен, что социальные проблемы и возможные пути решения в свете теоретических оценок и пережитого опыта имеют достаточно просветительский характер. Было бы полезным завершить мой труд, касающийся Ближнего и Среднего Востока, подробным представлением освещенных проблем и возможных путей решения в сегодняшнем состоянии, кратким выводом, что внесло бы свою лепту во все прилагаемые усилия.

1. Проблемы наций, составляющих большинство и меньшинство, а также возможности их решения

Можно говорить о четырех нациях составляющих большинство на Ближнем и Среднем Востоке. Это арабская, турецкая, курдская и персидская нация. Причина упоминания «большинство» вместо слова «крупная» связана с демографией. Вообще-то делить нации на такие категории, как «большие» и «маленькие», неэтично и неверно. Концепция национального меньшинства тоже связана с демографией. Социальная истина и этика требуют того, чтобы понятие меньшинства не воспринималось как нечто ущербное или незначительное.

Разрабатывая решение национальных проблем, я должен особо подчеркнуть различие в методах. Последовательное выдвижение национального фактора тесно связано с развитием капитализма. Идеология — это стратегический факт, который надо отметить при формировании монополий власти и капитала. Требованием данной стратегии является его преувеличенное представление. Следует подчеркнуть две основные ошибки при анализе национального явления. Первое — это позитивистский подход, основанный на конкретной дифференциации *субъект-объект* в философии Декарта. Фактические особенности позитивизма известны. Основная ошибка позитивизма заключается в том, что он придает такому явлению, как нация, совершенно

объективный характер, едва ли не как явлениям физического, химического, биологического характера. Позитивизм полностью пренебрегает понятиями своеобразия и гибкости в социальной природе. То, что национальные проблемы приводят к таким явлениям, как геноцид, тесно связано с этим категоричным, жестким и закрытым для новшеств пониманием национальной идентичности. Наиболее значительным идеологическим этапом развития капитализма является овеществление природы и общества.

Следует с особой значимостью подчеркнуть, что первый крупный переворот капитализмом был осуществлен в сфере мышления, и выразилось это в философско-идеологической революции, основанной на субъектно-объектной дифференциации. Национальная концепция, стоящая во главе выдвинутых идеологическим переворотом современности концепций, выбрана вовсе не случайно — это основной принцип капиталистической теологии. Национальность и более развитая концепция национального государства стали самыми значительными религиозными понятиями, даже отождествились с образом бога на земле. В акрополе позитивистской теологии национальность и национальное государство однозначно заняли места в качестве величайшего бога. Остальные божества современности займут места в соответствии со степенью своей значимости и значимости собственного участия в системе. Позитивистская теология псевдонаучным путем преувеличила и поставила на место религиозной общины факт национальности и национального государства, а вместо религиозных и конфессиональных проблем возникли национальные проблемы и конфликты. Это же способствовало более кровопролитным войнам и массовым убийствам. Следует очень хорошо помнить, что позитивизм является священной идеологией капитализма.

Вторая ошибка демонстрируется под названием «субъективность, чрезмерная значимость». Такое понимание старается представить многие факты, возникшие в период современности в первую очередь национальные явления в виде мнимых, фантастических изобретений. Развивают такое толкование, как

«изобретение будущего». Разумеется, в силу принадлежности к **«вторичной природе»**, социальные явления, будучи сконструированными, очень удобны для строительства. Однако, принимая во внимание упомянутое удобство, принижение на этом основании ценность социальных явлений до уровня обычных интеллектуальных игр и приведение их тем самым в сомнительное состояние станет причиной того, что такой подход по меньшей мере как и объективистский, будет способствовать возникновению ошибочных результатов. В данном случае считается, что явления состоят не из конкретных, жестких объективных ценностей, а виртуальных и не всегда существующих понятий. Вторая серьезная ошибка, состоящая в отклонении от действительности и от истины, просто не позволяет достичь научных результатов. Субъективность — это новая форма, которую обрела совершенно потерявшая веру в свои возможности современная идеология в период постмодернизма. Это — постмодернистское выражение объективности. В заключение можно сказать, что восприятие социальных проблем в качестве виртуальных, попытка их лечения одноразовыми терапевтическими сеансами (психологическими методами) показывает стадию, до которой дошел данный подход, а безрезультатность этих усилий ежедневно подтверждается самой жизнью.

Отсутствие глубокого осознания фактической, структурной систематики периода капитализма крайне затрудняет осознание и решение проблемы, им порожденной. Кардинальным вопросом систематики является связь между фактом и восприятием. Методология, основанная на тождественности и различиях, возникающих между фактом и восприятием, очень проблематична, что связано с сутью самой системы — выстраивает всю философию на понятиях тождества и различий между фактом и восприятием, так что очень трудно разобраться в этом. Философия системы внутренне деструктивна, как и все ее школы. Мой комментарий направлен на поиск решения вне таких понятий, как тождество и различия. Восприятие и факт связаны с дилеммой, лежащей в основе вселенной. Такие универсальные дилеммы, как материя-энергия, структура-функ-

ция, частичка-волна, действительны между такими понятиями, как дух и плоть человека, как его вселенное и мышление. Полное осознание вселенного мышления может привести к концепции абсолютных знаний. Учения о достижении смерти до смерти (Fenafillah), нирвана, человек и есть истина (Enel-Nak), абсолютное знание (Гегель) несут в себе эту идею. Наблюдается итог, близкий к невозможности. Полное различие между восприятием и фактом является выражением разрыва связи между мышлением и действительностью и его переноса за рамки истины. Он включает в себя тех, у кого крайне слабо развито мышление — незначительная доля истины и низкая созидательная, структурная ценность.

Дилемма *восприятие-факт* в состоянии абсолютного знания исчезает, что означает исчезновение самого явления. Полный отрыв восприятия и факта друг от друга является выражением полного отчуждения. Философские знания формируются из сути и логики знаний о жизни, существующей между этими двумя полюсами. Поиск истины, не попадая в вихри между двумя полюсами, и, что более важно, не тяготея ни к одному из полюсов, искать истину, и это является выражением мудрости, философской позиции, что является наиболее правильным.

Если вновь обратиться к национальной проблеме, то при помощи этого краткого философского анализа лучше осознаем ее связь с гегемонистским характером капиталистического мировоззрения на протяжении последних двух столетий. Нация не была изобретена из ничего, виртуально, но нельзя отрицать и то, что она является продуктом большого преувеличения и в качестве некой индустриальной ткани натягивается на социальную природу. Национальное общество, выдвигаемое вместо общины единоверцев, может стать предметом изучения социологии, но при условии не примыкания ни к одному из полюсов. Рассмотрение концепции национального общества социальной наукой требует выхода за рамки капитализма. Без разрушения влияния капитализма национальное общество так и останется «крышей» для монополий гнета и эксплуатации.

Противоположная концепция, развиваемая для того, чтобы преодолеть проблематичную структуру концепции в парадигме демократической современности, это и есть демократическая нация. Национальное общество, отдаленное от мировоззрения двух полярных позиций и освобожденное от капиталистической эксплуатации, может быть сформировано только на базе демократической нации. Общественное созидание элементов демократической современности не может брать за основу национальные критерии. Не уделяет главную роль национальным интересам, как это подчеркивалось при национально-государственном капитализме. Скорее всего, акцент ставится на нравственном и политическом характере общества. Наилучшая пара концепций нового строительства — это демократическая община вместо национального государства.

Насколько отрицательным является акцентирование внимания на чрезмерном национальном факторе в национальной проблеме Ближнего и Среднего Востока, настолько же усугубляет проблему игнорирование национальной стороны социальности. Проблемы какой бы нации ни рассматривались, методические подходы к этим двум точкам зрения способствуют выработке положительных типов поведения, что является другой важной стороной метода. Это не идеологические, а научные подходы, не преследующие цель национально-государственной власти, а характерные для демократической нации и демократической общины, причем оба подхода содержат основные элементы демократии.

Национализм и национально-государственный уклон, разбухшие в течение последних двух столетий в обществах Ближнего и Среднего Востока, способствуют не решению национальных проблем, как это пытаются выставить, а, напротив, способствует тому, что проблемы растут, как снежный ком, и покрывают собой все социальные ткани. Капитал вместо здоровой конкуренции навязывает разрушительную национально-государственную войну. Состояние войны, наблюдаемое во внутренней структуре и внешних отношениях обществ, становится основной причиной проблем, кризисов и хаотического состояния. Наблюдая за все-

ми национальными проблемами региона, нетрудно установить эту истину.

Концепция демократической нации, не преследующей цель создания монополии власти современной демократии (национального государства), а также теория социальной общины предлагают идеальную модель, способную вытянуть регион из кровавых войн, массовых убийств и геноцида, постоянных кризисов и хаоса.

а. Основные факторы, усугубляющие арабскую национальную проблему, — это более двадцати национальных государств, постоянно разрывающих на части арабскую общественность, отчуждая ее от собственных ценностей, буквально уничтожают собственное общество постоянными войнами и поглощают все его материальные ценности. Эти национальные государства, между которыми не создана даже конфедерация, сами создают арабскую национальную проблему. Связанный с ними религиозный национализм и национализм родо-племенной знати, а также социальный сексизм с мужчиной в главенствующей роли полностью иссушают социальную сферу, буквально душат ее. Это обрекает общество на крайние формы консерватизма и рабства, не давая арабам никаких шансов решения проблем, ни внутренних, ни внешних.

Содержательные модели решения арабских проблем следует искать на основании идей демократической нации и социальной общины. Их противник Израиль черпает силы не только из мировой гегемонии: в его усилении значительную роль играют также демократические и социальные институты внутри страны. Если арабское национальное общество, которое на протяжении последних ста лет растрчивает себя на радикальный национализм и исламизм, объединит с концепцией демократической нации фактор социальной общины, не чуждый его истории и родо-племенной системе, то это может стать путем решения и освобождения, что на долгие годы придаст арабам уверенности в себе, будучи выходом из сложившейся ситуации.

б. Другой нацией, составляющей большинство на Ближнем Среднем Востоке, являются турки и туркмены. В сравнении с

арабами они живут менее компактно, но разделяют с ними аналогичные взгляды на власть и идеологию. Весьма тяготея к национальной государственности, они глубоко переживают реалии религиозного национализма и национализма родо-племенной знати. В этой среде очень взаимосвязаны такие понятия, как «святость божественная и государственная», но столь же тесно переплетены идеи религиозного национализма и национализма родо-племенной знати. Между турками и туркменами имеются значительные социологические различия. Роль туркмен в среде турецкой аристократии и тех, кто обладает государственной властью, аналогична роли бедуинов в среде арабской аристократии. Туркмены — это та прослойка, чьи интересы перекликаются с демократией и общиной.

Тюркские национальные проблемы тоже имеют объемный характер. От тюрков-уйгуров, проживающих в Китае, до многочисленных тюрков, проживающих под гегемонией России в статусе автономий и государств, от анатолийских турок Турецкой Республики до тюрков Балкан, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, даже Европы, на всем этом пространстве свои национальные проблемы есть у всех тюрков. Мы говорили о сходстве источника проблем. Болезнь национально- государственной власти, радикальный религиозно-аристократический национализм, социальный сексизм с главенствующей ролью мужчины также иссушает и делает консервативными тюркские общества. Общество, демократия и общинные тенденции едва ли не растворены в радикальных государственных и идеологических монополиях. Даже статус семьи принижен до уровня ячейки не общества, а государства. Все структуры и личности копируют государство. Эти исторические тенденции приводят к жесткой войне за власть между турками и туркменскими сообществами. На волне завоевательной политики аналогичные конфликты из-за власти имеют место и между другими сообществами.

Вмешательство жестких централизованных институтов власти и официальной идеологии не дает возможность развития демократических и общинных тенденций решения тюркской наци-

ональной проблемы и проявления конструктивных тенденций. Обществу заявляется, что оно не может жить без государства. Инициатива общества и личности не вошла в баланс с государством, и они остались в вечной роли детей и преданных рабов государства.

Теория демократической современности формирует наиболее удобную форму сегодняшних тюркских обществ. Проект Демократической тюркской конфедерации на фундаменте социума является идеальным планом сплочения самого сообщества, а также для сосуществования в мире и единстве с соседями. Социальные сети в определенной степени нивелировали границы. Коммуникативные возможности позволяют установить связь между всеми людьми и сообществами, проживающими в различных частях мира, несмотря на наличие многочисленных территориальных границ. Демократическая конфедерация тюркских национальных сообществ может стать большим вкладом в дело мира и развития системы демократии на всей планете.

в. Курдское национальное общество зиждется на вновь развивающемся богатом потенциале. Курды — самый многочисленный в мире народ, не имеющий государства. На протяжении всей истории, в эпоху неолита и цивилизации, курды концентрировались на территории, имеющей стратегическое значение. Жизнь в горной местности, где пропитание добывалось земледелием и скотоводством, выработала стойкий оборонительный рефлекс. Все это способствовало сохранению курдов как аутентичного народа по настоящее время. Если евреи сохранились по сей день, проникая в наивысшие слои общества во всех концах света, то курды, напротив, дошли до сегодняшнего дня, буквально не сдвинувшись с места, совершенно не намереваясь дойти до наивысших социальных позиций. Между ними наблюдается полнейшее различие.

Курдская национальная проблема возникла на основе такого редкого источника, как отдаление от процесса формирования в качестве нации. На протяжении всей истории, как и сегодня, властвующие над курдами силы, как и их преемники, испыта-

ли все методы, чтобы превратить курдов из объекта в субъект. Становление государства, возможно, вносит какой-то вклад, положительный или отрицательный. Но для курдов такая привилегия возникала крайне редко. Привилегией курдского народа стало именно то, что он очень недолго жил в условиях классовой и государственной цивилизации и незначительно ее освоил. Это очень важная привилегия с точки зрения шансов демократии. Расположение в географическом центре Ближнего и Среднего Востока способствует повышению значимости курдов. Национально-государственное господство, навязываемое извне в период капитализма, по мере своих сил периодически стремилось растворить курдов в своих горнилах при помощи культурного геноцида, а временами и физического истребления. В период исламской цивилизации те же самые политические линии пытались узаконить при помощи религиозных инструментов. Курды обладали не слишком значительным шансом стать национальным обществом при помощи силы власти и государства. Такого рода ситуации, переживаемые элементами современного капитализма, достаточно ограничены. Политическое образование, существующее сегодня в Иракском Курдистане, не может быть в полном смысле названо национальным государством. Скорее стоило бы назвать его «частично национальным государством».

Географическое пространство Курдистана является родным и для других народов. В первую очередь это армяне и ассирийцы, которые, хоть и составляют меньшинство, но проживали здесь в недавнем прошлом. На этом же пространстве проживает и большое количество арабов, персов и турок и родственные им народы. Существует множество религии и конфессий. По сей день очень сильны следы бытования родо-племенных культур. Городская культура не особо развита. Все упомянутые особенности дают большой шанс демократическим политическим образованиям в Ближневосточном регионе, представляющем собой идеальное место для развития общинных союзов в области земледелия, водных и энергетических ресурсов, где такая деятельность необходима. В высшей степени благопри-

ятны условия развития нравственного и политического общества. Кроме того, это тот самый географический регион, где зародились и наиболее сильны традиции культа матери-богини. Это материнская лоно зарождения и распространения по всему Ближнему и Среднему Востоку и миру великой культуры, связанной с именем Астарты, Иштар, Инанны. Несмотря на все усилия, прилагаемые для полной нейтрализации женщины как личности, на сегодняшний день она обладает тем потенциалом, который позволяет демонстрировать наиболее яркие примеры борьбы и достойной жизни. Несмотря на все прилагаемые усилия, идеология сексистского общества не так структурирована, как в других соседних обществах. В создании демократического общества, фундаментальным критерием которого является всестороннее равенство полов и освобождение женщины, все эти богатейшие, тесно переплетенные культурные особенности, говорят о колоссальном потенциале. Под парадигмой современной демократии предоставлены наиболее благоприятные условия, чтобы стать демократической нацией и экологически-экономическим обществом. Проект Демократической конфедерации Курдистана имеет шанс применяться уже сегодня. Национально-государственные меры, связанные с капиталистической гегемонией, в силу негатива, привносимого в общество, не имеют шансов на развитие ни сегодня, ни завтра, как не имели их и вчера. Только с помощью демократического преобразования они смогут обрести ограниченные шансы.

Историческое значение имеет развитие Курдистана в качестве демократической конфедерации, сформированной из политических демократических образований, основанных на всех перечисленных особенностях, а также экономических и экологических общин. Создание демократической нации, основанной на многочисленных национальных идентичностях, станет идеальным решением выхода из национально-государственного кризиса и может оказаться моделью решения всех национальных проблем, как и проблем, стоящих перед национальными меньшинствами. Процесс притягивания соседних

наций к этой модели изменит судьбу Ближнего и Среднего Востока и увеличит шансы демократической современности в формировании альтернативы.

Весь Курдистан и живущие здесь курды приведены в такое состояние, что их собственная свобода, равенство и демократические качества стали единой судьбой и свободой, равенством и демократическими устремлениями всего региона и его народов.

г. Проблемы в персидском, или иранском, обществе зародились еще в недрах исторических цивилизаций и действий капитализма на протяжении последних двух столетий. Там существуют традиции цивилизации, испытавшие влияние трех производных от шумерской жреческой идеологии. Традиции Зороастра и Митры, хотя и сформировали самостоятельную идентичность народа, тем не менее были нейтрализованы воздействием исламской производной. Манихейство, ставшее синтезом трех производных (иудаизма, христианства и мусульманства) и греческой философской школы, не оказал никакого влияния на фоне официальной идеологии, точнее, стал всего лишь благодатной почвой для мятежей и, превратив исламскую традицию в шиитскую конфессию, продвинул ее как идеологию цивилизации последнего периода. И сегодня Иран стремится к модернизации, проводя элементы современного капитализма сквозь шиитский фильтр.

Иранское общество и с этнической, и с религиозной точки зрения, в силу множества идентичностей, обладает богатой культурой. Именно здесь скрещиваются все национальные и религиозные идентичности Ближнего и Среднего Востока. Для Ирана затруднительно обеспечить сосуществование множества идентичностей одной лишь гегемонией родо-племенной знати и религиозных клерикалов. В очень изощренной форме используются религиозный национализм и сословные предрассудки. С другой стороны, прибегая к современному капитализму, Иран в угоду своим интересам не преминет обратиться к антимодернистской пропаганде. Иран обрел профессионализм, растворяя в культуре традиционной цивилизации

все революционные и демократические процессы. Речь идет о мастерском применении деспотического режима. Иран — первый среди тех государств и обществ Ближнего и Среднего Востока, где царит напряжение и фундамент сам по себе построен на противоречиях. Несмотря на то что нефтяные источники и способствовали некоторому смягчению напряженности, само существование иранского национального государства очень уязвимо в отношении угрозы распада. В данном случае изрядное воздействие оказали и противоречия, спровоцированные гегемонией США и ЕС, являющихся главными действующими лицами современного капитализма.

При эффективном применении теория демократической современности может способствовать появлению значительных конструктивных результатов в решении социальных проблем Ирана. Несмотря на все централистские усилия властей, создается впечатление существования некоего теневого федеративного Ирана. Если элементы демократической цивилизации объединятся с федералистскими элементами (иранские азербайджанцы, курды, арабы, белуджи, туркмены), то проект Демократической конфедерации Ирана обретет весомость и вполне может стать центром притяжения. В подобном проекте значительную роль сыграют женское освободительное движение и общинные традиции. Будущее Ирана и возвращение им своей исторической роли в Ближневосточном регионе возможно только посредством объединения и совместного выступления демократических элементов (демократическое, экономическое и экологическое общество). Потенциал иранского национального общества достаточно силен для этого, более того, этого требуют демократические национальные реалии Ирана.

д. Армянский национальный вопрос стоит первым в списке проблем и трагедий, осуществленных при проникновении капитализма на Ближний и Средний Восток. Армяне — один из древнейших народов региона и делят с курдами практически одно географическое пространство. Если курдский народ в основном занимается земледелием и животноводством, то армяне едва ли не в тех же масштабах кормятся ремеслом, добывая хлеб

в городах. Для армянской национальной культуры характерно развитие ремесла. Несмотря на то, что армяне, как и курды, вели борьбу, но все же им не удалось овладеть государственными структурами, исключая некоторые временные, имеющие локальный характер, эпизоды. Армяне — один из первых христианских народов. Значительную роль в этом играют идентичность и вера в освобождение. Армяне, как и евреи, обладали определенным влиянием во дворце, в частности, благодаря искусным ремесленникам.

Стратегической ошибкой стало то, что с приходом капитализма в Ближневосточный регион армяне превратились в некий инструмент. Притеснения армянского народа, исповедующего христианство, под властью мусульман, последствия обоюдного воспламенения национально-государственного национализма, последовательно превратились в трагедию нации. Значительную роль в этом сыграла рано обуржуазившаяся армянская знать. Национализм и гегемонистское соглашательство европейского типа стали внутренней причиной пережитого армянами бедствия. Армяне, чья история, насчитывающая пять тысячелетий, внесла большой вклад в культуру Ближнего и Среднего Востока, в результате заговоров, осуществленных еще с XIX по первую четверть XX столетия со стороны современности, стали жертвой великой трагедии. Армяне оказались вторым после евреев народом со значительной диаспорой, разбросанной по всему миру. Создание маленькой Армении западнее Азербайджана не может стать решением армянского национального вопроса; это политическое образование неспособно нейтрализовать воздействие пережитой ими трагедии. Армяне постоянно будут искать утраченную ими Родину.

Таким образом, на сегодняшний день армянский вопрос обретает свое значение как поиск утраченной Отчизны. Но ведь там, где они ищут свою Отчизну, живут и другие народы. Насколько непростительна ошибка — забирать у одного Родину и отдавать ее другому, настолько же непростительным преступлением является и обратное! Ужасающая суть национального государства в очередной раз демонстрируется нам

уже при рассмотрении армянского вопроса. Существование государственных границ и стремление к однородной нации — вот истинная причина этого кошмара. За спиной же национального государства стоит капиталистическая система. Образ мышления и жизни, основанный на смеси христианства и современности только использует потенциал армян. Какими бы подлыми фашистами ни были их враги, армяне должны решить одну жизненно важную задачу, заключающуюся в том, чтобы, не ограничиваясь выяснением причин геноцида и связанных с этим обстоятельств, искать новые пути выхода из сложившейся ситуации. Конфедеративные образования на демократической и общинной почве, включающие в себя множество наций, возможно, скорее всего представляет именно армянам и другим народам, находящимся в аналогичной ситуации, близкие к идеальным конструктивные возможности. Концентрация усилий на элементах демократической современности, поможет армянам в случае их возрождения в виде армянской демократической нации вновь вернуться к своей исторической роли в культуре Ближнего и Среднего Востока и найти верный путь к спасению.

е. Ассирийский национальный вопрос напоминает грустную повесть о гиганте цивилизации Ближнего и Среднего Востока. Ассирийцы, народ, выводящий свое происхождение от месопотамского божества по имени Ашур, пережили столь же трагические события, что и армяне, и это следует расценивать как глубокую потерю для культуры всего Ближнего и Среднего Востока. Можно сказать, что самым большим врагом ассирийцев стала сама цивилизация Ассирии, как и цивилизации Шумера, Аккада, Вавилона оказались врагами для самих шумеров, аккадцев и вавилонян. Почему? Потому что культура, выросшая в результате монополистских аннексий той или иной цивилизации, или народ, создавший эту культуру, оказываются в состоянии пустоты, делающей его уязвимым для множества опасностей, когда монополия этой цивилизации прекращает свое существование. Если эти народы сами не заполнят образовавшийся вакуум, то сила, которая, вероятно, сможет ее заполнить, отомстит культуре и

народу, оставшимся от прежней цивилизации. Ассирийцы стали жертвами такого рода развития событий. Ассирийцы были и памятью, и движущей силой культуры Ближнего и Среднего Востока, в частности, Шумера, Аккада, Вавилона, хеттов, Финикии, миттани, Урарту, Мидии, Персии, эллинов, Сасанидов, Византии и ислама, а также сами пользовались плодами этих культур. Ассирийцы находились в первых рядах создателей христианской культуры, будучи созидательным элементом монополярной торговли в цивилизации Ближнего и Среднего Востока. Такие тесные отношения с цивилизацией Ближнего и Среднего Востока, безусловно, связали их судьбу с этой цивилизацией. Они и поднимались на волне этого прогресса, и переживали вместе с ним падение.

Ориентир ассирийцев на сотрудничество с современным капитализмом, как в случае с армянами, способствовал обратному эффекту. В современных условиях изоляция, переживаемая ими в связи с христианским вероисповеданием, углубилась, что и подготовило столь грустный финал. Простые тактические расчеты капиталистических гегемонов сводились к тому, что ассирийцы, выросшие на христианской культуре, рано приобщились к национально-государственному мышлению и практике, что и стало значительной внутренней причиной пережитой ими ужасающей трагедии. Ассирийцы, как и армяне, являются одним из древнейших народов на территории Курдистана. Важную роль в трагедии обоих народов сыграли не только фашистские меры и геноцид, осуществленный националистами из «Единения и прогресса», которая зиждилась на государственном фундаменте Турции, но и действия соглашательский настроенных курдов.

Проблема ассирийского национального общества уходит своими корнями в глубины цивилизации и получила свое развитие вместе с развитием идеологии христианства и современности. Как и в случае с армянами, для урегулирования проблемы необходимы радикальные преобразования. Подавляя свои желания и мечты, связанные с интеллектуальными и материальными возможностями классической цивилизации и современного

капитализма, ассирийцам следует сконцентрировать свои усилия на элементах демократической цивилизации (демократическое, экономическое и экологическое общество), возродившись в качестве ассирийской демократической нации. Это может и предотвратить постепенное вымирание нации и оказаться путем, ведущим к свободе. Возобновление громадной исторической памяти, касающейся культуры Ближнего и Среднего Востока в качестве культуры демократической современности, поможет вновь вернуться к своей исторической роли и найти верный путь к спасению.

ж. Еврейский вопрос настолько же является вопросом Ближнего и Среднего Востока, насколько и мировым. Изучение истории евреев в каком-то смысле означает отслеживание приключений, которые испытывало проблематичное состояние культуры Ближнего и Среднего Востока. Почему так остро встал еврейский вопрос, отчего они разбросаны по всему миру, куда они разъехались, что сформировали, с какими последствиями столкнулись? Причины этих проблем и ответы на эти вопросы равнозначны осуждению цивилизаций. В предыдущих частях своей Защитной речи я ощущал необходимость в широком освещении еврейского вопроса, здесь выскажу несколько резюмирующих суждений.

Институт пророков, внесший большой вклад в культуру Ближнего и Среднего Востока, в большей степени является иудейским образованием. Несомненно, в данном случае евреи воспользовались достижениями древних культур Шумера и Египта, а также всех родо-племенных культур региона в комплексе. Реформаторское преобразование этих источников и их превращение в еврейскую родо-племенную традицию требуют больших способностей. Евреи в большинстве своем и обладают этой способностью. Они могли сохранять свое влияние в мировом масштабе, порой превращая это влияние в денежный эквивалент, а порой и в атомное оружие.

Эта способность, лежащая в источнике еврейской проблемы, играет значительную роль. С евреями тесно связано следующее: родо-племенные божества, как исторические, так и современ-

ные, в период современного капитализма представляются в образе секулярных богов национализма и национального государства. Евреи, как ассирийцы, стали жертвами созданных ими же традиций цивилизации и современности. Левиафан, встречающийся в Священном Писании как метафора государства, является изобретением евреев. Формирование Левиафана (чудовища) в качестве национального государства в эпоху современного капитализма, его олицетворение прежде в образе Наполеона, позже в Гитлере, также тесно связаны с религиозной (теологической) культурой евреев. Очень хорошо известно, что геноцид евреев был осуществлен руками одного из воплощений этого чудовища. И в эпоху Древнего мира, и в Средние века евреи сталкивались с аналогичными случаями. Указание на то, что евреи подверглись трагедии, учиненной чудовищем, созданным ими же, подчеркнет верность истине, которой учит еврейская культура.

Исход — это первое название Священного Писания, что очень значимо для иудеев. И эта значимость сохраняется по сей день, по крайней мере, до исхода из Египта. А прежде еще из Ура (Урфы) у евреев была потребность в значительных исходах. Им необходимо было отыскать выход из противоречий и столкновений, которые на протяжении почти трех тысячелетий делятся с палестинцами, со всем арабским миром, с которым евреи соседствуют на древних хананейских просторах. Свое мнение о евреях я, как уроженец Урфы, попытался изложить на протяжении всей Защитной речи (современное национальное государство Израиль имеет непосредственное отношение к моему аресту и осуждению, вследствие чего и появилась данная Защитная речь). В частности, это касается необходимости поиска евреями своего пути в структурах современной демократии. Несомненно, интеллигенция еврейского происхождения обладает развитыми взглядами в этом направлении. Вопрос не может быть решен одними только взглядами. Необходима принципиальная согласованность с демократической культурой Ближнего и Среднего Востока. В национально-государственной геополитической среде Ближневосточного региона Израиль,

как национальное государство, вынужден постоянно находиться в состоянии войны. Но огонь нельзя погасить огнем. Если даже гегемонистская сила современного капитализма, стоя за его спиной, и придает какую-то уверенность, ее недостаточно для позитивного решения. Ни одна система, не преодолевшая влияния современного капитализма, не обладает полной безопасностью.

Пока не будут решены еврейская проблема в целом, и проблема Израиля в частности, ни во всем мире, ни на Ближнем и Среднем Востоке социум не сможет решить проблемы. Ни один пример так, как израильско-палестинский, не подтвердит, что все методы, основанные на национально-государственной перспективе, не решают, а усугубляют проблемы. В ходе войны между Израилем и Палестиной проливалась не только кровь, но и рекой лились денежные средства. В результате получили клубок проблем, который очень тяжело распутать. На примере конфликта между Израилем и Палестиной ясно, что несостоятельными оказались современный капитализм и его национально-государственная парадигма.

Евреи являются одной из основных составляющих культуры Ближнего и Среднего Востока. Непризнание евреев и их массовое уничтожение — большая общая потеря. Достаточно очевидным стал тот факт, что дальнейшее мирное и надежное сосуществование с Левиафаном, который их же самих подвергает массовому истреблению, невозможно. Евреи, как армяне и ассирийцы, могут беспрепятственно обрести свое место в рамках Демократической конфедерации Ближнего и Среднего Востока посредством созидания в качестве демократической нации. Проект Демократической конфедерации Восточного Средиземноморья может стать в этом плане хорошим начальным замыслом. Мировоззрение жестких и закрытых национальных и религиозных идентичностей в ходе реализации данного проекта способно эволюционировать и перерасти в открытые и гибкие идентичности. Даже Израиль может преобразиться в более приемлемую, открытую, демократическую нацию. Несомненно, аналогичные преобразования должны пережить и соседние народы.

Жесткая напряженность, столкновения и войны, переживаемые на Ближнем и Среднем Востоке, требуют преобразований современной ситуации. Усугубившиеся национальные и социальные проблемы не решить без преобразований современности. Даже арабо-израильский конфликт сам по себе подчеркивает необходимость таких преобразований. Если господствующая система неспособна решить основные проблемы, то необходимо изменить саму систему. Демократическая современность предлагает альтернативу этого решения.

3. Уничтожение эллинистической культуры из Ближнего и Среднего Востока, в частности Анатолии, является колоссальной утратой и породило глубочайшие трагедии. Взаимная «чистка», устроенная турецким и греческим национальными государствами в первой четверти XX столетия в виде двусторонних массовых истреблений и потоков беженцев, оставила болезненный след. Никакое государство не вправе срывать народы с родных мест, где люди проживали тысячелетиями. В истории не слишком часто встречаются такие примеры. Вряд ли можно найти еще один пример, который ярче этого показал бы нечеловеческое лицо национального государства, ведь в период 300 г. до н. э. — 300 г. н. э. эллинизм смог создать наиболее выдающийся культурный синтез Ближнего и Среднего Востока!

Процессы уничтожения эллинской, еврейской, ассирийской и армянской культур, набравшие обороты с господством ислама, сыграли серьезную роль в упадке цивилизации Ближнего и Среднего Востока. Исламская культура никогда не обладала возможностями, позволившими ей восполнить образовавшийся вакуум. Вступив в Ближний и Средний Восток в начале XIX века, современный капитализм столкнулся едва ли не с панорамой пустыни. Это было опустынивание, спровоцированное культурной эрозией. Культура — это борьба, но и пока культура не обретет силу, не может быть и серьезной борьбы. Завоевание региона не потребовало особого труда. Нельзя приуменьшить роль культурной аннексии в упадке и сегодняшнем состоянии региона. Основная ответ-

ственность за культурное истребление лежит на гомогенных национальных проектах национального государства. Даже в эпоху религиозных общин отсутствовало подобное стремление к гомогенизации.

и. Очень важны проблемы, с которыми сталкиваются этнические группы кавказского происхождения. Эти группы, проникая в течение всей истории на территорию Ближнего и Среднего Востока, внесли свой вклад в его культурное богатство. Действительно нельзя преуменьшить их вклад в создание культурных достижений и единения. Современность довела до удушения и эти составляющие меньшинство культуры.

В итоге можно сказать, что основные социальные проблемы Ближнего и Среднего Востока, уходящие корнями в классово-государственные цивилизации, с современным капитализмом дошли до ужаса массового истребления, а с началом структурного кризиса вступили в наиболее сложную стадию. Региональные агенты господствующего строя не только не определяют и не решают существующие проблемы, но даже не особо понимают, представителями чего они являются. Религиозный национализм и национализм из числа этнической аристократии вместо решения проблем усугубляет их, провоцируя еще большие взрывы.

Традиционная культура Ближнего и Среднего Востока является в то же время образом жизни, сформированным великими историческими революциями. Национальные государства, ставшие орудием культурного геноцида, убивают жизнь в той степени, в которой они убивают социальную истину. Элементы демократической современности, которые мы пытаемся установить, — это теоретические и практические силы, способные положить конец массовым истреблениям и защитить жизнь. Когда осуществится переход к эпохе демократических наций, созданных на базе демократического экономически-экологического общества, жизнь в возрожденном обществе Ближнего и Среднего Востока вновь, как когда-то, обретет свою чарующую магию.

2. Проблемы социальных классов и бюрократии

Среди всех социальных реалий, грубо и преувеличенно представленных позитивистской идеологией, классы и бюрократия занимают важное место. Класс, как явление, наиболее примитивно представленное левыми позитивистами, недостаточно осмыслен в качестве социальной истины. Классу отведена гораздо большая роль, нежели обществу. Возникла даже теория, что общество — это нечто, состоящее из классов. Развивалось понимание общества как некой совокупности классов, но верно как раз обратное. Классы должны считаться «ожирением» социального тела. Время от времени классы «худеют» и «толстеют». Приращение общества до классовой теории создает слепоту, что убивает социальную истину. Классовая идеология, обретя монополистический характер в период цивилизации, сделала своим правилом и логикой искажение и введение в заблуждение вопросов социальной действительности. Мудрость, профессиональное качество философии, по сути, является искусством поиска утраченной общественной истины.

Большое значение имеет оценка классового расслоения на протяжении всей истории не как нормального социального явления, а как некоего искажения действительности. Идеология и социология современного капитализма в основном базируются на классовости как явления, причем преподнося в виде господствующих и обреченных на подчинение классов. Именно с этим связана невозможность стать выразителями истины, постоянная подверженность критике и догматизму. Те же самые особенности можно проследить на протяжении всей классовой цивилизации. В обоих случаях, и для господствующих, и для подчиненных классов идеологические и научные учения, построенные на явлении классовости, довольно грубо искажают истину. Именно образ мышления и жизнедеятельности, построенные на основе классового расслоения, толкает на нескончаемые поиски истины и справедливости. Те же самые реалии порождают появление споров и противостояния по вопросам истины. Таким образом социальная проблема

определяется как некое классовое явление. Когда на этой базе строится экономическая жизнь, то воплощается в монополию как экономическая надстройка. Впрочем, без серьезного развития экономики не могут развиваться классы. Чем больше образуется излишков продукта и прибавочной стоимости, тем лучше становится материальная база классового расслоения. Резкие классовые противоречия и столкновения происходят из-за этого излишка. Именно данная действительность кроется в основе явления, называемого общественной напряженностью и конфликтом.

Кроме того, наряду с классовым расслоением постоянно формируются такие оторванные от производства прослойки бродяг, как люмпен-пролетариат и деклассированные элементы. Эти прослойки, превращенные современным капитализмом в «армию безработных», стали проклятием системы. Явление, которого нет даже в мире животных, насаждают в человеческом обществе руками самого человека. Работа системы однозначно нуждается в существовании армии безработных — в противном случае не сработает закон максимальной прибыли. Без роста численности армии безработных не будет роста капитала. Другим итогом этого явления являются рост населения и вызванные этим демографические процессы. Ускоренно растущее население не просто пополнит армию безработных, но и откроет путь тяжелым экологическим бедствиям, которые может не выдержать окружающая среда и наша планета.

Одной из самых крупных ошибок марксизма (и всех идеологий современного капитализма) является то, что они считают образование классов необходимостью прогресса. В этом суждении выражена основная слабость и ошибочность системы. Это неизбежно способствует узаконению угнетения и эксплуатации. Легализация явления, рассматриваемого как некая необходимость, является неизбежной. Данное суждение играет серьезную роль и в случае утраты ценности истины.

Бюрократия является государственно-структурным выражением классового явления. Она является средством контроля господствующего класса над всем обществом и подчиненным

классом. Но со временем бюрократия обретает большую силу, добивается автономного положения и сама превращается в класс, в источник производства классов. Постоянно дифференцируясь, бюрократия усиливает классовое расслоение сверху и снизу. Такая ситуация постоянно порождает дилемму в структуре этого класса. С другой стороны, мнение бюрократии о том, что она находится выше общества, формирует ее привилегированность. Классовая монополия больше всего реализуется на почве бюрократии. Демонстрируя постоянный рост на протяжении истории, бюрократия в период современного капитализма превратилась в чудовище, едва ли не пожирающее все общество. Искажения классовой ситуации вместе с растущей бюрократией заставляют общество в этот период в наибольшей степени испытывать слабость. Считается, что общество доведено до такого состояния, когда состоит только из классов и бюрократии. В период максимального роста угнетения и эксплуатации часто имеют место противоречия и стычки. Усиливающиеся противоречия и столкновения больше способствуют бюрократии, а социальная проблема превращается в картину эволюционного развития и локальных революционных взрывов.

Обреченный класс как истина не имеет никакой ценности. Раб является выражением человеческой особи, утратившей след истины. Следовательно, идеологические и политические движения, основанные на рабском факторе, не могут быть плодотворными. Движения угнетенных классов могут обрести смысл только в том случае, если они являются частью движений по поиску и завоеванию истины, организованных в ответ на гнет и эксплуатацию всего общества. Узкая классовость не имеет никакой ценности как истина, у нее нет особых шансов на успех и как у движения. История полна поучительных примеров такого рода.

Эти рассуждения, касающиеся классов и бюрократии, с лихвой могут быть применены и к истории Ближнего и Среднего Востока. Классовость и бюрократия узакониваются на почве четырех основных идеологических форм. Это теизм, национа-

лизм, сексизм и позитивистская наука. Между идеологическими формами и классовостью имеется тесная связь. Именно по этой причине они особо не могут представить истину. Развитие демократического общества является наиболее соответствующей альтернативой классовости. Если борьба одного класса против другого порождает еще один класс, то борьба классовости с демократией, снижая роль класса и растворяя его в обществе, приобщает его к ценностям общества равенства и свободы. Таким образом, если экономическое и экологическое общество смогут закрыть путь финансовых монополий к излишку продукта, являющемуся материальной почвой классовости, то будет вновь обеспечено усиление общества. Когда накопления прибавочной стоимости, являющиеся фактором, лежащим в основе социальной проблемы в период цивилизации и современности, будут растворены элементами демократической современности, начнет реализовываться процесс утверждения демократического общества. Именно так подтверждается тот факт, что демократическая борьба является последовательной классовой борьбой.

3. Проблемы иерархии, власти, государства и революции

То, что революции зачастую противоречат своим целям, связано с неправильным решением проблем иерархии, власти и государства. История в этом плане полна развалинами революций, пришедших к противоречию с собственными целями. Десятки аналогичных примеров, от исламской революции, более всего преподносимой как религиозная до Великой Французской революции, считающей себя революцией интеллигенции XVIII века, а также до Великой Октябрьской социалистической революции, не избежали противоречий с собственными целями, проявившими себя в кратчайшие сроки. Основная причина этого явления заключается в том, что победа над государством или его иерархической властью в «краткие сроки» отнюдь не означает победы над цивилизацией и современностью, которые на протяжении «длительного срока» были его структурой и культурой.

Даже побежденное государство, если оно стало препятствием в рамках действующей системы цивилизации, или современность, благодаря революции, станет сильнее, превратившись в цивилизацию или современность, способную передать свой характер всем государствам того периода. Победив государство, нельзя считать власть и современность побежденными. В большинстве своем такова реальная действительность, скрывающаяся под еще большим усилением.

Иерархии и власти, будучи тесно переплетенными явлениями, существуют тысячелетиями. Государства — продукты менее длительных сроков. Что касается революций, то они являются продуктами мгновенных сроков. Такая ситуация вовсе не означает, что революции не играют никакой значительной роли. Однако постоянно существует серьезная вероятность угрозы ассимиляции внутри цивилизаций и государств длительных и средних сроков. Например, Октябрьская революция 1917 года не была побеждена никакими государствами. Однако она уступила современному капитализму, который длительное время был ее структурной системой. В данном случае, несомненно, определяющей является роль борьбы с капиталистическим элементом современной эпохи посредством использования его самой реакционной и консервативной формы под названием «государственный капитализм». Эта революция стремилась максимально развить индустриализм и элементы национального государства. Столь навязчивая идея, не подкрепленная анализом современности, стала, безусловно, в итоге противоречить революционным целям. XX век полон развалинами такого рода революций. Борьба с иерархией, властью и государством требует правильного толкования истории (истории демократических элементов) и использования своих, точно определенных факторов противостояния. Только на такой основе революции, не вступая в противоречие со своими целями и слившись с демократической современностью, являющимся долгосрочной системой, могут достичь успеха.

Осуществив в этих рамках комментариев революционной истории трех монотеистических религий Ближнего и Средне-

го Востока, гораздо лучше поймем, почему их действия оказались вразрез с их же высокими идеалами. Подражание властям и иерархии, длительное время бывшим их структурой, и столь быстрое обретение государственных качеств являются основной причиной поражения этих религиозных революций. Это позволяет понять, как отклонялась их борьба от поставленной цели, что является едва ли не законом контрреволюции. В эпоху современности эта игра разыгрывается гораздо более откровенно. Все национальные революции, которые, слившись со структурой национального государства, приходили в состояние, полностью противоречащее их целям, постепенно вспоминаются с болью и гневом.

Цивилизации, которые с точки зрения срока и насыщенности существовали в обществе Ближнего и Среднего Востока наиболее длительно и ярко, являются выражением пика иерархии, власти и государственности. То, что власть является болезнью, известно еще со времен Гильгамеша. Мудрецы постоянно говорили о болезни власти, называя власть самой привлекательной проституткой. На почве того, что иерархия является колыбелью порожденной ею наиболее длительной культуры, ставшей источником всех авторитарных и государственных образований, можно понять, отчего на Ближнем и Среднем Востоке культура демократии постоянно оставалась на нижнем уровне. Ясно, почему революции сыграли ограниченную роль в обществе, где любой глава семьи считает себя маленьким императором. Считая современность совершенной революцией, получим возможность лучше осознать масштабы социальных проблем современности. Если завоевательную систему, являющуюся источником вопросов, воспринимать как конструктивную, способную решать основные проблемы, конечно же, итогом станут еще большее усугубление социальных проблем.

В прошлом столетии считалось, что быть национальным государством — это почти пережить явление самого Господа Бога. Даже прежние божества стали служить богу национального государства. Национальные государства Ближнего и Среднего Востока еще не понимают того, что являются орудием войны,

как друг против друга, так и против тех, кого считают своими гражданами; эта роль отведена им гегемонами системы. Централизация власти, радикальный перевод государства на национальные рельсы едва ли не считаются ролью, отведенной национальной революции. Что уж говорить о шансах на успех революции, столь погрязшей в противоречиях, если очевидно, что сама революция наносит удар по собственным идеям равенства и свободы. Революции могут служить демократии, обществу равенства и свободы только в том случае, если они направлены против централизма и против власти. Демократическая культура на Ближнем и Среднем Востоке может иметь шанс на успех ровно настолько, насколько она способна выйти за рамки преувеличенной национально- государственной культуры. Ясно, что по мере того как институты власти и государства, являющиеся, по самой сути, концентрированным выражением финансовых и прочих эксплуататорских монополий, будут нейтрализованы демократическим обществом, являющемся выражением набирающего обороты экономического и экологического общества, можно будет говорить о вступлении на путь реального решения социальных проблем. Демократические нации и демократическая современность как их систематическим выражение, представляют эпоху преодоления проблем, порожденных иерархией, властью и государством.

Для того чтобы революции имели смысл и не вступали в парадоксальные противоречия с собственными целями, они не должны заражаться болезнью власти и не вступать в игры государственности. Революции, которые сразу же вливаются во власть и государство, не просто исчерпывают себя — они откровенно предают идеалы равенства, свободы и демократии. В этом история революций сосуществует с трагической историей предательства. Французская, русская и исламская революции в этом смысле изобилуют серьезными уроками. Вместо того чтобы сразу привязывать революции к условиям власти и государства, гораздо большее значение имело бы связывание их с имеющими длительный характер ценностями нравственного и политического общества. Что касается устоев нравственного

и политического общества, то они могут быть внедрены только при помощи демократической политики. Не возродив социум на волне демократической политики, не взрастив во всех обществах демократические организации и лидеров, не испытав в течение длительного срока демократический образ жизни и не установив его, невозможно создать нравственное и политическое общество. Нельзя будет сформировать демократические общества, стало быть, демократические нации, как конкретное выражение нравственного и политического общества. Представляя процесс демократической современности как новую эпоху, состоящую из национальных единств такого рода длительно существующих демократических обществ, и создавая соответствующие структуры, мы расцениваем их как столь же незаменимые составляющие ежедневной жизни, каковыми являются хлеб, вода и воздух.

Другая важная проблема, связанная с иерархией, властью и государством, — это качество самих этих институтов. Поиски равенства, свободы и демократии, осуществляемые на основе этих институтов, является крупнейшим парадоксом, проявляемым всеми идеологиями, в первую очередь марксистской, которые упомянутым образом декларируют свои цели. Стремиться к реализации своей цели, основываясь на те явления, которые возникли на почве непризнания идей равенства, свободы и демократии, — это самый большой парадокс истории. Забавно, что панацеей для всех этих явлений, на базе которых произошла структуризация классовости, может стать ослабление авторитета иерархии и власти, установленной над демократическим обществом при помощи финансовых монополий, созданных в экономическом и экологическом обществе, и ограничение функций государства рамками права. Демократическая политика здесь играет незаменимую роль. Кроме демократической политики ни одно средство не может привести к обществу равноправия и свободы. Чем сильнее власть, тем больше классовое расслоение. Наоборот, чем больше демократизация, тем меньше зависимость от классового фактора. Без применения к культуре Ближнего и Среднего Востока содер-

жательных средств демократической политики, постоянно не пробуждая, не возрождая общество при помощи этого средства, невозможно достичь уровня демократического общества. Но без демократического общества никоим образом не удастся достичь равенства и свободы и прийти к эпохе демократической цивилизации.

4. Проблемы упадка городов, среднего класса и сельского общества Ближнего и Среднего Востока и пути решения

Катастрофические разрушения, чинимые современным капитализмом, проявляются в упадке города, нездоровом разрастании среднего класса и ликвидации сельского общества. Демографический взрыв, который с помощью индустриальной революции, набравшей обороты с начала XIX века, способствовал упадку города во имя самого же города, слился с ненормальным формированием среднего класса. Весь этот процесс происходил в тесной связи с распадом сельского общества, существовавшего на протяжении тысячелетий. Сельское общество включает в себя условия, позволяющие создавать структуры с ограниченным населением, не являющиеся смертельной угрозой для окружающей среды. Все города Древнего мира и Средних веков находились в состоянии гармонии с сельским обществом и были достаточно результативны. Гармония между городом и селом сохранялась на протяжении тысячелетий без особых нарушений, не разрушая окружающую среду. Возникавшие проблемы отнюдь не угрожали городу и сельскому обществу. Роль города доиндустриального периода в социализации довольно существенна. Известно множество некогда великих городских обществ, от населения городища Урук (середина IV тыс. до н. э.) до городского управления Венеции (1000–1800 гг.). Не обсуждается и роль городов в развитии науки, искусства, философии и промышленности. Даже город-государство не может считаться полностью государством, это, грубо говоря, «демократия наполовину».

История в определенном смысле представляет собой повествование о цивилизации, сложившейся вокруг города. Жизнь города доиндустриального периода находилась в постоянной гармонии с жизнью села. Даже если между ними и были противоречия, они не обострялись до степени, подвергающей опасности социальную целостность. Это противоречие никогда не доходило до масштабов, способных разрушить сельское общество. В основе лежал принцип взаимной связи и взаимной помощи. Индустриальный бум, нацеленный на извлечение максимума прибыли, не остановился перед нарушением этой гармонии. Ненормальный рост, которому индустриальный бум способствовал в течение последних двух столетий, от имени города разрушал его устои. Параллельно шел процесс бессмысленной урбанизации. Уничтожая сельское общество, он под маской так называемого «городского промышленного общества» способствовал возникновению канцерогенности факта. В этом явлении, называемом «бумом среднего класса», нет никакой функциональной значимости. Есть просто количество.

Было порождено такое странное понятие, как «безработица среднего класса». Некоторые идеологи в целях легализации этого классового уродства пытались предложить рецепт под названием «прочный материальный фундамент демократического общества». Появились даже не миллионные, а десятиллионные города и чрезмерно разросшиеся так называемые «средние классы». Я говорю о них «так называемые» не потому, что они не представляют собой материальное явление: это связано с отсутствием у них самобытной жизнедеятельности и значения. Действительность, представленная в явлении под названием «средний класс», — это слияние пропасти, существующей между низшим и высшим классами общества. Диалектика «господин-раб», существующая во взаимоотношениях между высшим и низшим классами, изложена в великолепной форме и осмысленно передана, в частности, в философии Гегеля. Но то, что сам Гегель представил национальное государство как реализацию свободы среднего класса, стало гнилым финалом его великой философии. К. Маркс совершил ту же ошибку применительно к

классу пролетариев. Представление реальности как состоящей из двух классов, искаженно произведенных от общества и не осуществляющих самобытной жизнедеятельности, стало в качестве социального факта самой значительной фальсификацией современного капитализма. Вся капиталистическая идеология и социальные науки обязаны легализовать эту фальсификацию. Они стараются создать истину из явления, таковой не являющегося. Представляя утраченную истину как «объективную истину» при помощи позитивистской метафизики, они считают, что это и есть настоящая цель их деятельности.

Альтернативой, или продолжением городов-государств доиндустриального периода, были монархические системы империй. Империи, в основном базировавшиеся на фундаменте сельского общества, считали себя владельцами излишков общественного производства (прибавочный продукт и стоимость), обеспечивая взамен безопасность производителя. И город-государство, и монархическая система империй оказались препятствием для накопления капитала, ускорившего обороты на волне промышленного переворота. Национальное государство, по сути, зародилось из необходимости преодоления традиции государственности, оставшейся перед лицом капитала вне времени и эпохи. Преодолев эти преграды и угрозы для капитализации финансов, национальное государство смогло достичь господствующей формы государственности. Таким образом, капитализм, индустриализм и национальное государство — это явления, в которых, тесно переплетаясь, осуществляются такие процессы, как урбанизация без учета интересов города, бум среднего класса и бюрократии и ликвидация сельского общества. Не миллионные, а стотысячные города и разросшийся таким образом средний класс — не просто последствия самой серьезной болезни, кризиса и хаоса, но они просто приводят всю планету и окружающую среду в состояние, невозможное для жизни. Постмодернизм, хоть и очень смущенно и в ограниченной форме, встал на этап раскрытия этих реалий. Испытывая влияние тяжелого груза современности, но все же сыграл положительную роль, определив трех всадников Апокалипсиса.

Отражение города и среднего класса, возникших в центре современности, еще более разрушительно для Ближнего и Среднего Востока. Это явления, не имеющие никакого смысла. Говоря об их бессмысленности, я имею в виду их не положительность. Иначе они представляют собой кучу отрицательного смысла. Город и средний класс не только лишают себя действенности, они подчеркивают собственную негативность, усиленно разрушая сельское общество. Города и средний класс Ближнего и Среднего Востока, очень далекие от возможности обеспечить уровень индустриализма и бюрократизма, существующий на Западе, своим явлением толкают все общество в пропасть люмпенизации, деклассированности и бродяжничества. Их статус субъектов, оторванных от исторических реалий и превратившихся в агентов капиталистической гегемонии, подтверждает наиболее ослабленное состояние социальной истины. Неумение развить истину превращает явление в негативность. Они неспособны ни полностью освоить цивилизацию Европы, ни возродить прежнюю центральную цивилизацию. Распад и разложение становятся отражением сложившейся между этими цивилизациями действительности. Еще более удручающим является положение преобладающего большинства городов и среднего класса Ближнего и Среднего Востока, полностью связавших жизнь с таким конъюнктурным источником, как нефть. Упадок, который последует за истощением нефтяных ресурсов, окажется еще более разрушительным и болезненным.

Истинный смысл жизнедеятельности общества Ближневосточного региона придает существование сельского общества, насчитывающего примерно пятнадцать тысячелетий. Ликвидация этой социальной жизнедеятельности, предоставляющей возможности развития даже существующей около пяти тысячелетий центральной цивилизации, породит гораздо более разрушительные последствия, нежели это принято считать. Даже если и есть возможность кратковременного управления городами и средним классом со стороны элементов запоздавшего современного капитализма, все равно существование города и среднего класса в виде неподъемной ноши станет постоянно стимулировать напря-

женность, столкновения и войны. Это процесс, переживаемый ежедневно, будет с каждым днем продолжаться, усиливая свои темпы и плотность.

Таким образом, урбанизация без учета интересов города, канцерогенное разрастание среднего класса и упадок сельского общества обозначаются не просто как тяжелейшие социальные проблемы: они отражают факт столкновения общества с гранью невозможности дальнейшего существования. Элементы демократической современности не просто играют конструктивную роль в решении существующих проблем невозможности дальнейшего существования, они обеспечивают также выход общества из хаотической ситуации, в которой оно оказалось. В первую очередь, защищая интересы экономического и экологического общества, они ориентируются на восстановление сельского общества, разрушаемого капитализмом и индустриализмом. Экологическая аграрная политика, обеспечивая продовольственную безопасность общества, решает важнейшие аспекты проблем. Это уместно было бы назвать «второй земледельческой революцией», а точнее — «сельскохозяйственной революцией». Действительно, в XXI веке ощущается необходимость второй сельскохозяйственной революции, которая не просто спасет город, но и защитит общество от канцерогенного разрастания среднего класса. По мере того, как национально-государственный фашизм, построенный на почве города и среднего класса, будет ослабевать на этой почве, возрастут шансы развития демократического общества. Без второй сельскохозяйственной революции дальнейшее существование общества действительно будет очень затруднительным. Предоставляя технологии заслуженное ей место, эта революция спасет ее от индустриализма. Города могут вернуть свое прежнее величие, используя более развитые технические условия. Они не просто спасутся от чрезмерного роста населения, но посредством осмысленной функциональной деятельности смогут установить гармонию с сельским обществом. Реорганизованные города и села демократической современности станут двумя стабильными и прочными платформами

демократического общества. Дополняя друг друга в отношении богатства и разнообразия, они создадут настоящую почву для разрушения устоев гомогенного социального фашизма национального государства.

И шанс, и судьба Ближнего и Среднего Востока связаны с осуществлением второй сельскохозяйственной революции. Разрушительная политика современного капитализма на протяжении последних двух столетий осуществлялась в диких масштабах, оставивших далеко позади все кризисы. Современность не просто господствует и эксплуатирует при помощи своей тройственной платформы, он разрушает суть общества. Остановить это разрушение при помощи той же современности попросту невозможно. Это все равно, что гасить огонь огнем. Развитие демократической современности с помощью второй сельскохозяйственной революции неизбежно. Уже сегодня войны за водные, энергетические и земельные ресурсы достигли такого уровня, что их невозможно остановить. Шумерское общество когда-то смогло достичь развития благодаря коллективизму в сфере водных и земельных ресурсов и дать начало истории человечества. Такими же были общества Египта и Хараппы. Сегодняшний Израиль значительную часть своей силы черпает из коммун, называемых кибуцами, где активно применяется современная технология.

Структуры экономического и экологического общества, которые будут развиваться в водных, энергетических и земельных ресурсах в первую очередь в бассейнах рек Тигр и Евфрат, станут фундаментом второй сельскохозяйственной революции. Конгломераты городов и сел, возникающие на этой основе, гармонично дополняя друг друга, сформируют новую архитектурную инфраструктуру демократической современности. Единицы экономического, экологического и демократического общества будут развиваться на почве этой новой архитектуры, а городская цивилизация индустриализма и национального государства вновь возвысится в виде демократических автономных структур. В ответ на это села в новых технических условиях осуществят свою вторую революцию в качестве эко-сел.

Вторая сельскохозяйственная и городская революция в культуре Ближнего и Среднего Востока в этот раз сыграет свою историческую роль в преодолении засилья государственно-классовой цивилизации и переходе к эпохе демократической цивилизации. Различные культурные идентичности благодаря открытому личностному мировоззрению, будут мирно сосуществовать в конфедерации демократических наций как члены равноправного, свободного и демократического общества. Личность, загубленная индивидуалистской культурой современного капитализма, вновь воскреснет и будет жить свободно как нравственная и политическая личность демократической современности.

5. Местные, региональные проблемы и решение в концепции демократической нации

Ни в одном из периодов истории не было другого государственного режима, который провоцировал бы такой упадок местной и региональной культуры, как национальное государство. Национальное государство развивалось не только как антагонист, противостоящий империям вместе с городом-государством и демократией. Возможно, даже больше чем эти два явления, запрящая, разрушая, ассимилируя все личностные особенности местного и регионального характера, оно старается стереть их из исторической памяти общества. Даже все центральные империи всегда внимательно относились к правам местного и регионального факторов. Зная о том, что местные и региональные культуры — это богатство, они всячески стремились сохранить их. Что касается управленческой политики, то даже самые централизованные из них не отвергали авторитета местных и региональных властей, не выступали против самых широких автономий. История цивилизаций до периода современного капитализма — это в определенном смысле история, взятая за основу местными и региональными идентичностями. Любая империя и цивилизация определяется масштабами и возможностями принадлежащих им местных и региональных сфер.

То, что национальное государство, отрицая их фактор, пытается создать себя в виде однородной единой власти, хотя история является сообществом этих идентичностей, безусловно, связано с системой эксплуатации, которой служит национальное государство. Проявляя тенденции к постоянному накоплению максимальной прибыли и капитала, они знают, что чем больше удастся нивелировать значимость местных и региональных идентичностей, тем надежнее станет управление ими. Гомогенное национальное государство считает, что, ломая и ликвидируя местные и региональные силы, оно усиливает нацию и обеспечивает единство национальной культуры. Но реализуется монополия силы и эксплуатации горстки олигархов. Право и культурное единство, являясь орудиями узаконения этих монополий силы и эксплуатации, считаются основными качествами государства и нации. Но страшнее всего их утверждения о том, что такая однородность является идеальным условием для демократии. Это имело бы смысл только как общее условие, определяющее рабство. Если демократия не является свободным выражением и самоуправлением местного и регионального, то как иначе она может быть охарактеризована? Ясно, что нельзя построить демократию, если основным условием будет гомогенность нации. Демократия не может быть реализована, пока личность не выразит своей местной и региональной идентичности, не защитит своих культурных интересов. Насколько национализм государственного толка становится отрицанием демократизации местного, регионального и индивидуального, настолько же демократическая нация, напротив, становится демократизацией местного, регионального и индивидуального.

Местный и региональный факторы культуры Ближнего и Среднего Востока на всех этапах истории сильно отстаивали свои идентичности и права. Во всех системах цивилизации проявлялось уважение к местному и региональному, и соблюдались их права. Даже самые деспотические правители не реализовывали до конца политику полной ликвидации и уничтожения. Такого рода меры не выходили дальше уровня личного и семейного.

Мы видим, что фашистские качества национального государства еще раз проявляются в систематической ликвидации местных и региональных идентичностей. По мере усиления национального государства в истории региона последних двух столетий параллельно шел процесс ликвидации местных и региональных идентичностей. Войны и противостояние, происходящие во имя создания иракского национального государства, являются достаточным основанием для доказательства безжалостности и разрушительных свойств системы. Если бы обеспечивалось демократическое выражение местного и регионального факторов, возможно, был бы достигнут уровень духовного и материального богатства, превосходящий даже Швейцарию. Война, которая и по сей день происходит в Ираке, является в высшей степени поучительным подтверждением в плане деструктивности, разрушительности и ликвидационной сущности современного капитализма.

Элементы демократической современности основаны на систематике, в которой наибольшее значение обретают местные и региональные идентичности. Элемент нравственного и политического общества — это явление, существующее на месте. Элемент экономического общества относится преимущественно к местному и региональному плану. Даже если и есть положение в ранге национального и межнационального, это происходит на почве усиления своих позиций. Экологическое общество — такой элемент, который всегда и везде обретает свой смысл и применяется в местной сфере. Демократическое общество стоит во главе элементов, реализуемых на базе местных единиц. Элемент личности, оторванной от местных и региональных ценностей, совершенно далек от истины настолько, насколько он слаб с точки зрения идентичности. Напротив, чем больше местных и региональных культур он представляет, тем выше ценность его истины. Демократическая нация формируется только путем свободного выражения идентичности местных, региональных и индивидуальных факторов.

Нации, обладающие различными, множественными культурными идентичностями, больше других способны быть демокра-

тически, богатыми и миролюбивыми. Если за местными и региональными составляющими общества Ближнего и Среднего Востока будет признан шанс демократического самовыражения, ясно, что большая часть проблем решится гораздо легче. Несмотря на то что историческая традиция постоянно подчеркивать эту действительность, национальное государство не прислушивается к истории. Глядя на историю сквозь свои призмы узкой однородности, оно видит великое богатство в одном цвете или вынуждает воспринимать именно так, а итогом становится отрицание социальной действительности и фашизм.

Демократическая современность предлагает основательное теоретическое и практическое решение этих реалий общества Ближнего и Среднего Востока, где плотно и в тесной связи существуют элементы местной и региональной культуры. Когда свобода выражения превращает реалии в истину, личность и общество обретают больше шансов для свободы и равноправия в условиях мира.

6. Проблема женщин, династий, семьи и женская революция на Ближнем и Среднем Востоке

Женщина, на заре истории примерившая на себя историческую роль матери-богини и осознавшая величие своей социальной идентичности, в условиях современного общества Ближнего и Среднего Востока, к сожалению, доведена до уровня самого дешевого товара. У нас нет возможностей глубже раскрыть историю женщины, которую можно было бы считать посвященным ей трагическим повествованием, но последствия можем подвергнуть критике. Во главе неотложных социальных задач стоит исследование реалий, связанных с женщиной. Мы должны разогнать тучи, созданные руками человека и окутавшие образ женщины.

Должен открыто подчеркнуть, что рассуждения о социальном сексизме считаю позитивистскими. Не думаю, что можно разобратся в женской проблеме при помощи примитивных объективистских подходов. В частности, мы не знаем, насколько

закрепились в психике женщины коды рабства. Я полагаю, что все чрезмерно привязано к фалло-вагинальному типу мышления, который парализует прочие способности человека. Вопрос, который в данном случае особенно привлекает внимание, заключается в следующем: явление полового совокупления, которое в мире растений и животных представляет собой процесс с известными сроками, формами и значением, применительно к человечеству наблюдается как некая деградация в неограниченных сроках, форме и функциональной осмысленности. Ясно, что это — деградация, имеющая социальное происхождение. Точнее, можно отметить, что она получила свое развитие вместе с рождением и обобщением социальной проблемы (гнет и эксплуатация). Для точного определения необходимо четко указать, что проблема женщины со всех точек зрения является проблемой, вызванной разрушением матриархального общества.

Эгоизм и жесткость мужчины в женском вопросе наблюдаются постоянно, будучи актуальным явлением. То, что мужчина, не признавая в этом плане никаких нравственных и правовых норм, может, не задумываясь, совершить преступление на любом социальном уровне, не должно пройти мимо внимания любого имеющего совесть человека. Такое отношение в большинстве своем объясняется просто — «во имя любви». Но даже поверхностное толкование связи любви с истиной сразу же делает ясным, что подобное высказывание является самой отвратительной ложью. Ни один объект любви в мире растений или животных, или даже в мире, называемом нами «неодушевленным», ни в коем случае не может быть подвергнут таким действиям. Несмотря на некоторые отклонения, смысл которых еще не установлен, ясно, что они отличаются от причин и смысла такого рода преступлений в мире людей. Связь этих преступлений с властью и эксплуатацией стоит во главе тех вопросов, которые должны быть определены в первую очередь.

Основной вопрос, который следует задать: отчего мужчина в вопросах, касающихся женщины, проявляет такую ревность, властолюбие и ярость, толкающую его на насильственные дей-

ствия в течение двадцати четырех часов. Несомненно, насилие и власть — это понятия, касающиеся социальной эксплуатации. Они выражают социальный характер происходивших событий и более всего ассоциируются с иерархией, патриархальностью и властью. Смысл, лежащий гораздо глубже, — это выражение предательства по отношению к жизни. Многосторонняя связь женщины с жизнью может выявить позиции социального сексизма, характерные для мужчины. Социальный сексизм выражает утрату жизненного богатства под ослепляющим и потребляющим влиянием сексизма, а также порожденные этим влиянием гнев, насилие и властность. Связь полового инстинкта с продолжением жизни очевидна. Но ни одно живое существо, пребывающее двадцать четыре часа в сутки в состоянии полового голода, не имеет мышления. Ясно, что жизнь не состоит из одного полового фактора. Более того, можно говорить о том, что половое совокупление — это своего рода мгновение смерти, точнее, это шаг от жизни навстречу смерти, то есть, чем больше сексуальных действий, тем больше утрата жизни.

Я не говорю о том, что секс как таковой абсолютно смертелен — он несет в себе идеал бесконечности жизни. Но этот идеал — не сама жизнь. Напротив, это способ преодолеть страх смерти, и нельзя сказать, что здесь в значительной степени присутствует ценность истины. Речь можно вести следующим образом: что важнее, повторы жизненных циклов, или сам по себе цикл, как уникальность? После того как будет в полной мере выражена истина уникального, особого смысла не будет иметь бесконечное число циклов. Содержащийся в нем смысл станет потребностью постижения «абсолютного знания». Чем больше цикличность в этой ситуации познает себя, тем больше будет удовлетворена потребность в абсолютном знании. Следовательно, циклы, то есть половое размножение, не будет иметь особой ценности и смысла.

Вывод, который можно будет сделать из этого краткого рассуждения, заключается в следующем: что с конца эпохи матриархата по настоящее время женщина систематически испытывает идеологическое социальное угнетение и эксплуатацию. Рабство

женщины — очень сложный и жизненно стойкий институт, несравнимый ни с какой иной формой рабства. Это явление частично могут отразить такие факты, как рынок рабынь, институт наложниц и гаремов. Но то, что сделал в отношении женщины современный капитализм, просто не поддается описанию. Ни одна цивилизация не играла так с женщиной и не создала такой институт эксплуатации, как капитализм. Женщина испытывает такую эксплуатацию, что подавляющее большинство женщин считает меры, принижающие их до последней ступени, связанными со своими личностными особенностями. Считав себя частью той игры, которая разыгрывается с их участием, они становятся настолько податливыми, что даже позволяют делать с ними все, что угодно. Речь идет не только о фактическом угнетении и эксплуатации. Дело в том, что женщина не стесняется в качестве звуковых, цветовых, телесных и интеллектуальных форм добровольно представлять рабство, насажденное ей вплоть до каждой жизненной клетки. Женщина даже не в курсе того, что утрачена ее связь с социальной истиной, а она сама доведена до состояния жизни, разыгрываемой на сцене. Точнее, она не может найти возможность осознать это. Для того чтобы обрести достоинство и истину жизни, женщина старается повысить свою значимость, преодолев все существующие вокруг препятствия.

То, что жизнь без женщины невозможна, это факт, но очевидно и то, что невозможно делить достойную и осмысленную жизнь с женщиной, униженной до такой степени. Понимать, чувствовать, что жизнь с женщиной в ее сегодняшнем состоянии — это существование, затягивающее всех вокруг по горло в самое унижительное рабство, значит находиться на пути к правильному решению. Не следует ни в коем случае забывать о том, что осмысленная и достойная жизнь с женщиной требует мудрости и величия. Те, кто верит в идею любви, должны всегда помнить, что путь к постижению любви пролегает через эту мудрость и величие. Что-либо иное — это предательство любви и служение рабовладению. Не постигнув высот социальной истины, нельзя постичь любовь.

Патриархальный строй, наступивший после матриархата, существование которого в социальной культуре Ближнего и Среднего Востока подтверждается серьезными доказательствами (наблюдается рост с 5000 гг. до н. э.), представляет собой первую систему, в которой были опробованы методы социального гнета и эксплуатации. Переход господства над детьми и имуществом к мужчине, институту отцовства, стал коренным переворотом, направленным против женщины. Это, скорее, контрреволюция, способствовавшая утверждению консервативной, угнетательской и эксплуататорской системы. Наличие множества детей стало равносильным становлению первой товарной системы. Считается, что чем больше детей, тем сильнее возможность стать обладателем силы, товара, собственности. Связь между патриархальностью, сословностью и собственностью очевидна. Сословие — это первая широкая семейная система, которая переросла в клан, выработала свое мировоззрение и обрела собственность. Это — первая форма патриархата, развивавшаяся в тесной связи с регрессом, разрушением системы собственности женщины над детьми и имуществом. Культ матери-богини уступает свое место культу богов-царей. В шумерской культуре эти процессы развивались очень ярко. Институт брака, семьи на протяжении всей истории цивилизации развивался под влиянием модели сословности. Брак, основанный на равенстве мужчины и женщины, имеет более ограниченное распространение. Поскольку династия была признана или вменена в качестве монополии идеологии и власти, основанной на господстве мужчины, заключаемые браки должны признать авторитет отца. Вкратце, это не естественные, а созданные авторитарные и эксплуататорские микросистемы.

Современный капитализм еще больше развил данную систему. Меры, принимаемые против женщины под видом правовых, совершенно далеки от поддержания реального равенства. Брак можно считать институтом, развившимся под воздействием цивилизации, причем принципом узаконения является господство мужчины и половая сегрегация в обществе. Это наиболее распространенное состояние иерархии, монополии власти и

государства, отразившееся в форме единицы, представляющей собой ячейку общества. Между его сутью и внешней формой, узаконением имеется завуалированное противоречие. Это институт, который наилучшим образом камуфлирует глобальное порабощение общества в лице женщины. Принимая за основу процесс, начавшийся с лишения женщины ее духовной составляющей (унижение, превращение в некую принадлежность мужчины), общество тоже шаг за шагом превращается в такую же бездуховную женщину. Порабощение мужчины наступило после лишения женщины ее духовности и развивалось в тесной связи с этим. Порабощение и лишение женщины ее сути позднее стало применяться как принцип в отношении мужчин и угнетенных классов. Этот процесс, получивший свое развитие параллельно цивилизации, достиг апогея в эпоху современного капитализма. Фашизм имеет особый смысл в плане превращения общества в аморальную женщину и является выражением капитуляции общества. Современная эпоха — это общество публичной женщины, выхолащенное, утратившее способность к обороне, общество, где все превращены в мужей и жен друг для друга. Ускоряющееся накопление капитала требует такой агрессивности и варварства, как будто не признает даже возможности существования общества другого типа. Это сфера, в которой рабство и насилие и легализовались, и получили свое постоянное применение под названием «честь».

Несостоятельность семьи срывает маски с лица современности. Банкротство института семьи в цивилизации Запада не просто свидетельствует о слабости его связей с обществом, но демонстрирует глубину противоречий, кризиса и хаотической ситуации в обществе. Подобно тому, как рабство женщины определяет уровень социального рабства, так и хаос во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами отражает противоречие и хаос современного капитализма.

Социальный сексизм не является концепцией, ограниченной понятием власти, царящим во взаимоотношениях между женщиной и мужчиной, а выражает авторитарность, распростра-

нившуюся во все уровни общества, показывает государственную власть, достигшую максимума на волне современности. Ни один объект так не превращен в предмет власти так сильно, как женщина. Женщина, как существо, превращенное в некий объект, обладает способностями, позволяющими возвеличить власть до максимума. Ее постоянно держат в состоянии взвода и готовности увеличить власть. С точки зрения выявления ее истины очень важно раскрытие в таком ракурсе связей между женщиной и властью. У любого мужчины с лихвой хватит сообразительности, позволяющей, используя женщину, реализовать свою страсть к власти. Тот же образ мышления приумножается и применяется в качестве страсти женщин к власти друг над другом и над детьми. В данном случае получается, что «женщина женщине волк». Именно такое явление и называется «цепная реакция». Роль женщины в системе капиталистической эксплуатации еще более открыта и удобна для воздействия. Системе недостаточно того, что женщина бесплатно рождает и воспитывает детей; система практически ее делает самой дешевой рабочей силой. Женщину держат в состоянии давления на армию безработных и постоянного принижения системы оплаты труда. Как жаль, что ни одно учение, включая марксизм, не испытало потребности говорить о правах и труде женщины, хотя именно она прилагает наиболее самоотверженные труды. Никто не развил необходимых для этого рассуждений и политической ситуации. Еще один показатель, подтверждающий распространенность социального сексизма при господствующем положении мужчины, связан с трудом женщины.

Проблема перенаселенности постепенно становится все большей угрозой для мира и общества, чем классовая. Рост населения тесно связан с обществом половой сегрегации и современным капитализмом. Пропаганда секса двадцать четыре часа в сутки, сословность и культура семьи, а также политика увеличения населения во имя интересов и прибыли капитализма, национального государства, приводят к демографическому буму. Действительность, складывающаяся после участия в этом тех-

ники и медицины, оказывается самой большой опасностью для дальнейшего существования общества и окружающей среды. Демографический хаос связан с этими реалиями. Давно уже население нашей планеты дошло до невозможного уровня (если и дальше будет расти население в 6,5 миллиардов). Важно отметить, что и в этом отношении система обанкротилась. Следует очень хорошо понимать, что женщина, представляющая собой механизм постоянного деторождения, несет устрашающую и нестерпимую ношу. Проблема возникает в недрах системы, которая усугублена гораздо больше родительской проблемы. В частности, необходимо знать о том, что рождение детей — это проблема не столько биологическая, сколько вопрос системы и культуры. Каждый ребенок действующей культуры это не однократная, а многократная смерть женщины. Очень важна культура деторождения, довольствующая малым, со всеми мерами, касающимися здоровья, прежде всего с подготовленным мышлением. Обоснование мысли о том, что бессмертие и величие заключены не в детях как таковых, а в абсолютном знании, красоте, развитии нравственного и политического потенциала общества, рассмотрение процесса воспитания детей сквозь призму этих первостепенных задач и целостности будет более осмысленным и правильным подходом. По существу, вопрос воспитания детей необходимо рассматривать и решать на почве потребностей экономического и экологического общества и философии свободы.

Система давно утратила способность исправления путем реформ. Необходимо во всех социальных сферах осуществить «женскую революцию». Подобно тому, что женское рабство — это самое глубокое рабство, женская революция тоже является самой глубокой революцией в отношении свободы и равенства. Женская революция требует самых кардинальных действий как в теории, так и на практике. В первую очередь она требует продолжительной, постоянной борьбы в противовес сексистской идеологии. Женская революция как один из этапов создания нравственного и политического общества требует углубления этой борьбы в противовес мышлению насилия, дей-

ствующему двадцать четыре часа в сутки. Она требует осудить и отклонить явление принуждения к деторождению, тем более, когда за этим стоит цель власти и эксплуатации. Вопрос рождения ребенка должен самостоятельно решаться освобожденной женщиной. В идеологии династии и семьи требуются кардинальные изменения. В любом случае важнейшее — преодолеть при помощи женщины узкие границы жизненной философии, точнее, полного отсутствия философии. Смысл жизни с женщиной необходимо искать не в количестве ее детей и удовлетворении похоти мужчины, а в красоте, преданности, миролюбии и благородстве женщины, стремлении к равенству и свободе, что связано с самой глубокой дружбой, товариществом и социальностью.

Несомненно, равноправное и свободное проживание с женщиной требует взаимной мудрости, которая обязательно сочетается с социальной истиной. Настоящая любовь может существовать только в балансе сил взаимной социальной истины. Не может быть никакой любви у людей, погрязших в рабстве, насилии и власти. Безуспешный опыт и несостоятельность семьи, отмечаемые повсеместно, подтверждают эти реалии. Можно обеспечить женщине по меньшей мере равную с мужчиной возможность, обладая социальной силой и мудростью, чувствовать и разделять любовь и красоту без навязанной власти, в условиях мира, равенства и свободы. Женская революция XXI века считается необходимым условием современности. На этом настаивает лозунг «или жизнь, или варварство!».

Общество Ближнего и Среднего Востока испытывает потребность как во второй сельскохозяйственной революции, так и во второй женской революции. Матриархат — это женская революция эпохи неолита, точнее, величественная неолитическая революция была женской революцией. Неолитическая революция — эта такая революция, наследием которой и по сей день живет человечество. Патриархальный строй — мощная контрреволюция, вносящая напряженность в естественное общество на почве контрреволюционных устремлений цивилизации и современности, порождающая наиболее глубокое рабство и экс-

плуатацию женщины и распространяющая их по всему миру. Сегодня она переживает во всех социальных сферах систематический кризис, хаос и разложение. Ясно, что все, что навязано женщине, — это предательство по отношению к ней. Если мы хотим жить, то в первую очередь, вновь обретая мудрость и уважение друг к другу, а также равенство, должны вместе с женщиной создавать и разделять чувства красоты и возвышенности. Необходимо создать эту действительность, постичь ее истину. В этом плане необходимо пережить тесное взаимодействие уникального и универсального, то есть взаимоотношений конкретных женщины и мужчины и идеальной абстрактной пары. Для того чтобы женщина жила, необходимо формирование ее разума и воли. Собственность и владелец должны раз и навсегда оставить друг друга. Вместо традиционного понятия «честь» необходимо воспитать притягательность красоты и благородства личности.

Без серьезнейшей женской революции, стало быть, без изменения мышления и жизни мужчины невозможна жизненная свобода, потому что без освобождения главенствующей сути жизни, коей является женщина, сама жизнь постоянно будет неким испытанием. Без примирения мужчины с жизнью и жизни с женщиной счастье тоже окажется пустой мечтой. Социальные реалии для женщины и свободной жизни просто безграничны. Общество и женщина Ближнего и Среднего Востока усилиями собственной цивилизации и современности унижены до минимума, отчуждены от собственной сути, превращены в некий объект. Правильным методом является решение социальной проблемы на примере женщины и движение к решению через то же самое явление. Только применив к важнейшей из проблем важнейший из методов решения, то есть женскую революцию, можно правильными шагами идти к постижению истины.

Решение в ходе построения демократической современности является идеальным и действенным для женской проблемы. Нации в условиях демократической современности не могут быть спроектированы без женщины. Напротив, эти револю-

ции должны происходить на почве ежеминутного разделения мудрости и действенности с женщиной. Создание экономического общества было реализовано под руководством женщины, но и реорганизация этого общества требует активного участия женских союзов. Экономика является специфической женской социальной профессией, ее действием. Экология — это наука, которая только при помощи женской интуиции может быть соединена с обществом. Идентичность женщины близка окружающей среде. Демократическое общество — это общество, требующее мышления и свободного волеизъявления женщины. Демократическая современность — эпоха женской революции и цивилизации.

7. Как жить, что делать и с чего начать?

Истина, жизнь и смерть во имя истины — это три важные концепции в культуре Ближнего и Среднего Востока. Отражаясь в виде теоретической и практической дилеммы в европейской культуре, эта концепция постепенно лишается собственной сущности, подвергается расчленению и утрачивает целостность. В поздней современности это обстоятельство приобретает гораздо более определенный характер. Истина обрекается на экономизм.

Поиск истины стал чаще всего оказываться на повестке дня тогда, когда возникали социальные проблемы. В такие периоды какое-либо высказывание или действие непременно пыталось позиционироваться в виде истины. Социологический анализ истины четко демонстрирует свою связь с бесправием. Если аннексия общественного труда, стоимости определялась как бесправие, то исследование этого и принятие необходимых мер постоянно считалось поиском истины, что постоянно возвышалось. Отождествление бесправия с правом, а права с богом отражает связь обеих концепций с социумом. Именно таким образом еще раз подтверждается связь концепции бога с обществом — исключая метафизическое абстрагирование.

Поиск истины влечет за собой сведение счетов с несправедливостью. Социальная идентичность, представляющаяся в качестве высочайшего создания, называя себя богом, так ответила на несправедливость в отношении себя и осудила в виде гнева божьего. По мере того, как усиливались угрозы и несправедливость по отношению к социальной идентичности, как изнутри общества, так и со стороны внешней природы, идентичность подчеркивалась еще больше. Ради нее создавались известные теории (божественный взгляд = теория) и совершались важные действия (божественные деяния). Именно по этой причине очень важно осознать, что в основе религии и философии лежит социальная идентичность. Это показывает, что поиск источников религии и философии в других областях — бесплодные усилия.

Одной из первостепенных целей, поставленных идеологической гегемонией современного капитализма, является очернение и принижение исторических социальных реалий, связанных с концепцией и практической реализацией истины. Религия и философия превращены в национализм и теизм национального государства. Теория и практика посвящены возвышению концепций и практики национальной государственности и их увековечиванию. Наука снижена до уровня анализа и решения проблем, зародившихся не без усилий позитивистской философии. Старая, как история человечества, война за истину направлена на обеспечение простых интересов. Угрозы в адрес социальной идентичности, являющиеся главной проблемой, перестали быть предметом истины, вместо него стал выдвигаться индивидуализм. В связи с этим права человека были превращены в предмет эксплуатации. Даже взгляды, опровергающие систему, позиционирующие себя в качестве правильной идеологии, не могут проявить смелость в отношении преодоления парадигмы современности. Либерализм, являясь официальной идеологией системы, сумел до наших дней сохранить свою монополию и над левыми, и над правыми блоками системы.

Либерализм, являющийся идеологической монополией современности, создавая, с одной стороны, инфляцию взглядов, с

другой стороны, как он это делает в рамках инфляции, используя тех, кто оказал ему наибольшую услугу в инфляции взглядов, подвергая мышление атаке при помощи средств массовой информации, старается получить максимальные результаты. Конечной целью идеологической войны является установление монополии на взгляды. Основное оружие в этом — теизм, национализм, сексизм и научность, являющаяся позитивистской религией. Без идеологической гегемонии было бы невозможно продолжить существование современности одним лишь политическим и военным давлением. Пытаясь контролировать совесть докапиталистического общества посредством религии, идеология при помощи национализма держит под контролем граждан национального государства и классы, формирующиеся вокруг капитализма. Цель сексизма — задушить женщину, не давая ей свободно дышать. Эффективной функцией сексистской идеологии является превращение мужчины в существо, большое властью, а женщины — в объект постоянного насилия. Нейтрализуя академический мир и молодежь при помощи позитивистской научности, показывая, что у них нет иного выбора, кроме единения с системой, идеология, используя гранты, укрепляет это единение.

Крайне важными перед лицом агрессии, развернутой идеологией либерализма, становятся вопросы о том, как жить, что делать и с чего начать. Ответы, которые дали на эти вопросы противники системы, были по меньшей мере до сегодняшнего дня лишены влияния. Значение имели ответы, данные современностью на эти три важных вопроса. Стиль жизни, развиваемый современностью на протяжении последних пяти столетий, ультимативно ставил клеймо на вопросе о том, как жить. При помощи такой ассимиляции, которой, возможно, не было ни в один из периодов истории, различия в образе жизни были нивелированы. Воздействие универсальных правил привело жизненные догмы к единому типу. Различия стали выглядеть очень вяло перед однотипностью. Любой бунт против образа жизни, называемого современностью, оказываясь заклеянным как сумасшествие, мгновенно обрекается на выдворение

за пределы системы. Перед этой угрозой изгнания мало у кого хватало смелости бунтовать. Вопрос о том, что делать, уже очень давно, пять столетий, пытаются осветить подробными ответами. Это ответы следующего типа: «Живи как индивидуалист, думай только о себе и, поскольку единственный путь — это путь современности, верно следуй этому пути. Путь установлен, метод определен: как все, так и ты. Если ты владелец предприятия, извлекай прибыль. Если ты рабочий, держись за зарплату. Другие пути считаются глупостью». Любое упорное противостояние влечет за собой выдворение за пределы системы, безработицу, отсутствие средств к существованию, разложение. Жизнь превращена в устрашающие конные скачки. Что уж говорить о том, что делать, если вопрос о том, с чего начать, получает такой, с точки зрения системы, ответ: «Начинай там, где получил образование». Школы и университеты стали незаменимыми начальными ступенями будущего успеха в системе.

Поиск истины, идеологическая позиция демократической современности и ответы, данные им на три основных вопроса, совершенно очевидно имеют ценность альтернативной системы. Поиск социальной идентичности в комплексе всех ее качеств, анализ и представление решений — это суть борьбы за истину. Защитная речь, пусть и в наиболее общих чертах, но представила результаты этого поиска и борьбы. Повторы не имеют смысла. Позиция идеологии выражает готовность разрушить устои идеологической гегемонии господства современности при помощи содержательной критики. Отстаивание имеющихся социальных истин — это и есть идеологическая позиция. Умение продемонстрировать то, что капиталистическая современность совершенно лишена истины (это противопоставление индивидуализма обществу, агрессивные нападки на социальную идентичность), умение выразить истину экономического, экологического и демократического общества, истину нации и умение показать силу истины — сущность идеологической позиции.

Первый общий ответ, который следует дать на вопросы как жить, что делать и с чего начать, должен начинаться изнутри

системы и на почве противостояния самой системе. Однако позиция антагониста системы, находящегося внутри нее, требует ежеминутной борьбы за истину ценою жизни, на уровне древних мудрецов. Ответы на вопросы, как жить и с чего начать, будут развиваться в тесной взаимной связи, — это ненависть к такой жизни и вызов, брошенный ей, подобно тому, как срываешь с себя смирительную рубашку, которую современность натягивает на тебя как неподъемный панцирь. Если это необходимо, то постоянной рвотой ты должен будешь освободить свой желудок, мозг и плоть от грязи этой жизни. Даже если эта жизнь предстанет пред тобой в образе неписанной красавицы, ты обязан извергнуть ее, и таким должен стать твой ответ. Ответом на вопрос «что делать?» должны стать практические шаги против системы, и этот ответ должен развиваться в тесном переплетении с двумя другими. Ответом на вопрос «что делать?» должна стать разумная и организованная практика.

Ответ на три вопроса выражает, с точки зрения демократической современности, идеологическую и практическую встречу с элементами системы. Миссия, которую исстари называли «лидирующей партией», усовершенствовалась как теоретическое и практическое лидерование демократической современности. Основной миссией нового лидера является соответствие потребностям мышления и волеизъявления трех краеугольных камней системы в лице экономического, экологического и демократического общества (городское, местное, региональное, национальное и вненациональное демократическое конфедеративное управление). Для этого необходимо создание достаточного количества и качества академических структур. Новые академические подразделения, не довольствующиеся одной лишь критикой современного академического мира, а развивают альтернативу, могут быть созданы под различными наименованиями в соответствии с их содержанием. Задача заключается в том, чтобы создать эти единицы в связи со всеми сферами общества по их значению и потребностям в первую очередь в сфере экономики и техники, экологии и сельского хозяйства, демократической политики, безопасности и обороны, женщи-

ны и свободы, культуры и идентичности, истории и языка, науки и философии, религии искусства. Без серьезных научных кадров невозможно построить элементы демократической современности. Насколько бессмысленными могут быть академические кадры без элементов демократической современности, настолько же и элементы демократической современности без научных кадров не обретут ни значения, ни успеха. Тесное единство и является условием этого.

Следует немедленно освободиться, преодолеть такое мировоззрение капиталистической современности, когда мысль, разум и действие существуют в полном отрыве друг от друга, ибо это похоже на испорченную, криво сидящую одежду. Мысль, разум и действия никогда не могут быть отделены друг от друга, ибо это признаки величия истины, которые всегда надо постоянно носить в себе, воспринимать в единстве и жить с ними. Нельзя начинать борьбу за истину в отрыве от вопросов о том, как жить, что делать и с чего начинать. Борьба за истину не приемлет искажений со стороны современного капитализма и не может с этим сосуществовать. Научные кадры — это, в сущности, мозг, организация и субстанция, распространяющаяся по всему телу (обществу) вплоть до капилляров. Действительность целостна. Истина — это выраженная целостная действительность. Кадры — это организованная и способная к действию истина.

Культура Ближнего и Среднего Востока, возрождаясь, должна знать о том, что путь к обновлению пролегает через революцию истины. Революция истины — это революция мышления и образа жизни. Это революция во имя освобождения от идеологической гегемонии и стиля жизни современного капитализма. Нельзя поддаваться на обман лживых религиозных клерикалов и аристократов-шовинистов, уповающих во всем на традиции. Они не воюют с современным капитализмом, а хотят, как сторожевые псы, своего куска. Для них совершенно немислима борьба за истину. По отношению к современному капитализму они оказываются не просто в роли побежденных, а в роли подлизывающихся льстецов. Если старые левые движения, феминисты,

экологические, культурные движения хотят стать антимодернистскими, они должны сплотиться и бороться во имя истины, считая это образом жизни.

Борьба за истину может обрести смысл и победу только в том случае, если будет вестись во всех сферах жизни, во всех социальных сферах, общинных экономических и экологических единицах, демократических городах, местностях, регионах, на всех национальных территориях и вне их пределов. Не научившись жить и искать правду так, как это делали посланники Бога и апостолы на заре зарождения религий, эту борьбу проводить нельзя — иначе результата не будет. Ближний и Средний Восток нуждается в возродившихся мудрых богинях, а также в таких личностях, как Моисей, Иисус, Мухаммед, святой Павел, Мани, Вейсел Карани, Халладжи Мансур, Сюхреверди, Юнус Эмре, Дж. Бруно. Революция истины не победит, если не зиждется на наследии, которое не устаревает, а обновляется. Революции и революционеры не умирают, они доказывают, что жизнь может продолжиться только на их наследии. Культура Ближнего и Среднего Востока — это культура единения мысли-разума и дела, и в этом плане она очень богата. Демократическая современность, прибавив к этой культуре критику цивилизации и современного капитализма, внося свой вклад, сыграет историческую роль.

Личность демократической цивилизации не сможет реализоваться и построить себя в качестве лидера истины до тех пор, пока не сможет противопоставить трем всадникам Апокалипсиса (капитализм, индустриализм и национальное государство) жизнь в постоянной борьбе за единство мысли, разума и дела, пока не развернет борьбу за единство мысли, разума и дела на крыльях трех ангелов освобождения (экономическое общество, экологическое общество и демократическое общество). Пока такая личность не продолжит борьбу за целостность жизни в социальной общинной единице, вплоть до академических подразделений, не сможет стать лидером (мюридом) мира справедливости, свободы и демократии. Очень ценна критика, звучащая в Священных Писаниях, и мудрых богинь (критикующих

господствующую цивилизацию и современный им строй за попытки превратить всех в средство достижения собственных целей). За этим стоят наше бессмертное жизненное наследие, наша социальная идентичность. Борец за истину демократической эпохи — это тот, кто способен, сплавив воедино эту идентичность со своей личностью, свободно жить и реализовать жизненное наследие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культуру Ближнего и Среднего Востока невозможно понять при помощи позитивистской идеологии и современных европейских наук. Если утверждают, что удалось, результатом становится ориентализм. Видимый результат этой парадигмы, применяемой последние двести лет, не совпадает ни с историческими реалиями общества Ближнего и Среднего Востока, ни с его актуальной конкретикой. Различие между ними можно определить одним словом: «Пропась». Восприятие истины в границах традиционных подходов (различного рода культуралистские, в первую очередь исламистские), вновь формируемых под глубоким влиянием ориентализма, оказалось еще дальше от реальности и не пошло дальше сухой литературы.

Образы, в которых выступает современный капитализм, образующий свои структуры вместе с парадигмой, находятся в еще более противоречивых отношениях и с историей, и с актуальной конкретной обстановкой. Существующие различия и пропасть, сформировавшаяся из противоречий, находят выражение в такой войне, которая хуже изуверства и дикости. Здесь не виноваты ни глубоко скрытые инстинкты, ни культурная отсталость. Проблема связана с применением современного капитализма как формации. Итог устремлений, выразившихся в расчленении материальной и духовной культуры, тысячелетиями находившейся в тесном единстве, созданной этой сплоченностью, и бытования в ней своих агентов (национально-государственный капитализм и индустриализм) стал истинной причиной существующего сейчас

и в будущем варварства. Что касается недавнего прошлого, то оно не особо отличается от варварства и геноцида.

Сталкиваясь как между собой, так и с древними верованиями и идолопоклонничеством, монотеистические религии, коими являются иудаизм, христианство и мусульманство, отнюдь не демонстрировали такой дикости, как страницы, начатые современным капитализмом. Понятие «община», свойственное каждой из этих религий, могло способствовать мирному сосуществованию всех народов и культур, за исключением давно уже ушедших в прошлое общин идолопоклонников, даже Ehlî Kitar (владельцы священных книг) предоставляли возможность существованию между ними некоего надобщинного союза. Им не были знакомы концепция и практика геноцида. Какие бы противостоящие идеи ни выдвигались, Средневековье, более темное по сравнению с позитивистским новым временем, является просто мифологическим изобретением. То, что новое время пытается позиционировать себя в качестве «просвещения», является только мифом.

Сколько бы ни говорилось о насаждении национального государства, как ножом разрезавшего культуру Ближнего и Среднего Востока, этого все равно недостаточно, потому что именно такой нож вскрыл наиболее глубокие из всех известных ран. Каких бы трагедий мы ни коснулись, результат одинаков. Все культуры, оседлые или кочевые, от внутренних областей Индии до Сибири, от марокканских пустынь до Аравийского полуострова, все испытали удар этого ножа. И по сей день из раны течет кровь. Ежедневно происходят стычки между индусами и мусульманами в Индии, конфликты в Кашмире, у уйгуров Китая, между Афганистаном и Пакистаном; это конфликт между Израилем и Палестиной, а также во всех арабских странах, столкновения в Ливане, противостояние курдов с турками, арабами и иранцами, конфессиональные войны в Иране, исламский фактор на Балканах, в Анатолии, уничтожение армян, греков и ассирийцев и т. д. В России это — проблема чеченцев. Конфликтов столько, что не перечесать, и разве можно отрицать то, что продолжающиеся по сей день, не признающие никаких

правил стычки и войны являются продуктом капиталистической гегемонии?

Если никаких результатов не дает вмешательство ООН (Организации Объединенных Наций), являющейся союзом национальных государств, если ОИК (Организация исламской конференции) не может обрести влияние, если ежедневные бесчисленные национально-государственные дипломатические туры не играют никакой иной роли, лишь надоедая, то причина всего этого опять же кроется в идеологии и структуре национального государства. Если эта чудовищная действительность, в тысячу раз более консервативная и закрытая, нежели религиозность Древнего мира и Средних веков, часто предстает перед нами как фашизм или его практическое воплощение, причем независимо от места действия, такому совсем не следует удивляться. Само создание этой действительности происходило на базе войны. Нет ни одного национального государства, которое не было бы создано войной. Но еще более ужасающим является другое: существует ли хоть одно национальное государство, которое не было бы в состоянии войны, внутренней войны с собственным обществом и внешней войны с иным национальным государством?

Несколько примеров относительно того, как создавались национальные государства на Ближнем и Среднем Востоке, были бы поучительны с точки зрения осознания их внутренней стороны. Сегодняшний Ирак — это страна, которая не существовала до 1920 года. Ее не было даже в утопии. Ирак был создан, исходя из стратегических потребностей и нефтяных интересов Британской империи. Совершенно не было принято во внимание состояние включенных в это государство культурных единиц. Не был положен в основу справедливый принцип их гармоничного сосуществования. Для управления ими был назначен монарх, совершенно не имеющий отношения к социальным реалиям страны. Этот монарх был свергнут армейской элитой, считавшей, что борется за национальные интересы. Поскольку провозглашенная республика не имела никакого отношения к республиканскому строю, страна постоянно жила в условиях диктатуры. Когда вме-

сте с казнью Саддама Хусейна, не осознавшего природы национального государства, распалась его диктатура, на поверхность всплыла вся мерзость. Нет никакой социологической теории, которая могла бы охарактеризовать ситуацию в современном Ираке. Во всяком случае, он так и будет существовать в качестве территории хаоса.

Не особенно отличалось создание других стран, называемых арабскими, — числом более двадцати. У них нет никаких связей с исторической и социальной действительностью, позволяющей понять их возникновение. Как и границы, так и история, гимны, флаги, режимы этих стран, так и общества, называемые нациями, — все было искусственно установлено на почве интересов гегемонистских сил. Очень важным обстоятельством в данном случае является то, что у этих вымышленных субстанций, которые двадцать четыре часа в сутки мнят себя священными, нет реальной истории и общества, действительно способных вызывать уважение. Самой большой долей истины наделено то, что таковой совершенно не является. Естественно, все это делается только в пропагандистских целях. Безусловно, не стоит ожидать, что там будут решаться какие-то проблемы и формироваться счастливая социальная жизнедеятельность. Призрачно и решение, и счастье того, кто не является истиной.

Гораздо больший интерес вызывает создание Израиля. Как бы ни утверждали, что это государство — итог утопии, насчитывающей три тысячелетия, оно все равно является одним из искусственных образований последних двух столетий. Процесс создания этого государства с первого шага и до последнего весь пропитан кровью. Во всяком случае, трудно представить себе более горький путь еврейского народа и культуры. Еще более странным представляется образование соседнего с ним Ливана — так и не ясно, как он будет существовать дальше. Не совсем понятно и то, как придумано название «Сирия». Сто лет назад все эти государства назывались более традиционно, возможно, даже более разумно, провинциями Османской империи. Когда история идет вспять, не остается названия ни провинций, ни

страны. С приходом ислама было освоено наименование, основанное на чувстве определенности. Может быть, более реалистичным и обладающим определенным смыслом было бы общее название 'Beled-ül İslâm' — «Страна Ислама». Не было бы и особых проблем, таких, как поклонение стране. Объектом поклонения являлся бы только Аллах — единая совесть общества. Имена и эпитеты Аллаха сформировали определенную концепцию. Может быть, это оказалось бы и более правильным выходом.

Если вспомнить те периоды истории, когда на планете еще не сформировались материки, то освящение названий местности и стран не получит глубокого смысла. Это отнюдь не означает, что местность, регион, страна, в которой проживают нации, общины, не имеют никакого смысла. Смысл есть, но не такой, чтобы его обожествлять. Негативным в данном случае является чрезмерное преувеличение, оказывающееся таким, что способно стереть истину положительного явления. Те же комментарии можно сделать и по поводу других атрибутов национального государства (флаг, гимн, нация, история). Символы, конечно же, занимают важное место в коммуникациях, пояснениях. Но то, что они представлены в виде священных реалий, не дает возможности получения правильных социологических знаний. Такое представление символов ставит перед обществом, которое они должны сформировать, огромные проблемы — во многом уже поставило. Здесь в основном ответственна логика строительства, обнаруживающая собственную проблематичность. Национальные государства мира и региона, определенные в соответствии с исключительно гегемонистскими интересами современного капитализма (такова его логика), совершенно не совпадают с истинами местности, региона, нации, города, села (все они являются постоянными и универсальными реалиями). Стало быть, между ними неизбежны серьезные противоречия и конфликты. Поскольку отсутствует фундамент справедливости, свободы и демократии, всегда будут столкновения и противоречия с содержанием этих универсальных концепций.

Сам собой напрашивается вывод: литература последних двух столетий, имеющая отношение к национальному государству, выражает лишь очень малую часть истины. Не исключено, что мы имеем дело с мифологическими повествованиями, которые, возможно, содержат меньше смысла, нежели мифы древности, в которых смысл особого значения не имеет. По моему мнению, ценность чернил, потраченных на одно национальное государство, выше всех национальных государств. Вывод, который можно сделать из моих рассуждений, не должен подразумевать, что я полностью отрицаю государство и нацию, считая их существование бесполезным. Государство и нация, как действительность, обладают очень важным смыслом. Важен их правильный анализ. Это не те ценности, которые немедленно распадутся или должны распасться. Мы считаем опасными не их, а логику строительства и стиль существования национального государства, потому что это постоянно ассоциируется с войной, геноцидом и несчастьем; с притуплением социальных истин и чрезмерным возвышением того, что совсем не имеет ценности.

У капитализма как системы нет никаких достоинств, которые он мог бы положительно спроецировать на культуры Ближнего и Среднего Востока. Аналогичная ситуация наблюдалась на протяжении тысячелетий. Аграрный, торговый, финансовый, промышленный капитализм имеет самую длительную историю и уже существовал в регионе. В культурных традициях региона была осуществлена оценка нравственного и политического общества. Вероятно, промышленный переворот и мог бы внести какую-то лепту, но обретение им идеологического фона в виде индустриализма еще на заре рождения способствовало фиксации промышленного переворота в качестве определенного упадка. Последствия, порожденные индустриализмом в культуре Ближнего и Среднего Востока, выразились в усугублении негатива, в который превратилась окружающая среда, которая, однако, еле сохранилась. Впрочем, с момента проявления индустриализма и по сей день регион возрастает темпами изрыгает все отрицательные последствия

опустынивания, засухи, безработицы, загрязнения (воздуха, воды, земли).

Оценка «нового ислама», который развивается не столько как традиция, сколько как явление современности последних двух столетий, была бы более значимой в свете национального государства. Ключевое значение имеет осознание того, что в данном случае ислам был построен не как религиозная традиция, а как национализм. Это прототип регионального национализма, несущий на себе клеймо ориентализма, изобретение ориенталистов, не имеющее никакого отношения к жизни по канонам ислама, тесно связанное с распространением в регионе сил европейской, в частности, немецкой гегемонии. Существует также связь с противостоянием США и Советского Союза последнего периода. Очень важно понять, что изобретенный политический ислам не имеет никакого отношения к традиционной исламской культуре и что такая разновидность ислама является национализмом. Его цель заключается в раздроблении культурной борьбы региона и ослаблении его.

Политический ислам — это националистическая идеология, маскирующая олигархов национального государства последних двух столетий. В очень яркой форме подтверждает это Исламская Республика Иран. Шиитский ислам от начала и до конца является иранским национализмом, это гегемонистская идеология имперской традиции Ирана. Однако как оригинальная культура и история ислам очень важен и имеет совершенно иной характер. Не поняв ислам в этой его ипостаси, невозможно понять и культуру Ближнего и Среднего Востока, дифференцировать ее и сделать предметом некоторых рассуждений. Ислам — это величественная река культуры, которая требует раскрытия. В частности, необходимо повторное написание истории, которая, начиная с пророка Мухаммеда до наших дней, отделяла бы ислам как демократический фактор, от ислама, являющегося фактором власти. Это будет история народов, периферий и регионов. Очень высока и однозначна ценность социальной истории, способной при помощи данной парадигмы пролить свет на нашу современность. Аналогичные комментарии, развивае-

мые применительно к иудаизму, христианству и зороастризму (очень важны также синтезы типа манихейства), помогут как нельзя лучше понять культуру Ближнего и Среднего Востока и обогатят ее.

Ключевое значение для культурного анализа имеют шумерские и египетские оригиналы. Доказано, что монотеистические религии, Священные Писания использовали эти оригиналы в качестве своих источников. Не разобравшись в историческом влиянии культуры неолитической эпохи, ставшей для всех материнским лоном, не удастся в достаточной мере осветить ни одну из культур. Гегель, анализируя культуру своего времени, доходит в плане первоисточников только до античной и египетской культур, которые в тот период ограничено упоминались. Изучая и комментируя историю культуры, обратим внимание на эпоху Ренессанса. В культурной действительности Ближнего и Среднего Востока эта задача еще не была выполнена. Пояснения ограничивались религиозными и националистическими взглядами на историю и догмами. Насколько важно провести социологический анализ культуры Ближнего и Среднего Востока, настолько же важное значение обретет вклад полученных результатов в социологическую науку.

Если критика национального государства как идеологического образования очень важна, то намного важнее умение представить альтернативу этому явлению. В любом случае, развивая какую-либо альтернативу, надо иметь в виду, что одним из необходимых основополагающих принципов является культурное единство. Во всех исторических эпохах на протяжении более пятнадцати тысячелетий наблюдается развитие социальной культуры как тесного единого переплетения. Состояние развития как единого целого действительно для всех сфер общества. В связи с этим второй принцип заключается в развитии моделей решения в границах мировоззрения открытой и гибкой культурной идентичности. Ассимиляционная политика национального государства, не обладающая идентичностью, способной объединить общество снизу и сверху, выступающая против интеграции, может быть нейтрализована только при помощи

открытого и гибкого мировоззрения культурной идентичности. В связи с культурными реалиями принципиальное значение имеют модели, не противостоящие истине, выходящие за границы догм национального государства. Чем сильнее выход за пределы национального государства в плане идеологии и структуры, тем большее влияние будут иметь модели решения на базе культурного единства. Как в реальности, так и в истине, акцент должен быть направлен на отчуждающее, монополистское влияние современности, навязываемого на почве противостояния культуре региона. В таком случае третьим принципом должно стать развитие стиля выражения, повествования как истины на почве преследования и нейтрализации символизма национального государства, стоящего вне истины. Против монополизма, построенного на трех краеугольных опорах капиталистической современности, основным действием должно стать объединение, интеграция, развиваемые на базе трех основных элементов демократической современности. Отчуждение, раздробление и рассеивание, навязываемые культуре региона на протяжении всей истории цивилизации, но более всего в течение последних двух столетий, могут быть нейтрализованы только объединяющими усилиями и высказываниями — истиной.

Попытаемся в изложении демократической политической программы резюмировать рассуждения и анализ, касающиеся культуры Ближнего и Среднего Востока.

1. В качестве организации, цементирующей культурное единство, должна быть построена Конфедерация демократических наций Ближнего и Среднего Востока. Создание демократических наций не должно быть привязано к существующим границам национальных государств. Но гораздо важнее то, что у демократических наций не может быть четко прочерченных границ. Это могут быть регионы, периферии, города и села с компактным проживанием людей одной нации, но могут быть и многонациональные, смешанные регионы, периферии, города и села. Это — нормальное явление. История знала бесчисленное множество регионов и городов, в которых тесно сосуще-

ствовали родо-племенные структуры, религии и конфессии. Незря в истории повествуется о Вавилоне, где сошлись семьдесят два народа, — он мог быть общей родиной наций. История полна примеров такой действительности. Более того, понятия «чистое общество» и «чистая нация» совершенно ненаучны. Несомненно, наряду с нациями, говорящими на одном языке, могут быть и нации, говорящие на разных языках. Немало примеров, касающихся наций, обладающих большим количеством символов. Только одна модель не имеет исторических примеров — это монополизм, однородное национальное государство. Нечеловеческий и дикий характер этой модели мы обсудили в комплексе с его причинами. Так, конфедерация демократических наций, основанная на открытых для диалога и гибких национальных идентичностях, не останавливается просто на соответствии историческим и социальным реалиям, а является их идеальным выражением. Конфедерацию надо рассматривать не как союз государств, а как совокупность демократических общинных единиц. Демократические общины должны быть задуманы как управление входящими в них национальными социальными единицами. Их формирование несет в себе привилегию наилучшего применения демократических принципов. Это великолепный пример демократического управления обществом.

Нации, входящие в конфедерацию, создаются не силой власти и государства, а при помощи демократических принципов и мер. Национальное строительство, основанное на силе, в частности, на силе власти и государства, как бы оно ни было идеализировано, осуществляется не в интересах самих наций, а в угоду эгоистическим интересам олигархической верхушки. Национальное созидание, основанное на демократии, будучи добровольным, справедливым и связанным с идеалами свободы, отвечает интересам всей нации.

Концепция и реалии демократической нации являются выражением наиболее разумного общества будущего, живущего в мире, справедливости и свободе, в противовес ярости национального государства.

Демократическая конфедерация открыта и для таких конфедеративных союзов, которые крупнее ее самой, и для таких, которые меньше нее. Она стимулирует возникновение демократических конфедераций континентального и мирового масштаба. Демократическая конфедерация объявляет не только о возможности существования другого мира, но о том, что она сама является самым реальным, справедливым и свободным миром.

2. Общество, на котором основывается демократическая конфедерация, — это экономическое и экологическое общество. Его экономический характер означает признание рынка и отторжение монополизма. Монополизм отвергается, потому что связан со всякого рода эксплуатацией и гнетом. Существование общественного рынка возможно, но рынок, попавший под влияние монополий, не может служить обществу — он служит только эксплуатации. Экологический характер общества означает состояние взаимной связи между экономической жизнедеятельностью и окружающей средой. Экономика, которая не является экологической, не может быть общественной. Деятельность, направленная только на постоянное извлечение и накопление прибыли, является антиподом экономики и экологии окружающей среды.

Единицами измерения экономики являются общины. Это не собственность в первую очередь на землю и другие средства производства, поделенные вплоть до семей, и не такая экономика, где, напротив, установлена собственность монополий на землю и средства производства. Это все — средства современности и цивилизации, угрожающие экономике. Идеальным является общинное использование земли и средств производства с максимальной рентабельностью и пользой в каждой сфере экономической деятельности. Женщина, выдворенная из экономики, на самом деле является, в сущности, созидателем экономики. Женщина и экономика — это два неотделимых друг от друга фактора. Поскольку хозяйство создано ею для удовлетворения основных экономических потребностей, оно не знает кризисов, не загрязняет окружающую среду, не угрожает климату. Когда бу-

дет положен конец производству во имя прибыли, это действительно станет не только началом спасения мира, но и спасением человека и жизни.

3. Взаимоотношения демократической конфедерации с национальными государствами — это ни война до конца, ни ассимиляция внутри государства. Данные взаимоотношения являются принципиальными отношениями, основанными на взаимном признании двумя субъектами законности друг друга и их мирном сосуществовании. Как бы революции ни свергали одни государства и ни создавали новые под лозунгами служения идеалам свободы и справедливости, это не приведет ни к каким переменам. Только процессы демократического конфедеративного характера, являющиеся политической платформой демократической современности, обладают способностью обеспечить краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный процессы, приводящие к справедливости и свободе.

Полное отрицание или признание государств не может служить целям свободы, равенства и демократии. Преодоление модели государства, в частности, национального государства — это целый процесс. Такое преодоление произойдет само по себе, по мере того, как демократические конфедерации добьются признания своего превосходства и конструктивных способностей для решения социальных проблем. Это отнюдь не означает, что они останутся беззащитными перед агрессией капиталистической современности в первую очередь национального государства. Демократические конфедерации всегда будут обладать силой, необходимой для защиты общества.

Демократические конфедерации не могут ограничиваться организацией только лишь в пределах одного государства и могут по своему усмотрению создавать организации за его пределами, формировать высшие конфедеративные союзы и иметь собственную дипломатию.

4. Для прекращения войн, многочисленных конфликтов и напряженности, которые по сей день продолжаются на Ближнем и Среднем Востоке и вызваны общественно-исторической несправедливостью, возможностью решения является

демократическая конфедерация. Путь решения, предлагаемый демократической конфедерацией против препятствий, чинимых капиталистической современностью и национальным государством, которые несут основную ответственность, — это путь мира, справедливости и свободы. Необходимо приложить огромные усилия, чтобы прежде всего остановить войны и конфликты, нейтрализовать напряженность и исправить историческую несправедливость. Обязательной является актуализация процессов демократического решения, не основанных на принципах и мерах национального государства. Для решения армянской проблемы недостаточно просто открытия границ, армяне должны иметь право на демократические общинные поселения, и это может быть упрощено. Необходимо также брать за основу те же принципы и меры, необходимые для ассирийцев, алевитов, понтийских греков, турок, курдов, арабов, других христиан и иудеев. Если национальное государство проявит настойчивость в осуществлении своих методов, неизбежным окажется продолжение войн между Израилем и Палестиной, иракскими курдами, шиитами и суннитами, стычки в Кашмире, с берберами, между Пакистаном и Афганистаном, в Белуджистане, Курдистане, Ливане, Судане и многих других регионах. Именно поэтому возникает острая необходимость в демократических конфедеративных образованиях. Демократическое урегулирование, достигнутое в какой-либо горячей точке региона, по цепной реакции может быть распространено во все сферы, являющиеся проблематичными. Именно поэтому будущее Ближнего и Среднего Востока — это демократическая конфедерация.

5. Движения, направленные против системы, нуждаются в переоценке ценностей и пересмотре своих позиций. Если где-то проблемы дошли до крайней точки, а движения не являются конструктивными, то проблемы не решатся, даже если распадется система.

Движения, имеющие отношение к проблемам женщин и окружающей среды, не преодолев влияния современности, не смогут последовательно идти к цели. Условием последовательности и

успеха является преданность этих движений целостности демократических социальных движений.

Если левые движения, являющиеся результатом прежних процессов стран бывшего социалистического лагеря, выйдя за рамки государственных структур, превратятся в организации демократического типа, это окажется правильным выходом. Привязка синдикальных и партийных движений к целостности демократического общественного движения, освобождение их от узкого экономизма являются потребностью их скачка и успеха.

Условием успешных выступлений других традиционистских, культуралистских, местных, региональных и национальных движений является изменение структур различной концептуальной, теоретической и структурной направленности и способов выражения истины посредством единения с теоретическими и структурными элементами демократической современности. Новый интернационализм возможен только путем преодоления современного капитализма, в частности, национального государства.

6. Идеологические и политические течения, противодействующие современному капитализму, должны основываться на деятельности социальной науки, превзошедшей позитивистскую социологию. Позитивистская социология является одним из монополистских партнеров гегемонистского роста современного капитализма. Плоды положительных и очень достойных усилий процесса полностью вложены в монополии капитала и власти в качестве соглашательского взноса, став их партнерами. Сутью деятельности новой социологии является разрушение монополии науки, поставленной на службу системе, получение положительного наследия и выдвижение в форме истин после синтеза, путем критики конкретных обстоятельств. Любая идеологическая, политическая и экономическая деятельность, противостоящая системе, взяв за основу эти действия, может успешно продолжить развитие. В качестве основных подразделений деятельности социальной науки создаются академии и институты. Эти структуры по необходимости учреждаются

в сферах любых общественных отношений. Идеологическое течение можно охарактеризовать как деятельность по адаптации знаний, прошедших через структурный процесс, во все социальные сферы. В культуре Ближнего и Среднего Востока имеет богатое наследие и опыт. Периоды первичного распространения религий, создание сект и конфессий отражают эту деятельность.

Современное гражданское общество можно считать примером этой деятельности, пусть и недостаточным. Феминизм, как значительное движение гражданского общества, в основном является идеологическим движением и зиждется на научной основе. Но общество сексизма, в котором господствует мужчина и которое базируется на огромной силе иерархии, власти и государства, направленной преимущественно против женщины, часто сталкивается с бессилием и безрезультатностью в плане представления моделей решения и урегулирования и в конкретизации этих усилий на примере своей жизнедеятельности. Без ярких личностей женщинам, ведущим борьбу за свободу, крайне тяжело добиться успеха. Их ограниченные успехи ассимилируются ежедневными и очень емкими действиями сексистского общества. Более того, неизбежным является создание идеологических, политических, экономических общин, осевым стержнем которых является свобода женщины.

При демократизации культуры Ближнего и Среднего Востока основой успеха является рассмотрение гражданского общества почти как рода и клана нового периода и проявление того же подхода в отношении религиозных традиций. При необходимости социальная наука объединяется с их наследием, словно напоминая жизнь кланов, племен, конфессий, сект и религиозных институтов. При необходимости для достижения успеха важным является самоорганизация и деятельность по аналогии с ними.

Несмотря на то что политические течения и движения отличаются от идеологических течений и движений, между ними существует и должна существовать тесная связь. Политические течения, не имеющие идеологической ценности, вообще не об-

ладают ценностью как таковой, равно как идеологические течения, не отражающиеся на политической действительности, не могут быть спроецированы на достойном уровне. Основной целью идеологической борьбы является развитие нравственного и политического общества. Развитие нравственного и политического общества возможно только при помощи идеологических акций, основанных на социальной науке. Точнее, нравственная и политическая активность не может развиваться без социологии. Перед угрозой монополий власти и капитала можно защитить общество только при помощи идеологических и политических акций, основанных на социологии. До тех пор, пока не будет извлечен урок из иерархического, авторитарного и этатического наследия культуры Ближнего и Среднего Востока, пока против актуальных реалий не будет выдвинуто идеологическое и политическое выступление, доведенное до состояния ежедневной жизнедеятельности, невозможно будет обеспечить ее демократизацию.

7. Монополистические силы Европы, являющейся центром гегемонии современного капитализма, на почве уроков, полученных от войн, конфликты и напряженности, длившихся на протяжении пяти столетий со второй половины XX века, приступили к кардинальному реформированию собственной структуры. ЕС (Евросоюз) является итогом этих реформ. Их целью было не преодоление засилья современного капитализма, а его превращение в более жизнеспособную систему, которая могла бы продолжить свое существование. В культуре Ближнего и Среднего Востока демократизация под влиянием этих реформ представляется с трудом. На волне наиболее отрицательных последствий монополизма современности затянет культуру региона в обстановку еще большего противоречия, столкновений и войн. От этого можно спастись только при помощи такой альтернативной современности, которая была бы более глубоким, нежели мировоззрение и структура существующей современности. Демократическая современность зародилась на почве этой глубокой исторической потребности. Демократическая современность, противостоящая капитализму, индустриализму и

национальному государству при помощи идей экономического общества, экологического общества и демократической конфедерации, является основным фактором демократизации культуры Ближнего и Среднего Востока. Силы демократической современности, экономическое общество, экологическое общество и демократическое национальное общество, образующие с противниками современности такие факторы, как сельское общество, кочевые племена, ремесленники и противники рабства, занимающие позиции, прямо противоположные господствующей цивилизации, на основании революции и реформаторских усилий при помощи длительной борьбы смогут доказать свое превосходство над тремя элементами современного капитализма.

Было бы неправильно утверждать, что между двумя различными и противоречивыми тенденциями современности постоянно будут война или мир. Революции и реформы, а также их противоборствующие действия могут развиваться как в условиях войны и конфликтов, так и в условиях мира и согласия. Современности — это институты со сложными взаимоотношениями и противоречиями, открытые как для яростных войн друг с другом, так и для согласия и мирных процессов. Их позиции, составляющие альтернативу друг другу, не могут быть реализованы путем перемен в процессе усовершенствования систем, происходящего при помощи ежедневных событий и политики, которые они обозначают такими понятиями, как «краткие» и «длительные» сроки. Такого рода кардинальные изменения могут быть следствием длительных структурных, систематических кризисов. Борьба между цивилизациями и современностями и их стремление создавать альтернативы, длящиеся на протяжении пяти тысячелетий, пяти столетий, двух столетий, являются такими процессами, которые и по сей день продолжают со всей своей скоростью. В культурной сфере Ближнего и Среднего Востока, как и во всех мировых сферах, на основе образа жизни и деятельности, обуславливающего краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные альтернативы, на базе организованности, понимания действий (стратегии) и применения (тактики), засилье современного ка-

питализма будет преодолено, ценности демократической современности воплотятся и обретут смысл как главенствующая эпоха.

Именно так я завершаю раздел моей Защитной речи, посвященный Ближнему и Среднему Востоку. Этот раздел составляет четвертый большой том. Последний том будет содержать «**Проблемы цивилизации и современности в Курдистане**» и вместе с этим модели решения. Я уверен в необходимости таких многотомных пояснений, помогающих понять ситуацию человека, которого, как меня, преследуют и хотят осудить. Если индивид, как мгновение, является пересечением истории и общества, то его умение правильно выразить себя и защищать станет свободным шагом истории и общества.

04.08.2009

АБДУЛЛА ОДЖАЛАН

Тюрьма для одного узника в Имрали

Историко-философское издание

Оджалан Абдулла

Книга 4

**КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
И РЕШЕНИЕ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Редактор *Мамед Мустафаев*
Перевод с турецкого *Яков Балаян*
Макет *Виктория Челядинова*
Корректор *Екатерина Маркелова*